

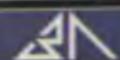

**ЗДУАРД
ГЕВОРКЯН**

**ТЕМНАЯ
ГОРА**

**ТЕМНАЯ
ГОРА**

**ЗДУАРД
ГЕВОРКЯН**

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й

Л А Б И Р И Н Т

ЛАБИРИНТ

ЗВЕЗДНЫЙ

**ЭДУАРД
ГЕВОРКЯН**

**ТЕМНАЯ
ГОРА**

ИЗДАТЕЛЬСТВО **АС** * МОСКВА

1999

Серия основана в 1997 году

Серийное оформление А.А. Кудрявцева

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Александра Корженевского.*

Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Геворкян Э.

Г27 Темная гора: Роман. — М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. — 448 с. — (Звездный лабиринт).

ISBN 5-237-03558-2

Тогда... много тысяч лет назад величайший из героев Эллады повстречал в своих странствиях Темную Гору могущественной, таинственной расы — расы, которую могли бы назвать атлантами, но не назвали.

Сейчас... человечество обитает в симбиозе с пришельцами — Менторами. Сейчас покоряют Вселенную не звездолеты, но пирамиды, машины пространства. Сейчас — все по-другому, все не так.

Что-то странное случилось ТОГДА... что-то, что, случившись, изменило СЕЙЧАС. И все пошло не как ДОЛЖНО БЫЛО БЫТЬ, но как МОГЛО БЫ БЫТЬ.

© Геворкян Э., 1999

© ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999

Глава первая

Анналы Таркоса

Вспешке мы покидали негостеприимный мир Воителя. Наше отбытие походило на бегство — с лязгом упали заслонки на смотровые щели перископов, взвыли двигатели камор совмещения и с грохотом закрылись створки, едва только успели втянуть пандус.

Не помню точно, сколько дней мы провели здесь, исследуя земли, что раскинулись под лучами пурпурного светила. Ничто поначалу не предвещало такого исхода. Шла обычная работа: ученые собирали образцы всего, что привлекало их внимание, я проверял тяги и балансиры, остальным тоже хватало дел.

Местные обитатели — огромные бесформенные туши — медленно перекатывались в долинах между холмами, выедавая широкие полосы в плотном травяном ковре. Были у этих мясных гор мозги или нет — выяснить мы не успели — у них началась пора брачных игр.

Много удивительных и странных миров я посетил, с тех пор как стал механиком звездной машины «Парис», немало забавных и отвратительных существ повидал, но такое буйство плоти повергло меня в ужас.

Они парами сползались в ложбины и там сливались воедино в гигантские шары с многочисленны-

ми щупальцами-отростками. Бесчисленными змеями тянулись эти щупальца друг к другу, сплетаясь и расплетаясь. Ученых это зрелище привело в восторг, но соратники сразу же почуяли неладное и вернулись в машину, а за ними последовали наблюдатели-зорapterы.

Шум и крики привлекли мое внимание, я выбрался к пандусу и увидел кожистые пузыри величиной с многоярусный дом. Выпирающие из них отростки покрылись шипами. Я успел лишь спросить — что происходит — как все кончилось. Вернее — началось!

Беззвучно лопнули шары, на их месте образовались черные озерца. В следующий миг они взбурлили, ударили фонтанами во все стороны и потекли маслянистыми потоками, стремительно разбухая. Растаяли полупрозрачные ветки кустарника, исчезли синие гроздья мшаника на серебристом песке, сгнула красная трава — все залила булькающая и пузырящаяся жижа.

Кто-то из ученых пробормотал, что скоро все вернется в первоначальное состояние. На него посмотрели как на безумца: волны черного прилива накатывали на пологие холмы, все, что росло и двигалось, было поглощено разнузданной плотью, и на наших глазах от горизонта до горизонта разлился океан тьмы.

Черная слизь облепила скалу, на которой разместился наш лагерь. Казалось, еще миг — и она разъест каменные глыбы, а потом ворвется в звездную машину, пожирая всех...

И тогда страх обратил нас в бегство. Оси соположенных камор были совмещены с непристойной поспешностью, а балансиры не все закреплены. Вот потому при возвращении нас так потрянуло, что я приложился лбом к распорке.

Когда мы вышли из «Париса», многие из людей благодарственно обратили ладони к небесам.

В Микенах был вечер: облака уже налились лиловым, а внизу, в долине, светятся городские огни. Позолоченные купола академии Бероэса отсвечивают угасающим солнцем, их теплое сияние перечеркнуто канатами подвесных дорог. Свободные гондолы ждали нас, но по традиции мы не торопясь сойдем по мощеным улицам, посидим немного на широких ступенях у памятника Первому Ментору, а уж потом разойдемся по домам. Тем, кто ходит к звездам, недостойно спешить и суетиться на родной земле.

За нашими спинами — остроконечные громады звездных машин. Слабый drobный стук означал, что разгрузка идет вовсю. Ветер дул с моря, но и он пах корицей. Пряный и немного едкий запах смывки исходил отовсюду. Казалось, не только одеяния, но и поры наши сочились ароматами очистительных ванн. Когда я вернусь домой, Бубастис, старый кот, опять недовольно поведет носом, но не поднимется со своей подушки, жена проведет пальцем по моей скрипящей от чистоты коже, обнимет, но после вечерней трапезы, перед тем как пройти к ложу, все-таки опрыскает меня благовониями. А дети, Сет и Ашок, будут скакать вокруг, распевая дразнилку про пахучего слона, и наперебой требовать подарков.

С подарками приходилось хитрить. Все, что бралось на мирах, выносить из хранилищ запрещалось на строго. Даже камешка нельзя принести домой. Кто знает, какие хвори могли затаиться в мельчайших трещинках, недоступных смывке! Поэтому я загодя набрал на рынках Картаггана раскрашенных галек и

кусочков смальты да разорился немного на пару хараппских резных амулетов. Перед сном опять буду рассказывать о подвигах отважного папочки, который ради того, чтобы порадовать своих сынов, бесстрашно проникал в заброшенные города и откалывал от загадочных изваяний кусочки на память...

У них глаза разгораются, засыпают с трудом, а снятся им, наверное, далекие неведомые миры, страшные чудовища и отважные путешественники, такие же храбрые и непобедимые, как их отец. Знали бы детки, что нет на далеких мирах ни городов чуждых, ни обитателей таинственных и злобных... Почти все иные земли безжизненны и пустынно, и лишь кое-где встречаются растения и животные; глупые и бессловесные, но очень порой опасные! Знали бы детки, что их папочка очередной мир порой даже разглядеть не успевает, поскольку хлопот ему хватает по самый кадык — надо следить, чтобы поворотные механизмы камор были в порядке, а для этого сцепные зубчатые колеса и суставчатые рычаги должны постоянно смазываться, а еще надо присматривать за охлаждением медных проводов, идущих от накопительных чанов к гудящим цилиндрам двигателей. Шесть искусных помощников под моим началом, а все равно не хватает рук. Соратники избегают металлических устройств, откровенно побаиваясь холодной стали, теплой бронзы и сияющего орихалка. Ну а те, которые не боятся, — бестолковые, в машинное помещение их пускать нельзя — затянет, раздавит...

Каменные ступени местами были огорожены, там родосские каменотесы заменяли плиты красного и белого мрамора, выщербленные и стертые чуть ли не на-

сквозь бесчисленными ногами. Рядом с мастерами ползали некрупные соратники, выделяя на стыки клейкие нити.

Неторопливый разговор увял. Вот Демен поднялся с места, кивнул всем и пошел в сторону Гончарной, уворачиваясь от тележек разносчиков пива. Потом ушли Артак и Чень, а за ними потянулись другие. Остались только я и Варсак. Сердцем я уже был дома, на улице Львиных Ворот, только вот бессемейному Варсаку спешить некуда.

— Ну пошли к нам, что ли, — как всегда, пригласил я, вставая со ступеней.

Но он пообещал навестить мое семейство завтра. Однако вместо того, чтобы распрощаться и сразу уйти, стал многословно объяснять, что, мол, немного надо отдохнуть, прийти в себя после трудной работы, да и еще много всяких дел...

Глаза при этом он отводил в сторону, что было совершенно не похоже на прямодушного Варсака.

— Что с тобой? — спросил я его.

Он замолчал и снова опустился на каменную плиту.

— Мне предлагают хорошее место, — сказал он наконец. — Приличное жалованье, славная работа...

Теперь уже надолго замолчал я.

Вечерняя жизнь Микен бурлила на площадях и улицах. Крики зазывал, песни бродячих аэдов, застольные речи под большими полосатыми навесами, которые тянулись вдоль стены из огромных глыб, во времена незапамятные окружающих лабиринт древнего городского ристалища... В лавках, приютившихся в проломах стены, бойко шла торговля ночным товаром: звенело стекло бутылки, выпавшей из руки пьянчужки, трещали цикады в маленьких серебряных клетках — их раз-

бирали любовные пары, в дальнем углу полог словно озаряло молниями — там торговали новинкой, пользующейся успехом у богатых домовладельцев и праздных заморских гостей, — светильниками наподобие тех, что мы используем на темных мирах, только небольшими и быстро приходящими в негодность из-за почти сразу сгорающих угольных стержней. Недавно я подарил жене такой — хватило только на время ужина. На звездных машинах светильники заключены в толстые стеклянные сосуды, из которых выкачан воздух. Молния, идущая из накопительных чанов, там бьется не меж угольных стержней, а заключена в тонкую паутину из тайного сплава. Во время похода Варсак и его подручные следили за тем, чтобы пища невидимым соратникам поступала в накопительные чаны вовремя и правильно, а медные и железные пластины заменялись по мере истончения. Но кто же теперь заступит на его место?

— Что за работа такая? — спросил я. — Почему глаза прячешь, будто тебя в позорные деревни ссылают?

— Скажешь тоже! — Варсак в сердцах сплюнул. — Меня берут в гоплиты, в Черную фалангу. На днях отбываю в Мемфис.

Я присвистнул. Не ожидал такой прыти от него. Ай да Варсак-простак! Не иначе, как его соплеменники устроили. Работа ему предстоит, что говорить, тяжелая, но если жив останется, то может перейти в касту воинов.

— Так тем более пошли ко мне, а то жена не простит, что прощаться не привел. Отпразднуем...

— Успею еще попрощаться, вот завтра и зайду, а сейчас сил нет, да и несет от меня!

— Я тоже не фиалками пахну!

Мы встали с широких каменных ступеней и пересекли площадь, выйдя к переулку Медников. Уличные фонари уже светили ровным желтым светом. Где-то далеко над морем полыхали зарницы, в их бледных вспышках темными иглами проступали острые шпили башен — жилищ ночных и дневных соратников.

По дороге Варсак признался, что еще перед нашим походом на мир Воителя он встретил дальнего родственника, тот и познакомил с одним важным лицом из герусии, ну а последний обещал внести его имя в нужный список взамен своего увечного сына. И внес.

— Откуда только у тебя родственники берутся! — воскликнул я. — Ты же недавно говорил, что родных и близких на тысячи стадий вокруг нет!

— Я тоже так думал, а оказалось — есть, — ответил Варсак.

Он мне как-то рассказал о своей родне. Две или три дюжины лет назад почти вся его родня жила в небольшом поселке где-то в Двуречье. Потом всем поселком они переселились аж за край света, а точнее — в Восточную Гиперборею, соблазнившись большими земельными наделами и освобождением от налогов на дюжину дюжин лет. А еще задолго до того на те края упал большой небесный камень. Столичный город Тангас Ка разнесло в пыль. Людей и соратников побил без счета. Переселенцам там живется вольготно, они прижились на новом месте, пустили корни. Повезло им, жребий мог выпасть и на заселяемый мир. Звали Варсака к себе, да только скучно ему в земле ковыряться. В гости однажды съездил. Рассказывал, что леса там густые, дикие, охотиться можно, не рискуя нарваться на укоризненный взгляд блюстителя жизни. Правда, в последние годы беглые

чинцы стали пошаливать на дальних границах, были случаи угона оленей, а близ озера Байгабаала чуть до смертоубийств не дошло, менторы вовремя вмешались, вправили мозги...

Варсак родню свою не забывал, но когда моя жена все пыталась его, почему родители ему хорошую девушку не сосватают, отшучивался и говорил, что хороших девушек надо беречь для обстоятельных домоседов, а ему вполне хватает толстозадых шлюх, потому что семейная жизнь для него вроде как ромашка для соратников.

Что ж, теперь, если удача не оставит его, путь в касту воинов ему открыт. Нос от меня и семейства моего воротить он, конечно, не станет, да только у него новые знакомые появятся, к тому же гоплиты редко покидают свои лагеря.

Проводив меня до перекрестка Трех Фонтанов, Варсак махнул рукой, прощаясь, и свернул вниз, к большим коробкам многоярусных домов для бессемейных и малоимущих, откуда доносилась разудалая музыка вперемешку с женским визгом и хохотом. Он шел, не оборачиваясь, и вскоре исчез в темной аллее. А я поспешил к своему дому.

Как славно после тяжелой работы упасть в свое любимое сиденье и откинуться головой на мягкую подушку, расшитую желтыми и пурпурными цветами. Жена подносит охлажденное питье, Бубастис трется о ноги и мурчит, что твой двигатель, сыновья скачут во круг и требуют подарков, а из кухни плывет аромат шипящего на вертеле большого куска рощеного мяса, нашпигованного солеными каперсами да основательно натертого чесноком и базиликом... Я представил

себе, как ворчит, расставляя посуду, старая Нефер, которая прислуживала еще моему отцу и отцу моего отца, как вносят блюда с овощами и крепко наперченным рыбным супом, в животе у меня заурчало, и я прибавил ходу.

Миновав фонтаны, я подошел к ограде моего дома. Окна второго яруса темны, значит, дети спят, а в людской горит, как положено, свет. Мне по средствам иметь привратника, но чин не позволяет. Если через пару лет, к сорока годам выслужусь до кибернейоса группы, тогда можно будет держать и привратника, и носильщиков. По мне — сидел бы дома да жирок нагуливал — только домоседу чинов не видать. А значит, и дом плохонький полагается в Старых Микенах, далеко от моря, прислуги никакой — разве каких увечных выделяют, а стоящую изымут, даром что кое-кто в семье нашей вырос. Не для того мои служилые предки горбатились, чтобы я на ветер пустил достояние рода!

Неладное я заподозрил, обнаружив, что двери не заперты. Быстро прошел в гостиную залу и увидел в слабом свете уличного фонаря, что дом мой пуст! Пропал большой дубовый стол, исчезли скамьи, крытые цветными покрывалами, а там, где стояло мое любимое кресло, — темная плешь каменных плит... Пропало все: вазы с цветами и стойки с праздничной посудой, светильники в углах и ковры на стенах, — словно ловкие воры пробрались в дом и не спеша очистили его до голых стен, забрав даже подушку Бубастиса. Страх обуял меня, когда я подумал о жене моей, благонаравой Феано, и о детях. Но только я направился к спальням, как из арки, ведущей во внутренние покои, появились какие-то люди. В руках одного из незваных гостей был светильник, и я разглядел шитый золотыми нитями

знак паутины на головной повязке. Не знаю, что меня напугало больше — внезапное опустошение моего жилья или неожиданное появление служителей Дома Лазарис...

В лунном свете мраморная колоннада выглядела зловеще, словно огромные свечи из белого сала подпирали ребристый потолок, грозящий смять их своей тяжестью, раздавить, размазать по полу. Меня торопливо влекли мимо высокой стены, с двух сторон учтиво, но крепко придерживая за локти. Впереди шел высокий чинец, тот самый, чья головная повязка ввергла меня в ужас. Я не знал за собой проступков, требующих к моей не столь значительной особе внимания таких высоких лиц, озабоченных безопасностью Трояды. Возможно, недоразумение или навет, но и тени сомнения хватит, чтобы меня раздавили, как свечу.

Колоннада вела к многоярусной башне на скале Сераписа. Говорят, в ясную погоду из ее верхних смотровых щелей можно разглядеть африканские берега. Вряд ли служители Высокого Дома предаются столь бесполезному занятию. Их долг — всматриваться в сердца людей и пресекать дурное, непотребное, злое... Но сердце мое чисто, ни в чем я не повинен, твердил я себе и гнал прочь шальную мысль вырваться, проскочить сквозь темный боковой проем к берегу и уйти вплавь. Это была плохая мысль — ночью со скал можно совершить прыжок только к праотцам. Да и угловатая тень соратника, мелькнувшая в боковом проходе, подсказала мне, что выбраться отсюда без дозволения никому не удастся.

* * *

Решетчатый подъемник скрипел и дергался. Наверно, двигатели здесь старые или плохо отлаженные, да и шкивы смазать не мешает, тросы визжат...

Меня ввели в большую комнату, ярко освещенную мертвенным сиянием новых светильников. Старец в оранжевой тоге, восседавший на высоком стуле за круглым столом, заваленном бумагами и свитками, поднял глаза и вялым движением пальца отослал служителей. Указал мне на скамью напротив, а когда я опустился на нее, спросил тихо:

— Таркос, сын Эвтимена, назовешь ли сам причины, которые привели тебя к нам?

Я хотел сказать, что привели меня сюда не причины, а здоровенные служители, но смолчал. Хоть не было на нем знаков службы и лицо у него было доброе, мои шутки ему могли не понравиться. Да и хотел бы я посмотреть на того смельчака, кто осмелится здесь балагурить.

Выждав немного, старец опять спросил:

— Поклоняешься ли ты Будде всеблагому, а может, Сыну Гончара, что вылепил человека из глины? Ходишь ли ты в храм Митры или на капища иных богов?

— Нелегко мне ответить на твои вопросы, достойнейший, — ответил я, учтиво сводя ладони. — Судьба жены моей и детей больше волнует меня в столь позднее время, нежели вопросы веры. А что касается богов, то отец мой кадил Гефесту-кузнецу, покровителю нашего рода.

— Эх-хе-хе, хлопот с вами, неразумными, — закричал старец и, поднявшись с места, звякнул в колокольчик. — Знаю я механиков звездных машин, все

вы безбожники! Ну идем, посмотрим, что за тобой числится...

И он заковылял к полкам, уставленным толстыми книгами и большими свитками, и даже не обернулся посмотреть, иду я за ним или нет. В арочном проеме возник соратник и последовал за нами длинным узким коридором, что открылся за неприметной дверью сбоку. Так мы шли — впереди шаркал старец, я же старался не наступить на края его тоги. Сзади неслышно перебирал своими шестью ногами крупный, размером с большую собаку, соратник. Его шипастые жвала были опущены, но я знал: одно неосторожное движение или беззвучная команда старца, как в тот же миг я лишусь ног или головы. Второе предпочтительнее, меньше мучиться.

Но я не безумец, чтобы в этих стенах угрожать кому-либо, тем более этому доброму старику. Что с него взять, мелкий служитель! Пустыми вопросами хотел меня смутить для строгости, а теперь препровождает к тому, кто разберется с недоразумением и велит отпустить. Проступков за мной нет, а потому скоро все разъяснится, я вернусь домой, а там все как прежде...

Коридор уходил все дальше и дальше, теряясь в полумраке, и с каждым шагом моя надежда на благополучное возвращение увядала, а страх рос.

Наконец мы остановились у двери, на которой были вырезаны три скорпиона один над другим. Соратник остался у входа, а мы оказались в комнате с низким потолком. Здесь были еще двери и отверстия в стенах, обитых тканью красного, а вернее даже — багряного цвета. Ох как не понравились мне эти стены! Сразу вспомнились слухи и неясные намеки на судьбу злодеев в узилищах Дома Лахезис. Доводилось мне общать-

ся по работе не раз и не два со служителями золотой паутины. Всякое бывало в наших походах — то исчезнет в чужих землях кто из людей, то машины без причины ломаются, и надо выяснить, нет ли здесь какого умысла безумного. Служители разговаривали с нами учтиво, кичливости не выказывали. Простодушный Демен спросил даже напрямик, правда ли, что у них в тайных подземельях имеются особо выращенные и на пытки натасканные соратники. Оба служителя долго и искренне смеялись, а отсмеявшись, пояснили, что лишь больные, то бишь безумные, могут зло творить, а больных лечить надлежит, а не пытаться. Один из служителей даже предложил Демену зайти к ним, посмотреть, но мой помощник вовремя спохватился, шутке улыбнулся и больше вопросов не задавал, но только потом весь день ходил скаля зубы — судорога у него случилась с большого перепуга.

Не к добру я вспомнил Демена, потому что как увидели нас служители, на которых золотого шитья было столько, что и смотреть-то страшно, так повскакали с мест и выстроились с поклоном вдоль стены. Тут я свой гиматий чуть не обмочил! Старичок-то вовсе не из мелких чинов, а из тех, кому дозволено вязать и разрешать.

Ноги мои подкосились, когда при ярком свете разглядел на его тоге маленький нагрудный знак с изображением бегущего огня. Хорошо, что высокочтимый старец уселся на скамью и мне кивнул, позволяя садиться. Служители по очереди подходили к нему и, склонясь к уху, шептали что-то. А я сидел недвижимо, глядел на кроваво-красные стены и кровь холодела в жилах. Тайному посланцу Высокого Дома Троады оборвать нить судьбы что мне, что благородному из

старших каст — все равно что гнилую леску в пыль растереть!

Дважды и трижды попрошался я с женой, сыновьями и домочадцами и стал уже прикидывать, кто из друзей поминальное слово скажет, а кто побоится. Тут одна из дверей приоткрылась и в комнату вошел еще один служитель в сопровождении двух зверовидных нукеров. А за ними появился Саптах, кибернейос нашей группы. Это так удивило меня, что я не сразу заметил, как согнулись все, кто был в комнате, а старец поднялся с места и замер в полупоклоне. Вот тут и я увидел, что на вошедшем тоже нет золотого шитья и, хоть он гораздо моложе меня, края его туники украшены черной бахромой, что указывало на царственного советника Высокого Дома.

Хотел я с места вскочить, до ноги отказали. Я лишь уставился в длинное лошадиное лицо советника, ожидая приговора. Саптах скосил на меня глаза и кивнул еле заметно, как бы подбадривая.

— Установлено и подтверждено, что это действительно Таркос, сын Эвтимена, — негромко сказал советник, обращаясь к старцу. — Дальнейшее вверяю тебе, высокочтимый Гупта. Совет разделяет твои опасения. Поторопись с доброй вестью. Доклад отошли на мое имя.

Советник прошествовал к двери и вышел, нукеры последовали за ним.

— Вот ведь как славно получается, — пробормотал высокочтимый Гупта. — Нам здесь в дерьме ковыряться, а какой-то сопливый столичный выскочка... — Он оборвал себя и, вздохнув, знаком велел мне следовать за ним и пошел к той двери, откуда появился Саптах.

В соседней комнате на длинных столах были разложены различные предметы. С краю лежал мой жезл механика с четырехгранным торцом, а рукоять жезла я сам обмотал витым многоцветным шнуром, чтобы ненароком пальцы не соскользнули, когда я этой вымбовкой поворачиваю конус тяги на должный угол. Здесь же был разложен и мой хитон из зеленого сукна — масляное пятно сбоку, похожее на бычью голову, — это как-то в спешке Демен промахнулся масленкой. Были и другие предметы, а на соседнем столе я увидел в прозрачных коробах камни, образцы растений и в плотно закупоренной стеклянной бутылки черную маслянистую жидкость, похожую на земляное масло. Хоть страх и мешал связно думать, однако я сообразил, что выставлена передо мной скудная наша добыча с мира Воителя.

— Дозволено ли мне удалиться? — услышал я робкий голос, который поначалу даже не узнал, потому что во время работы кибернейос если и снисходил до машинного отделения, то рычал и густым басом осыпал нас проклятиями за то, что мы якобы не проявляем должного рвения.

Высокочитимый Гупта дернул щекой и посмотрел на Саптаха как на вошь.

— Ты отвечаешь головой, что это действительно твой механик?

Саптах приблизился мелкими шажками и указал пальцем на мою рассеченную бровь.

— Даже если бы неведомые мне злодеи с неведомой мне целью подменили Таркоса, вряд ли бы они успели прознать о шраме, что у него появился сегодня!

— Складно излагаешь, — улыбаясь, прищурился высокочитимый, с интересом разглядывая мою бровь. — А что, если они твоего механика давно подменили?

На это наш кибернейос с достоинством ответил:

— Мне неизвестно, кто это «они», высокочтимый, и какая надобность в той подмене. Одно скажу — этот человек и есть Таркос, который сего дня вернулся со мной. А ежели его когда-то подменили, так на то и ваша служба, чтобы зло своевременно обнаружить и пресечь!

Один из служителей хмыкнул, но, поймав строгий взгляд Гупты, неодобрительно покачал головой.

— Проводите достойного в гостевые покои, — распорядился Гупта. — Пусть у нас побудет, пока не разберемся.

Саптах побледнел и молча удалился в сопровождении выползшего из отверстия соратника. Признаться, я недолюбливал нашего высокомерного кибернейоса, но после его ухода стало совсем худо, словно оборвалась последняя ниточка, связывающая с миром, который пребывал в покое и довольстве за стенами Дома Лахезис. То, что и Саптах оказался в заточении, утешало, но слабо.

Появился еще один служитель, и протянул высокочтимому свиток. Я заметил, как этот служитель мельком глянул на меня, потом присмотрелся, вздрогнул и отвел глаза.

— Вот даже как... — протянул высокочтимый Гупта и тоже удостоил меня взгляда. — Придется самому посмотреть, — добавил он, сворачивая свиток.

Он пошел к двери, сделав мне знак следовать за ним. Я успел только пролепетать:

— Объясните мне, если можно...

Тут служители рывкнули в один голос:

— Молчать!

Старец чуть не выронил свиток, а у меня подогнулись колени.

Вскоре я перестал соображать, где мы — высоко или низко, в подземелье или на башне. Лестницы и переходы, подъемники и коридоры, пандусы и галереи — вверх, вниз, вверх, вниз...

То и дело нас останавливали стражники, а в узких коридорах из ниш вдруг появлялись служители, преграждая нам путь. Высокочтимый Гупта одним говорил что-то негромко, другим показывал нагрудный знак.

В небольшой круглой комнате с четырьмя дверями нас окружили служители в белых одеяниях, плотно облегающих тело и голову, оставив лишь небольшую прорезь для глаз. Облечение походило на ушитый хитон для людей-разведчиков или на домашнюю одежду чинцев. Но меня уже ничто не удивляло. Тупо и покорно следовал я приказам. Не удивился и когда в комнату принесли ворох белых тряпок, велев всем переодеться. Гупта ворчливо сказал, что ему можно и так, но после короткой перепалки он стянул хитон и позволил служителям одеть себя. Мне, разумеется, никто не собирался помогать, поэтому я чуть не упал, всовывая ноги и руки в тесное одеяние.

Так я корячился, прислонившись к стене, а потом обнаружил, что отверстие рядом — это окно! Я даже успел разглядеть огни ночных Микен. Огни казались маленькими тлеющими угольками и светились внизу. Далеко внизу!

Я понял, что мы в самой башне Сераписа. Хорошего в этом мало: человек добронравный, коим я считал себя до сих пор, о башне без содрогания и помыслить не мог — никто не знает, куда повернут колеса судьбы!

Сейчас эти колеса превратились в жернова и грозят истереть меня в прах. О жена моя и дети, где вы, что с вами, увижу ли вас?..

Очередная дверь, а я им уже потерял счет, была обшита листовой медью. Смотровое окошко чуть приоткрылось, дверь беззвучно отошла в сторону, служитель в белом приложил ладонь к тому месту, где должен быть рот, приказывая хранить молчание, и ввел нас в некое место, которое не могло присниться даже пьяному гоплиту!

Мы оказались на самом верху башни, под ее сияющим сводом. Свет исходил от бесчисленных светильников, которые уходили вниз, в пустое нутро башни Сераписа. Когда у меня перестала кружиться голова, я увидел, что узкий настил, опоясывающий стену и спиралью идущий в глубины, отделяет от искрящейся бездны другая стена, но прозрачная! Словно огромный стеклянный цилиндр поставили на торец, а затем окружили его камнем и деревом.

Толчок в спину — и я последовал за людьми в белом. Настил под ногами был покрыт толстыми циновками, шаги не были слышны. Мы опускались все ниже и ниже. Бесконечные ряды светильников висели на вплавленных в стекло штырях, а рядом с каждым светильником на почти невидимых нитях дрожало тонкое зеркальце.

Еще я заметил, что зеркалец гораздо больше, чем светильников — они свисали причудливыми гирляндами вдоль оси прозрачного цилиндра на растяжках, натянутых поперек ствола во всех направлениях и сверху донизу. Это бесполезное открытие ненадолго отвлекло меня от тягостных раздумий. Приглядевшись, я понял, почему башня казалась бездонной. Легкая

дымка, скрадывающая глубину, оказалась всего лишь паутиной. А потом я увидел и пауков!

Мириады маленьких, с ноготь, внуков Арахны сновали по нитям во все стороны в поисках невидимой глазу добычи. На миг я решил, что здесь предаются запретным мистериям тайные слуги Безумного, и теперь меня ведут на прокорм паукам. Но я взял себя в руки. Во всех жутких историях о Безумном, которые рассказываются во время карантинного безделья, не было ни полслова о башне Сераписа или о пауках... Нет, сама мысль о подобных мерзостях в столь достойном месте — крамола, достойная сурового наказания!

Пока я размышлял, отдадут меня паукам или нет, настил незаметно вполз в узкий спиральный коридор. Мы дошли до основания башни из стекла и теперь погружались в недра башни каменной.

Путь наш был недолог — еще одна дверь, а за ней большой круглый зал со стеклянным потолком. Я понял, что вижу дно гигантского стакана, и поежился. А что, если кладка не выдержит, хрустнут ребристые колонны и вся эта махина сползет вниз, выдавив из нас кишки, размазав по мраморным плитам?

В центре зала на небольшом помосте возвышалось странное сооружение. Не то ложе, не то большое кресло с расщепленной надвое спинкой, а над ним растянута белое полотно. Большие зеркала были установлены на высоких треножниках вокруг помоста, а сверху угрожающе нависали стеклянные конусы, нацелив свои острия на того, кто расположился в кресле.

Такого сращивания видеть еще не доводилось! Сразу и не понять, что у него осталось от человека, а что от

большого соратника. Затылок продолжался надкрылками, ноги завершались шипастыми клешнями, а рук не было вовсе. И глаза... Когда я встретил его немигающий взгляд, снова вернулись мысли о мерзостных жертвоприношениях.

Его рот искривился не то в усмешке, не то в судороге, он что-то проскрежетал, но слов я не понял. Это было нечто среднее между обычным стрекотом-щелканьем соратника и человеческой речью. Служитель в белом, стоявший над креслом, подозвал нас к себе. Мы поднялись на помост.

— Говорите только со мной, и очень тихо, — шептал служитель. — Я посредник.

Один из тех, кто шел со мной, по-видимому, сам Гупта, наклонился к нему и что-то шепнул. Посредник шепотом ответил. Потом Гупта, качнув головой, показал ему свиток. Пока они перешептывались, я отвел глаза от сращенного.

Потоки света, бьющие сквозь прозрачный потолок, сходились к навесу и переливались замысловатыми узорами. На миг возникали тончайшие круги, они пересекались множеством линий, но тут же дрожащие пятна распадались на сетку, решетку, какие-то причудливые фигуры, а посреди ряби этого хаоса несколько темных пятен, словно живые, медленно сближались, расходились, сливались...

Звон в моей голове становился все громче, я чувствовал, что могу смотреть на игру света и тени бесконечно, и это дает силу, такую силу, что я могу воспарить, пронзить собой прозрачную стену, каменный свод башни и взмыть в ночное небо. Глаза наполнились слезами, световые узоры расплылись, звон стих, и я пришел в себя. Тряхнул головой и, заметив на-

смешливый, как теперь показалось, взгляд сращенного, отвернулся.

То ли от сияния зеркал, которые сводили лучи, проходящие сквозь стеклянный цилиндр к навесу над ложем, то ли от крепкого аромата благовоний, клубящихся из маленькой курительницы, подвешенной у головы сращенного, чувства мои обострились. Я стал разбирать слова Гупты и посредника. Впрочем, возможно, они просто заговорили громче.

Высокоchtимый требовал, чтобы ему точно указали на злоумышленников, а посредник отвечал в том смысле, что такой ерундой должен заниматься именно Гупта, а их дело — вовремя почувствовать угрозу миропорядку. И еще он говорил о больших тратах на подготовку авгура и взращивание древа равновесия до рабочей зрелости. Многого из его слов я не понял, но одно стало ясно — сращенный вот уже в течение двух или трех декад наблюдает за световой рябью, которую создают светильники, зеркала и пауки, а рябь эта каким-то непостижимым образом имеет отношение ко мне и миропорядку, незыблемости которого будто бы я угрожаю...

Единственное, что я понял из этого разговора, так это то, что месяц или два назад весьма важные лица заинтересовались неким человеком. И они уверены — именно я и есть тот самый человек. Посредник взял у высокоchtимого свиток, развернул и склонился к нему.

Потом они заговорили так тихо, что я уже ничего не слышал. Пару раз служитель обращался к сращенному, тот отвечал скрипом и гуканьем. Развернутый свиток в руке посредника свисал почти до пола. Я медленно и осторожно придвинулся к перилам, окружающим помост.

— Если сейчас обделаешься, то языком все вылижешь! — хрипло прошептал мне в ухо один из служителей.

Я дернулся в сторону от него, словно в испуге, а когда служитель отвернулся, то сделал еще один шаг к посреднику и Гупте. Отсюда была видна другая сторона свитка.

Там были изображения человека. Тщательно, как умеют это делать художники из сыска, был нарисован цветными красками голый мужчина — спереди, сзади и сбоку. Отдельно и крупно — голова. Я не каждый день поправляю бороду, глядясь в зеркало, но лицо узнал сразу. Мое лицо!

Это так поразило меня, что тогда я не обратил внимания на какую-то мелкую несообразность. Там что-то было не так с животом...

Наконец высокочтимый Гупта и посредник кивнули друг другу, и нас повели обратно. Когда мы сходили с помоста, сращенный даже не пошевелился, но я был уверен, что если я оглянусь, то мой взгляд уткнется в его глаза, мерцающие сотнями огоньков.

Восхождение было долгим. Высокочтимый шел медленно и несколько раз останавливался, чтобы отдышаться и дать отдых старческим ногам. Я же смотрел сквозь стекло на паутину. Она слой за слоем тянулась по всей башне. Мне стало понятно назначение светильников и зеркал: они направляли лучи света вниз, а стеклянные конусы сводили их к навесу из тонкого белого полотна. Стало быть, игра света и тени зависит от того, как пауки прядут свою пряжу, как дрогнут зеркала. Но что все это значило и для чего предназначалось — выше моего понима-

ния! Все знают, что паутина — символ тайной службы порядка, но все же удивительно было обнаружить в доме власти и силы такое скопище пауков!

Обратная дорога оказалась более короткой. Два перехода, подъемник, открытая галерея невысоко над каналом, еще один подъемник, двери, двери — и вот мы снова в комнате, откуда начали свое шествие. Из дыры появился соратник с охапкой нашей одежды в клешнях, вывалил ее на стол рядом с разложенными образцами и скрылся в отверстии.

Служители швырнули мне гиматий и засуетились вокруг Гупты, помогая ему переодеться. От рвения один из них, хриплоголосый, опрокинул бутыль с черной жижей и она, покатавшись, чуть не упала на пол. Бутыль, к счастью, не треснула, только жижя вспенилась. Подняв бутыль, я водворил ее на место. Служители не обратили на меня внимания. Они были заняты высокочтимым, который ласковым голосом благодарил их за рвение. Маленький знак бегущего огня отцепился от его хитона, повис на кончике булавки, а потом упал на стол, рядом с моим жезлом-вымбовкой. Я раскрыл было рот, но смолчал — услуга хороша в должное время.

Старец не заметил потери. Он уселся на скамью, прикрыл глаза и спросил:

— Да, но где же тогда семья?

Некоторое время слышалось лишь слабое потрескивание светильников. Потом хриплый вдруг схватил меня за ухо и заорал:

— Отвечать, когда высокочтимый спрашивает!

Гнев обуял меня, но что я мог против трех здоровенных служителей! Даже если угощу этого грубияна

вымбовкой по темени, те двое быстро скрутят меня. Вот тогда уже не выбраться отсюда вовек.

Между тем Гупта открыл один глаз и укоризненно сказал:

— Не надо кричать, достойнейшие! Скажи, Таркос, где жена твоя и дети?

— Верю, что ничего с ними плохого не случилось, — ответил я, — но не знаю, где они и почему не встретили меня дома.

— Да, вот еще с домом тоже непонятно. — Гупта похрустел пальцами и вздохнул. — Если ты и впрямь Таркос, сын Эвтимена, что подтверждается многими, то почему в городской описи дом числится за тобой, а в квартальной управе дом обозначен как свободный для распределения?

— Этого не может быть, высокочтимый. — Голос мой дрожал, но я старался быть учтивым. — Дом получен отцом моим в наследное пользование...

— Так-то оно так, — задумчиво протянул Гупта. — Но в управе о тебе вообще слыхом не слыхивали, а соседи говорят разное. Тут явственно зло — но какое? Кто побудитель, в чем корысть, как воплощается? Почему авгур полагает, что ты имеешь отношение к деяниям Проклятого? Помоги нам искренним словом — и тебе нечего опасаться под дланью Высокого Дома.

Я ничего не ответил. Слова его были неясны, смысл темен, а страх мой — велик. И при чем тут Проклятый со своими проклятыми деяниями — это же было три тысячи лет тому назад, если не больше!

— С позволения высокочтимого, надо отвести его к ментору на дознание, — сказал хриплый служитель.

Гупта еле заметно поморщился, шевельнул седыми кустистыми бровями и качнул головой.

— К ментору так просто не ввалишься, — ответил он. — Сначала следует подать прошение, потом обоснование, дожидаться своего черед...

— Так ведь сам Высокий Дом торопит! — неучтиво перебил хриплый.

Высокочитимый смерил его холодным взглядом, служитель осекся. Все долго молчали. Наконец Гупта изволил пояснить:

— Мы не знаем, достойнейшие, не будет ли истина убийственна для нас. Кто знает, как высоко-угнездились злоумышленники и сколь они могучи.

Он опять замолчал, а потом неохотно добавил:

— Кто знает, может, они и в Высоком Доме.

Хриплый служитель выронил свиток.

— Что же делать, высокочитимый?

— Как говорил Сын Гончара, если нить твоей судьбы запуталась в клубок — выбрось его на помойку. Все идет к тому, что этот клубок мы не распутаем. Так выбросим его, и дело с концом! Чем меньше фигур в чатуранге, тем проще играть.

Высокочитимый Гупта назидательно поднял палец и продолжил:

— Именно поэтому со злом неочевидным мы должны вести себя решительно и просто. Убьем Таркоса и посмотрим, что будет дальше. Возможно, клубок распутается сам собой.

Тут из меня весь страх вышел холодным потом, и пришла ярость. Добрейший старичок! Убить меня, потомственного механика, словно я какой-то никчемный грязеед из отстойных каст?! А как же догматы о непресекновении дыхания?

Хриплый служитель предложил удавить прямо здесь, на что другой сказал, что лучше утопить в канале. Уда-

вить, а потом утопить, настаивал хриплый. Гупта с интересом прислушивался к их спору, а потом сказал, что негоже самим пресекать дыхание любой живой твари, вполне достаточно впихнуть злодея в один из нижних ходов и призвать некормленного соратника.

Мне стало дурно, когда я представил себе, как в темном и сыром лазу меня рвет на части своими когтистыми лапами голодный соратник, полагая, что перед ним дозволенная еда. В глазах помутилось, я ухватился за угол стола, чтобы не упасть, и опустился на скамью. Служители и Гупта не удостоили меня даже взглядом. Я оцепенело уставился в блик от светильника на стекле большой бутылки с черной жижей. Бутылка стояла на дальнем конце стола. Если жижка разольется, вдруг подумал я, высокочтимый будет очень удивлен. Вряд ли ему успели доложить о том, что это за черная вода. Потом я перевел взгляд на свой жезл, увидел рядом знак бегущего огня и зажал его в кулаке.

Один из служителей заметил, что я сижу, и велел встать.

Я вскочил, поддав снизу коленом по столешнице. Бутылка качнулась, немного сползла, а потом медленно накренилась и полетела на пол.

Негромко хрустнуло стекло, захлюпала, растекаясь, жидкость. Хриплый служитель обозвал меня неуклюжим мясом, а Гупта только укоризненно погрозил сухим пальцем. Я прижался к стене и осторожно стал продвигаться к двери. Черные ручейки весело бежали во все стороны. Вот один из них подобрался к резной ножке стола, и деревянная лапа вдруг исчезла, растворилась в жижке. Мне показалось, что стол сейчас перекосится, но пока он держался на трех ножках. Тут другой ручеек добежал до матерчатой обуви хри-

патого служителя, и я понял, что ему сейчас не будет хватать ног.

Ко всему я был готов, и не было мне жаль человека, готового убить меня невесть за что, так, на всякий случай. Но то, что я увидел, не забыть никогда.

Черная змейка словно нехотя коснулась его ноги, а потом со сдавленным криком служитель исчез, словно провалился в маслянистую лужу, мгновенно возникшую там, где он только что стоял. Жиха съела его так быстро, что двое других не сразу сообразили, что произошло. Правда, в следующий миг они вскочили на второй стол, и втащили туда высокочтимого Гупту. Я уже был в дверях, когда стол под ними начал быстро оседать. Один из служителей ухватился было за светильник, рожок сорвался с крепления, и огонь упал прямо в черную дрянь. Желтое коптящее пламя охватило комнату.

Я захлопнул дверь — крики стихли. Ноги сами повели в сторону переходов, ведущих к каналу. У подъемника меня остановил служитель, но я показал ему знак, впившийся иглой в мою ладонь, и тот отступил в сторону. Мысли путались, но одна была четкой — хорошо, что здесь на страже не было соратника, я не знаю условных звуков, а уж направлять их и вовсе не умею.

Вскоре я стоял на парапете галереи и вглядывался в темные волны подо мной. Не долго думая, я скинул гиматий и сполз в теплую воду. Сильное течение быстро отнесло меня в сторону мола, и вскоре огоньки, опоясывающие башню Сераписа, исчезли.

На берег я выбрался, когда сил бороться с волнами не оставалось. Скользя и отступаясь по водорослям и камням, я кое-как вскарабкался на большие, теплые

от дневного жара валуны. Я забился в расщелину и закрыл глаза. И тут же вскочил от криков, внезапно раздавшихся над головой. «Выследили, сейчас схватят!» Эта мысль заставила присесть и обхватить затылок руками — иначе соратник, вынюхавший след, оторвет тебе голову. Я сидел в этой позе и ждал, когда появятся служители и поведут на расправу — теперь уже вполне заслуженную. Но не дождался: крики перешли в хохот, кто-то запел дурным голосом непрстойную моряцкую песню о красоте и дельфине, женский радостный визг вторил певцу, а звон стекла подсказал, что наверху просто резвятся ночные гуляки, а вовсе не алчущие возмездия неумолимые служители Дома Лахезис.

Я перевел дыхание и поднял голову. Тени и сполохи подсказали мне, где идет веселье. А когда глаза привыкли к темноте, я увидел в нескольких шагах от меня широкие каменные ступени, уходящие в воду. Меня вынесло прямо к городским купальням.

Ноги дрожали от усталости, но три десятка ступеней я преодолел быстро. Черные короба высоких зданий с редкими огоньками в окнах подсказали мне, что я вышел к Нижним улицам. Здесь, неподалеку, живет Варсак, сообразил я. Как-то раз я заскочил в неудобную комнатку на четвертом ярусе. Найти его холостяцкое жилье будет нелегко, особенно если днем расхаживать в одной набедренной повязке. Но куда еще идти?

Рядом с парпетом что-то пекли на жаровне. Люди сидели прямо на уличных камнях. Булькало пиво, кто-то ворошил угли. Запах горячих лепешек вполз в мои ноздри и заставил желудок судорожно сжаться. Сколько времени я ничего не ел?

Прошлепав босыми ногами по гладким плитам, я подсел к жаровне. Увидев меня, певец поперхнулся, а одна из девиц хихикнула и что-то зашептала сидящему рядом широкоплечему мужчине. Не поднимая глаз, я негромко сказал:

— Не будет ли в тягость добрым людям присутствие бездомного путника?

На что широкоплечий ответил знакомым голосом:

— С каких это пор ты стал бездомным, Таркос?

Даже в слабом мерцании углей было видно, что на лице Варсака написано крайнее удивление.

Триера шла быстро. Четыре гребных колеса вспенивали воду, белый след тянулся за нами, наверно, от самых Микен. Через день-полтора мы прибудем к африканским берегам. Я стоял у кормы и смотрел, как чайки падают вниз, выхватывая из мелких волн рыбешку. Редкие облака, подсвеченные закатным солнцем, висели далеко над горизонтом. Меня немного мутило, но не от морской болезни, а от неожиданного поворота в судьбе. Рядом пристроился Варсак. Он вцепился двумя руками в борт и отдавал рыбам ужин. Вот его-то корабельная болтанка не пощадила, впрочем, как и добрую половину новобранцев, отбывающих в лагерь гоплитов близ Гизы.

Всего два дня прошло с тех пор, как я встретил, голодный и мокрый, Варсака. Он сразу понял, что дело неладно, и увел меня к себе. Там я шепотом поведал, все время озираясь на дверь, о своих злоключениях. Я знал, что Варсак не примется тут же вязать меня и не бросится за стражей. Надеялся лишь на сочувствие, да и деться мне — чего уж там! — было некуда. Поесть, переночевать и уйти, пока соратники не взяли мой за-

пах. Конечно, долго скрываться не удастся, но немного еще пожить хочется.

Варсак долго молчал, а потом сказал, что вряд ли меня будут искать. Сочтут, что сгорел в огне прожорливого земляного масла. И еще он сказал, что не ожидал от меня такой прыти и безрассудства. Не окажись эта черная жижа горючей, может, сожрала бы Европу и Азию, а потом и на Африку перекинулась. Уцелела бы разве что Антиопа, да и то вряд ли, если эта гадость воды не боится — добралась бы и до Зета с Калаидом.

После того как я перекусил хлебом, сыром и горстью маслин, Варсак потер лоб и сказал, что ему вот-вот надо отплывать в Гизу. И сюда сразу же кого-нибудь вселят. Так что здесь не отсидеться. Разве что...

Он искоса глянул на меня, хмыкнул. «Вот что, — сказал он тогда, — каждому гоплиту полагается что-то вроде оруженосца. Могу взять тебя с собой, только захочешь ли ты...» А когда я непонимающе развел руками, он пояснил, что оруженосец не только следит за доспехами, но и вообще является слугой. Человеку моего рода это унизительно, но ведь иначе могут заподозрить неладное.

Я настолько был поражен его великодушием, что сразу и не понял, о чем речь. Он подвергался смертельной опасности уже из-за того, что разговаривал со мной. Долг превыше жизни, семьи и дружбы — так нас учили с детства. Его долгом было немедленно сдать злодея службе порядка. Он преступил через долг ради дружбы, и надо ли упрекать его в том? Потом до меня дошел смысл его слов и стало немного не по себе. Быть слугой, добровольно перейти в нижнюю касту, даже притворно, — оскорбление деяниям предков. Но чем мне сейчас помогут славные предки, когда острые ког-

ти соратников, наверное, уже царапают ступени лестниц, а за ними торопятся служители с шипастыми кнутами, одним ударом сдирающими кожу со спины и живота...

И вот сейчас гопплит-новобранец и его оруженосец удаляются от Микен, где их ждал бесславный конец, навстречу подвигам и почестям, возможно, посмертным.

— Во имя Проклятого Морехода! — простонал Варсак, усевшись на палубу. — Когда же кончатся мои мучения...

Я протянул ему флягу с пивом. Он позеленел и отвернулся. Немного погодя он все же глотнул немного, прислушался к желудку и, привалившись спиной к борту, закрыл глаза.

Сумерки быстро перешли в ночь. Зазвонил колокол, призывая ко сну. Варсак кряхтя поднялся, я помог ему удержаться на ногах. Бросив напоследок взгляд на белые пятна чаек в темном небе, я вздохнул и сказал:

— Теперь, наверно, так и не узнаю, что случилось с женой и детьми...

— Разве ты женат? — удивился Варсак.

Глава вторая

Деяния Лаэртида

Служанкам теперь не узнать старую Эвриклею! Она словно выпрямилась и уже не ковыляет, сгорбленная, по дому, а шествует важно, даже голос у нее не дребезжит, и слова выговаривает своим беззубым ртом на удивление ясно и понятно. Еще бы! Именно она первой узнала хозяина, если не считать, конечно, Телемаха, да и тот, как судачат, поначалу не признавал отца, пока тот ему не открылся. Да и мудрено ему было узнать: когда несравненный царь покинул Итаку, сын его был крохой неразумной. И еще шептались служанки совсем тихо о том, что не подсып старуха дурмана в вино женихам, еще неизвестно, чем кончилось бы великое избиение! Но языки, острые обычно, ныне сдерживал страх — двенадцать нерадивых служанок висят за северной башней, и птицы расклеывают их плоть.

Большие сборы — большие хлопоты. Перетаскивали на новый чернобокий корабль амфоры с водой и маслом, вкатывали короба с солониной и другими припасами, загоняли в подпалубную клеть кур и гусей, а с берега наблюдали за этой суетой не улыбочивые итакийцы — друзья и родственники погибших женихов, что в недобрый час задумали сватанье.

Хоть и согласились знатные люди острова отправить внезапно объявившегося царя в испытательное

плавание, трудно было примириться с потерей цвета своих родов. Слабым утешением было для них и обещание Телемаха, оставшегося править взамен отца, прислушиваться к мудрости старейшин.

Мрачно смотрел на корабль Евпейт, чья голова была перевязана тряпкой. Его сын Антиной, краса и гордость семьи, первым пал от стрелы Одиссея. Злоба преисполняла сердце старика, но сил отомстить не достало. Бунт итакийцев жестоко подавил Лаэртид, некому было возглавить и повести обезумевших от горя отцов и братьев, а дожидаться подмоги с Закинфа или лесистого Зема, где тоже оплакивали своих павших, терпения не хватило. Теперь надолго исчезнет ненавистный убийца, а когда придут корабли соседей, чтобы расквитаться с ним, мстить будет некому. Отбывает ныне Одиссей во имя исполнения пророчества слепого мертвеца Тиресия из Фив. Слабая надежда, что сгинет царь Итаки бесследно в пучине, сбудется проклятие морского бога, грела сердце Евпейта. Да и не только его одного... Немало золота посулил Евпейт одному из гребцов, если тот ему весть о кончине злодея доставит иль сам ее поторопит.

Нарекли корабль «Арейоном». Без прощальных напутствий и криков, благословляющих плавание, ушел он в море, никто из родных не пришел проводить Лаэртида, чтобы не гневить напрасно жителей Итаки. Лишь дряхлый отец смешался с толпой и, голову плащом накрыв, утирал свои слезы. Ветер раздул парус, а рулевое весло направлял седобородый плечистый Филотий. Мало кто из сведущих в мореходном деле согласился бы уйти с базилеем без надежды на скорое возвращение домой. Вот и пришлось старому пастуху забыть про коров, вспоминая кормчее искусство. Мо-

жет, и впрямь в молодые годы плавал он с лихими фокейцами, всякое говорили, да только кто сейчас по-, прекнет его этим!

В шестой день холодного Мемактериона, месяца бурь, уходил «Арейон» от родных берегов. Юный Полит, кутаясь в шерстяной плащ, пристроился среди якорных коробов, набитых камнями. Он с тоской смотрел на медленно исчезающий на горизонте родной остров и проклинал Эвриклею, что заставила племянника идти вместе с царем в это безумное плавание. Дурные предчувствия мучили юношу: в утро отплытия два ворона кружили над воротами, а старая ключница, споткнувшись, не к месту помянула о проклятии богов... Но нет, уговорила тетка напроситься к базилею, славу и почет сулила, да и место в дружине хорошее после возвращения найдется.

А ведь всего декаду назад ничто не сулило бурных и кровавых событий, потрясших Итаку. Как всегда гуляли женихи, весело проедая и пропивая добро, нажитое годами. Ну, конечно, и к ним подвозили припасы с родных островов, не желая лицом в грязь ударить. Щедрой рукой рассыпали золото и серебро искатели царственного ложа, немало жителей обогатились, поставляя вино и еду в дом базилея. Казалось, так будет продолжаться долго, покуда наконец Пенелопа не смирится с мыслью о выборе, а старейшины не решат единодушно, кто из женихов самый достойный и, что важнее, уместный. Не разделись старейшины в своих пристрастиях, подогретых золотом женихов, давно бы принудили к браку строптивую мать Телемаха.

На глазах у Полита разыгралась жестокая бойня. Он помнил, как вдруг вечером взволнованно зашепта-

лись слуги, а бледный Телемах ходил по дому и доверенным людям неслышно отдавал приказы. Тихо скрипели двери, слабым звоном отзывалась медь щитов, что выносили из палаты, но женихи, сидящие в мегароне, были разогреты вином и похвалялись доблестью и богатством, не замечая вдруг ставших дерзкими слуг и опасливых взглядов служанок, что недоброе чуяли. Угрюмый старик, побирушка бездомный, сидел у порога и ждал подаваний. Тогда не привлек он внимания юноши. Эвриклея велела Политу вино подносить женихам, а сама указала, из какого пифоса черпать.

Он самого состязания не видел, но слышал, как криком и шумом свое недовольство женихи выражали, когда Пенелопа внесла лук Одиссея. А потом, поднявшись с рогом вина, он припал к оконцу в дверях и видел, как стрела пробила горло Антиноя, самого знатного из итакийцев, а потом рухнул Эвримах, пал Анфином, пронзенный копьем Телемаха... Кто-то пытался отбить нападение, но меч выпадал из руки. Многие, словно обезумев от страха, друг с другом сражались, а сын и отец, подобно лесорубам, шли сквозь них, оставляя просеки смерти.

Когда все было кончено, Одиссей утер пот со своего чела и спросил Телемаха:

— Сколько их было?

— Сто шестнадцать, — ответил Телемах. — И все они здесь. Вот ты и дома, отец!

А потом долго выносили тела, и кровь отмывали в палате. Слуги радостно приветствовали базилея. Но не все были рады, особенно те из служанок, что слишком ретиво гостям угождали. Полита совсем загоняли: то воды принести, то скребки оттереть от крови, а самое неприятное — мертвых на задний двор оттащить вмес-

те с Эвмеем и Филотием. В ряд уложили тела, а потом сосчитал он, несколько раз сбиваясь со счета. То не хватало женихов, а то выходил излишек. К ночи велели ему отнести чистое одеяние в царские покои. Когда он передал служанке у дверей одежду, дверь приоткрытой осталась. Слышен ему был разговор между Одиссеем и Пенелопой. Голос царицы был холоден, словно и не была рада явлению мужа.

— Как же теперь нам смирить гнев итакийцев? — говорила она. — Двадцать из самых знатных родов ныне мертвы. Если восстанут все разом, много еще прольется крови...

В узкую шель видел Полит, как склонил голову Одиссей.

— Много, — согласился он. — Но ещё больше ее прольется, если пойдет народ итакийский против воли моей и права. Пусть же узнают, что всякий, на добро мое покусившийся, ответит жизнью. Не для того я муки претерпевал столько лет, чтобы уступить трон без борьбы. Или жалеешь ты тех, кто мой дом разорял?

— Нет, нет, — поспешно ответила Пенелопа. — Хотя и от многих была нам досада, но все же ты мог оставить одного или двух. Вот, скажем, Медон с лесистого Зема вовсе не торопил со свадьбой, напротив, он меня и надоумил с пряжей тянуть — целых три года дурачила я назойливых сватов. Он ведь немолод был, а руки моей искать велели ему домочадцы, лестно им было числиться в списке женихов родовитых. Он мне и о твоих подвигах рассказал, о том, что творил ты у врат Илиона...

— Жаль, что убил я Медона, — сказал Одиссей. — В битве не сразу поймешь, кто враг, а кто и пощады

достойн. Да и было их больше сотни... Ладно, оставим это на утро.

— Хорошо, — сказала Пенелопа. — Только придвинь ложе к очагу, ночи холодными стали.

Одиссей рассмеялся.

— Ты что же, дура грудастая, все же меня не признала? Да я сам из цельного пня эту кровать вытесал, а корни оставил!

— О боги, это и впрямь ты! — вскричала Пенелопа и разрыдалась.

Полит осторожно попятился и чуть не полетел со ступенек крутых. А утром, когда все готовились к пиру в честь возвращения, стараясь не слышать вопли и плач, что до стен доносились, ключница чуть не померла от испуга, когда из кладовой вывалился взъерошенный Медон, спьяну проспавший великую битву, и с криком: «Вина!» — наблевал ей в передник.

Про это узнав, Одиссей рассмеялся, хлопнул по плечу и, поймав его за руку, когда тот к стене летел от хлопка, сказал:

— Знаешь, Медон, все же я рад, что тебя не убил.

А на это жених уцелевший сипло ответил:

— Если сейчас не нальешь мне вина, все же станешь убийцей...

Чайки совсем уже к волнам прижались, ветер усилился. Истаяла в сумраке Итака. Слезы чуть не навернулись на глаза, но тут позвали к ужину. Под навесом, что укрывал на носу корабля Одиссея и его спутников, раздавали холодное мясо, сыра кусок и полхлебца на каждого. Крепкие челюсти юноши быстро смололи незатейливую еду, а не в меру разбавленное вино по-

могло сухому хлебу проскочить в желудок. Медон опростал кратер одним могучим глотком и поморщился:

— В такую погоду нельзя разбавлять даже кносское, а что говорить о вашей кислятине слабой!

— Не смей хулить наше вино! — огрызнулся Арет-виночерпий, который в плавании этом был еще поваром, плотником, оружейным мастером и старшим над гребцами. — Разве насильно тебе, пьяница с Зема, с нами велели отбыть? Лучше бы ты вернулся в свой край.

Медон посмотрел на него мутным взглядом и негодуя погрозил пальцем:

— Нет, кашевар, не тебе меня пьяницей звать! И не ты мне указчик, с кем и куда мне плыть. Знатные мужи Итаки и родичи убитых с Закинфа и Зема мне поручили следить, чтобы все было как полагается. Когда мы вернемся, я расскажу о достойном искуплении отважного царя.

Одиссей с любопытством посмотрел на него.

— Скажи, Медон, ты и впрямь веришь, что мы благополучно вернемся и нас пощадят бури и чудища моря?

— Я много слышал о твоих подвигах, о Лаэртид, и уверен, что новые песни о плавании этом сложат аэды.

— А как же проклятие богов? — хмыкнул базилей.

— Лучше проклятие, чем скука, безвестность, унылая дней череда над свитками, полными чудных историй о воинах, подвигах, славе...

— Да ты, я смотрю, герой!

Засмеялся Арет, ухмыльнулись дружинники, даже Полит улыбнулся, но лицо отвернул, чтоб старшего возрастом не обидеть насмешкой. Медон не был похож на героя — взлохмаченная борода с заметной се-

диной, холеные пальцы бойца застольных сражений с вином и покатые плечи — просто удача, что его женихи не прибили в своих состязаниях кулачных. Да он и не скрывал телесной немощи, а по рассказам слуг, в годы жениховства донимал всех ученостью своей и непрошеными советами.

Тусклый огонек масляной плошки, что болталась над ними, еле освещал лица сидящих. Кто-то из дружинников уже дремал, прислонившись к борту, но многие были обеспокоены — ночью плыть и вдоль берега небезопасно, а тут вдруг в открытое море, где глаз не на чем остановиться!

— Скажи, о базилей, — спросил вдруг молодой дружинник, — правда ли, что боги тебе поведали тайну, как плыть в Океане безбрежном?

Молча смотрели все на царя, ждали, что он ответит. Достал Одиссей из котомки две вместе сведенные дощечки, а к ним привязал на веревке короткой грузило. Показал дощечки дружинникам и пояснил:

— Вот с этим подарком Калипсо всегда я найду путь от дома и к дому. А тайна богов — всего лишь умение плавать по звездам.

Молодой дружинник вздохнул облегченно и вскоре заснул, а за ним и другие. Арет собрал всю посуду, спрятал припасы, а Полит ложе походное застелил для Одиссея. На тонкой подстилке устроился юноша рядом и тоже пытался заснуть. В ночной тишине он слышал тихий голоса Медона:

— Но если плывем мы в Додону, где Зевса оракул эпирский, то верно ли кормчий направил корабль?

Сквозь храп и сопение спящих слышал Полит базилея:

— Ты прав, Медон, путь наш пока не к медным котлам Додоны. Решил я покамест зайти на Огигий, там мы переждем сезон бурь, и далее в путь.

Помолчал Медон, а потом спросил:

— А что нас там ждет?

Одиссей ответил сразу:

— Живет на Огигии мудрая нимфа — чистая телом Калипсо. Мне довелось там пожить, у нее научился я многому. А ждет нас радушный прием, тепло и прекрасная пища.

— Но песен о подвиге этом еще я не слышал! Я знаю, что ты осаждал Илион и как победили троянцев. О подвигах Агамемнона, Ахилла и прочих ахейских мужей я наслышан немало. Мне пели о трудных скитаниях твоих и о бедах жестоких. Верную Пенелопу я утешал тем, что пересказывал ей слова бродячих певцов, она же им верить боялась.

Рассмеялся еле слышно Одиссей.

— Ну, подвиги этого рода скорее присущи другому герою. Мне там было не до сражений, и Пенелопе об этом лучше не знать. С Огигия я и отплыл на Итаку, а песен, возможно, еще и сложить не успели — ты первый, кому рассказал я о жизни своей у Калипсо. Но ты удивил меня, я и не знал, что на каждый мой чих аэды с рапсодами дружно слагают поэмы. Ты мне как-нибудь Расскажи, что они обо мне там напели.

Полит не расслышал, что ответил Медон, потому что он уже плыл среди сияющих волн, навстречу из пены морской вставал прекрасный остров, а шум волн, что бились о борт, отдавался в ушах прекрасной музыкой, словно тысячи кифаредов медленно перебирали золоченные струны...

На третий день плавания они увидели остров Огигий. Зеленым пятнышком появился он на горизонте. Радостно вскричал Одиссей, указывая спутникам своим на него, дружно ударили веслами гребцы и дружинники, ибо на веслах людей не хватало. Стоял на носу корабля Одиссей, не обращая внимания на мокрый холодный ветер, что раздувал одеяние. Полит отнес к нему плащ базилея пурпурный. А тут и Медон подошел, за веревки цепляясь.

— Смотри, смотри, любитель песен, — сказал Одиссей. — Скоро увидишь из белого мрамора дом несравненной Калипсо, дворец тот и сам словно песня.

Медон долго вглядывался в растущее пятнышко. Сквозь неясные контуры вот уже выступили горы, а скалы прибрежные в белопенной кайме оказались.

А суровое чело Лаэртида вдруг разгладилось, голос его задрожал, и стал он рассказывать, как сквозь колонны резные видны виноградников склоны, а на террасах просторных ряды бесконечные словно оживших статуй — нимф и сатиров, богов и титанов, стихий и людей знаменитых... Там и сады из растений диковинных произрастают на крышах, там и вода извергается в небо — падает вверх водопад! Ну а внутри, в палатах роскошных, ковры, а на них рукою умелой вытканы не только деяния людей и богов, но и волшебные узоры, при одном взгляде на которые хочется петь или в пляс веселый пуститься...

Взор перевел свой Медон с острова на базилея.

— Да тебе, хитроумный герой, самому надо песни слагать! Только скажи мне по правде, коль так благодатно на острове этом ты жил, почему же вернулся на

скудную землю Итаки? Или тебя и отсюда изгнало проклятие богов, чтобы здесь не нашел себе дома?

Но не ответил ему Одиссей. Молча смотрел он на горы, что вырастали с каждым ударом весел, а потом указал Филотию-кормчему проход в скалах, что вел к укромной бухте, защищенной от бурного моря и ветра.

Вскоре на берег песчаный вытащили корабль, оставили стражу, и по узкой тропинке направились вглубь, к перевалу, за которым ждала Одиссея прекрасная нимфа. Здесь словно не было холода осени поздней. Деревья, кусты и трава — все зелено, и листья — есть красные с желтым, но самую малость.

Одиссей быстро шел впереди. Он дышал тяжело на подъеме крутом, а Полит, поспевая едва, плелся в самом хвосте и отстал. Теплый ветер принес к нему запах свежего хлеба, это силы придало ему. А когда он догнал базилея и спутников, что вышли уже к перевалу и встали недвижно, то глянул юноша вниз и тоже застыл в изумлении.

Под ними в долине когда-то дворец возвышался прекрасный, а ныне дымились руины. Черная копоть лизала колонны, упавшие в разные стороны, словно рука великана в пьяном разгуле их разметала. А плиты ступеней раскиданы, словно все тот же злодей пинал их гигантской ногою. Слабый дым поднимался оттуда, где раньше были пристройки, загоны, амбары...

— Вот и кончились песни, — растерянно сказал Медон.

Одиссей выругался и, обнажив меч, медленно пошел вниз. Его обогнал Арет, молча придержал базилея за плечо и жестом велел двум дружинникам идти вперед. Тропинка расширилась, лес поредел. Дружинник,

идуший впереди, внезапно замер и поднял руку. Слабо скрипнули луки, тетива уже была натянута, а стрелы изготовлены, когда лес вдруг огласился криками и на поляну высыпала орава людей в звериных шкурах.

Они рычали, показывая большие кривые зубы, подпрыгивали на месте и угрожающе размахивали огромными палицами. Вожак, голову которого украшал лошадиный череп, крикнул что-то, и они ринулись на пришельцев. Трое, а то и четверо было их на каждого итакийца, но вот зашелестели стрелы и кувыркнулись в жухлый кустарник сразу несколько нападающих. Смертоносно пели стрелы, но все же десятка два дикарей добежали до Одиссея и его дружинников. От удара тяжелой палицы рухнул дружинник, другой увернулся, и бронзовое острие меча вспороло волосатый живот врага. Еще одного дружинника потеряли они, прежде чем перебили всех лесных дикарей. Даже Полит умудрился своим коротким мечом проткнуть ляжку огромного волосатого детины, а добил его уже Арет. Железным мечом Одиссей уложил троих, одного за другим, а четвертого распластал ударом наискось. Вожака среди убитых не нашли.

Только успели перевести дыхание, как услышали пение рожка, за деревьями на дальнем конце поляны мелькнули тени, и не дикие лесные люди снова появились перед ними, нет, внезапно возникшая шеренга воинов составила щит к щиту, а за ними вторая шеренга уже натягивала луки.

Дружинники еле успели спрятаться за деревьями, как с сухим треском посыпались стрелы, впиваясь в деревья и сшибая листву. Арет подполз к Одиссею, лежавшему за поваленным стволом.

— Что будем делать? — спросил он. — Сражаться или...

— Бежать, — ответил базилей. — Вон туда, — махнул он рукой в сторону развалин дворца, — и быстро!

Пока выдвигалась вперед вторая шеренга невесть откуда объявившихся воинов, а первая изготовлялась стрелять, Одиссей и его спутники отползли как можно глубже в лес, а потом побежали вниз по покатоному склону, все время ожидая в затылок стрелу. Наконец, они добрались до виноградников, а там залегли за невысокой каменной стеной.

Хоть и страшно было юному Политу, но он еле скрывал свое разочарование. Скоротечная схватка совсем не была похожа на битву, о которой бы спели аэды. Сам он едва не погиб, когда, зажмурив глаза, кинулся под ноги верзиле. Правда, и Медон сражался так, что не будь смертельной опасности, все бы, наверно, с хохоту попадали! У него сразу же выбили меч, ну а он вспрыгнул на спину одному зверюге и так ему голову скрутил, что тот на месте и рухнул. Но базилей удивил юношу больше всех — вместо того чтобы геройски сражаться с новым врагом, он велел позорно бежать.

Звон медных щитов прервал невеселые размышления Полита. Отсюда было видно, как с горы медленно и неумолимо спускаются воины.

— Сколько же их! — пробормотал Арет.

— Головы не поднимать! — приказал Одиссей. — Вдоль стены, пригибаясь, к краю поля, а оттуда — к садам и к дворцу.

Вскоре они вышли к тому, что раньше было дворцом. Упавшие колонны в одном месте огородили с трех сторон лестницу. Отсюда, из укрытия, можно было встретить неведомых врагов и продержаться некото-

рое время, решил Полит. Что будет, когда закончатся стрелы или к ним подберутся со стороны долины, ему не хотелось и думать. Полтора десятка дружинников против сотни врагов — нет, не устоять.

Между тем Одиссей и не думал принимать бой в таком удобном для засады месте. К удивлению своих спутников, он повел их внутрь дворца, переступая через опрокинутые скамьи и столы, обходя груды камней у проломов в стенах, стараясь не наступать на россыпи битой посуды и на обломки статуй — все, что осталось от богатого убранства.

В темной клетушке он остановился, переводя дыхание. К нему подтянулись остальные.

— Что здесь случилось? — спросил Медон.

Ему никто не ответил.

— Я не видел ни одного тела, — сказал Арет базилею. — Может, успели сбежать в леса?

Одиссей молчал, опустив голову.

— И еще я успел разглядеть, кто были эти лучники, — продолжал Арет.

— Я тоже разглядел, — ответил базилей, не поднимая глаз.

Голова его склонялась долу все ниже и ниже, словно под тяжестью горя, а ногой он судорожно раскидывал головешки, будто надеясь под ними увидеть ковер златотканый, о котором рассказывал им по пути к перевалу.

— А теперь дайте мне веревку или ремень, — велел он, когда под головешками открылась плита с врезанным в нее медным, покрасневшим от жара, кольцом.

Крики и топот уже раздавались где-то неподалеку, когда Одиссей последним сошел по узкой каменной лестнице вниз и опустил за собой плиту.

— Ничего не видно, — раздался в темноте шепот Арета. — У кого кресало?

— Не надо огня, — так же тихо отозвался базилей. — Возьмитесь за руки, а ты, Арет, держись за меня. И нагните головы, здесь низко...

Они шли гуськом, держась за руки, как танцоры, собравшиеся пуститься в пляс, но юному Политу было не до веселья. Он стискивал губы, но втуне. Ему казалось, что сейчас все услышат, как зубы стучат друг о друга, и будут смеяться над ним. И еще он страшно боялся темноты. Запалить бы сейчас факел... А вдруг обнаружится, что он держит не руку дружинника Перифета, а лапу подземного зверя, сродни ужасному псу Керберу?

Тайный ход уходил под гору и местами сужался так, что приходилось один за другим протискиваться сквозь щель, разжимая руки. Это было хуже всего — Полит шел последним и опасался вдруг не найти руки дружинника, отстать, свернуть не туда на развилке, заблудиться и околеть здесь с голоду.

Вскоре под ногами оказались ступеньки, и они пошли медленнее, чтобы ненароком не полететь вниз, оступившись. В тишине слышалось лишь тяжелое дыхание и шарканье кожаных сандалий. Потом в эти звуки вплелся слабый плеск, и они вышли к воде. Сквозь трещины в скале сюда просачивался слабый свет, можно было разглядеть высоко наверху остроконечные глыбы, угрожающе висевшие над головами, маленькое озерцо, овальной чашей мерцающее перед ними, а плеск и журчание исходило от струйки воды, бьющей из камней недалеко от прохода.

— Вода горькая, пить нельзя, — предупредил Одиссей.

Базилей прислонился к скале и оглядел своих спутников. Арет и дружинники выглядели бодро, Медон, морщась, растирал ноги, а Полит хоть и устал, да и страшно ему, вон как глаза вытаращил, но ничего, держится молодцом и даже ножик свой вытащил.

— Там... там, — пролепетал юноша, тыкая острием куда-то в сторону озера.

В тот же миг одни дружинники обнажили мечи, а другие натянули луки, настороженно оглядываясь по сторонам. Медон замер, держась за щиколотку, а Одиссей, бросив короткий взгляд в ту сторону, куда указывал Полит, спросил:

— Что ты там углядел?

— Там что-то шевелилось, базилей, на той стороне...

Одиссей покачал головой и грустно сказал:

— Все, кто здесь мог шевелиться, увы, либо убит, либо давно сбежал.

Не успело эхо его слов под каменным сводом утихнуть, как откуда-то издалека звонкий женский голос ответил:

— Разве могли мы сбежать, если тебя дожидались с подмогой, о Лаэртид!

Костерок еле тлел в маленьком убежище. Узкая тропа вела к выступу, а за ним почти под самым сводом каменного зала таилось небольшое отверстие — а за ним открылась пещера. Здесь у огня скрывались несколько женщин и дети. Луч света, идущий сквозь дыру в стене, высветил испуганные лица служанок. Одиссей и его спутники еле разместились в пещере. Арет остался снаружи, на случай, если враги обнаружат подземный ход и выйдут к озеру.

Полит молча смотрел, как красивая женщина рыдала на плече Одиссея, а тот утешал ее, гладя по волосам — длинным и светлым. Он догадался, что это и есть чистая телом Калипсо. Правда, сейчас по ее прекрасному лицу слезы проложили белые дорожки среди следов золы и грязи, но юноша смотрел восхищенно — никогда он прежде не видел нимфу.

Они поделились своими припасами, служанки быстро нарезали хлеб и сыр, накормили детей. Одиссей подозвал их и представил Медону мальчика лет пяти и семилетнюю девочку:

— Вот сын мой, Латин, а вот дочь — Лавиния.

— Славные дети, — сказал Медон. — Теперь я понимаю, почему ты не спешил домой.

Мальчик отбежал в угол, к служанкам, а девочка внимательно посмотрела на Медона и спросила отца:

— Кто этот человек с лохматой бородой?

Одиссей рассмеялся и взял ее на руки.

— Видишь ли, милое дитя, если бы ему повезло, то этот лохматобородый был бы твоим... ну, скажем, двоюродным папой.

Тут засмеялся и Медон.

— Вряд ли я стал Телемаху приемным отцом, скорее меня бы уже хоронили на Земе. Но объясни, почему ты все же вернулся на Итаку, да еще так гневно?

Переглянулись Одиссей и Калипсо.

— Плыл я за помощью. Хотел набрать большую дружину и вернуться сюда, на Огигий. Беда надвигалась, а помощи ждать неоткуда было. Ну а когда вернулся и увидел, как добро мое разоряют да на трон посягнули — вот тут кровь ударила в голову! Может, я сам уступил бы и дом, и жену за дружину хороших бойцов, но с той пья-

ной толпой женихов договориться было невозможно без урона для чести.

— Да, честь ты не уронил, — пробормотал Медон. — Но многие пали во имя ее...

Дружинники слушали этот разговор, переминаясь с ноги на ногу, потом двое вышли наружу к Арету, чтобы не толпиться в тесном убежище, остальные уселись вдоль стен. Калипсо утерла слезы и села на камень рядом с базилеем. Полит с любопытством прислушивался к их разговору, из слов Калипсо стало ясно, что несколько дней назад внезапно напали враги, перебили охрану, многих увезли в рабство, лишь владычица острова с детьми и трое служанок успели тайным ходом уйти от гибели. Они уже мучились от голода, еще немного, и сдались бы врагу. Кто и зачем разрушил дворец, Полит так и не понял. Медон, кажется, тоже, потому что, прервав разговор неучтиво, он спросил, как зовут того злодея, что смел так подло напасть на беззащитных женщин. Ответа он не получил, Одиссей сказал, что у всех есть враги, особенно у него. Многозначительно покачал головой Медон, но ничего более не спросил.

— Здесь оставаться нельзя. — Одиссей поднялся с камня. — Если обнаружат наш корабль, то кончина всех неминуема. Есть ли отсюда другой выход?

— Сквозь щели в скале можно выйти наружу неподалеку от бухты, — сказала Калипсо. — Тропинка у входа в пещеру дальше ведет, там есть выход у самой воды.

— Постой, — насторожился Одиссей. — Почему мы не видели в бухте чужих кораблей? Не было стражи, дозора... Где же они затаились?

Долго смотрела Калипсо в глаза Одиссею.

— Если ты знаешь, кто напал на нас, то ясно тебе, как они прибыть могли. Им все течения подвластны. А может, отплыли суда за новыми воинами. Хотя с кем им теперь воевать? Верно, не ждали, что ты вернешься...

— Надо спешить, — сказал базилей, а когда встали дружинники и потянулись к выходу, велел он служанкам: — Берите детей, и в дорогу. Стой, ты куда?!

Юный Полит не понял, к кому обращен вопрос базилея. Кто-то его сильно толкнул, его меч вдруг оказался в руке служанки, что доселе неприметно копошилась в углу. Он больно ударился плечом об острый камень, а когда поднялся, то увидел, как Одиссей выкручивает руку служанке, а та, изогнувшись, зубами впиалась в плечо базилея. И еще увидел юноша, что свободная рука служанки скользнула под хитон и вынырнула оттуда с маленьким кинжалом. Но тут в спину ей вошло бронзовое жало копья Перифета.

Вскрикнула служанка и обмякла в руках Одиссея. Руки разжал он, и злодейка упала на камни. С ужасом посмотрела Калипсо на ее тело.

— Двадцать лет Эвбея служила мне верой и правдой... — прошептала она.

— Значит, вера и правда ее не тебе предназначены были, — мрачно сказал Одиссей. — Я не пойму одного, почему она раньше тебя не убила?

— Разве не тебя она хотела заколоть? — удивилась Калипсо.

Одиссей молча покачал головой.

Вторая служанка взяла мальчика на руки и вынесла его из пещеры. Маленький Латин тихо хныкал и отворачивал голову от мертвой Эвбеи. А Лавиния подошла

к ее телу, внимательно посмотрела на нее и рассудительно сказала Калипсо:

— Ты слишком доверчива, мама!

Перифет, вытирающий тряпкой острие копья, не удержался, хохотнул. Строго глянул на него Одиссей, потом улыбнулся и перевел взгляд на Полита:

— А ты так и будешь лежать здесь? Смотри не засни!

Тропинка действительно вывела их к расщелине, а оттуда по заросшему кустарником склону спустились к воде. Узкая полоска песка опоясывала скалы. По ней они вышли к бухте и увидели свой корабль. Недалеко от него из камней был составлен очаг, и трое дружинников пристроились у котелка.

Один из них заметил вышедших из кустов, вскочил, присматриваясь, а потом приветственно замахал рукой.

— Дозорные, мать их коза, кентавром драная! — выругался Арет. — Сейчас шкуру с них спущу! Кто же на корабле остался? Ну а если еще гребцы разошлись кто куда!

Вскоре заскрипел ворот, натягивая канаты, что тянулись к якорным коробам с камнями, дружно уперлись в борта дружинники, заплескали веслами гребцы — и корабль медленно сполз с песчаного берега в воду. Женщин и детей отвели в помещение на корме, а когда забрались дружинники на палубу, вдруг тревожно закричал Филотий, указывая на склон горы, поросший редким лесом.

Оттуда по широкой тропе бежали вниз один за другим лучники и копьеносцы. Вот они уже на берегу, засвистели стрелы, пара из них с сухим треском впилась в мачту. Но дружинники уже спрятались за высокими бортами, и стрелы их не задевали. К самой воде

подошли лучники, полетели на корабль огненные стрелы, Полит бросился их гасить, поливая водой из бурдюка. Тут Арет дал команду, поднялись во весь рост дружинники, коротко прозвенели страшную песнь их могучие луки, и пали те, кто огнем пытался уничтожить корабль. Десять или двенадцать тел легло у воды, а раненый воин уронил оружие и, воя пронзительно от боли, стал кататься на мокром песке.

Глянул Полит сквозь прорезь в высоком борту на берег и вздрогнул. Женщина билась в смертельной судороге, а рядом подруги ее без движения лежали.

— Боги, спасите нас от гнева амазонок! — вскричал юноша в страхе.

Два или три дружинника тоже пригляделись и побледнели. Нету во всей Ойкумене свирепей воительниц этих злопамятных! Знают все, что будут они преследовать обидчиков гневом своим, пока не насытятся местью. Их воплощением эриний порою считают, и не напрасно.

— Теперь они за нами увяжутся! — крикнул Арет Одиссею, который, за мачтой укрывшись, стрелу за стрелой посылал в сторону леса, не позволяя приблизиться к берегу другим амазонкам.

— Они побоятся выйти в открытое море, — ответил ему базилей. — А мы — нет!

Но вскоре они пожалели о своей храбрости.

Второй день мотало «Арейон» по волнам, словно забыл Посейдон, что назван корабль в честь его и Деметры потомка. Сильная буря несла их на запад, туда, где мрачные воды Океана поглощают без следа смельчаков и безумцев. Лишь Одиссей был спокоен, он все время проводил с Калипсо и детьми, лишь временами

выходя на палубу, чтобы подбодрить спутников, спускался вниз, проверить, как дела у гребцов, что, из последних сил выбиваясь, помогали Филотию нос корабля к волнам держать.

Качка сломала многих, еда и питье были отданы в дар морскому богу. Юный Полит забился под свернутый парус и тихо мечтал умереть. А Медон чувствовал себя отлично. Много вина ему уступили дружинники, вот он и веселился на славу. Детей Одиссея он научил играть в расшибалку, и когда камешки вдруг от сильной волны разлетались по доскам, хохот и визг по всему кораблю разносились. А заодно докучал он вопросами нимфе Калипсо.

Долго допытывался Медон, как естество человеческое с сущностью нимфы сочетается. Рассмеялась Калипсо, и сказала, что нимфой ее Одиссей называет, а сущность ее вполне человечья. Так и этак приступал к ней по этому поводу Медон, но, кроме смеха и шуток, другого ответа не получил. А когда стал интересоваться о том, как и когда прибыл Одиссей на остров Калипсо да как его жизнь протекала, грубо его Лаэртид оборвал.

— Но как о подвигах твоих узнали аэды? — все вопрошал неугомонный Медон.

Плечами пожал Одиссей, но тут рассмеялась Калипсо.

— Помнишь, на маленьком судне однажды приплыли торговцы с Коринфа? С ними один кифаред был, такой невысокий, плешивый. Вы с ним упились безмерно, и всю ночь ты рассказывал о героях и битвах. Вот с тех пор и, наверно, молва о тебе побежала по свету.

— А почему амазонки преследуют тебе, базилей? — спросил Медон. — Неужели во исполнение проклятия Посейдона?

Одиссей лишь кивнул.

— Вот незадача, — задумался Медон. — А мне показалось, что с тобой они могли давно расправиться. Может, у них на уме не просто убийство, а жертвоприношение?

— Я не думал об этом, — коротко ответил Одиссей и выбрался из помещения, дёржась за балку.

Медон задумчиво посмотрел ему вслед, покрутил в руках камешки.

— Богам угодна смерть героев, — задумчиво протянул он.

Калипсо бросила на него сердитый взгляд.

— А мне угодно, чтобы ты заткнулся! Лаэртиду и без богов хватает могущественных недругов.

— Что может быть хуже гнева богов? — удивился Медон.

— С богами еще можно договориться, а вот с людьми...

На второй день буря стихла. Мореплаватели радостно приветствовали солнце, они грелись в его нежарких лучах, а пронизывающий ветер казался даже ласковым зефиром после бури. Все гадали, куда же их занесло. Почти никто из дружинников не отходил далеко от родных берегов, поэтому все с открытыми ртами слушали рассказы Филотия о морских девах «с вот такими сиськами», о водоворотах, засасывающих корабли, о страшном бородатом морском чудовище... Медон, с интересом слушающий эти истории, тут же вмешался и сказал, что по свидетельству Тифея с Крита это чудовище похоже на помесь змея со свиньей,

только змей тот может трижды обвить их корабль, а салом такой свиньи можно смазывать мечи всей Итаки и Зема до тех пор, пока не родятся внуки внуков владельцев мечей, а выплывает змей из темных глубин по зову медных котлов, опущенных в воду, по днищу которых бьют деревянной колотушкой, а борода его состоит из множества тонких щупалец, каждое из которых тянется на десятки локтей и заканчивается пастью с острыми, как иглы, зубами. Чудовище имеет обыкновение незаметно подплывать к кораблям, и пастью этой оно хватает и тут же пожирает, жадно чавкая, мореходов, которые слушают подобные истории.

Медон назидательно поднял палец и ушел на корму, а дружинники, внимательно слушавшие о поведках бородатого чудовища, некоторое время обдумывали слова Медона. Первым рассмеялся Филотий, а за ним грохнули и остальные.

— Это что, — сказал Перифет. — Вот когда мой дед утопил свою лодку и пришлось ему однажды рыбачить на плоту...

— Эй, — сказал вдруг Арет, который приложил ладонь ко лбу и вглядывался в мелкие волны, — а это не твой дед там плывет?

Кинулись к борту дружинники, смотрят — и впрямь — на волнах качается плот, а на нем кто-то лежит. Полит кинулся за базилеем, и вскоре все столпились на палубе узкой, пока Филотий не потребовал, чтобы ему не мешали направлять судно к плоту.

Наконец подгребли они к плоту, на веревках спустили двоих, и те подняли на борт изможденного мужчину. От лохмотьев его шел дурной запах, глаза его были закрыты, он еле слышно стонал, а к груди прижимал посох. Когда окатили его водой и дали напить-

ся, тот прошептал что-то, потом рукой пошарил вокруг себя и с трудом уселся. Открыл он свои глаза, а по тому, как закатились его зрачки, поняли все, что спасли они незрячего.

— Где я, и кто вы? — слабым дрожащим голосом спросил он.

— Ты на корабле итакийского базилея, — ответил Арет.

— А кто ныне ваш базилей? — чуть бодрее заинтересовался слепой. — Кто заменил Одиссея на троне Итаки?

— С чего ты решил, что мне понадобилась замена? — вмешался Одиссей.

Слепой прислушался к его голосу, задрожал, оперевшись на посох, поднялся на ноги, держась за борт, и, повернув голову в сторону базилея, сказал:

— Неужели ты не узнаешь меня, старый друг? Вспомни Ахеменида, сына Адамаста, которого вы оставили на острове Полифема! Вспомни о несчастном забытом людьми и богами Ахемениде, который за твои подвиги расплатился своими глазами!..

Глава третья

Анналы Таркоса

Днем жаркий ветер с пустыни выветривал из головы память о том, что сейчас прохладный месяц Мем, но ночной холод столь же быстро память укреплял. Стены палаток для слуг были из толстой ткани, пропитанной смолянистым раствором от гнили. На солнце терпкий запах раздражал ноздри, но тут следовало почесать переносицу, чтобы не чихнуть. А если уж начал чихать, то не остановишься, пока не выбьешься из сил, или до той поры, как надзиратель приведет тебя в чувство своим тонким прутом. Впрочем, днем здесь разрешалось находиться только хворым или же по делу — например, в наказание за нерадивость подмести глинобитный пол. Но пока ты сметаешь песок в одном углу, он заносит желтой пылью все остальные, что успел прибрать.

Я был избавлен от таких повинностей не только потому, что был самым старшим из оруженосцев. Варсак ссудил надзирателю Стету несколько драхм, и тот не придирался ко мне. Откупиться мог и я сам, но слугам не положено иметь при себе денег, хотя у каждого, как быстро выяснилось, было припрятано немного меди или серебра на мелкие радости.

Надзиратели сразу же по нашему прибытию выстроили слуг и указали места, расписав всех по именам

господ. Это меня вполне устраивало. Варсак назвал меня своим весьма дальним родственником из Тайшебаини, а имя мое якобы Тар. Пожилой надзиратель, лениво помахивая прутиком, указал мне на топчан, пригледелся к моему небогатому скарбу и посоветовал не показываться в лагере вечером, после отбоя. Подгулявшие новобранцы могли поймать высунувшего нос за пределы матерчатых стен оруженосца и подшутить над ним, если тот не сможет или не успеет откупиться. Шутят иногда весьма пакостно. Одного чуть не утопили с веселым смехом в нужнике. Хорошо, мимо проходил кто-то из старших наставников и разогнал весельчаков. Днем нам полагалось быть рядом с гоплитами, чтобы вовремя подать воды или сменить их одежду после долгих изнурительных упражнений.

Новобранцы жили в большом благоустроенном доме рядом с каналом. В двух-трех стадиях отсюда располагался плац с хитроумными устройствами, которые явно предназначались для того, чтобы выбить спесь из будущих воинов.

Жизнь прислужника легка, но унизительна. Нам нет нужды бегать с тяжелым вооружением вокруг лагеря, лазать по скользким бревнам и огромным камням, соединенным цепями, да так, что от малейшего движения бревна начинают вращаться под ногами, а камни угрожающе раскачиваются в разные стороны, норовя скинуть вниз или разбить голову... Слугам нет надобности выпрыгивать с метателем наперевес из дыр в стенах, изображающих створки звездных машин, и, рискуя поджарить своих товарищей слева и справа, бежать зигзагами сквозь понатыканные без видимого порядка раскрашенные столбики, причем желтые надо спалить, а зеленые — даже не задеть огнем. В это вре-

мя слуги могут прохладиться в тени под навесом. Но если нет рядом твоего господина, то любой может пнуть или послать за пивом. Кое-кто из оруженосцев пытался подражать своим хозяевам, это не запрещалось и не поощрялось, просто никто не обращал внимания на то, как молодой недотепа летит вниз головой с бревна или с синяками на теле отползает от жутких маятников. Цел ты или переломал кости — все равно утром надо подняться затемно, еще раз вычистить господские доспехи и перетряхнуть одежду, а потом выстроиться у дома, в ожидании, когда тебя позовет твой хозяин.

Слева от меня закуток чинца Го, а справа разместились шустрый и разбитной северянин Болк. В отличие от тощего желтокожего чинца Болк выглядел сильным и выносливым, как и его хозяин, прибывший на одном корабле с нами. Из бесконечных вечерних рассказов Болка я понял, что достойный Верт вроде бы не по своей воле оказался здесь. Знатные родственники сбыли его второпях в гоплиты, чтобы не вызвать неудовольствие управителя Северной Киммериды, за дочкой которого он небезуспешно ухлестывал, хотя в пару ей был назначен юноша из другого рода. Впрочем, Болк быстро забывал, о чем недавно рассказывал, и очередная история о себе и своем господине звучала уже на иной лад. После того как гасили свет, Болк принимался громко шептать на ломаном коинаке, пересыпая непонятными словечками, о своих с Вертом приключениях на далеких северных островах, где женщины полногруды и белы, а по стати своей далеко превосходят южанок. По-моему, чинец не понимал его, потому что время от времени невпопад хмыкал и поддакивал.

Я не поддерживал эти разговоры. Мне было неприятно находиться в таких простых отношениях с людьми нижних каст, но деваться все равно некуда. Вскоре и мне пришлось сочинять историю о себе. Она вышла не очень связной, но Болк только спросил, часто ли бьет меня хозяин не по делу, и снова принялся описывать, как они, перебираясь с крыши на крышу, влезали в окна зрелых девиц и как весело они проводили время в уютных теремах... Вскоре я привык засыпать под его шепот.

Заканчивалась вторая декада первого месяца нашего пребывания в лагере, когда Болк сказал, что после того, как новобранцы пройдут ритуал вступления, будет произведен отбор среди слуг. Вот месяца через два и решат, кто достоин быть оруженосцем, а кого отправят разгребать вонючие зиккураты в позорных деревнях. Кто-то из дальнего угла предложил Болку засунуть себе в задницу болтливый язык, но северянин на этот раз не отшутился, а кинулся в угол и намял бока тем, кто подвернулся под его кулачищи. Вернувшись на свое место, он тихо сказал, что завтра попросит господина показать ему, как управляться с оружием. Дело в том, пояснил он, что хоть и называют нас оруженосцами, да только это ничего не значит, и, пока нас не утвердят в этом хоть и нижнем, но военном чине, мы остаемся прислугой. Я понял, что он не шутит. У Болка вряд ли возникнут затруднения, по той ухватке, с какой он подавал и принимал оружие от Верта, видно было, что боевая снасть ему не в диковинку. В этом лагере я не был самым старшим. Двое вообще мне даже в отцы годились — молодые господа не смогли расстаться со старыми слугами.

Утром, дождавшись, когда нас отпустили после построения, я спросил у Варсака о судьбе оруженосцев.

Он задумался.

— Что-то говорили об этом, — сказал он. — Только тебе не обязательно уметь обращаться с оружием, хотя и не помешает. Те, кто знает грамоту, будут зачислены без испытания.

— Это хорошо, — успокоился я. — В грамоте я сильнее был даже нашего кибернейоса.

Тут я вспомнил о том, что пришлось бросить, с чем расстаться, и приуныл. Эх, был я уважаемым механиком из рода механиков, а теперь жалкий слуга, дрожащий от страха, что его не зачислят в оруженосцы. Но лучше трудная жизнь в Гизе, чем быстрая смерть в Микенах!

Варсак заметил, что настроение у меня испортилось. Он хотел что-то сказать, огляделся по сторонам и, не желая, чтобы обратили внимание на слишком долгую беседу слуги и господина, отвел меня за насыпь.

— Вот о чем я не подумал, — озабоченно сказал он. — Тебя ведь спросят, откуда знаешь грамоту, кто научил да почему?

— Скажу, в твоём доме все грамотные, вот и я потихоньку научился. Там слово, здесь два.

— Да-а? — с сомнением протянул он. — Если в это поверят... Нет, погоди, я же бессемейный, и это записано! Скажем так, ты служил у хозяина, а наследник умер. Слуг выморочного рода распределили кого куда, а тебя я подобрал в работном доме и взял в память о дальнем родственнике. Имя прежнего хозяина — Базун. Был у меня такой в родне, давно

помер. Впрочем, через два-три месяца нас уже здесь не будет, а там...

Он махнул рукой и проводил взглядом двух небольших соратников, которые тащили куда-то длинный деревянный брус. Жилки на лбу Варсака набухли, в углах глаз заблестели слезинки. Я чувствовал, как он напрягается, пытаясь управлять соратниками. Но они продолжали тащить брус как ни в чем не бывало, только в какой-то миг тот, что был сзади, выронил его, но тут же подхватил мохнатыми лапами, водрузил на плоскую хитиновую спину и, придерживая, засеменил дальше.

Варсак шумно выдохнул воздух.

— Не получается пока, — пожаловался он. — Четвертый день учат, как ими управлять, а все равно ничего не выходит. От снадобий этих просто тошнит. Говорят, они на мужскую силу плохо действуют.

Я сочувственно покачал головой. Слушая вечерние сплетни слуг, я невольно много забавного узнал про их господ. Одни вообще оказались неспособными к управлению неразумными и общению с большими соратниками, другие не сразу и очень болезненно призывали к снадобьям, не в силах удержать их в желудке. Но в этих делах наставники были неумолимы. Никто, рычали они, еще не покидал лагерь из-за непригодности, а у кого организм хилый, так его быстро укрепят долгими упражнениями, а единственная уважительная причина, освобождающая от славного долга, — это смерть во время занятий!

— Как-то я пробовал эту дрянь. Похоже на прокисшую чечевичную похлебку, — сказал я. — Потом три дня изжогой маялся. Наверно, поэтому соратников в

частных домах почти нет. Вот жена моя так вообще их на дух не...

— С каких это пор ты женат? — поднял брови Варсак, и мне стало не по себе.

Еще на судне, что доставило нас к жарким берегам Птолемейоса, он пару раз невпопад отзывался на мои слова о семье, но тогда я списал его забывчивость на морскую болезнь.

— Ну как же, — сказал я, стараясь, чтобы голос мой не дрожал, — вспомни, сколько раз ты гостил в моем доме, играл с детьми...

— С детьми? — переспросил он и потер переносицу.

— Седра и Ашука от тебя оторвать невозможно, особенно когда ты рассказываешь о своих детских приключениях на Танаисе.

— Приключения на Танаисе? — тупо повторил он.

— Да что с тобой?! — чуть не заорал я, но вовремя опомнился — презабавным выглядел бы со стороны слуга, повысивший голос на господина. — Не ты ли рассказывал, как со своими двоюродными братьями выкрал манок для малых соратников и развлекался тем, что наускивал их на соседских мальчишек?

— Да помню я все это, — ответил Варсак. — За манок потом дед нас взгрел, он же был лесным надзирателем.

— Ну?

— Что — ну?

— Кому ты это рассказывал?

— Тебе и рассказывал!

Я медленно втянул в себя воздух и еще медленнее выдохнул.

— Хорошо, давай еще раз. Где ты мне рассказывал про манок?

— Память у тебя что-то слабеет. Мы же в гостях были у Демена, не помнишь? Ты тогда пива перебрал, а я тебя к себе домой отвел. А потом уже ты добрал до своего жилья, что в соседнем доме для малосемейных.

В моей голове тихо зажужжали осенние мухи. Еще немного, и я поверю, что и впрямь у меня не было жены и детей, и не я отводил пьяного Варсака, а он меня...

Тряхнул головой, но наваждение не прошло, а скорее окрепло. Мне стоило некоторых усилий вспомнить имя жены, моей шумной и говорливой Паэно, вспомнить своих домочадцев.

Жирный рокот гонга прокатился над лагерем. Время утренних занятий. Варсак кивнул мне и пошел в сторону плаца. А я сел прямо на песок и задумался.

Немногие разговоры, что мы вели с Варсаком после прибытия в лагерь, приобретали зловещий оттенок. Я припоминал мелкие несообразности, странные вопросы, которые он задавал как бы между прочим, интересуясь моими знакомыми среди механиков. Страшная мысль — не подменыш ли он — пришла мне в голову. Но тут же я остановил себя. Конечно, доводилось слышать превеликое множество рассказов о тех или иных славных богатством знатных родах, что тайно сооружали у себя купель, пытаясь незаконно вырастить наследника имени или, наоборот, своего врага для пытошной мести. Добром это никогда не кончалось. Все эти любовные истории рапсодов о Мисторе и Лентихое, заблудившихся в телах, или героические сказания о бесконечных подвигах шестидесяти братьев-героев Чжу — всего лишь красивые сказки. Уж я-то знаю, что отладить правильную подпитку жизнотворной купели дело, в общем, нехитрое, но только потом в течение

трех месяцев необходимо каждый миг неотрывно следить, чтобы пища поступала в должное время, а обогрев не менялся. Такую-то вот машину, саму за собой присматривающую, не всякий соорудит. Мой отец однажды напросился в подручные к наладчику купели и помог ему заменить какую-то хитрую штуковину — так он после этого несколько лет только об этом и рассказывал, родне уши прожужжал, какое это тонкое, сложное и не всем доступное искусство. И еще я тогда от него услышал, что при недозволенном житнетворении на каждое благое рождение приходится немало неудачных. Все истории о двойниках и подменах, смеялся отец, выдумки хитрецов на потеху глупцам — ежели вырастить взрослого человека, так и выйдет из купели много дурного мяса без проблеска мысли. А для интриг и подмены выращивать да воспитывать много лет — у кого терпения хватит? Одно дело — выносить в купели правильного ребенка от матери и отца, другое — если верить рассказам — вырастить готового человека из кусочка кожи или волоса.

Но почему тогда меня так крутили-вертели и все допытывались, я ли это на самом деле или не я? Кто же теперь сидит на горячем песке и кому дурные предчувствия холодят сердце?

Отсюда, за насыпью, не была видна лагерная суета, лишь песок и каменное крошево тянулись к невысоким холмам у дрожащего маревом горизонта, над которыми возвышался темный треугольник Большой Звездной Машины. Вдох сожаления удержать не удалось. Э, да что теперь сожалеть, все в прошлом, больше никогда не стоять у слуховой трубки и, следуя командам кибернейоса, доворачивать тяговые конусы на должное количество делений, прислушиваясь, как

потрескивают тросы, идущие к каморам совмещения... Тросы моей судьбы перепутаны, оборвались!

Зашуршал песок, кто-то спускался вниз.

— Вот ты где, — раздался голос Болка. — Греешь свои кости? Лучше бы придумал, где раздобыть немного оболов!

— Зачем тебе деньги? — спросил я.

— Не мне, а нам, — поправил Болк. — Оруженосцы собираются устроить пирушку, вот и скидываются, кто сколько может. Погуляем завтра!

— Какую еще пирушку? Кто позволит нам гулять?

Болк вытарашил на меня глаза.

— Так ты не знаешь?! С утра все только об этом и говорят. В конце месяца всем гоплитам полагается отпуск на пару дней, желающих отпустят в город вместе со слугами. Ну а пока хозяева будут кутить, мы тоже себе позволим, а?

Он плотоядно оскалил зубы и потер ладони друг о друга. Я улыбнулся. Таким жестом обычно зазывают к себе гостей девушки для услады чресел. Когда я объяснил, какие знаки он подавал, Болк чуть не свалился от хохота и, давась смехом, сказал, что у них это выглядит иначе. И показал как! Тут уже засмеялся я. Ничего себе приглашение! Впрочем, если случай занесет в Северную Киммериду, буду следить, чтобы прилюдно не ковыряться пальцем в ухе.

— Ну так есть у тебя деньги, или придется у хозяина кланчить? — нетерпеливо спросил Болк.

Деньги у меня были зашиты в поясной карман. Варсак ссудил на всякий случай, но посоветовал никому не показывать. Если не украдут, то отберут. Я видел, как молчаливый Го случайно уронил медный обол и не успел поднять, как оттолкнул чинча и забрал моне-

ту Кехтот, неприятный и неопрятный оруженосец какого-то мелкого гражданского чина, подавшегося в гоплиты то ли рады выслуги, то ли по другой причине. Мне доводилось видеть чинцев в драке, и я ожидал, что Го свалит наглеца хитрым ударом пятки или сложенными пальцами. Но Го лишь укоризненно покачал головой, вздохнул и отвернулся. Через несколько дней ночью у лежака Кехтота ни с того ни с сего обломилась ножка, на крики и проклятия тут же объявился надзиратель и примерно наказал расшумевшегося слугу. Кехтот всю ночь кряхтел и ворочался, тихо постанывая. Он так и не сообразил, за что пострадал, а я разглядел в слабом свете плошки в руках надзирателя довольную улыбку Го.

— Деньги я добуду, — сказал я. — Но только вот в Гизе не разгуляешься. Там, кроме хранилищ и мастерских при Большой Машине, ничего нет. И еще охрана.

— Кто говорит о Гизе? — вскричал Болк. — Мы поедем в Гекторапат!

— Это другое дело, — согласился я. — Там есть где повеселиться. Кроме того...

Тут я замолчал, потому что Болку совершенно незачем знать о родственниках моей жены, живущих в Гекторапате. Почему-то я только сейчас вспомнил о них. Наверно, вся эта круговерть событий, в которую меня втянули неведомые силы, плохо повлияла на память. С другой стороны, отношения с предостойным Леантом и его супругой у меня не сложились, хотя на торжественные события вроде прибавления семейства они, невзирая на возраст, приезжали с дорогими подарками. Старый Леант был кадилыщиком в храме Сына Гончара и неодобрительно относился к моей работе. Да что там говорить, он вообще полагал, что людям

нечего шляться по далеким мирам, а лучше не гневить богов, своих и чужих. Старая Ананке во всем поддерживала супруга и пару раз даже делала замечание моей жене. Крику было!

Сейчас я вдруг подумал, что домочадцы могли перебраться в Гекторapat, а причина всех неприятностей, может, вовсе и не во мне. Мало ли что мог брякнуть на рынке кто-нибудь из слуг, да и жена моя язык порой удержать не может. Хоть все это никак не вязалось с воспоминаниями о Доме Лахезис и башне с пауками, но мысль не шла из головы — она по крайней мере хоть как-то связывала концы с концами. Худо, но связывала...

До сей поры я не бывал в общедоступных местах для простонародья. В детстве меня брали в гости, да и к нам частенько заходили друзья отца, но членам нашего рода было не к лицу проводить ночь не под крышей своего дома. Правда, краем уха доводилось слышать пересуды взрослых о моем деде, который был изрядным гулякой и порой не брезгал посещать тетрады городских прелестниц, выбираясь оттуда поутру и в весьма непотребном виде.

Впрочем, большая зала с низкими деревянными потолками выглядела вполне прилично, хоть и было в ней шумно от разговоров и дымно от жаровень, на которых скворчала еда. Хозяин заведения, однорукий нубиец, восседал на высоком табурете за прилавком и движением скрюченного пальца гонял прислугу от длинных столов к решетчатой загородке, откуда радовали глаз толстопузые медные чаны с просяным пивом.

Я немного посидел с Волком, Го и парой почти незнакомых оруженосцев, которым Болк после первой

же кружки со вкусом принялся врать про то, как нас всех затолкают в Большую Машину, а потом с помощью хитроумных, но весьма мучительных сращиваний превратят в полусоратников-полулюдей. Го невозможно потягивал пиво и только чуть приподнимал бровь, когда Болк очень уж лихо заворачивал. По лицам этих простаков из лидийской глубинки было видно, что обмануть их — все равно что по ветру отлить. Но даже они крикнули, когда Болк предупредил, что нас всех уменьшат до размеров вши лобковой и выпустят на лоно опасного мира, густо обросшего диким волосом.

Еле сдерживая улыбку, я заказал всем еще пива и хотел пояснить, что Болк не так уж и не прав, но вовремя сдержался, чтобы не вызвать вопросов, откуда я это знаю. Превращать нас в мелких соратников, конечно, не будут, но уж я-то доподлинно знаю, что отряды второй волны подвергают метаморфозам. Иначе на многих мирах они не то что дышать, но и передвигаться не смогут. Я не знаю точно, когда им наращивают мускулы и жилы, а когда и вовсе сращивают с большим соратником, но у нас на «Парисе» нередко и механиков обрабатывали. Неприятное занятие — болтаться в теплой купели, словно зародыш, а в тебе невидимые пальцы ковыряются. Вернувшись, опять приходилось полдня мокнуть в купели — кому охота домашних пугать! А то и захлебнуться воздухом можно, если дыхалка обратно не перестроилась. Говорить об этом не следовало, и без того у меня несколько раз с языка слетали словечки, которые могли выдать механика — если, конечно, меня услышал бы человек сведущий, а не тупые слуги, общество которых я вынужден разделять.

В дальнем углу случилась драка — двое темнокожих повалили стол и, дубася друг друга пивными кружками, катались по полу. Хозяин кинул в их сторону короткий взгляд и дернул за шнур, протянутый над его головой. Доски прилавка разошлись в стороны, из щели показался соратник. Мгновенное движение шести мохнатых ног — и он завис над драчунами. Пара укусов за чувствительные места мигом их утихомирила. Соратник бесшумно скользнул в свою щель, доски вернулись на место. Это произошло так быстро, что многие в зале и не заметили. Болк проводил взглядом соратника, цокнул языком и заметил, что не отказался бы от такой зверушки себе в оруженосцы. Один из лидийцев всерьез заметил, что слугам не полагаются оруженосцы, но Болк не удостоил его ответом.

Я подошел к хозяину и, учтиво сложив ладони, спросил, не знает ли он, как добраться до переулка Гранильщиков.

Хозяин почесал пальцем бровь и поинтересовался, зачем это я решил покинуть в такую рань его гостеприимное заведение? Я пояснил, а он хмыкнул и сказал, что знает старосту Леанта, а идти отсюда лучше всего к пристани, а там вдоль складов до мастерских. Мастерские слышны издалека по свисту паровой машины. За ними начинается подворье золотокузнецов, а там и нужный переулок недалеко. Если возникнет нужда в добрых увеселениях, то он может назвать пару мест, приличных и недорогих.

Хозяин был расположен поговорить. Он начал рассказывать, как потерял руку во время пожара, но я поблагодарил его и вернулся к столу. Следовало дотемна найти дом Леанта. К завтрашней вечерней поверке полагалось быть в лагере, и если в Гекторапат нас отвез-

ли вместе с гоплитами в больших колесницах с низкими бортами, то обратно велено добираться кто во что горазд. Болк считал, что это своего рода испытание как новобранцам, так и слугам. Полторы тысячи стадий пешком — дело нехитрое, но после бурной ночи тяжело будет топтать под солнцем, если не подвезет попутная колесница или сердобольный земледелец не посадит на свою телегу. Правда, земледельцев что-то в этих краях я не заметил — песок и песок...

Болку я сказал, что пойду к родне, и, выложив перед ним шесть оболов на столешницу, посоветовал не грустить.

— Да я и не собираюсь! — подмигнул он. — Вот мы сейчас на эти деньги пойдем к девкам и встряхнемся на славу, а!

Я пошел к выходу, а за моей спиной Болк уговаривал Го идти с ним и не бояться господ. Чинец что-то ответил ему, но слов я уже не слышал. Только задумался на миг — что за человек его хозяин, мрачный Шитан, и почему я редко вижу его вместе с остальными новобранцами? По слухам, некоторых гоплитов якобы натаскивают на дела совершенно тайные, и будто бы они давно потеряли человеческое обличье. Но уж кому-кому, а мне лишних вопросов задавать не следовало, а следовало, напротив, затаиться и ходить тише паука ночного.

Еще было светло, когда я вышел к портовым сооружениям. Вдоль причалов на несколько стадий тянулись длинные белые стены хранилищ. Скрипели ворота подъемных блоков, приводимые в движение крупными соратниками, большие тюки и ящики плыли над головой по канатам и исчезали в темных недрах

складов, в квадратных проемах, куда уходили грузы, сустились люди, принимая товар. Несколько трухлявых речных барж, пара морских судов, обшитых медным листом, да рыболовные лайбы — все, что я увидел в порту. Сюда, наверно, не заходят большие океанские корабли...

Мастерские я узнал по высокой трубе. Паровая машина не работала, а сквозь настежь открытые большие ворота, укрепленные железными полосами, было видно, как возле котла возятся перемазанные в саже механики. Лязг металла прослаивался отборнейшей бранью, радующей сердце любого знатока машин. Поминались оси, колеса и втулки в невероятных сочетаниях с родственниками нерадивых ремонтников. Невысокий коренастый гиксос в робе старшего мастера держал за слетевший со шкива ремень передачи и поливал его такими закрутами в богов, в менторов и в восемь святынь, что я на всякий случай ускорил шаги и быстро миновал мастерские — тут уже пахло если и не крамолой, то чем-то опасно похожим на крамолу.

Подворье златокузнецов встретило меня треньканьем молоточков и тонким перестуком чеканов, а ветер доносил острый запах протравы. В переулке Гранильщиков я быстро нашел храм Сына Гончара и попросил молодого прислужника в полосатом хитоне показать дом Леанта. Прислужник посмотрел свысока, но все же осенил меня знаком круга и спросил, о ком идет речь. Я пояснил, что кадильщик Леонт — мой тесть; а потому я тороплюсь скорее обнять его.

— Не знаю, кого ты собираешься обнимать, внук мой, — сказал прислужник. — Старый кадильщик Хорег ныне отправился на покой, а новый еще не при-

был из Тира. Не желаешь ли пожертвовать храму малую толику?

Я машинально опустил в протянутую чашку монету в два халка.

— Постой-ка, высокочтимый! — С этими словами я ухватил прислужника за край хитона, когда он уже был на ступенях. — Так я не понял, где мне найти Леанта и супругу его, Ананке!

— А я не понял, о ком идет речь! — высокомерно вздел бровь прислужник. — В храме нет такого кадилащика, да и мне вообще незнаком человек по имени Леант.

Он выдернул край хитона и, гордо подняв голову, взошел по каменной лестнице к храму, похожему на большую перевернутую чашу. Скрипнула резная двустворчатая дверь, показался еще один прислужник, постарше годами. Они о чем-то стали тихо переговариваться, молодой пару раз оглянулся на меня, а потом скрылся в храме. Второй спустился вниз и учтиво спросил, не может ли он помочь в моих поисках.

Вскоре он привел меня к дому кадилащика. Нас встретила старуха во вдовьем одеянии. Всхлипывая и то и дело осеняя себя знаком круга, она рассказала, что вот уже два месяца, как ее Хорег нашел покой, вернувшись в руки Творца, дабы тот заново вылепил его из первородной глины, и как они с мужем прожили здесь долгие годы, благодарение храму, Гончару и его Сыну, а вот теперь ее Хорег...

Я дал ей пару оболов и удостоился благосклонного кивка прислужника.

Обратно шел как в тумане, не понимая, куда же исчез Леант. Недавние сомнения снова всколыхнулись во мне.

У причалов неожиданная слабость в ногах заставила присесть на тюк с мягкой рухлядью. Рядом, из треснувшего ящика, высыпалась горка пряных фисташек. Я набрал горсть и, закидывая в рот одну за другой, смотрел на воду, на щепки и мусор, что плавали у старых, полусгнивших свай, и в который раз пытался привести мысли в порядок. Удавалось плохо. Да чего там говорить — мыслей вообще никаких не было, один лишь страх душил: неужели я подменяю и это ложная память заставляет дергаться и метаться?

Из ближней двери в склад вышел какой-то человек, судя по одежде, чинец, взглянул в мою сторону и снова исчез в недрах хранилища, откуда шел неумолчный скрип блоков и постанывание канатов. Сейчас Болк и Го, наверно, уже вовсю гуляют, подумал я, а потом вспомнил, что хозяин питейного заведения знал Леанта! Что же это получается?!

Но сколько я ни тарасился в мутные волны, сколько ни ломал голову, ничего путного не складывалось. Если и впрямь я — не я, то откуда взялись Леант и однорукий нубиец, назвавший имя Леанта? Тут я додумаясь до простого и единственного решения — раз исчез мой тесть, словно его и не было вовсе, то остался нубиец. А стало быть, с него и надо спрашивать...

Я поднялся с тюка и быстро пошел по дощатому настилу к темнеющему в сумерках холму, туда, где весело перемигивались огоньками дома, прилепившиеся один над другим к склону. Мне казалось, что если я не потороплюсь, то может исчезнуть и хозяин, либо же на его месте окажется другой, а потерянная рука окажется целой и невредимой...

Пристань опустела. Шаги гулким эхом бродили вдоль стен. Широкие створки дверей последнего склад-

ского здания приоткрылись, оттуда высунулась чья-то голова, потом появилась рука и поманила к себе. Я остановился и на всякий случай присмотрел обломок доски. Закон и порядок один для всех и везде под теплым солнцем, но кто знает здешние порядки? Лихих людей вразумит не увещевание, а хорошая взбучка.

Человек из склада между тем приоткрыл дверь пошире и опять приглашающе махнул рукой. В неярком свете заката его лицо показалось знакомым, а в следующий миг я чуть не вскрикнул от удивления — это был Го!

Он заметил, что я его узнал, и приложил ладонь к губам, призывая к молчанию. Указал большим пальцем себе за спину и исчез в проеме.

Что бы это значило? Я последовал за ним в полумрак большого помещения, в котором горами возвышались перевязанные тюки, штабели ящиков составляли колонны, уходящие к почти невидимому во мраке потолку, а свисающие тали и блоки были похожи на щупальца огромного соратника, затаившегося под потолочными балками в ожидании дозволенной добычи. Почему-то я решил, что сейчас все прояснится, а странные и пугающие события благополучно завершатся.

Но ничего не прояснилось, а, напротив, полностью погрузилось во тьму. Я успел сообразить, что причиной тому был мешок, который вдруг оказался на моей голове. Руки мои вывернули за спину и крепко связали. Потом взяли за плечи и повели, грубо разворачивая в нужную сторону. Страх я не испытывал, лишь тупое ожидание неприятностей холодило сердце. И еще было облегчение — вот и кончились страхи! Послан-

ники Лахезис все же выследили меня, а Го был одним из бесчисленных глаз и ушей Дома.

Мешок у меня на голове вонял рыбой. Судя по звукам, мы все еще были на складе. Потом глухо звякнула дверь и меня заставили пригнуться. Я думал, что сейчас мы окажемся в крытой колеснице для опасных нарушителей Установления, но, к моему удивлению, под ногами закрипели деревянные ступени и снова хлопнула дверь, но уже над головой.

Мы опускались куда-то вниз. На миг показалось, что меня хотят утопить. Но неужели они не попытаются хотя бы выяснить, что произошло с Гуптой и прочими?

Наконец с головы содрали мешок. Идущий впереди человек в длинном, до пят, бурнусе, поднял над головой пузырь со светящейся жидкостью, в ее слабом зеленоватом свете была видна грубая каменная кладка подземного хода. Я обернулся. Не убежать — тот, кто шел сзади и чье лицо скрывал капюшон, наставил на меня длинный нож и повелительно указал вперед. Я пожал плечами и пошел за человеком со светильником. Чинца в подземелье не было. Может, он мне померещился или это был другой? Улыбочка, правда, очень уж была знакомая!

Подземный ход вилял то вправо, то влево, несколько раз мы проходили мимо темных щелей, а потом уперлись в глухую преграду, выложенную из кирпича. Тот, кто шел впереди, поднял камень и трижды стукнул в стену.

Сверху упала веревочная лестница. Оставив светильник на земле, человек в бурнусе быстро вскарабкался по ней и исчез в едва заметном отверстии. Сзади меня кольнули ножом, и я полез в узкий колодец, обдирая

локти о шершавый камень. А когда выбрался наружу, то оказался в маленькой пустой комнате без окон.

Потом вышли во двор, огороженный высокой глинобитной стеной. У ворот действительно стояла крытая колесница. В жидком вечернем свете я разглядел одеяния похитителей. На них не было знака паутины! Времени сообразить, что это означает, мне не дали, на голову опять накинули мешок, только запах у него был не рыбный, а какой-то сладковатый, одуряющий. И я потерял сознание.

Гуси мешали отдыхать на прохладном ложе, они противно гоготали в ухо, а потом один из них больно ухватил за нос и принялся щипать его... Я дернулся и раскрыл глаза.

Мои руки привязаны к спинке стула, а ноги прижаты к ящику. Через ящик ко мне наклонился здоровенный детина с длинными волосами и крутил мне нос. Заметив, что я пришел в чувство, он прекратил это занятие и отошел в сторону.

Муть из моей головы переместилась в желудок; я напрягся, чтобы удержать его содержимое. Глаза слезились, в ушах рокотало. Чуть погодя, когда немного полегчало, я обнаружил себя в большой пустой комнате с двумя окнами. Я сидел у стены, руки мои были уже свободны, но ящик у колен по-прежнему мешал встать. В неяром свете расставленных по углам светильников лица стоявших вокруг меня людей казались зловещими. Трое у стен, двое у окон, а один присел на скамью. Этот был самым старшим, судя по сединам.

Не знаю, сколько я пробыл без чувств, но, судя по тому, что во рту еще оставался мускатный привкус

фисташек, которыми я лакомился в порту, меня еще не перевезли в Микены.

Заметив, что я стряхнул с себя дурман беспамятства, седой что-то шепнул стоящему рядом детине с длинными волосами, тот подошел, поднял меня прямо со стулом и отнес на середину комнаты. Развязал руки и встал за спиной.

— Назови свое имя! — повелительно сказал седой.

— Та... Тар... — Голос мой звучал сипло.

Я осекся, но не потому, что не мог говорить. До меня дошла несуразность вопроса. Они что, не знают, кого схватили?

— Ты прислуживаешь гоплиту, — продолжал между тем седой, не дожидаясь ответа. — Слуга из нижних каст, так? Но ты что-то знаешь о звездных машинах. Откуда тебе это известно, ведомы ли тайны управления? Ответь нам без утайки и можешь ничего не опасаться. Будешь упрямитесь — вон тот, что у двери стоит, очень не любит упрямцев.

Я обернулся. Стоящий у двери юноша в темном хитоне приветливо помахал рукой и подошел ближе. Да только улыбнулся он скверно, а на пальцах у него зловеще блеснули шипы и когти строгой рукавицы. Довелось однажды видеть, как стражники усмиряли обезумевшего соратника с помощью таких вот рукавиц. Струйка холодного пота сползла по позвоночнику. Я понял, что меня похитили вовсе не служители Дома Лахезис, а лихие люди. Служители не стали бы задавать странные вопросы. Да я бы сам все выложил, не дожидаясь, когда начнут мозги вытравливать!

Так и этак выходило плохо. Но одно дело — попасть в руки блюстителей порядка, другое — к тем, кто порядок ни во что не ставит. Там смерть достойная и

заслуженная, здесь — муки смертные и кончина пустая. Все знают, что последователи Безумного никого живым не отпускают, а кто примет их грязное установление, тому назад дороги нет.

В том, что я оказался в ловушке Безумного ментора, сомнений не было. Обмануть, ограбить, пусть даже убить — пойти на это мог всякий лихоимец, не попавшийся до поры многовидящему оку блюстителей. Но если пахнет сговором, то все ясно. Кто в здравом уме пойдет на такое!

— Отпустите меня, люди добрые, — сказал я. — Ни в чем постыдном не замешан, чту закон и порядок, а ежели вам деньги нужны...

Седой поморщился и сделал знак юноше. Я вместе со стулом повалился на пол. Хорошо, что тот ударил открытой рукой, а не рукавицей, успел подумать я, но тут молодой злодей пару раз пребольно прошелся носком сапога по моим бокам.

— Ну хорошо. — Седой сурово посмотрел на меня, затем перевел взгляд на молчаливого человека в бурнуса: — Покажи ему!

Я подобрался, ожидая нового удара, но человек в бурнуса только извлек из недр своего одеяния небольшую коробочку и, приблизившись, слегка приоткрыл ее. Из щели выметнулась мохнатая клешня и тут же втянулась обратно. Зубы мои застучали от озноба. Укус ядовитого краба бывает хуже смерти, если не принять вовремя противоядия. Умереть не умрешь, но и жизни никакой не будет — руки и ноги отнимутся на долгие годы, если не навсегда, а сам превратишься в пускающего слюни дурачка с разжиженной головой.

— Нам человека убить, что плевков растереть! — гаркнул молодой парень, взмахнув в опасной близости от

моего лица строгой рукавицей. — Пойдешь с нами по своей воле — жив будешь, а не хочешь, так все равно пойдешь! Сейчас вырву твою печень и съем, посмотрю тогда, как заговоришь!

— Ты хоть сам понял, что сказал? — огрызнулся я. — Усы отрасли, а то соплей подавишься!

Руку я отдернул быстро, но он все же задел ее, и три полосы взбухли кровью на моем запястье. Седовласый прикрикнул на юнца и тот, невнятно бормоча себе под нос, удалился.

— Чопур горяч и нетерпелив, но зла тебе не желает, — сказал седовласый и дал мне тряпку обмотать порезы.

Я ничего не ответил, хотя меня и подмывало спросить, всегда ли столь болезненны добрые дела молодого Чопура. Бояться я перестал, потому что убей они меня сейчас, позора для семьи и рода никакого, а если пожар в Доме Лахезис с именем моим не свяжут, так и вообще почет! Рано или поздно попадетсЯ кто-либо из этих злодеев, тогда все и станет ясно. Крики этого молодца с рукавицей вышибли из меня страх перед ядовитым крабом.

Седой кряхтя поднялся с места и пошел к дверям. За ним последовали другие, остался только человек в бурнuse, который присел в углу со своей жуткой коробкой. Не обращая на меня внимания, он достал краба и принялся скармливать ему какие-то крошки. Я посидел немного на стуле, потом осторожно встал. Окрика или удара не последовало. Подошел к окну, выглянул.

В лунном свете было видно, что комната находится высоко над землей. Внизу ползли светящиеся точки —

факелы или светильники, из тьмы доносились скрежет металла, буханье молотов, скрежет и шварканье напильников. Убежище похитителей недалеко от порта, догадался я, где-то рядом с мастерскими. А потом я поднял глаза и понял, что ошибся. В звездном небе прямо передо мной словно треугольник тьмы, окаймленный пурпурной линией рабочего свечения, возвышалась Большая Пирамида. Что-что, а Машину Машин я узнаю даже в полном мраке!

Вернулся страх. Как близко подобрались безумцы, ведомые Безумным, к самому сердцу миропорядка! Значит, они и впрямь хотят выпытать тайну устройства, а вовсе не мутят разум пустыми разговорами, чтобы приготовить меня к принятию их преступного установления. Но что я знаю, кроме ходовой части?

Страх ушел.

Но все же знаю немало, спохватился я. Пусть недоступно мне высшее знание о том, как и почему совмещенные объемы пирамид больших и малых перемещают нас из мира в мир, пусть неведомы точные размеры вложенных особым образом друг в друга тетраэдров, но все же под пытками могу вспомнить, на какие углы доворачивал тяги, каким мирам соответствуют деления на конусах...

Так меня бросало то в жар, то в холод. Светящиеся линии на гранях машины распались на огненные точки и замерцали, знаменуя о том, что где-то прибыл или убыл со звезд еще один отряд. Я преисполнился решимости прыгнуть в окно, дабы язык мой не нанес ущерба роду механиков. Но тут голос за моей спиной произнес:

— Зрелище, достоинств богов, не так ли?

Я обернулся. Пока я предавался горестным размышлениям, хозяин краба исчез, а в комнате возник седовласый.

— Мы вместе заберемся внутрь этой звездной машины, — сказал седовласый, — и ты покажешь, как открываются пути на другие миры. Потом мы тебя отпустим, щедро наградив.

— Безумие и впрямь одолело вас, отщепенцев проклятых, — презрительно ответил я, посмотрев на него свысока. — Охрана и близко не подпустит, им велено жечь всякого, кто подойдет без дозволения. А даже если и удастся хитростью проникнуть внутрь, ничего не выйдет!

— Это почему? — нахмурился седовласый. — Разве это не звездная...

— Да потому, что это и не машина вовсе, хоть и зовется главной машиной! Она сама никуда не перемещает, а лишь споспешествует перемещению. Там же, где ее малые подобия, охраны не счесть.

Тайны я никакой не выдал; это знание не могло им помочь. А захотят проникнуть на стоянки звездных машин, им конец, да и мне заодно.

Седовласый выказал беспокойство:

— Так, значит, отсюда мы никуда не сможем отбыть?

— Ну почему. — Я прищурил глаза. — Думаю, до ближайшей управы вполне можем переместиться на вашей колеснице. Тогда вам прощение выйдет, если сами вину свою признаете и от Безумного отречетесь.

Он улыбнулся в усы.

— А все-таки мы не ошиблись! Ты и впрямь разбираешься в машинах. Может, ты кибернейос разжало-

ванный или механик преступный? Откройся, за что тебя отрешили от должности, в чем твоя вина?

Я отвел глаза, чтобы он не мог догадаться о моих мыслях. Выдать себя за кибернейоса, отвести их к ближайшей стоянке, а там... Увы, с сожалением вздохнул я, потом ведь никто не узнает, что я не по доброй воле с ними шел.

В комнату вошли человек в бурнуса и парень с рукавицей. Впрочем, рукавицу он уже снял.

— Сам он ничего не скажет. — В голосе седовласого я услышал легкое сожаление. — Но поиск наш был успешен, ведите его к Большому Господину.

— К какому еще... — Я хотел вскочить на подоконник, но седовласый крепко ухватил меня за плечо.

Борьба была короткой и бестолковой. Я заработал несколько синяков и разбил пальцы о челюсть молодого парня. А в ответ Чопур пнул меня в живот, да так, что я отлетел к стене.

Вскоре меня вели какими-то полутемными коридорами, а потом погнали вниз по захламленным лестницам. Почти во всех окнах, которые я успел разглядеть, не было стекол. Значит, мы в заброшенном доме или в башне. Лестницы сменились узким лазом, вырубленным в камне. Один из тех, кто шел сзади, запалил факел.

В одном месте лаз расширился, перейдя в большую пещеру. В противоположном углу виднелась черная дыра, а у дыры, встав на одно колено, кто-то целился в нас из метателя. Седовласый прошел вперед и что-то шепнул стражу. Тот кивнул и отвел в сторону огневой раструб.

Меня подтолкнули к дыре. В мечущемся свете факела я заметил, что страж прислонился к грубо обте-

санному куску известняка. Неумелый скульптор попытался вырезать на нем сегменты и сочленения, но вышло так плохо, что в другом месте это могли счесть оскорблением достоинства менторов.

Вот тут я понял, куда и к кому меня ведут, ноги мои подогнулись, а в глазах помутилось. Все страхи, что были до того, исчезли, потому что беспредельный ужас поглотил их.

Меня успел поддержать Чопур.

— Что, страшно? — шепнул он.

В голосе его не было злорадства.

Прошли в другую пещеру, гораздо большую, чем первая. От сильного мускусного запаха глаза слезились, а пока я протираю их, в пещеру влезли все остальные. Здесь не было нужды в факелах или светильниках, потому что стены были покрыты рисунками, излучающими слабый красный свет. Огромные изображения зверей и насекомых, причем многих соратников я просто не узнал — количество ног и челюстей не могло принадлежать ни большим, ни малым, а некоторые были наполовину животными, наполовину соратниками. Огромный ментор в углу был изображен...

Нет, это не рисунок! Сердце мое словно сжала холодная рука, а желудок, наверно, свернулся в кулак. За все мои годы только два раза пришлось воочию узреть Ментора. Первый раз — когда после детского дома возвращался в лоно семьи, второй — когда посвящали в механики звездных машин. Детские воспоминания смазались, помню лишь, как мимо растерянных детишек скользнул огромный соратник, выше всех воспитателей, а потом одного из малышек увели радостные воспитатели — их подопечный удостоился перевода в Троаду. А во время посвящения все было по-другому —

нас ввели в зал, сияющий от начищенной позолоты светильников, и там в окружении слугителей на большом помосте возвышался Ментор всей Ахеиды и Аттики. Со своими одногодками на краткий миг ощутил я тогда невыразимое слияние...

Теперь же сам Безумный Ментор заполучил меня, и живым точно не уйти. Неодолимая сила потащила меня вперед. Это не было похоже на радостное единение, грубая сила невидимой рукой больно толкала в спину, отзываясь мучительной болью в позвоночнике и щекоткой в голове.

И вот я стою перед Ментором, без страха рассматривая его огромное тело и даже пытаюсь сосчитать сегменты и сочленения, покрытые редкими шипами. Я понимал, что спокойствие мое неестественно и навешено Ментором, но это тоже не пугало. Ментор был нездоров — его хитиновая оболочка во многих местах было словно изъедена, зеленоватые пятна, как лишайник, расползлись по коричневой броне панциря, а антенны свисали дрябло и — я бы сказал — уныло.

«Болезнь — конец — скоро» — прозвучал в моей голове бессловесный голос Ментора.

— Он говорит с ним! — воскликнул кто-то.

Не оборачиваясь, я словно увидел не своими глазами, как все, кто был в пещере, встали полукругом и склонились в поклоне, протянув вперед руки. Они приветствовали человека в мятом хитоне, застывшего как изваяние. Человеком этим был я, и это зрелище меня не изумило. Потом кто-то во мне будто сморгнул, и я вновь ощутил себя перед Ментором, а что происходит позади, теперь было неведомо.

«Смотреть — слушать — говорить» — возникли новые слова Ментора.

Хоть я и пребывал в некотором оцепенении, заморозившем все мои чувства, слабое удивление все же посетило меня. Слова в голове всплывали как пузыри в вязкой смоле, медленно, одно за другим набухая и лопааясь. Тогда как Менторы, воплощение мудрости и вековые наставники наши, искони отличались красноречием — достаточно вспомнить любое изречение из Установления.

«Болезнь — говорить — плохо» — услышал я, а потом, немного погодя, безликий голос наполнился силой и густотой: «Впрочем, близость смерти не повод для косноязычия. Приблизься ко мне и раскрой свой разум добровольно, поскольку он и так раскрыт, подобно пустому свитку».

Большой смоляной пузырь, разбухающий в мутной глубине, внезапно лопнул, черные брызги засверкали обилием цветов, из которых множеству я не знал названия, а игра света соткалась в причудливый цветок, что рос над зеленым миром, полным людей и городов. Я парил, бестелесный, над облаками, их края были словно обведены кистью художника, палитра которого составлена из всех оттенков золотого. Я стоял на вершине горы, выше всех гор, возвышаясь над плоскими облаками, и видел в небе свое отражение. Гора превратилась в звездную машину, тяги запели цикадами песню великого перехода, истекающий маслом конус вращался, словно танцор в халате из блестящего шелка, а вымбовка в моей руке превратилась в жезл власти, усыпанный красными и зелеными камнями... Потом я оказываюсь в башне пауков, но это не пугает. Напротив, смех душит меня, потому что теперь я нахожусь в сердцевине гигантского стеклянного цилиндра и пронзаю его в полете, оставив за собой клочья раз-

летающей во все стороны паутины. Лечу вверх, а навстречу, как в зеркале, падает некто, очень похожий на меня, но не я...

Вдруг эта картина застыла. Я повис в ошметках паутины, не в силах двинуться, и предчувствие великой беды овладело мной — казалось, откуда-то из небесной бездны на меня опускается гигантская пята, чтобы раздавить, растоптать, размазать...

Если это и был страх, то не человеческий.

Холодный камень впился в ключицу. Я застонал, открыл глаза и увидел темный потолок пещеры. Кто-то помог мне подняться, прислонил к стене. Ноги дрожали, руки свело на груди, как у мертвеца перед отправкой на долгий покой, а в голове затихал тонкий звон, становясь все тише, но так и не исчезнув. Тогда я еще не знал, что это бесконечно далекое жужжание одинокой пчелы будет сопровождать меня до конца дней моих.

Еле хватило сил, чтобы повернуть голову. Я увидел, что седовласый распростерся на земле и бьется, рыдая, головою оземь, другие же стоят на коленях и закрыли лица ладонями. От темной, неподвижной глыбы Ментора больше не исходила подчиняющая сила, а бездонные фasetы его глаз подернулись белизной смерти.

Помнится только, что меня почти волокли, сильно, но не грубо придерживая за руки, а потом мы снова оказались в комнате, в которой пугали рукавицей и ядовитым крабом. Но только сейчас со мной обращались на удивление учтиво. Впрочем, сил удивляться не было. Общение с Ментором опустошило меня.

Молодой Чопур помог усесться на стул и поправил края моего хитона. Взгляд его был преисполнен уважения, а что касается седовласого, то его покрасневшие от слез веки набухли.

— Мы знали, что этот путь Великий Господин вскоре пройдет до конца, — хриплый голос седовласого прервал наконец угрюмое молчание, — но мы не ожидали, что это случится так скоро, когда поиски наши близились к завершению. Тщета мира оказалась сильнее разума, Враг на сей раз победил. Далее наши пути разойдутся. Любой из нас свободен вернуться к началу пути. Если кто-то вновь услышит зов, не откликаясь, это Враг обольщает ложной надеждой.

Седовласый замолчал. Человек в бурнусе поднялся с места и, ни слова не говоря, вышел из комнаты. За ним последовали еще двое, один из них на миг остановился в дверях, глянул на седовласого, словно ожидая какого-то знака, но, не дождавшись, исчез.

— Скажи, о посвященный Сепух, — вскричал молодой парень, — неужели так просто мы откажемся от нашего замысла? Не есть ли это неуважение к воле Великого Господина?

— Наш гость, — мягко ответил Сепух, — был последним, кто удостоился чести прямого общения с Великим Господином. Поэтому, скорее, он является посвященным и знает последнюю волю Его. Но мы не вправе настаивать и лишь надеемся, что он поведает о ней сам, если сочтет возможным.

Молодой Чопур испуганно вытаращил на меня глаза и склонил свою черную кучерявую голову в поспешном поклоне.

— Я... кх... э... — голос еле подчинялся мне, — я ничего не знаю о воле вашего господина...

Седовласый махнул рукой.

— Да теперь это уже и не имеет смысла. Мы надеялись отыскать человека, сведущего в звездных машинах, и покинуть эту обитель скверны и убежище Врага, чтобы на новых землях начать новую жизнь. Но без наставника и учителя затея эта тщетна, а значит, угодна Врагу.

Я вздохнул. Воистину надо быть безумцем, чтобы надеяться на такой исход.

— Звездные машины не столь велики внутри, какими они являются снаружи. — Я старался говорить медленно и понятно. — Ходовая часть вмещает от силы несколько десятков человек и столько же соратников. Для того чтобы переместить вас, понадобятся сотни и сотни машин.

Чопур скривился в странной ухмылке и не то крикнул, не то всхлипнул, родинка над его левой бровью подпрыгнула.

— Зачем нам столько машин? — удивился Сепух.

— А как разместить тысячи и тысячи ваших... э-э... людей?

— Ты видел почти всех последователей Великого Господина, — сухо ответил Сепух. — Тысяч нет.

— А как же... — начал было я, но осекся.

«А как же рассказы о мириадах сторонников Безумного, которые затаились везде и вредят помалу, как могут? — хотел спросить я. — Зачем тогда ежегодные собеседования на предмет выявления неблагонадежных, после чего соседи долго приглядываются друг к другу, не зная, чисты ли они или кто-то оказался тайным злодеем, которому правили мозги?»

Сепух встал и пошел к двери. Тронув меня за локоть, Чопур пригласил следовать за ним. В соседнем

помещении я увидел три тела. Они лежали на полу, рука мужчины в бурнусе сжимала нож, а горло его было перерезано. Двое других были заколоты, пятна крови расплывались у них на груди.

— Прокрит, Гурбан и Чэнь вернулись к началу до-рог, — тихо сказал Сепух.

Он стоял над телами, горестно качая головой, а я попятился к стене, поняв, что сейчас и меня отправят вдогонку за этими.

Чопур коснулся ладонью каждого из мертвецов и смазал кровью свой лоб.

— Пока я не встречу с ними, они пребывают во мне!

Седовласый одобрительно кивнул, потом посмотрел на меня. Нож, которым убили этих молодых, в двух шагах, если повезет, то успею схватить... Но Сепух, словно прочитав мои мысли, покачал головой:

— Изгони страх, мы не причиним тебе ущерба.

— Если хочешь, — воскликнул Чопур, — я стану твоим слугой и буду защищать тебя!

Не знаю, что испугало больше. — опасность быть убитым или иметь безумного слугу и все равно быть убитым, только в самое неподходящее время.

Когда мы оказались на воздухе, меня пробрал озноб. Заметив это, Чопур вдруг исчез, но вскоре объявился и накинул на меня плащ. Когда я нащупал на нем мокрые пятна, то догадался, что это бурнус человека, который не так давно вверг меня в ужас ядовитым крабом, а ныне лежит с перерезанным горлом. Догадка была неприятной, но холод ночной еще неприятнее.

— Прощай, — сказал Сепух и взобрался на колесницу.

Во тьме его черная кожа почти не была видна. Чоппур улыбнулся мне и ухватился за вожжи.

— Э-э... — только и успел я выдавить из себя, — куда мне теперь?..

— Туда! — махнул куда-то в сторону Сепух. — Там твой лагерь.

Они канули во мрак ночной, а я стоял, как Лачарак, обратившийся в столб деревянный. Но не проклятие трех ламий сделало меня неподвижным, а тоска, которая внезапно и беспричинно накатила на меня. Казалось, только что я утратил нечто очень важное, дорогое, даже бесценное... нечто, чему не было названия. Удивительно: я потерял семью, потерял дом, да я и сам вроде пропал, исчез как безупречный механик из рода механиков, потерял даже касту, но почему-то эти потери не были для меня столь удручающи, как эта невинная утрата.

Потом я долго брел, кутаясь в теплую ткань бурнуса. Огни Машины Машин подсказывали, какой стороны держаться. Вот они сделались невидимыми, остался лишь черный беззвездный треугольник, вырезанный в небе, усыпанном яркими точками далеких светил. Это показалось безумно смешным, я вдруг захохотал во все горло, споткнулся и полетел вниз с бархана. Встав на ноги и стряхивая себя песок, я продолжал смеяться, потом замолчал, испугавшись мысли: не стал ли я тоже безумным после общения с безумцами?!

Не помню, как дошел до лагеря. Никто не попался навстречу, только несколько ночных соратников пронесли мимо в пустыню, наверно, на охоту. Один из них задержался у моих ног, поднял усы-антенны и шевельнул ими.

— Сгинь! — сказал я ему, и он исчез.

Ноги отказывались служить, когда я добрался до палатки оруженосцев. Она была пуста, все еще гуляли в Гекторапате. Я повалился на свое место и мгновенно заснул. А проснулся оттого, что меня тряс Болк. В утреннем свете его помятое, но довольное лицо на краткий миг показалось незнакомым, я дернулся, но не закричал. А рядом с ним стоял чинец и внимательно смотрел на меня.

— Жаль, что тебя не было с нами, — сообщил Болк. — Мы с Го так олавно погуляли, таких добрых девок мочалили...

Он длинно зевнул.

— Впрочем, — продолжил он, — судя по твоему виду, ты тоже провел нескучную ночь.

С этими словами он рухнул на свой лежак и захрипел.

Глава четвертая

Деяния Лаэртида

Запасы воды подошли к концу, хотя вина было вдоволь. А когда опорожнили последнюю одноручную амфору, судно направил Филотий к островку, что вдали показался. Там, недалеко от берега, в роще за развалинами храма, посвященного неизвестному богу, нашли родник и наполнили сосуды. На ночь расположились у стены из больших, причудливо обтесанных камней. Уцелевшая часть храма возвышалась над деревьями, а все остальное — груда камней, покрытая мхом, песком и травой, лишь внимательному путнику могла подсказать, что некогда здесь было святилище. Арет и дружинники обошли островок, но не нашли обитателей крупнее зайцев, да только путешественникам не удалось ни одного подстрелить к ужину.

Быстро натянули шатер, и вскоре забулькала вода в котлах, в которых варилась солонина, заправленная высушенными овощами и пшеном. Путешественники расположились у костров, а после трапезы одни заснули, а другие собрались у костра базилея, где слепой Ахеменид снова рассказывал о подвигах Одиссея под стенами Трои, о долгом и трудном плаваньи, о том, как пленила их хитрая и злобная Цирцея, о том, как на острове циклопов обманул Лаэртид хитроумный

глупого Полифема, упоив одноглазого вином, да не простым, а с зельем из трав, но увы, позабыл в спешке одного из спутников, коим и был он, сын Адамаста несчастный...

Юный Полит и те из итакийцев, которым не довелось слышать о славных делах своего базилея, слушали пораскрывав рты и готовы были не спать всю ночь, лишь бы рассказчик не прерывал повествование. Одиссей же лишь хмыкал порой в бороду и усы оглаживал, но слепого не прерывал. Уложив детей на кошму, Калипсо вернулась к костру и задремала, прижавшись к плечу базилея. Скосив глаза, Полит загляделся на ее белое круглое колено, что виднелось из-под покрывала и вдруг громко сглотнул, к своему удивлению и стыду. Но никто не обратил на него внимания. Все были увлечены рассказом Ахеменида. Лишь встретившись глазами с дружинником Эвтихором, юноша увидел, как тот подмигнул ему одобрительно.

— Так, значит, не пряталось воинов множество в коне деревянном? — спросил Медон.

— Нет, нет, — ответил слепой нараспев и добавил: — Лишь только один затаился внизу, в основании. А конь был сколочен так, чтобы сквозь щели нутро напросвет было видно.

— Кто же был воином тем? — Взгляд свой Медон перевел на базилея.

Одиссей снова хмыкнул и головой покачал.

— Все равно не поверишь, почтенный Медон, — сказал Лаэртид, — но я непричастен к этому славному делу. Правда, тот воин был из моей дружины. Вызвался сам затаиться и, ночи дождавшись, ворота открыл, ну а пьяных троянцев сломить уже дело простое...

— Однако же, о хитроумный царь Итаки, — возразил ему Ахеменид, повернув к базилею глазницы свои, коростюю покрытые, — кто, как не ты, предложил ахейским вождям затею с конем? Кто, как не ты, выделил доски Эпею-строителю, пожертвовав частью своего корабля, и крепость его тем самым ослабил?

Промолчал Одиссей, но пристально глянул на Ахеменида и задумался о чем-то. Угомонился рассказчик, легли остальные, лишь двое стражей остались бодрствовать у огня. Заворачиваясь в кошму и смежив глаза, Полит услышал, как негромко Медон сказал базилею:

— Право, о царь, я был рад услышать о твоих подвигах. А то, прости за неучтивость, недавно мне показалось, что все истории о троянской войне и о сваре богов небесных придумали от скуки аэды, пока ты на Огигии с прекрасной нимфой радости вкушал земные. Теперь же я, на Зем возвратившись, в списки внесу рассказ о деяниях твоих, и украсит он рукописей моих собрание.

— Если бы ты, Медон, поплавал с мое и вшей покормил под воротами Трои, и не таких еще историй бы услышал! — ответил ему Одиссей. — Я же делал свое дело, а что наплетут после аэды, так на то им и дар слова дан — истории хитро плести.

— Неужели и злобная нравом Цирцея в свиней обращала людей?

— Плавные речи Цирцеи могли убедить, что ты камень, вода или мясо для жертвы богам, — еле слышно сказал Одиссей. — Если смертные вроде нас с тобой в глаза ее черные глянут и речи те, песне унылой подобные, услышат — поверят во все, что она говорит. Вот и

мнилось спутникам моим, что они превратились в свиней.

— Как же ты избежал участи этой?

— Пьян был, вот и не взяло меня колдовство. Друзья же мои на еду налегли поначалу, потому и духом ослабли. Слепой перепутал — не вино было их злоключеньям причина.

— Сок виноградный, несущий веселье, многих еще от чар колдовских охранит, — убежденно сказал Медон. — Коли бы не перебрал я тогда у тебя, ел бы тело мое теперь червь могильный, а сам бы от мук жажды маялся в лоне Аида.

Что ему ответил базилей, Полит уже не слышал, сон смежил веки его. Ночью, проснувшись от треска головешки, он долго не мог заснуть, вслушиваясь в шелест жухлой листвы, плеск волн, храп стражников и невнятное, еле слышное бормотание слепого рассказчика, что и во сне не мог остановиться. Подивился юноша, как это Медон, лежавший рядом с Ахеменидом, спит безмятежно, да и сам вскоре заснул.

Наутро все были разбужены криками дозорного, вскарабкавшегося на уцелевший кусок стены. Быстро к нему поднялся Арет и, присмотревшись, прыгнул вниз.

— Корабль на горизонте, — доложил он базилею.

— Быстро на судно все! — велел Одиссей. — Уходим отсюда!

Дружинники подхватили котлы, мгновенно свернули шатер, а Калипсо полусонных детей уже вела к кораблю. Вскоре отплыли они, и лишь тогда у Полита появилось время осмотреться.

Маленькая точка с темным пятнышком, что так встревожила базилея, казалась безобидной птицей мор-

ской. Но хоть был попутным ветер, а гребцы мощно напрягали весла и сам базилей сменил уставшего гребца, все же медленно и неумолимо вырастала птица-морская в судно, и два ряда весел уже были видны издалека. Спустили второе весло рулевое, и Полит был приставлен к Филотию помогать управляться с рулем, а Медон помогал мореходам, что у паруса все хлопотали. Даже Калипсо, детей оставив под присмотром служанки, вышла на палубу и, за борт держась, рядом встала с Лаэртидом.

— Не уйти! — сказал Арет и, положив руку на рукоять меча, вопросительно глянул на базилея, что поднялся от гребцов и разминал затекшие пальцы.

— Бой на море принять способен только безумец, — ответил Одиссей.

— А мы и есть безумцы! — Короткие седые волосы дыбом встали на затылке старого вояки, морщин на лбу вроде даже прибавилось. — Что в нашем плаваньи не безумство? К полдню они все равно нас догонят, так лучше для схватки нам силы сберечь.

Что-то шепнула Калипсо базилею, тот перешел на правую сторону судна, взгляделся вперед и увидел вдали зубчатый берег скалистый.

— Правьте к востоку! — крикнул Одиссей. — Там мы укроемся меж островов.

Филотий и Полит налегли на рулевые весла, парус захлопал, снасть заскрипела, «Арейон» направился к темному берегу. Тонко визжали обитые кожей уключины, силы гребцов изнемогших были уже на исходе, но и берег, изрезанный узкими бухтами, близок. Ветер рассеял низкие тучи, и в солнечном свете узкие тени проток показались чернее мрака ночного.

Мимо камней, которые в пену и брызги крушили волны морские, корабль быстро скользнул в ущелье, а скалы, казалось, к бортам придвигаются сами, столь узок проем между ними. Филотий прогнал молодого Полита, здесь одно неосторожное движение разбило бы в щепки корабль. Юноша утер пот с лица и назад обернулся — судно, что преследовало их, паруса опустило, а весла гребцы подняли. Значит, подумал Полит, выхода нет из протоки, здесь они нас и дождутся, когда попытаемся в море мы выйти. О том же, наверно, Арет догадался.

— Заперли нас! — сказал он базилею. — Высадиться бы на сушу, тогда и посмотрим, кто кого: они одолеют или мы этих сучек драчливых на место поставим!

Но Одиссей не слушал его, взгляд базилея скользил по острым вершинам и редким пятнам зелени жухлой, что по скалам пласталась. Да и Медон, насупившись, тихо под нос боромотал, словно рапсода слова вспоминая, а вспомнив, ладонь ко рту приложив, что-то шепнул базилею. Тут и Калипсо вышла из закутка носового, а за нею и дочь увязалась.

— Медон опасается, не здесь ли жилище коварных сирен, — сказал Одиссей.

Взором окинула острым ясноглазая нимфа каменные склоны и головой покачала, а маленькая Лавиния вдруг укоризненно пролепетала:

— Разве сирены не подстерегают мореходов у берега песчаного? Здесь иные напасти ждали Ясона. Отец, ты рассказывал мне...

Погладил девочку по голове базилей и повелел Калипсо:

— Ребенка назад отведи, а служанок я сам накажу, что отпустили без спроса.

Протока то сужалась так, что весла чуть не цеплялись за стены отвесные, срывая порой остатки скудной листвы с жалких кустарников, то расширялась маленькими озерами в обрамлении скал, но пристать было негде.

Выплыл корабль в заводь большую, откуда, казалось, есть выходы к морю. Затаившись за мысом, тут можно было укрыться, дожидаясь заката. Нависшие скалы раздались, открыв потаенную бухту, где полоса гальки вдоль берега хоть и была узка, но мореплавателям и она была в радость. Вскоре они все на землю сошли и гребцы, плечи расправив, тоже взялись за оружие. Двух дружинников Арет к мысу послал, следить, не заплешет ли веслами враг, остальные полезли на камни, в поисках укрытия или пещеры.

Женщин и детей Медон и Полит отвели в сторону небольшой выемки в скале, кинули туда пару кошм, а потом перетащили несколько амфор с водой и корзины с едой. Туда же Филотий отвел и слепца, а после забрался обратно на судно, проверить, в порядке ли снасти. Вернувшись к кораблю, Полит принес базилею щит, его лук знаменитый и колчан, убранный серебром и полный стрел оперенных.

Медон уважительно посмотрел на оплетенные тонкими кожаными шнурами рога и покачал головой:

— Такой согнуть под силу лишь герою.

Базилей улыбнулся:

— Если знать о хитром устройстве его, согнет и подросток.

С этими словами он большим пальцем левой руки оттянул в середине лука оплетку, обнажив медный штырь, что соединял роговые пластины. Сдвинул шпелек небольшой, и полудужья будто сломались. А по-

том, надев тетиву, легко их обратно распрямил. Со слабым щелчком встали на место они.

— Неудивительно, что никто из женихов тетиву натянуть не сумел, — восхитился Медон и цокнул языком. — Вот хитроумия плод! Если даже Эвримах могучий грел на огне и маслом его смазывал втуне... Кстати, правда, что сквозь двенадцать колец в топорищах стрелу ты пустил, гостям в посрамление?

— Неужели ты полагаешь, Медон, — учтиво сказал Одиссей, но юноша в голосе его раздражение услышал, — неужто ты думаешь, что на глупые выходки стану я тратить стрелу или лук в руки чужие отдам хоть на миг!

Растерялся Медон, лоб потер и брови насупил.

— С чего же решил я, что было гостей состязание? Знать, все ж не в меру хиосским тогда нагрузился.

— Это бывает, — Одиссей согласился, но тоже вдруг лоб почесал. — Постой, а откуда ты знаешь о кольцах в моих топорах из железа? Или речами ты так ублажал Пенелопу, что она тебе о них рассказала, а то и впустила в сокровищницу мою?

Строго смотрел базилей на Медона, и во взгляде читалась угроза.

— И впрямь, не пойму, с чего это я вдруг такое припомнил! — удивился Медон. — Или кто рассказал, или песни и сказы в голове моей все перепутались. Надо кносского чашу принять, чтобы странные мысли исчезли. Вот и сейчас мнится мне, будто в этих краях ты с сиренами как-то встречался, и один лишь их пение услышал, невредимым оставшись, и что недалеко отсюда Харибда и Сцилла тебя поджидали...

Странно было Политу видеть базилея столь изумленным, даже рот раскрыл безмолвно Лаэртид, вни-

мая Медона словам. Юноша готов был поверить любой чудесной истории о царе Итаки — плавание еще не успело наскучить, а сколько событий!

— Да-а... — пробормотал Одиссей, — ты говоришь о вещах столь удивительных, что мне надо лет этак двадцать и столько же зим проплавать еще, и войн с добрый десяток устроить, чтоб оправдать эту славу героя... — Тут базилей вдруг осекся и, в сторону глянув, брови поднял. — Ну а этот куда?!

Полит и Медон подняли глаза к склону и увидели, как Ахеменид выбрался из укрытия и, шаря вокруг себя руками, присел и на карачках от камня к камню стал передвигаться. Вот он исчез за большим валуном, и лишь громкие звуки эхом трескучим от скал отозвались.

— Разве была на полдник у нас похлебка с горохом? — спросил базилей у Полита.

Юноша рассмеялся.

Медон же, не обратив на это внимания, тер в задумчивости подбородок, а потом сказал что-то о героях и подвигах, подобающих им, но Одиссей и Полит не внимали словам его, им интереснее было, споткнется ли Ахеменид, выбравшийся из-за валуна и шаг за шагом спускавшийся вниз. Даже Филотий, что весло рулевое осматривал, бросил занятие свое и криками веселыми подбадривал слепца.

Тот, не споткнувшись ни разу, словно ведомый богиней невидимой, к берегу все же добрался, и, камень плоский нащупав, уселся на нем.

— Слышу, речь о героях идет, — прохрипел он севшим от долгих рассказов или воздуха сырого голосом. — А где герои, там и я!

— Тебе, несчастный, следовало тихо сидеть под при-
смотром служанок Калипсо, — сказал Полит. — Вот
полетел бы ты вниз и увидел воочию царство Аида.

— Лучше монету себе припаси, чтоб Харону вру-
чить, когда он тебя через Стикс переправит! — огрыз-
нулся слепой.

— Да, — вдруг, тряхнув головой, вскричал Медон. —
А как же твои, Одиссей, злоключения в мире подзем-
ном, когда ты вопрошал души умерших пророков?

— Э-э, — завистливо сказал Ахеменид, — да это не
мне, а тебе надо песни слагать о деяниях Лаэртида!
Только нехорошо хлеб отбивать у слепого.

Отмахнулся от него Медон, хотел еще что-то ска-
зать, но тут подошли Арет и дружинники.

— С вершины видать, что корабль у входа в прото-
ку стоит, — доложил Арет базилею. — На берег, одна-
ко, не сходят, боятся, наверно, что можем внезапно
уйти. А может, иного боятся...

— Куда мы отсюда уйдем, — недовольно сказал
Эвтихор, высокий нескладный дружинник с изуродо-
ванным ухом. — Летать мы не можем, а горы эти толь-
ко птица одолеет. Им только дожждаться, когда мы с
голоду здесь передохнем.

— О, итакийцы! — сказал Лаэртид. — Разве я силой
тянул вас в плавание наше? Разве не обещал я опасно-
сти и лишения? Так не ропщите, как девы молодые, что
стонут в объятиях грубых насильников! Воды у нас хва-
тит, а вина и подавно. Что же касается мяса, то можно
ведь и воздержаться...

— Еще бы тебе не воздержаться! — брякнул кто-то
из дружинников. — Небось у Цирцеи вовсю свинины
наелся!

Замерли все, и в молчании было лишь слышно, как мелкие волны о гальку шуршат. Рот Одиссея остался открытым, а потом захохотал он, да так, что чайки поднялись со скал. За ним грохнули и остальные, только Арет, улыбаясь натужно, взглядами всех обводил настороженно. Вот он и заметил, как Эвтихор, будто от смеха согнувшись, сам незаметно вынул клинок и к спине базилея метнулся.

Быстрым был Эвтихор, но Арета меч оказался быстрее. Не успели дружинники сообразить, что происходит, как отрубленная рука злодея, с кинжалом в кулаке, упала на сходни и вниз покатилась. А сам Эвтихор вскрикнуть хотел, да сил уже не было — сделал он несколько шагов и повалился на слепого Ахеменида, что сидел безмятежно на камне.

— Когда ты напиться успел? — недовольно вскричал слепой, но тут обрубком кровавым провел по лицу его Эвтихор и рухнул на берег.

Ахеменид потрогал свое лицо, понюхал пальцы и лизнул их.

— Э, да это и не вино вовсе, а кровь, — сказал он негромко. — Что у нас творится, зрячие?

Никто ему не ответил. Лишь Арет подскочил к упавшему и поднял его голову за волосы.

— Скажи, кто тебя надоумил на это? Признайся, а то прямо сейчас в царство Аида спроважу!

Эвтимен открыл глаза и простонал:

— Меня убило золото Евпейта... Аидом же не пугай, ждать тебя там мне придется недолго.

Что-то еще прохрипел Эвтихор и затих. Арет опустил его голову, постоял немного над телом и, обменявшись взглядами с базилеем, столкнул бездыханного в воду.

Ропот слышался среди дружинников.

— Все ж человек, сжечь бы пристойно его, а не рыбам на корм...

— Скоро ему позавидует каждый из нас!

— Кто нас сюда заманил?..

— Подохнем мы тут, а все из-за сучки и выблядков...

Выпрямился царь Итаки, и если до сего мига был похож на сгорбленного старца, то ныне предстал перед ними муж грозный. Руку на лук положил Одиссей, и все замолчали, помня его смертоносную славу. Даже Полит, что рядом стоял, щит медный подняв с земли и копье приготовив, боялся взглянуть в глаза базилея. Медон примиряюще руки воздел и воскликнул:

— Разве вам нечего более делать, мужи ахейские, как убивать друг друга? Тогда уж лучше выйти в море и сдаться врагу, чтобы в рабстве дни свои влачить. Да лучше быть рабом жалким, чем предателем своего вождя!

Тут Арет накинудся с бранью на сбившихся в кучку гребцов и дружинников, и брани такой Полит еще в жизни не слышал. Опасливо он посмотрел в небеса: не накажет ли Зевс-Громовержец за едкие слова, от которых и пьяный сатир покраснеет?

Не наказал.

Из убежища вышла Калипсо, крики услышав. Спустилась по камням, легко шагая, а за ней и дети увязались. Подошла к Одиссею и встала перед воинами светлоликая, руки детям на плечи опустив. Завидев ее, смолкла перебранка, смутились дружинники, а кто-то и побледнел, испугавшись, не найдет ли на него чары нимфа. Но не чар ее боялись гребцы и дружинники, робели они базилея — боги ему помогли с женихами

расправиться, и хоть стар он уже, седины в волосах стало больше, но от стрелы не уйти, если гнев одолеет.

Между тем Ахеменид брезгливо обтирал лицо краем плаща, но только размазывал кровь по щекам. Он елозил на месте, сметая задом своим песок и водоросли сухие с поверхности большого плоского камня, похожего на квадратную плиту, вырубленную титаном. Потом ему стало сидеть неудобно и, рукой проведя, нащупал он вделанную в камень скобу из металла. Удивился открытию своему и, привстав, потянул за скобу. Громкий скрип долгим эхом над бухтой пронесся.

— Все же кто-то слепца обкормил горохом, — сказал Одиссей, а дружинники засмеялись негромко, но облегченно: лук свой не поднял базилей, чтоб проучить неучтивых.

— Смейтесь, смейтесь, — проговорил Ахеменид. — Да как бы вам потом не обосраться со смеху!

Он расчистил поверхность серой плиты и озабоченно водил рукой по ее поверхности. Базилей подошел к нему, Арет же велел всем, у кого нет дела, идти на корабль, вдруг придется внезапно отплыть.

Полит, щит держа, стоял к базилею спиной, а лицом к остальным, на случай, если среди дружины окажется еще один предатель. Он слышал, как Медон и Одиссей обсуждают находку.

— Скоба из железа, знать, мастер небедный врезал ее в камень, — заметил Медон.

— Хотел бы я знать, где нынче этот каменотес или хозяин его, — негромко отозвался базилей.

Дружинники поднялись на судно, одни прошли на скамьи гребцов, другие встали к бортам. Арет подошел к базилею и что-то на ухо шепнул, тот кивнул и разговор свой продолжил с Медоном.

— А вот посмотри, рядом знак выбит в камне. Треугольник, и круг в треугольнике. Чей это символ, какого царя?

Чуть повернув голову и скосив глаза, Полит разглядел на сером ноздреватом камне глубоко вырезанные линии, а из середины круга слегка выступала дугою круглая скоба.

— Не припомню, у кого из вождей этот знак на знаменах я видел, — задумчиво сказал Медон. — Где-то встречался, то ли в списке старинном, а может, на одеянии... Если бы треугольник был увенчен рогами, то символ богини Танит карфагенской, а если б не круг, знак это храма Небесного Пса, что в Гелиополе египетском. Или то не знамена были, а паруса?

— Вряд ли ты видел его на парусах, многоразумный Медон, — вмешалась в разговор Калипсо. — Мало кто выживал из тех, кто видел корабли с такими парусами.

Поразился юный Полит — впервые за время их путешествия услышал он страх в голосе Калипсо. Он не видел лица ее и глаз, но собеседники вдруг замолчали и настороженно по сторонам огляделись, Арет же, меч обнажив, подобрался, словно готовясь внезапный удар отразить.

— Чей же знак это, о бессмертная? — растерянно спросил Медон.

— Знак этот ставил Гадир, царь Посейдонии, на границах своих, а где был границам предел, никто и представить не мог.

— Что это за царь такой, — удивился Арет, глянув на базилея, — никогда о таком не слышал.

— Дело давнее, — нехотя сказал Одиссей. — Ныне забыто имя его и потомков его имена. На досуге расскажет прекрасная нимфа о деяниях злых гадиритов.

— На досуге... Да скоро ли будет досуг нам! — хмыкнул Арет. — Только вот мне показалось, будто у баб тех свирепых, что с Оигигия нас шуганули, тот же знак на перевязи красовался.

Переглянулись Одиссей и Калипсо, но ничего не ответили старому воину. Лишь крепче детей к себе нимфа прижала. Ахеменид же, слепой, в это время все шарил руками по камню и ногтем кривым вычищал от песка линии знака. А потом снова дернул за скобу — и она вместе с кругом вдруг провернулась.

Скрип, что давеча развеселил путешественников, повторился вновь, но теперь он не смолкал, нарастая. Словно где-то неподалеку заработали мельницы, и тысячи работников закрутили каменные жернова, чтобы смолоть муку для хлеба, которого хватит самому прожорливому божеству.

— Эй, что там у вас... — крикнул было Филотий с палубы, но голос его потонул в грохоте.

Закачалась земля под ногами. Юный Полит выронил щит и копье базилея, а слепой сжался в комок и скатился с плиты под ноги Арету. Две прямые трещины рассекли берег от воды к горам. Камни, песок и все, что было между этими трещинами, вдруг просело, ушло вниз, провалилось; хлынули воды морские в широкий пролом — семь или восемь длинных копий можно было уложить одно за другим. Волны ударили в скалы, но не разбились, а ухнули в пропасть, что, словно врата, в скалах открылась. Служанки Калипсо выбежали из укрытия, но под ногами у них была пустота, и все они канули в пенных струях.

На глазах базилея и тех, кто у края пролома стоял, сдвинулись камни, торчащие из воды, одно из них судно толкнуло, и «Арейон», сорвавшись с якоря, был втя-

нут потоком и в черную бездну низвергнут. Все случилось так быстро, что прыгнуть никто не успел. А те, кто остался, застыли от страха. Лишь руку к небу успел воздеть базилей да выкрикнуть пару проклятий!

Даже чайки вдруг замолчали и слышен был лишь рев воды неумолчный, что лился словно в разверстую пасть каменного великана. Но вскоре смолк шум потока, будто чрево его наполнил.

Горстка уцелевших прижались друг к другу и смотрели безмолвно на черную щель. Лишь слабый голос маленькой Лавинии был еле слышен:

— Что, мы уже прибыли к вратам Аида? Где же пес трехглавый?

Судорожно улыбнулся Одиссей, хотел что-то ответить, но не успел. Вскрикнули хором все — из темного жерла медленно и неумолимо выплывал корабль. Странен и страшен был облик его, непохожий на судна морские. Высокие бока его были не черными, как положено, от доброй смолы, а рыжими, словно выросла щетина на них. Не было мачт и парусов, а корма его так и не вышла из мрака. Двигался он в тишине и, миновав протоку, встал, острым носом нависнув над ними.

— О боги! — прохрипел Арет. — Ладья перевозчика за нами явилась.

Тут на носу корабля показалась фигура, словно змеями увитая, и рукой повела.

— Вот и Харон! — взвизгнул Полит и, щит уронив, рухнул на колени, лицо в ладони уткнув.

Тот, кто стоял на носу, так их всех напугавший, стряхнул с лица обрывки водорослей и знакомым голосом сказал:

— Сопли утри, а потом обзывайся, щенок неразумный!

— Да это Филотий! — в голос вскричали базилей и Арет.

И впрямь это был кормчий. Тряслась его голова, руки дрожали, но крепко держался он за криво изогнутый штырь, что торчал из борта.

— Жив ли ты или посланцем из мира теней к нам явился? — спросил Одиссей.

Откинул седые мокрые пряди с глаз Филотий и сердито ответил:

— Хотел бы я знать! Только сейчас мне бы лучше обсохнуть, а Перифету раны обмыть поспешите.

Перевел дыхание базилей, а тут и Арет вмешался:

— Вас только двое спаслись с корабля?

— Полтора! — буркнул Филотий. — Если Перифет дотянет до вечера — хвала небожителям. А ты, царь, прими новый корабль вместо потерянного. Чей это дар — богов или демонов — не знаю.

— Мне скажет кто-нибудь, — возопил Ахеменид, — что происходит?

— Уймись, убогий, — бросил ему Арет. — Все, что могло произойти, уже произошло.

— Да ты шутишь! — рассмеялся слепой, и смех его столь был дик и неуместен на этом страшном берегу, что вслед рассмеялись остальные, и даже Полит, на песок усевшись, смеялся. Правда, недолго, потому что вдруг обнаружил, что плащ его влажен не от воды, а от мочи.

Хоть и были одежды путников несвежи, но после того, как вскарабкались на борт, от ржавчины рыжей все стали донельзя грязными. Опасливо смотрели по

сторонам Полит и Медон, а слепой Ахеменид, которого втащили наверх, сидел на палубе и недоуменно щупал железные листы, из которых был собран корабль. Потом он вдруг схватился за уши и начал скулить, как щенок с перебитой лапой. Лишь после того, как встряхнул его Арет и прикрикнул, умолк слепой, и, пролепетав о том, как ему больно, упал без сознания. Раненый Перифет, кое-как перевязанный, лежал у носовой части, Филотий держал его за голову, а Калипсо за руку и что-то шептала. Дети, ничего не боясь, бегали по длинной палубе и порой забегали под свод каменный, куда уходила корма корабля.

Базилей и Арет медленно прошлись вдоль бортов, что тянулись больше чем на сотню локтей и были загнуты наружу, как на тартесских триерах, присматривались, нет ли где отверстий для весел, а потом, обойдя невысокое сооружение, похожее на опрокинутую чашу с узкими прорезями, двинулись к корме.

Они долго стояли в полумраке огромной пещеры, прислушиваясь, не раздастся ли голос божества этой горы, или не возникнет ли перед ними сияющий вестник с Олимпа, который поведаст им, что за корабль ниспослан, с целью какой, и как, кстати, им управлять. Но было тихо, лишь плеск воды снизу был слышен да голоса детей, что эхом сверху отзывались.

— Даже тела их исчезли, — горестно сказал Одисей. — Спутники наши погибли неведомо где в этом мраке. А от корабля даже щепки не всплыли.

— Я так понимаю, — сказал Арет, — что корабль наш могло зажать между камнями, вот и не выплыл никто, кроме Филотия, ну а тот мало что помнит. Судно же это на дне стояло, а когда вода сюда хлынула, оно перед нами явилось. Только кто его в толщу скал

заточил, и какому титану это было под силу? Не человеческих рук это дело. Рок неумолимый нас привел сюда, и рок же слепого заставил найти тайный знак.

Пожал плечами базилей.

— Что нам до этого! Знаю одно — взамен «Арейона» погибшего мы получили корабль другой. Если боги сподобят живыми вернуться на нем или как-то иначе, то столько железа...

Арет понимающе глянул на Одиссея и причмокнул.

— С таким сокровищем и воевать не нужно, — тихо сказал он. — Я знаю умельца, что может его переплавить на мечи и секиры. Мир и покой можно выкупить, с родственниками всех обиженных расплатиться или, если приспичит, столько бойцов знаменитых нанять, что полмира пройдем, врагов одолев самых сильных.

— Не время думать об этом, когда выход в море враги запирают. — С этими словами базилей перегнулся через дырчатую полосу, что опоясывала корму, и долго смотрел вниз, а потом велел раздобыть огня.

Костер на берегу еще горел, и сушняка хватало. Полит, стараясь, чтобы базилей не заметил дрожи в его коленках, принес факел, в свете которого можно было разглядеть острые камни, нависающие сверху, а стен пещеры не было видно. За ним увязался Медон, немного приободренный тем, что из мрака не вылезла какая-нибудь огромная гидра и не сожрала их. Пока Одиссей разглядывал, что там, внизу, под кормой, Медон сообщил Арету, что он не заметил даже следов носовой статуи.

— Те, кто плавал на нем, — добавил Медон, — явно богов не боялись и угождать не стремились.

— Может, сами боги на нем путешествуют? — скрипил губы Арет.

— Это им ни к чему, — назидательно поднял палец Медон, — и к тому же небесный металл так не ржавеет!

— Вот оно что... — пробормотал Одиссей.

Медон и Арет склонились над кормой и в свете факела увидели, что вместе рулевого весла у корабля было диковинное сооружение с поперечными лопастями, насаженными на два колеса, наполовину погруженных в воду.

— Мельница водяная! — сказал вдруг Медон. — Такие у нас ставят на Земе, на реках и запрудах.

— Мельница?.. — протянул базилей. — Может, бог морей эту мельницу крутит или вместо руля она?

Послышался голос Калипсо, она звала детей к себе. Что-то звякнуло, запищал маленький Латин, а Лавиния сказала, что дверцу она нашла, а вовсе не братик.

Одиссей и Арет переглянулись, базилей отдал факел Политу, быстро вышел из под свода и прищурил глаза от яркого света.

— О какой дверце вы говорите? — спросил базилей.

Сколько времени базилей, Арет и Медон блуждали внутри корабля — сказать они сами не могли. Только когда выбрались наружу, в сумерках уже звезды мерцали.

Дверца, что дети нашли, была неприметной и заподлицо с палубой. В одних местах палуба была ровной, в других — бугристой, словно когда-то ее украсили барельефами, ныне стертыми временем и обувью. Если бы случайно не попал крохотной сандалией Латин в выемку, никто бы и не подумал, что здесь есть отверстие. Но шелкнула потайная пружина, и открылся круглый лаз.

Долго стояли над ним Одиссей и его спутники, прислушивались, не взрыкнет ли какой зверь, не зашипит ли гад затаившийся. Ни звука не шло из холодной тьмы, лишь несло затхлым духом да слабой кислой вонью. В дневном свете видны были ступени, вделанные в лаз, а узнать, куда они ведут, можно было, лишь спустившись.

Запалили факелы. Арет выставил перед собой меч и, останавливаясь на каждой ступени, медленно погружился в темную глубину.

— Никого нет! — гулко донеслось до тех, кто стоял наверху.

Одиссей отдал лук Политу, а сам вооружился кинжалом. Велев Медону подержать запасные факелы, он быстро миновал ступени и крикнул ему, чтобы тот сбросил обмотанные тряпками палки. Однако Медон сам вдруг предстал перед базилеем.

— Ты-то зачем здесь? — удивился Одиссей. — Ну а как ждет нас здесь чудовище голодное!

— Ха, — только и сказал Медон. — Ежели оно вас сожрет, так потом и наверх выберется. Здесь же с такими воинами, как вы, отбиться можно. Хотя тут с голоду любая скотина подохнет — металл и металл, даже дерева нет, чтоб погрызть.

Хмыкнул Одиссей, ничего не ответил, еще один факел зажег.

Арет между тем в десяти локтях от них рассматривал другую лесенку, идущую вверх и исчезающую в круглой черной дыре. Медон огляделся: в неровном свете он разглядел помещение вроде комнаты с железными стенами, а в узких торцах видны были темные проемы.

Арет переступил через высокий порог и исчез в другом помещении. Одиссей подошел к проему, сделал знак Медону следовать за ним и, пригнув голову, нырнул к Арету.

Это помещение оказалось чуть длинее и шире: над головами от борта к борту шли толстые балки, очевидно, они были вместо распорок. Арет постучал по одной из них рукоятью меча.

— Железо! — сказал он и вздохнул.

В это время базилей внимательно рассматривал два ряда широких выступов, которые шли вдоль стен с двух сторон. Кое-где их подпирали тонкие узкие стержни, проходящие сквозь выступы к потолку. Медон заметил, что в одном месте что-то лежит, взял щепоть — это оказалась труха, рассыпавшаяся в его пальцах сухой пылью.

— Словно гнилая ткань покрывала, — задумчиво сказал он. — Да здесь, наверно, гребцы отдыхали.

— Гребцы... — поднял бровь базилей. — Где же скалмы для весел?

Шаг за шагом осматривали они помещения корабля — не так уж и много было их, но не торопились — мало ли какая ловушка могла поджидать неосторожного. Пару раз Арет возвращался к лестнице и требовал новых факелов. Ближе к носу потолок опускался низко, приходилось чуть ли не ползком продвигаться вперед. Там были еще какие-то короба железные, но открыть их не удалось.

Медон сказал, что между палубой и потолком есть помещение, куда им не попасть — нет даже намек на дверь. Долго щупал заклепки базилей, нажимал на них поочередно, обстукивал рукоятью кинжала, но втуне.

За местом, где, наверно, отдыхали владельцы корабля, были еще две комнаты, поменьше. В одной обнаружили открытые короба с какой-то обугленной трухой и высокие цилиндрические сосуды с откинутыми крышками на петлях, тоже пустые. Растер между пальцами эту труху Арет и сказал, что в коробах хранились запасы еды, в сосудах же — вино или вода.

— Кстати, — добавил он, — надо проверить, сколько у нас уцелело.

В другом помещении все, кроме узкого прохода посередине, было разбито железными решетками на загородки.

— Рабов нерадивых, что ли, здесь помещали? — почесал в затылке Арет. — Да только впихнешь разве в такую дыру тварь больше собаки!

Не ответил ему базилей, он прошел сквозь проход и встал у стены, факелом ее освещая. К нему протиснулись Арет и Медон — там было чуть пошире — и увидели, что базилей разглядывает знакомый уже знак — круг и треугольник в нем, а начертан он был на двери с огромной задвижкой.

Взялся за рукоять задвижки базилей, но мягко руку его отстранил Арет и шепотом попросил отойти в сторону и быть готовым, если кто изнутри на них прыгнет. Покачал головой Одиссей, но все же отошел в сторону. Старый воин дернул рукоять, да только приржавела задвижка к двери.

Грохот и лязг пошли по внутренностям корабля — рассвирепел Арет и стал колотить по задвижке медным наплечником. Медону со стороны казалось, что тот бодается с дверью, и он рассмеялся. Обругал его Арет и велел принести какой-нибудь камень, а то он наплечник совсем искорежил. Вернулся Медон к лест-

нице, но спускаться на берег не стал, просто взял у спящего Ахеменида его посох — немного изогнутый, с коротким черенком из необычайно крепкого дерева, которое ногтем не поцарапать. Посох оказался на удивление легким. Арет повертел его в руках, примерился пару раз по задвижке, а потом передумал и, уперев его в потолок как рычаг, пристроил к рукояти и начал рывками дергать.

Заскрежетало, посыпалась ржавчина, и задвижка медленно пошла вбок. А когда дверь открылась, Арет отдал посох Медону и выхватил меч.

Руку с факелом никто не отрубил и не откусил, и тогда Арет быстро шагнул в помещение. А за ним вошел базилей, Медон прыгнул за ним через порог, держа посох над головой. Зацепив за что-то над головой, чуть не попал по затылку Одиссея.

Большие зубчатые колеса сцеплялись друг с другом, на железных валах были намотаны цепи, тонкие металлические прутья тянулись над головами и уходили в еле заметные отверстия. Снизу выпирала огромная железная бочка, наполовину утопленная в пол, у ее открытого конца находился широкий лоток, словно сюда засыпали зерно для размола. Медон заглянул внутрь этой бочки, но увидел лишь, что она словно забита чем-то, похожим на клубки грубой козьей шерсти или на растрепанные мотки ниток ковропряда.

Дальше ходу не было, и они повернули обратно.

У второй лестницы Арет опять постоял немного, а потом, факел отдав Медону, полез наверх. Кряхтел, постукивал мечом по железу, и вскоре долгий скрип подсказал базилею и Медону, что обнаружилась еще одна дверь. Гулкие шаги Арета раздались над головой, потом что-то слабо звякнуло. Вскоре он спустился вниз

и сказал, что наверху комната, а над ней как раз круглое помещение на палубе, похожее на опрокинутую чашу, и вроде там есть еще одна дверца — наружу.

Тут их окликнул сверху Полит; и они поспешили на палубу.

Тучи застили звезды, начался дождь, холодный и противный. Быстро собрали уцелевшие запасы — всего-то пару амфор воды да корзину с мясом сушеным. И сушняка успели принести, а после втянули сходни, что остались на берегу и не были унесены потоком в чрево горы, где канул несчастный «Арейон».

Ахеменίδα разбудили, он застонал, жалуясь на головную боль, а когда его провели вниз, свернулся клубком и застыл, продолжая стонать. Вскоре все собрались в помещении, где можно было лечь на широкие выступы. После скудной трапезы дети заснули, а остальные молча сидели во тьме, которая нарушалась лишь звоном дождя по железу.

— Спрячем корабль в горе, а сами уйдем по склону, — тихо сказал Одиссей.

— Здесь не пройти, нет тропинок, — шепотом отзывался Арет.

— Ну, тогда утром посмотрим.

Утром их разбудил предсмертный хрип Перифета. В жидком свете, идущем из распахнутой дверцы, с трудом можно было различить его лицо и раскрывшиеся глаза. Слабо дернулись пальцы, и душа его отправилась к иной ладье. Зажгли факел и постояли немного над телом. Дети испуганно жались к матери и смотрели, как Одиссей, не найдя монеты, сорвал медную бляшку с пояса и положил ее в рот покойнику — плату за переправу через Стикс.

— Прощай, — сказал базилей, и все повторили за ним.
— В воду его? — спросил Арет деловито.
— Не сейчас, пусть хоть остынет! — возразил Медон.
— Не оставлять же здесь! Бери за ноги, перенесем в тот конец.

Арет и Медон подняли отяжелевшее тело и отнесли его в помещение с зубчатыми колесами. Уложили его на лоток и, согнувшись, чтобы не расшибить головы, попятились обратно.

На палубе в это время Филотий и Полит развели костер — ночью в железной утробе было холодно. Базилей роздал всем по кусочку вяленого мяса. После скудной трапезы он долго о чем-то шептался с Калипсо. Полит с надеждой поглядывал на нимфу, он ждал, что она сейчас призовет на помощь какое-либо дружественное божество, которое вызовет их отсюда, а затем и накормит пристойно. Проснувшийся Ахеменид весело сказал, что теперь ему значительно лучше, а потом, выругавшись тихо, принялся шарить вокруг себя и требовать свой посох.

Медон, безразлично разглядывая доставшийся ему кусок, ногой подтолкнул к слепому его посох, а сам попытался укунить мясо; но чуть зуб не сломал. А когда ухватился покрепче, то так и замер с открытым ртом — он увидел, как в круглой башне, что возвышалась посередине корабля, открылась дверца и оттуда вышел Арет. Перестав шептаться, базилей и Калипсо направились к башне, и Медон, выплюнув мясо, последовал за ними.

В небольшом темном помещении из пола выступал короб, а из него торчали в два ряда железные палки разной длины. Базилей осторожно потрогал их — к его удивлению, одни легко продвигались вперед и назад,

другие не удалось даже пошевелить. Из стен тоже выступали рычажки — поменьше. Арет дернул за ближний, и тут все подскочили на месте — в стенах с лязгом отвалились узкие полосы, открыв смотровые щели.

— Искусная механика, видно, не хуже Гефеста был мастер, — сказал Одиссей.

Калипсо рукой смела пыль с высокого сиденья, которое возвышалось перед рычагами, и Медон увидел, что на спинке его вырезана надпись. В его собрании рукописей много было не только списков, папирусов и дощечек на языках знакомых, но попадались и письма неизвестные. Такие он не встречал ни разу — буквы или знаки, обозначающие слова, были разной величины, одни походили на рисунки, другие на невесть что, и шли они по спирали. Хотел он спросить, не знаком ли кому этот язык, но заметил, что пальцем Калипсо ведет по спирали и губами беззвучно шевелит.

— Надпись гласит, — сказала она, — вот о чем: «Здесь место управителя быстрого «Харраба», враги — трепещите». Стало быть, имя судну — «Харраб», а отсюда кормчий его направлял.

— Нам-то как с ним управиться? — Одиссей почесал бровь и задумчиво подергал рычаги. — Нет парусов, даже мачты и то нет убогой.

Скрежетнули под палубой тросы, но корабль и не шелохнулся. Только в темном помещении, где недвижимое тело Перифета лежало, в жерле бочки железной раздались щелчки. Осыпались легкими нитями странные клубки, забившие ее нутро. Часть этих нитей коснулись холодной щеки мертвеца, и в тот же миг маленькими, невидимыми глазу иглами ошетинились они и впились в его плоть. Быстро нити разбухли, и

вскоре еще потянулась из жерла мохнатая пряжа. Если бы кто из путешественников зашел тогда в кормовое помещение, то мог бы обезуметь от страха — Перифет словно ожил и весь в одеянии из мха вползает в отверстие, там исчезая.

Тем временем базилей спустился по лесенке в нижнее помещение. В полутьме он разглядел изглоданное временем деревянное ложе, от которого сохранился лишь остов, пыльной трухой исходивший от малейшего прикосновения. У изголовья, рядом с полусгнившим валиком, что-то поблескивало — просеяв гниль между пальцев, Одиссей увидел в своей ладони золотые нити. Задумался он над остатками златопряжи, и пришла ему на ум догадка — не простым мореплавателем был владелец «Харраба», а властителем сильным. И еще он вспомнил, что такие ковры лишь богам и прислужникам их подобают, ну и нимфам, что милостями их пользуются. Видел он золотую пряжу во дворце коварной Цирцеи: стоит засмотреться на бесконечную игру хитрых узоров — и разум твой открыт для речей убеждающих. И еще он вспомнил, горько при этом вздохнув, сколь прекрасен был ковер в доме Калипсо, на котором с детьми он своими играл.

Поднявшись в башню, базилей велел увести детей и слепого в нижнее помещение, а потом поведал Калипсо о том, что увидел внизу.

Нахмурила лоб свой прекрасная нимфа, но промолчала. Потом указала на штыри:

— Вот на этих двух выбиты знаки движения вперед и назад, эти — вправо и влево, а с этим вот я пока не разобралась, их лучше не трогать.

— Знать бы, какая сила им движет, — мечтательно протянул Арет и слегка поддал носком сандалия один из рычагов.

Корабль содрогнулся — так показалось им всем, а Полит ухватился невольно за первый попавшийся рычаг — и корабль в движение пришел.

Выскочили все на палубу и увидели, как медленно выползает его корма из дыры в горе, и что-то сильно плещется там, позади. Рот открыл Арет, но молча повел языком по пересохшим губам. Лишь Одиссей, руку на меч положив, прошел на корму и, за борт ухватившись, вниз посмотрел. За базилеем последовал Медон, тут подошел и Полит, страха своего устыдившись. Увидел он, как мельница, что неуместна была кораблю, вращается, вспенивая воду.

Вернувшись к башне, базилей недогнувшим голосом сказал:

— Вот и явила себя та сила, что корабль в движение приводит. Мы же воспользуемся этим.

— Самое время! — перебила его Калипсо, протянув руку вперед. — Еще немного, и мы ударимся о камни.

И впрямь, корабль хоть и неспешно, но неумолимо шел прямо на скалы, что в полутора стадиях из воды торчали. Выругался Филотий и спросил, где у этого проклятого корабля весло рулевое.

— Здесь не веслом, а рычагами надо ворочать, — отозвался базилей.

— Ну так где рычаги эти? — нетерпеливо вскричал Филотий.

Они вернулись все в башню, Калипсо указала на нужные штыри, и старый кормчий взялся за них. Судно, поерзав немного, вскоре стало послушным. Развернувшись в бухте носом к проходу, Филотий спросил, как остановить корабль или, напротив, ходу прибавить? Калипсо лишь руками развела и сказала, что не все еще знаки прочла и лучше, не зная, не трогать.

— Тогда нам и нечего ждать, — сказал мореход и, спросив взглядом у базилия дозволения, двинул корабль вперед.

Чавкала мельница сзади, толкая судно вперед, хныкал внизу Латин, бубнил что-то Ахеменид, утешая, а Лавиния тонким голоском затянула веселую песню о пастухе и пастушке. Из прорезей в башне видно было, как сужаются берега, надвигаются скалы.

— Этот корабль пошире будет нашего «Арейона», — заметил опасливо Медон.

— Зато без весел! — отрезал Филотий.

Медон хотел было сказать, что на веслах они шли быстрее, но взглянул на кормчего и смолчал. Руки Филотия вцепились мертвой хваткой в рычаги, жилы вздулись на лбу, а прищуренные глаза не отрывались от бойниц. Арет и базилей встали за его спиной, чтобы не закрывать собой прорези в башне. Пару раз визгливо терся бортами корабль о скалы, но выдержало железо. Так они шли, протока за протокой.

— А вот за тем мыском как раз и выход в море, — заявил вдруг Филотий. — Готов поспорить на десять драхм, что нас там ждут.

Все промолчали, но спустя немного, когда свернул корабль за мысом направо, хмыкнул Арет и сказал:

— Ты выиграл, кормчий!

Корабль преследователей стоял посередине пролива с опущенными парусами. Высоко запели рожки, было видно, что начали поднимать якоря.

— Правь на них, не сворачивай! — крикнул Одиссей, а Политу велел дверцу в башню прикрыть.

И вовремя! Туча стрел поднялась в воздух и их град дробно застучал по железной палубе. Снова выстрели-

ли лучники — на сей раз огненными стрелами, — но втуне. Медон, припавший к отверстию смотровому, отшатнулся было, но после снова глазом приник.

— Стреляйте, стреляйте, — злорадно сказал Арет. — Эх, сейчас бы с десятков бойцов, взяли бы их целенькими!

«Харраб» неотвратно надвигался на судно, запирающее им выход. Там уже рубили якорные канаты, а гребцы опустили весла, чтобы, мощно и дружно ударив, уйти от острого носа железного дива.

Не ушли.

Словно клинок в горло жертвенного быка вошел «Харраб» в борт вражеского корабля. Сухо треснуло дерево обшивки, обнажились ребра переборок, щепками разлетелись длинные весла. Крики ужаса слились с грохотом. На куски разломилось злосчастное судно. Лишь два воина в блестящих доспехах успели прыгнуть на борт «Харраба», остальные на дно пошли. Из гребцов, может, кто и уцелел, в обломки вцепившись.

— Ха! — воскликнул Арет. — Вот, базилей, и стал ты хозяином моря! Кто устоит против тебя? Если в столь краткий миг мы врагов одолели...

— Мы одолели? — Базилей нахмурил брови. — Разве ты знаешь, чья воля судно ведет?

— Так ведь справился Филотий!

— Нехитрое дело вождями воровать, — отозвался Филотий. — Но кто в колесницу впряжен, чтоб я знал?! Вы лучше вон с теми разбойниками справьтесь.

Между тем два воина, что оказались на палубе, огляделись и, кривые мечи обнажив, встали спина к спине. Сквозь прорези шлемов блестели глаза, лиц не было видно.

— Дел-то всех! — сплюнул Арет. — Сейчас мы их мигом! Ну-ка, юнец, копые подними!

Полит взял копые на изготовку и чуть не задел древком базилея. Пинком распахнув дверцу, Арет выскочил на палубу, а за ним и юноша. Грохот удара железа о железо заставил вздрогнуть непрошенных гостей, но они тут же развернулись к башне и, выставив клинки, шажками двинулись вперед.

Арет рассчитывал справиться со своим противником быстро, а потом помочь юноше, но схватка затянулась — враг ловко отбивал его удары, а острие изогнутого меча несколько раз свистело в опасной близости от горла старого воина, шипастый же на-коленник расцарапал бедро.

У Полита дела шли хуже — юноша самоуверенно попытался ткнуть врага копьем, но не успел он опомниться, как в руках у него остался лишь куций обломок древка. С коротким мечом против клинка он продержался бы недолго. Захотелось исчезнуть ему с этого узкого поля брани, да некуда было бежать. Прыгнул он к левому борту, метнулся к правому — но не уйти от смертоносного клинка. Хитрым нырком хотел сбить с ног врага, но не вышло — легко перескочил через него противник, выбил ударом ноги меч и занес свое оружие.

Глаза не закрыл Полит, чтобы смерть достойно встретить, а потому и увидел, как в горле врага вдруг стрела оказалась, навывлет пробив. Воин в блестящей кольчуге выронил меч и в воду свалился.

В дверях башни стоял базилей и лук свой теперь на второго нацелил.

Но помощь его не понадобилась Арету. Он извернулся, пропуская удар, и поймал меч врага в медный

захват, что к наплечнику левому был приклепан. Дважды ударив, поверг врага на палубу, содрал с раненого шлем и выругался последними словами.

— Да что же такое! — вскричал он. — Неужто одни амазонки остались во всей Ойкумене, а больше и не с кем сразиться?!

И впрямь опять пришлось им в схватку вступить с воинственными девами. Полит насупился: чуть его баба не одолела! Но потом приободрился — бывалые дружинники, и те их боялись. Впрочем, до этого плавания юноша полагал, что рассказы о женщинах, которых нелегко одолеть в бою, столь же правдоподобны, как и истории о морских чудищах. В чудище поверить даже легче — море велико и глубины его безмерны, а про амазонок говорили, что жили они во времена легендарные, когда боги и полубоги запросто ходили среди людей, ввязываясь в их склоки и дразги, всюю при этом их женами пользуясь.

— В воду ее, что ли? — спросил Арет базилея.

— Повремени, я хочу узнать, кто так усердно гонит нас, как добычу лесную.

Подошел Медон. Вдвоём со старым воякой они стащили с раненой кольчугу, сняли пояс и оттащили к башне.

— Надо бы ее перевязать, — сказал Медон, осматривая рану на животе.

Амазонка застонала и открыла глаза. Попыталась оттолкнуть руку Медона, но сил не хватило. Тут подошла Калипсо и, подобрав пояс, на пряжке разглядела знакомый знак — треугольник и круг.

— Может она говорить? — спросила она. — Скажи, — обратилась к раненой, — как вы нашли нас на

море, кто указал вам дорогу? И еще — не было ли на судне вашем женщин, похожих на меня?

Что-то сказала в ответ амазонка, а что — не поняли ни Арет, ни Медон. Речь ее была как стук камней, летящих с горной кручи. Но Калипсо ответила ей так же — и слова ее просыпались шелчками незнакомых звуков.

В это время на палубу выбрались дети, им надоело сидеть в затхлой тьме. Скосила на них глаза амазонка, скривила губы и что-то сказала, как плюнула. Выпрямилась Калипсо гневно и отошла в сторону.

— Обидное, небось, услышала... — начал было Арет, но не успел закончить, как замер, вытаращив глаза и раскрыв небогатый зубами рот.

Калипсо нагнулась стремительно и, меч подобрав, рядом с ними вдруг оказалась. Короткий замах, и в грудь амазонки вонзила его. Вскрикнуть та не успела, как все было кончено.

— Теперь можно и в воду, — спокойно нимфа сказала и меч опустила.

Переглянулись Медон и Арет.

— Оставила бы ее нам на забаву, а добить могла уже после! — недовольно пробормотал старый воин.

Калипсо нагнулась и быстрым движением задрала мертвой амазонке короткую тунику, что была под латами. Глазам мужчин предстало... Да ничего не предстало!

— Вот те на! — изумился Арет. — Где же причинное место? Даже волос не видеть!

Не отвечая, Калипсо вернулась к башне и увела детей вниз.

— Слышал я много историй о девах, что избегают мужчин, — задумчиво сказал Медон базилею после

того, как они с Аретом сбросили убитую в воду. — Но чтобы они так ненавидели нас!..

— Боги, наверно, лишили их естества в наказание, — предположил Арет.

Одиссей ничего не сказал, а только усмехнулся.

Корабль между тем шел в открытое море, только с каждым мигом все реже и реже из-за кормы раздавалось шлепанье лопастей о воду. Вскоре мельница, что приводила его в движение, остановила свое вращение. Сколько ни дергал Филотий за рычаги, ничего не добился.

Наверх поднялась Калипсо. Выслушав сетования кормчего, снова разглядывала еле заметные знаки на коробе, из которого торчали рычаги. «Возможно, их надо двигать совместно, а не порознь», — бормотала она еле слышно.

— Жаль, не подобрали мы весла с разбитого корабля, — сказал базилей.

— Парой весел такую махину с места не сдвинешь, — сердито ответил Филотий. — А если и сдвинем, еще двадцать лет добираться тебе до Итаки!

— Старый я стал, добрый, — сообщил Одиссей рядом стоящей Калипсо. — Кто бы посмел раньше так со мной говорить! Побить тебя, что ли, Филотий?

Ощерился кормчий в улыбке.

— Да мы тебя добрым всегда знали, царь! За то и любили, что зря никого не обидишь. Хотя, если спросить о том женихов...

Рассмеялся базилей добродушно, потрепал Филотия по плечу и сказал подошедшему Медону:

— Вот так со мною шутит рок — идешь навстречу судьбе, а нарываешься на злых баб!

— Так это и есть судьба наша, базилей, на них нарываться, — стоически ответил Медон. — Но скажет ли прекрасная Калипсо, кто гонит нас, как зайцев на охоте?

— У всех есть враги, — сказала Калипсо. — Злопамятство иных не знает меры.

Медон огладил свою бороду и, глядя в сторону, негромко продолжил:

— Мне показалось, что у тех, от кого мы с острова твоего бежали, тоже был некий изъян.

— Тебе не показалось, — ответила нимфа, — с ними вы тоже не нашли бы отдохновения.

— Я не о том, что между ног, а выше, — чуть ли не шепотом сказал Медон. — У твой изменницы-служанки я не увидел на животе...

Нахмурился базилей, слышавший их разговор. Взгляд Калипсо был долог и тяжел, но во взоре собеседника увидела она лишь недоумение. Она прошла к носу корабля и подозвала кивком Медона.

— Не знала я, что такая малость привлечет твое внимание, — голос Калипсо был спокоен, — но раз тебя это волнует, скажу — ты прав, ни у кого из них ты не найдешь пупка.

Медон задумчиво посмотрел вдаль.

— Что это означает? — спросил он, не глядя на нимфу. — Знак того, что они не людьми были рождены? И, не сочти за обиду, подобна ли ты им? Хотя твои дети — свидетельство в пользу обратного.

Вздыхнула Калипсо:

— Твое любопытство не знает предела. Детей своих я выносила и родила, у них ты все обнаружишь на месте.

— Да, да, — невпопад ответил Медон. — Прости, что докучаю праздными вопросами. Но кажется мне, что скоро у нас в гостях будет много дев беспупочных:

И с этими словами он указал пальцем вперед. Взглянула Калипсо и побледнела — вдали показался корабль, во всем похожий на тот, что они потопили. Тут подошли Арет и Полит, с доспехами, снятыми с амазонок, и тоже увидели судно.

Услышав о новой напасти, велел базилей всем собраться в башне.

— Запремся внутри, а сквозь бойницы достанем того, кто близко подойдет, — предложил Арет.

Покачал головой базилей:

— А если не подойдет никто? Привяжут канатом и за собой уведут в удобное им место, а там выкурят, как диких пчел.

Арет повернулся к прорези, прищурился.

— Ждать недолго, — сказал он.

В это время Калипсо лихорадочно терла краем туники надписи на коробе с рычагами, пытаясь прочесть стертые знаки.

— Вот разве что так? — спросила она сама себя и одновременно сдвинула друг к другу рычаги, что были посередке.

Протяжный скрип донесся с палубы. Припали к бойницам Одиссей и Арет, за их спинами засуетились Медон и Полит. Увидели они, как ровная линия возникла между башней и носом, расширилась зевом. Откинулись на обе стороны створки, и поднялась наверх рама баллисты. Метнулись на палубу все, рискуя свалиться в щели меж рамой и палубой. Вдоль опорных балок метательной машины тянулись полосы металла

с круглыми прорезями, в которых, словно яйца, сидели круглые камни, каждый с голову мудреца. Сама машина опиралась на подставку, которую можно было разворачивать.

— Десятка три камней наберется! — радостно вскричал Арет. — Если хоть треть попадет в цель, ущерб нанесет немалый.

С этими словами он подергал передний край рамы, которая от его рывка внезапно переломилась пополам и, вздыбившись, просела концами в соразмерные щели, образовав упорную перекладину.

— Медон, подноси камни, — распорядился базилей. — Арет и Полит — к вороту. Я буду нацеливать, если удастся.

С этими словами он взялся за край рамы и налег на подставку. Омерзительно взвизгнул ржавый металл, и баллиста немного повернулась вокруг своей оси.

— Сойдет! — бодро крикнул словно помолодевший Одиссей. — Вводи ложку!

Дружно ухватившись за ручки ворота каждый со своей стороны, Арет и Полит закрутили его, со скрипом пошел наматываться канат, оттягивая ложку. Два оборота успел сделать ворот, сближая концы блестящих будто начищенное серебро полудуг, как лопнул канат, прогнивший от времени. Сухо шелкнула ложка, Медон от неожиданности выронил камень себе на ногу и взвыл от боли.

Слова, которыми Арет покрыл все, что успел перечислить, пока не выдохся, напугали Полита больше, чем неудача с баллистой. Он был уверен, что такая же брань не далее как вчера вызвала неудовольствие богов, и оно сразу же проявилось в гибели их «Арейона»,

а нынче клубящиеся тучи над темнеющим морем тоже ничего доброго не сулили.

Калипсо, стоявшая в дверях башни, нахмурилась. Бросив короткий взгляд на корабль, который был уже в пяти или шести десятках стадий от «Харраба», вернулась к месту управления и снова взялась за рычаги.

Еле успели отскочить Полит и Филотий, когда ухнула вниз баллиста. Но она не ушла целиком под палубу — осталась торчать перекаладина упора, и створки легли на нее. Вернулись все в башню и с надеждой смотрели, как нимфа колдует над рычагами. Все молчали, лишь Медон шипел от боли, осторожно трогая набухшие кровью пальцы ноги. Так и этак сдвигала Калипсо рычаги, то вместе, то порознь, но время шло, и все безнадежней смотрел Арет на корабль врага, на вырастающий парус с кругом и треугольником.

Наконец что-то опять гроыхнуло снаружи. Выскочили на палубу, но ничего, кроме застрывшей баллисты, не увидели.

— За башней посмотрите! — крикнула им Калипсо.

Обошли они башню и застыли в растерянности.

На помосте наклонном, словно Зевса орел, большая птица распластала крылья, медью отливающие. Каждое крыло в три локтя длиной, острый клюв и глаза — красные камни. Страшна была птица, казалось, полыхнут огнем ее глаза, взмахнет крыльями и пронзит трехгранным клювом того, кто ближе к ней стоит.

— Вот ведь дрянь какая! — сказал Арет базилею. — Такие нас и донимали, когда мы с отцом твоим ходили к берегам...

Рядом с ними возникла Калипсо, а за ней и Медон приковылял.

— Это она, меднокрылая птица, что Ясона и спутников его чуть не убила! — благоговейно прошептал он. — Если спасемся, такую сложу я песнь, что...

— Сначала спасение, а песни потом, — перебила его нимфа. — Я знаю, как птицу эту отправить в полет, а там как получится. Сейчас возьмемся дружно, лишь клюва ее не касайтесь!

Края помоста увенчивали выступления наподобие рукояток. Ухватила за пару из них Калипсо, за другие взялись остальные. Неожиданно легко решетчатое основание помоста вышло из углублений в подпалубной балке. На нос корабля перенесли они помост и по приказу Калипсо установили его так, чтобы птица смотрела на врага.

Вдохнула глубоко нимфа, и, подав знак всем прыгнуть, выдернула неприметный колышек, что торчал из спины медной птицы. Забила она крыльями, хвост задрожал и расплылся в глазах — взмыла над помостом тяжело, уронила перо и поднялась над «Харрабом», устремившись к судну противника.

Опустилось перо рядом с Медоном. Он поднял его, удивившись легкости — не медным оно оказалось, а словно из кожи тонкой, но прочной.

Птица тем временем все набирала высоту, и, хоть дергалась из стороны в сторону, к кораблю приближалась. Горестный крик испустила Калипсо и лицо руками закрыла.

— Выше пройдет она и в море упадет!

И впрямь, птица хоть и стала опускаться, но видно было, что высоко над мачтой пролетит она.

На вражеском судне давно заметили ее и внимательно следили за полетом. Запели рожки, зазвенела тетива луков. Хороши были стрелки на корабле — едва

птица оказалась над мачтой, как засело в ней с десяток стрел. Кувыркнулась в воздухе птица, одно крыло отлетело прочь, и рухнула она под торжествующие крики преследователей прямо на корму.

— Вот и все, — уныло сказал Арет.

Но в этот миг что-то пыхнуло на корме вражеского судна, желтый огонек заплясал там, а потом и снасти запылали. Не успели базилей и спутники его сообщить, что произошло, как уже пылал огромным факелом вражеский парус, и только страшные крики возвещали о судьбе несчастных.

Не сговариваясь, глянули Арет и Полит на Калипсо и попятились в испуге. Взмахни она сейчас руками и на небо улетит — изумления бы не испытали.

Базилей долго не отрывал глаз от гибнувшего корабля, а затем велел всем, дверцы и створки заdraив, вниз спускаться — буря грядет. В подтверждение его слов горизонт ошестинился молниями.

Глава пятая

Анналы Таркоса

Широкие просеки оставались за нами, когда неудержимым потоком хлынули мы из чрева звездной машины и ворвались в джунгли мира Кхаанабон, что нежился в жарких лучах раскаленного добела светила. Шипастые лианы сплетались в плотные ковры, яркие пятна цветов сливались в беспорядочный, но завораживающий узор, а сквозь толстый и пружинистый слой перепревшей листвы отовсюду пробивались в три человеческих роста прямые и гладкие побеги, которые венчались бугристыми шарами. Узловатые жгуты лиан тянулись еще выше и пропадали в сияющем мареве высоко наверху, там, где начинались ветви гигантских деревьев. Толщина их стволов достигала порой сотни локтей, а о высоте и помыслить нельзя было без содрогания — вершины цеплялись за облака, а то и пронзали их — до десяти стадий тянулись они от земли ввысь и там, наверху, простирали друг к другу ветви, образуя подобия небесных мостов.

От дерева к дереву надо было пробиваться сквозь непролазные для человека джунгли, но вряд ли кто назвал бы нас сейчас людьми...

Страхи оруженосцев оказались пустыми — никаких испытаний для оруженосцев не полагалось. Про-

сто когда сочли гоплитов подготовленными, всех посадили на большие крытые повозки и отвезли в Гекторапат. Там нас ждало судно, которое доставило меня, Варсака и остальных на Родос. В порту, когда мы шли к кораблю мимо знакомых мне складских строений, я скосил глаза на Го, а потом спросил, не доводилось ли ему бывать в этих местах? Он невозмутимо покачал головой. Наверно, все же это не Го заманил меня в ловушку. Мало ли похожих на него чинцев!

В Родос мы пришли рано утром. Море было тихим, качка почти никого не донимала, только Болк умудрился где-то раздобыть хмельного, и утром цвет его лица напоминал о волнах, что били в борт корабля.

Он долго таращил глаза на маяк, а потом вздохнул и сказал, что в вино было что-то подмешано, до сих пор в глазах двоится. Я успокоил его, пояснив, что родосский маяк сооружен в виде двух башен, а светильник расположен на перемычке между ними.

Наконец мы очутились на площадке звездных машин. Я опустил голову и держался за широкой спиной Болка. Увидит еще кто из механиков, бывавших у нас в Микенах, окликнет, станет вопросы задавать — тут и набегут эти, с паутиной на повязках!

На нашу группу не обращали внимания. Ни одного служителя порядка я не заметил. Сновали большие и малые соратники, порожние и с грузом, какой-то скобоченный оруженосец наводил тряпкой блеск на расположенные вдоль обочины доспехи, которых хватило бы человек на десять, а издалека доносился гул и потрескивание работающих двигателей. Я поднял голову и чуть не споткнулся от удивления — таких громадин мне не доводилось видеть. Мало того, я даже не знал, что есть звездные машины чуть ли не в половину высоты ре-

перной пирамиды в Гизе! Сколько же людей вместит внутренняя ходовая часть, уносящая в другой мир?

В этот день предстояло еще многому удивиться. Гоплитам, как потом я узнал, объяснили, что к чему, в последний день, когда им вручали нагрудные знаки. Мы с Варсаком так и не успели поговорить наедине, а в порту всех гоплитов разбили на пятерки и под бдительным оком сопровождающих доставили сюда. И вот теперь мы выстроились как положено — гоплит, а за правым плечом у него — оруженосец с тяжелым металлом и огневой снастью.

Высокий чернокожий наставник, у ног которого пристроился средних размеров соратник, сурово оглядел нас и сказал:

— Добро пожаловать в Черную фалангу, смертные! Вы хотели драки и почестей? Первое я обещаю задаром, а второе получит тот, кто уцелеет. Я — наставник Чомбал, а вот кто вы такие, увидим в деле!

Он нахмурился, ткнул пальцем в Верта, тот шагнул вперед, а за ним, нога в ногу, Болк.

— Назначаю тебя десятником, северянин!

— Исполнено! — гаркнул Верт.

Потом спросил негромко:

— А где же еще пятеро?

— Все уже здесь, — пояснил наставник. — Там, — он ткнул пальцем себе за спину, в сторону большого строения без окон, — там вы будете умирать вместе, что слуга, что господин. С гоплита спрос особый, ему славы больше, но ему и бесчестие сполна! В бою все равны и все отвечают друг за друга. Побежит один — погубит всех. Ты уверен, что оруженосец тебя не подведет?

Не успел Верт и рта раскрыть, как наставник вдруг оказался перед Болком и, свирепо уставившись на него, прошипел:

— Отдашь жизнь за господина?

— Исполнено! — крикнул Болк, браво выпятив грудь и задрав подбородок, но тут же получил кулаком под дых и согнулся, чуть не выронив оружие.

— Не так! Правильный ответ — «к послушанию!», — поучительно сказал наставник Чомбал. — Если уцелеешь после двух или трех походов и господин будет тобой доволен — сам станешь гоплитом. Вот тогда будешь отвечать «исполнено». Вернешься без господина, пойдешь на корм соратникам. Трусов здесь не любят.

— У нас в фаланге без всяких церемоний, — добавил он чуть погодя, оглядев с ног до головы каждого из нас. — Выслужиться может любой. Приказы исполняются беспрекословно, по исполнении все забыть. У кого длинный язык, того укоротят на голову. Пленных не брать, в плен не сдаваться. Все понятно? А теперь за мной, быстрым шагом!

Он повернулся и пошел к дому без окон, а соратник, что был ему по пояс, заскользил рядом.

Держась строя, я тем не менее старался увидеть как можно больше, приглядываясь к строениям, оградкам и вратам. Может, придется бежать и отсюда. Слова наставника меня насторожили. О каких боях и пленных он говорил? Разве гоплиты не для того, чтобы охранять разведчиков, ученых и поселенцев от хищных тварей? С кем сражаться? Известно, что людей или подобных людям существ никто не встречал. Вот, скажем, когда я еще не был в бегах, наша звездная машина никогда не посещала миры, где нашлась бы хоть одна разумная тварь. Правда, мы обычно перемещали

разведчиков второй волны и ученых. Дело наше было простое — выгрузить, загрузить и вернуться. А там уже те, кто поумнее нас, сами разберутся, что делать потом. Хотя пару раз мне довелось сживать за пивом с механиками из парфян: они рассказывали всякие страшные небылицы, но это уж так у нас водится, чтобы ненароком не сболтнуть при посторонних о тайнах своего ремесла или службы. Наверно, когда киберней-осы в своих кабаках гуляют, они о разведчиках сплетничают или про ученых судачат, а ученые про механиков... Ходили слухи о том, что на некоторые миры якобы переселяют не только жителей неурожайных или перенаселенных земель, а всех поголовно из мятежных областей. Да только нынче времена мирные, про последние бунты разве что старики помнят, и то понаслышке.

От этих раздумий в голове у меня опять возник слабый звук, напоминающий пение далеких труб. Я тряхнул головой, перестал озиаться и уставился в спину наставника. Тут мне показалось, что его соратник, равномерно перебирающий шестью мохнатыми конечностями, на какой-то миг сбился с ритма и неуверенно повел из стороны в сторону жвалами.

В доме без окон наставник передал нас служителям в одеяниях ученых, приказал слушаться их беспрекословно и, пообещав вскоре сделать из жидкого дерьма славных вояк, ушел. Нас провели в комнату со встроенными шкафами, показали, куда сложить пожитки, а куда — оружие и доспехи, потом велели раздеться догола. А когда мы прошли узким коридором в соседнее помещение, то оказались в бане!

Из медных труб струилась вода, горячая и холодная, в глубоких ваннах, каждая с небольшой пруд, она

смешивалась и, вытекая сквозь мелкие отверстия в стенках, уходила через сливные дыры в полу. Для тех, кто любит погорячей, в отдельной каморке из короткой трубы горячий пар бил в потолок. Но только Верт и Болк, который прихватил с собой невесть откуда добытый букет из веток с сухими листьями, направились в каморку и исчезли в раскаленном облаке. Звуки, которые шли оттуда, напоминали шлепки по тесту, перемежаемые довольным уханьем.

Оказавшись рядом с Варсаком, я тихо спросил у него, о каких сражениях говорил наставник. Варсак приложил палец к губам, а потом слегка кивнул в сторону широких каменных скамей с подогревом, на которых обсыхали гоплиты. Завернувшись в простыни, мы вышли в предбанник. Здесь никого не было, и Варсак быстрым шепотом сказал, что об услышанном надо помалкивать, и что на самом деле люди и соратники давно уже воюют на многих мирах со всякими тварями, разумными и не очень, только это великая тайна. Простолюдинам не следует знать о битвах, чтобы не было лишних сомнений и страхов, не знают про то и многие из высших каст, только мы, удостоенные посвящения в тайну...

Тут появились не улыбчивый Шитан, за ним вышел его оруженосец Го, и Варсак замолчал. Но сказанного хватило, чтобы в очередной раз понять, что назад дороги нет — я оброс тайнами, как навоз грибами.

Два дня мы провели в доме без окон. Нас держали в длинной узкой комнате с двумя рядами кроватей вдоль стен. Кормили чуть ли не десять раз в день, снова водили в баню и велили отдыхать, хотя не было причин для усталости. Попытки выведать у Го, знает ли он о

моих злоключениях у безумцев и не имеет ли он к тому касательство, успехом не увенчались — спросить прямо я не решался, а на все хитрые вопросы он только недоуменно шурился.

Утром третьего дня нас угостили каким-то неаппетитным варевом, от которого всех мощно пронесло. Укромную комнатку с рядами круглых отверстий в полу мы навешали не раз и не два. Только к вечеру желудки наши успокоились. На ужин ничего, кроме теплой воды, не дали, заснуть под бурчание пустых животов было нелегко. Я долго ворочался, потом разглядывал в тусклом свете ночного светильника надписи и рисунки на стенах, оставлены теми, кто жил здесь до нас. По большей части это были бранные слова, инициалы, пояснительные надписи на множестве языков и стрелки, указывающие на голых баб с огромными сиськами и бездонными промежностями. Мое внимание привлекло изображение осьминога, который в щупальцах держал какую-то штуку, напоминающую весло и похожую на метатель, каким его рисуют дети. Надпись рядом обещала истребить всех головоногих уродов и тем самым отомстить за погибшего брата.

Все это было очень странно: нас учили с детства, что всякая жизнь священна, что убивать без надобности нельзя и букашку, все живое имеет право на жизнь и все такое прочее весьма высоким слогом. Ну, когда припрет, а рядом нет хранителя жизни, быстро забудешь Скрижали Первого Ментора, если комары донимают или живого мясца не в сезон захотелось. А вот на человека руку поднять... Десять раз подумаешь, прежде чем кулаки или нож в дело пустишь! Но кто бы мог предположить, что мне, почтенному семьянину...

Э, чего там говорить — где теперь я, а где семья! На глаза навернулись слезы, веки стали смыкаться, щупальца осьминога зашевелились, он поплыл на меня, угрожающе размахивая метателем, зеленые волны вздымались все выше и выше, меняя цвет на черный...

Утром всех поднял силовый рык наставника Чомбала: — Вы что, спать сюда прибыли, срачкун?!

Вместо завтрака опять накачали пустой водой. Верт слабым голосом сказал, что нас, по всей видимости, отправляют на битву с вечно голодными демонами снегов мира Дронд, и он теперь может загрызть парочку не очень костлявых демонов, а Болк добавил, что он и костям будет рад, если на них останется немного мяса. Разговоры о еде вызвали у меня стон, Варсак усмехнулся, но, тут же схватившись за живот, исчез в укромной комнатке.

Невысокий гоплит с густыми темными бровями, имени которого я не знал, не глядя на Верта, спросил небрежно, откуда тот знает о тварях мира Дронд и когда это ему удалось там побывать. Верт набычился — а глядя на него, и Болк засопел угрожающе — и поинтересовался в ответ, не из славной ли когорты бдительных братьев паутины прибыл сюда уважаемый друг по фаланге, и за какие упущения в службе он был низложен в чине и звании? Тут вскочил густобровый и предложил Верту обменяться парочкой ударов палками или чем угодно, если у него, Верта, есть к нему еще глупые вопросы.

Все оживились в предвкушении доброго развлечения, но нижняя створка двери вдруг хлопнула об стену и перед нами возник соратник наставника Чомбала. Я заметил, как Верт уставился на него, морща лоб, и за-

шептал что-то вроде «хорошая собачка, подойди ко мне». Оруженосцу смеяться над гоплитом нельзя, и я с трудом подавил улыбку. Управиться с соратником ему не удалось — то ли выучка плоха, то ли соратник хитро натаскан и чужих команд не признает. Интересно, где Верт собак видел? Их же давно извели, они с соратниками никак не могли ужиться. Может, в его краях дикие псы еще водятся?

Вскоре появился сам наставник Чомбал и велел собираться. Оруженосцы бросились к шкафам за доспехами и оружием, но он махнул рукой.

— Там, где мы с вами разомнем суставы, эти дымные пукалки не будут нужны, — обещающе сказал он. — Вот и проверим в деле, кто на что годен!

Проверить ему не удалось, он первым погиб на Кханабоне. Но тогда мы еще не знали своей судьбы, да и были слишком голодны и слабы, чтобы задумываться о ней.

Широкий наклонный коридор, по которому Чомбал вел нас вверх, пересекали узкие проходы, из которых наставники выводили свои десятки. Мы пристроились к группе, облаченной в зеленые облегающие одежды, наш цвет был синий, а когда я оглянулся, то в глазах зарябило от разных цветов — за нами тянулись десятков за десятком и конца не было видно этой колонне.

Поднялись на следующий ярус. В круглом зале с множеством дверей по периметру нас развели соответственно с цветными квадратами над косяками. Пройдя сквозь короткий неосвещенный коридор, мы оказались в большом помещении с высоким потолком. Красные светильники напомнили мне родильные дома, а когда я увидел стоящие вдоль стен большие яйце-

образные чаны, к которым подходили тонкие и толстые трубы, колени у меня подогнулись — в какой-то миг я вообразил, что сейчас всех пустят на питательный раствор. Но мысль, что для этого не надо было столько времени возиться, обучать и в баню водить, несколько приободрила. Наверно, страх был замечен на многих лицах, потому что наставник Чомбал рассмеялся и сказал почти ласково:

— Что, страшно? А как насчет этих красавцев?

И указал пальцем за наши спины.

Мы обернулись разом. От неожиданности Болк громко икнул, а я вздрогнул и невольно вскинул руки, защищаясь. Над нами грозно нависали большие, очень большие соратники. Они стояли в ряд, в черной хитиновой броне неяркими пятнами отражались светильники, их могучие шипастые голени возвышались над кольцами верхних сегментов, а вместо крыльев вперед вытянулись длинные суставчатые лапы с огромными клешнями, которыми можно было перекусить любого гоплита вместе с доспехами. Даже если вытянешь руку, и то вряд ли дотянешься до середины его туловища.

— Такой сожрет тебя и не заметит, — проговорил Верт.

— Чем это сожрет? — отозвался наставник. — Кажется, я зря назначил тебя десятником.

Приглядевшись, я заметил, что головы-то у соратника нет! Там, где полагалось быть крепким жвалам, антеннам, глазам и всему прочему, зияла дыра, из которой выпирали толстые и тонкие жгуты, а концы их были обернуты в белую ткань и густо вымазаны радужно переливающейся слизью.

Наставник Чомбал указал на крайнее тело безголового соратника и сказал, что этот боец предназначен ему, а остальные нам. Я содрогнулся. Мне еще не доводилось быть сращенным, хотя для многих миров нам накачивали мышцы или укрепляли кости. Судя по тому, как перекосялся Болк, ему это тоже пришлось не по вкусу. Варсак немного побледнел, а Верт как ни в чем не бывало подошел к ближайшему бойцу и похлопал его по сегменту.

Со стороны чанов раздался предостерегающий крик, оттуда появились двое в желтых тогах ученых, один из них грозил пальцем.

— Вы что же это безобразничаете! — сердито заявил старый морщинистый пикт. — Сейчас позову наставника!

— Здесь я, досточтимый Бролл. — Наставник Чомбал уважительно сложил ладони. — Это молодые воины, необученные еще.

Досточтимый Бролл оглядел нас, хмыкнул и покачал головой.

— Где ты видишь молодых?! — сварливо сказал он. — Скоро их внуки в дело пойдут! Ладно, готовьтесь, головы уже созревают.

Он скрылся за чанами, а с нами остался второй ученый.

— Давайте скорее, нам сегодня еще три группы готовить! — И с этими словами пошел в дальний конец помещения.

Наставник сделал знак следовать за ним.

На невысоком помосте стояли топчаны, а вокруг сустились ученые, натягивая на распорки длинные белые полосы ткани, похожей на шелк. Мы поднялись на помост. Наставник Чомбал коротко пояснил, что

сейчас нас разместят в головах соратников. Это не настоящие соратники, добавил он, а выращенные для боя ларвы безмозглые. Нахмурившись, он прищурил глаза и сказал, что не уверен, есть ли мозги у нас, но если кто во время похода отстанет или не выполнит приказ, то он вышибет из него то, что он считает мозгами. На чей-то робкий вопрос, как мы будем общаться друг с другом, Чомбал усмехнулся и сказал, что глупцам вопросов задавать не положено, всему свое время.

Наставник обращался к гоплитам, а потом обернулся к нам и сказал, что все это относится и к оруженосцам. Мы повинемся гоплитам, гоплиты десятнику, а десятник ему лично. Дело тоже нехитрое: выгрузиться в мире Кхаанабон, что на одном из наречий Зета означает Танцующее Облако, найти брошенную из-за поломки звездную машину и вернуть ее домой. Местные твари глупы, оружия не имеют, только прыгают по деревьям и тащат все, что плохо лежит. Тварями пренебречь, пока не досаждают. После сраживания все немного разминаются, чтобы привыкнуть к новым телам, и вперед!

На топчаны уложили трех гоплитов. Я заметил растерянный взгляд Варсака и ободряюще кивнул ему, но он только закусил губу и закрыл глаза. Пока их туго пеленали, словно младенцев, согнув ноги в коленях и чуть не прижав к ним голову, я припал к маленькому оконцу в стене. Отсюда можно было увидеть поле, где ровными рядами стояли звездные машины, а к ним тянулись темные шевелящиеся ленты. Нет, это были не ленты: широкая река вперемешку из людей и соратников растекалась ручейками и исчезала в черных треугольниках входных проемов. Вот грани одной машины на миг озарились бледным сиреневым светом.

Значит, ходовая часть исчезла в нашем мире и возникла в такой невообразимой дали, что человеческий разум представить не может. Отец мой, правда, подвыпив однажды, уверял, что никто точно не знает на самом деле — далеко или, напротив, совсем близко находятся миры, в которые ведет нас мудрость менторов.

На тележке подвезли голову бойца. Она тоже выглядела устрашающе — светильники отражались многочисленными красными точками во всех фасетах глаз, жесткие усы антенн торчали как пики, а такой челюстью можно было перегрызть бревно толщиной с локоть!

Ученые действовали молниеносно. Верхняя часть головной капсулы соратника откинулась; словно на шарнирах, на голову согнутого в три погибели и спеленутого гоплита натянули что-то вроде колпака с гибкими трубками и впикнули внутрь. Чмокнув, закрылась верхняя часть, и ученые бегом отташили тележку к рядам безмолвных соратников. Что они там делали и как соединяли голову с телом, я не видел — только вдруг один из больших соратников вздрогнул и пошевелил лапами с клешнями.

Вскоре настал и мой черед.

Опасения оказались смешными. Ничего плохого в сращивании не было. Наоборот, радость обладания сильным телом наполнила меня, и сам я не был куколкой в чреве. Трубки, позволяющие дышать и слышать, не причиняли неудобств. Я не мог пошевелить туго спеленутыми руками да и вообще не чувствовал их, зато мощь когтистых ног и лап была послушна моей воле. Мир стал черно-белым, но столько оттенков открылось в нем, что они не уступали по богатству разнообразия миру цветному. Зрение обострилось

необычайно, я видел малейшие волоски и поры на лице ученого Бролла, наклонившегося над открытым чаном; видел неровности и щербинки на медных и железных трубах; бугристые, словно из тисненой кожи, кишки питательных вводов; видел, по каким трубам идет тепло, а по каким холод. Люди в помещении двигались медленно, едва переставляя ноги, оброненный кусок ткани падал на пол, словно тонул в воде...

Один из соратников прикоснулся к моей антенне, и я услышал высокий, даже чуть писклявый голос:

— Я — наставник Чомбал, кто ты, назовись!

Трубка, прижатая к губам, не мешала говорить. Мы топтались на месте, касаясь друг друга, вскоре я уже знал, кто из бойцов Варсак, кто Болк, да и все остальные. Теперь все бойцы не казались одинаковыми — как раз ни один не был похож на другого — темные и светлые пятна на сегментах составляли неповторимый узор.

И вот мы уже идем, скользим по гладким плитам к звездным машинам, впереди наставник Чомбал, за ним цепочкой бойцы, а за нами в беспорядке следовали мелкие соратники. Впрочем, это сейчас они казались не крупными, да и звездные машины уже не подавляли своими размерами.

Нет, в таких громадинах я все же не бывал. Во внутреннюю пирамиду мы загрузились по широкому пандусу, а в простенке между объемами мог прогуляться боец и покрупнее нас, если бы, конечно, не механизмы совмещения. Люди уже были на своих местах, они глядели на нас равнодушно, только некоторые морщили носы. Потом я узнал, что во время походов внутренние ярусы многоместных машин плотно набивают людьми, соратниками и сращенными. Выветрить стойкий дух пота и выделений нелегко — запах порой

шибает крепче, чем на вонючих зиккуратах, куда сгребают все дерьмо, чтобы его сожрали и переработали невидимые простому глазу сотрудники. Но тогда у меня запахи воспринимались не носом — их тонкие, еле видимые потоки, струящиеся вокруг всего, что меня окружало, казалось, и заменяли цвета...

Звуки я тоже воспринимал иначе, но густой рык, прерываемый ударами колокола, узнал сразу — раньше это был визг двигателей, пощелкивание реек ходовой части и чмокание совмещенных камер.

Момент перехода никто, разумеется, не уловил. Только когда упали створки, люди схватились за уши — воздух Кхаанабона был пожиже, чем на Родосе.

Боец наставника Чомбала ринулся в проем, а мы вслед за ним выметнулись на каменистую осыпь, что тянулась вниз и пропадала в гуще растений. Оставив за собой звездную машину рукотворным наверху холма, мы позволили телам соратников показать, на что они способны.

Ничто не может остановить бойца, когда он рассекает лианы острыми клешнями и, вмяная кустарник в мягкую землю, покрытую толстым слоем гниющей листвы, неудержимо врывается в самую гущу зарослей, оставляя за собой раздавленные шары, сбитые с верхушек высоких стеблей, обрывки шипастых лиан — лепестки цветов, похожие на смятые полотенца, — а за ним несутся соратники. Порой опережая, подныривая под сплетения лиан и высматривая опасность снизу.

На первой же поляне мы увидели огромный ствол, исчезающий за облаками, которые мыльной пеной клубились у вершины. Сруби такое дерево — на его пне можно поставить дом не меньше того, что был у меня.

Приглядевшись, я обнаружил, что такие деревья возвышаются через равные промежутки и тянутся насколько хватает глаз — простых и составных. Кора дерева похожа на чешую змеи. Она исходит мерцающими волнами непонятного запаха. Темные пятна, уродующие поверхность коры, были, наверно, дуплами — да такими, что в каждое мог войти боец, широко расставив ноги.

Из этих отверстий выглядывали существа с круглыми глазами, чем-то похожие на больших лемуров. Некоторые из них ловко карабкались из дупла в дупло, другие скользили вниз и, оказавшись почти над нашими головами, вдруг словно в страхе взмывали обратно.

Настоящие лемуры водились, кажется, только на узком перешейке между Зетом и Калаидом. В тех краях мне не доводилось бывать. Говорят, быстроходное судно доплывет от Микен до безымянной столицы только за десять дней. Да только океанские корабли не заходят в Микены...

Личный соратник наставника Чомбала подскочил к дереву и быстро поднялся на высоту, которую трудно было определить с непривычки. Лемуры обрушили на него град мелких овальных плодов, но они не причинили ему вреда. Одна из волосатых тварей подобралась к соратнику и, ухватившись хвостом за короткий сучок, вцепилась в его панцирь, явно намереваясь скинуть соратника вниз. Короткое движение, черной молнией жикнули серповидные клешни — и на дереве остался воистину мертвой хваткой державшийся хвост лемура, а сам он двумя половинками летел вниз.

Остальные тут же исчезли, вразумленные.

Соратник медленно пополз вокруг ствола, пропал, а затем возник с другой стороны. Я почувствовал, что

между ним и наставником Чомбалом идет разговор, но о чем — понять невозможно, словно двое по очереди говорили за прозрачной стеной и речь вели не словами и знаками, а образами и настроением. Удивительно, что я вообще улавливал подобное общение, доступное лишь избранным управляющим. Может, Безумный Ментор передал мне частичку своего непостижимого рассудка и теперь я схожу с ума? Ясно одно, и эта тайна должна умереть во мне, словно я — воплощенное кладбище тайн.

От наставника Чомбала изошло недовольство. Соратник быстро скользнул вниз, и теперь на дерево полез сам боец наставника. Мы же расположились треугольником вокруг ствола, чтобы отразить любую угрозу. Но смерть затаилась наверху...

Наставник поднялся высоко, почти к самым отверстиям, в которых было заметно движение серых теней. Вот он замер на месте, прополз немного вправо, потом влево и зашевелил антеннами. Черда цветовых сигналов означала какие-то сигналы, они были непонятны мне, но соратники быстро выстроились в походный клин и, выгрызая просеку в зарослях, двинулись в сторону далеких холмов, вершины которых едва возвышались над растительностью.

Мы ждали наставника. Его боец скользил вниз, словно летел. Я заметил, что из отверстий снова вылезли лемуры и принялись забрасывать его пометом. Наставник Чомбал почти достиг земли. Беснующиеся твари вдруг исчезли, а затем из дупла высунулась одна и метнула какой-то обрывок лианы, похожий на извивающегося червя.

Обрывок коснулся панциря бойца. Мне показалось, что он, бешено вращаясь, проник сквозь броню и ис-

чез внутри. Наверно, померещилось, скорее всего этот «червь» просто упал в траву. Тем не менее я хотел сообщить об этом Варсаку, но не успел — наставник Чомбал устремился за соратниками, а вслед за ним и остальные бойцы.

Одна за другой возникали поляны — середину каждой украшали могучие стволы деревьев, но мы неслись, не останавливаясь, по пути, проложенному соратниками. Время от времени я сосредотачивал зрение на верхнюю полусферу, там в мелькании теней, в игре света мне чудились стаи лемуров, преследующие нас по ветвям, что касались друг друга, словно деревья тянули во все стороны свои длинные руки.

Ближе к холмам трава и кустарник стали пожиже, а скоро и вовсе исчезли. Каменистая почва не замедлила наше движение — тело само знало, куда ставить ноги, из-под острых когтей летели галька, песок и какие-то мелкие блестящие чешуйки.

Звездная машина стояла на ровной площадке. Не такая огромная, на какой мы прибыли, скорее это машина разведки второй волны вроде моего «Париса». Входные створки распахнуты, крышки больших и малых люков для разведчиков валяются неподалеку и никакого дозора! За столь вопиющий беспорядок кибернейос машины будет сослан в позорные деревни — и это в лучшем случае! А когда мы прошли сквозь кольцо наших соратников, окруживших машину, и приблизились к ее плоским граням, я понял, что дело плохо! Из ее чрева несло голой пустотой, стало ясно, что не только людей и соратников, но даже малейшего сотрудника мы там не найдем, и самую мелочь, вроде вездесущих аптеригот, тоже... Кто-то основательно

вычистил машину, и от мертвенной этой чистоты веяло недоброй волей и неясным умыслом.

Боец наставника Чомбала с трудом протиснулся сквозь треугольник входа и исчез внутри, а его личный соратник замер у проема. Я был уверен, что больше мы наставника не увидим, он сгинет, исчезнет, поглощенный противоестественной и безжизненной пустотой. Однако вскоре он выполз, цепляясь клешнями за створки и волоча в передних когтях металлический дырчатый шар. Шар выскользнул, покатился по склону, ударился о камень и распался на четыре сегмента. Если бы я мог, то вздрогнул бы! Самое сокровенное звездной машины, ее сердце, без которого она — груда металла — было пусто. В шаре, место которого в самом центре машины, должна находиться малая толчковая опора — пирамидка из орихалка, грани которой с необыкновенной точностью соразмерны с гранями большой реперной в Гизе. Как же вернуть машину без нее?

Наставник Чомбал между тем подтолкнул к нам сегменты шара, от которых несло кислочричащим цветозапахом. Боец прикоснулся антеннами к десятнику Верту, потом двинулся к остальным, но движения его мне показались медленными и неуверенными. Соратник Чомбала сорвался с места и закружил вокруг него. Передние ноги наставника словно подломились, голова его ткнулась в песок. Из спинных сегментов Чомбала вдруг полезли во все стороны тонкие извивающиеся отростки. Они сыпались на землю, некоторые, словно змеи, ползли в нашу сторону, другие пытались зарыться в почву, но не успел я понять, что случилось, как все они сморщились и рассыпались трухой. Отверстия в папцире затянуло вязкой белесой массой.

Боец Верта приблизился к наставнику и прикоснулся к его антеннам. Затем клешней он подозвал остальных, сообщив по очереди каждому из нас, что боец Чомбала непоправимо поврежден, сам наставник еще жив, но плох и говорить не может. Надо быстро доставить его на Родос, там успеют вынуть его из бойца и восстановить поврежденные органы. Я сообщил Верту о том, как эти черви попали в наставника, десятник велел всем быть осторожными.

Двое легко подняли туловище и водрузили его на Верта. Он вцепился в тело наставника клешнями, и мы понеслись обратно. Идти просекой было легко, несколько раз из кустов на нас выпрыгивали лемуры, но их отшвыривали на лету, а то и разрывали на части, не прерывая движения. Соратники остались у машины. Никто из гоплитов не мог управлять ими. Только соратник Чомбала скользил рядом с десятником.

Потом, на отдыхе, вспоминая наш поход на Кхаа-набон, вдруг сообразил: а ведь тогда я ни разу не подумал с тоской об исчезнувшей семье, о потерянном доме. Даже гибель Чомбала меня не удручила, ну а страха же вообще не было. Хотелось лишь одного — мчаться вперед, сметая препятствия, знать, что рядом надежные бойцы, чувствовать себя защищенным от всех невзгод толстой броней хитинового панциря, раздирать в клочья врагов... Не знаю, как передать эти ощущения истинной полноты своего существования — в нашем языке нет таких слов.

Хотя... Тогда же, на отдыхе, во время ночной оргии гоплитов я вместо вина хлебнул случайно полузапретного напса, и голова моя разбухла, заполнила всю комнату, а потом стала бесплотной и

воспарила к облачным лугам. В тот миг слова эти нашлись и оказались на удивление простыми, да только, проспавшись, я их забыл.

Вскоре мы оказались на нижней палубе нашей машины. Вокруг забегали, засуетились люди и соратники, бойца наставника Чомбала сняли с Верта и отнесли наверх по пандусу. Я ожидал, что сейчас начнется подготовка к срочному возвращению. Вряд ли здесь сумеют извлечь самого наставника из головной капсулы. Но я ошибался.

По винтовой лестнице к нам спустился человек в одеянии наставника. Хотя я не различал цветов его перевязи, но вытканый рисунок фаланги на груди можно было разглядеть даже в струящемся мириадами запахов нижнем помещении машины. В руке у него была короткая трость с раструбом на конце. Он ухватился за одну из антенн Верта, прижал к ней трость, а раструб приставил к своему уху. Потом наставник что-то сказал в раструб и, подпрыгнув, уселся верхом прямо на головную капсулу десятника.

Верт двинулся к выходу, люди и мелкие соратники шарахнулись в стороны, освобождая нам проход. Я увидел, как личный соратник наставника Чомбала заметался от нас к пандусу, а потом все же взмыл по нему на верхнюю палубу, куда оттащили изъязвленный панцирь.

По знакомому пути теперь я мог двигаться с закрытыми глазами, если, конечно, мог бы закрыть их. Лемуры на этот раз не атаковали. С веток иногда сыпались какие-то подозрительные сучья, но мы были настороже.

У неисправной звездной машины застыли в ожидании ряды соратников. Когда мы вышли к насыпи, они

развернулись в полукольцо, прикрыв нас со стороны зарослей. Наставник спрыгнул с бойца и пошел к машине. Но сделав несколько шагов, он резко остановился и поднял сегмент от дырчатого шара. Подозвал десятника Верта и опять приложил к его голове свою трость с раструбом. Верт сообщил нам, что, пока мы не найдем место, куда спрятали похищенную опорную пирамиду, назад нам пути нет. Наставник Линь велит поторопиться, и не только потому, что наставник Чомбал его друг, и если мы будем долго возиться, то его уже не спасти. А это не одно лишь бесчестие нам, но и верная гибель — долго в телах бойцов находиться нельзя, а извлечь могут только ученые.

Он пошевелил антеннами над сегментом, хотя мог этого не делать — от кислого металла исходил такой сильный цветозапах, что видно было, как висит в воздухе над землей призрачная его дымка и тянется, огибая бугры и обходя широкие расщелины в сторону зарослей, туда, где большие деревья стоят близко друг к другу — словно частокол, подпирающий небо.

Наставник Линь велел соратникам следовать за нами.

След не терялся среди бесконечной пряжи таких же нитей, которые рассказывали о каждой травинке, что росла под ногами, и о каждой твари, что пробегала здесь, словом, все об этом мире и его обитателях.

Как вскоре выяснилось — не все.

Здесь деревья стояли в ряд, словно заботливый садовод хитроумно посадил саженцы так, чтобы они слились в высокую стену, ограждающую неизвестно что от невесть кого. Сколько их было — два или три десятка стволов, я не помню, со счетом больше трех у бойца почему-то не ладилось. За деревьями тянулись все те

же заросли, далеко, почти на пределе видимости видны были еще такие же сросшиеся стволы.

- У крайнего дерева след размывался, а когда мы добрались ближе, то обнаружили, что он идет вверх и исчезает в темном пятне. Простыми глазами оно едва различалось на чешуйчатой коре, а другим зрением было видно, что пятно холоднее, чем ствол и ветвь, над которыми оно находилось. Лемуров не было видно, но в дупле мерцали и перемешались какие-то теплые точки.

Десятник обошел всех нас и, коснувшись антеннами, велел одновременно подниматься с разных сторон дерева, так, чтобы встретиться у дупла. Линь повертел головой, оглядывая соратников. После этого часть из них выстроилась у комля, а остальные словно гигантские муравьи цепочкой ринулись вверх по стволу.

Я всегда побаивался высоты, но сейчас страха не испытывал. Наоборот, я знал, что если даже полечу отсюда вниз, то никакого вреда мне не будет, а вот враг, на которого я обрушусь, превратится в жалкую лепешку. Ствол был таким большим, что я почти не чувствовал его изгиб. Слева от меня быстро перебирал когтистыми ногами боец Варсака, а справа, судя по пятнам на броне, шел Го.

Наверху, у дупла, выстроившись на ветке, по которой могла спокойно проехать крытая повозка, нас уже ждали соратники. И здесь наставник Линь оставил часть соратников у отверстия, а остальных погнал в дупло. Один за другим скрылись они в глубине. Наставник немного выждал, склонив голову набок, словно прислушиваясь к одному ему слышимым звукам, а потом хлопнул по голове Верта.

Двое, а то и трое бойцов могли сразу войти в дупло, не мешая друг другу, но спешить не следовало. По очереди мы перевалили за широкий наплыв, идущий во-круг отверстия, и разместились на внутренней стороне ствола.

Дерево оказалось пустотелым!

Светлые и сильные ароматы, бьющие из отверстия, не были помехой зрению бойца. В мерцании, полном запахов и цветов, ровный колодец, уходящий глубоко вниз, напомнил что-то давно виденное. Обод колодца был немногим меньше обхвата ствола. Соратники расположились по периметру и, настороженно подняв клешни, ждали приказа.

Кислоцветная линия уходила вниз. Чем ниже мы спускались, тем явственнее проступали на стенах колодца медленно пульсирующие жилы, они сходились и расходились сетчатым узором, сквозь который проглядывали округлые предметы, похожие на плоды. Сосредоточив зрение на ближайшем, я вдруг обнаружил, что вижу сморщенное младенческое личико с уродливо большими глазами. Потом я догадался, что деревья были чем-то вроде родильных чанов для лемуров, но тогда нам было не до этих открытий.

След, не доходя до низа, исчез. Поднявшись немного вверх, мы обнаружили, что он ныряет в дыру, соединяющую, как тут же выяснилось, с колодцем соседнего дерева. Это отверстие было небольшим, но соратники быстро обгрызли его по краям, чтобы мог пройти боец. Мы проскочили сквозь него, лишь наставнику Линю пришлось цепляться за один из многочисленных внутренних наростов, упираясь ногами в спину соратника, пока боец Верта протискивался в дыру.

Во втором колодце не было плодов-младенцев, но стены оказались изрытыми маленькими и неглубокими пещерками, в которые соратник мог влезть спокойно, а человек — разве что согнувшись. То, что созревало здесь, сейчас, наверно, прыгает по веткам.

Так мы переходили из одного дерева-колодца в другое, пока наконец не выяснилось, что мы уже давно передвигаемся не вверх или вниз по стволу, а идем довольно-таки широким подземным лазом — нас окружала плотно утрамбованная земля, а тонкие и длинные корни оплетали ее со всех сторон бесконечной корзиной. След уводил в глубину с еле заметным уклоном.

Вскоре лаз расширился, и тут мы оказались в огромной пещере. Соратники и бойцы выстроились на каменном карнизе, к которому нас привел подземный ход. Глубоко внизу виднелась большая ровная площадка, а неестественно правильные своды пещеры сходились высоко над нами.

Позже, когда меня извлекли из бойца, я догадался, на что была похожа пещера. А тогда чем дольше я оставался сращенным, тем труднее мне было соразмерять увиденное с привычным человеческому глазу.

Словом, это было подобие звездной машины. Огромная машина, по сравнению с которой реперная пирамида в Гизе показалась бы игрушкой. Из вершины, к которой прямыми линиями сходились воедино грани этой громадины, свисали длинными тросами лианы. По ним сновали мириады лемуров. С карниза можно было спуститься разве что по стене...

Приглядевшись, я увидел, что стена представляет собой плотное сплетение лиан, корешков и почти невидимых глазу прутьев с иглами-колючками, а сквозь

этот ковер пробиваются тонкие извивающиеся отростки, чем-то похожие на червей, погубивших бойца наставника Чомбала. Я подобрался ближе к краю. Линия следа падала вниз, на дно пещеры и там обрывалась. Видно было, что похищенная толчковая опора — малый репер — лежит на широкой каменной плите, а вокруг нее суетятся лемуры.

«Неправильно, — шевельнулась во мне мысль, не очень понятная тогда, — им надо подвесить ее точно в центр, а потом совмещать...»

Между тем наставник Линь общался с Вертом, потом обернулся к соратникам, которые вытянулись вдоль края карниза, готовые ринуться вниз. Но было слишком высоко даже для них. По команде наставника один из соратников перебрался к стене и начал спуск по растительному коврику. Мы приготовились следовать за ним, но Линь велел оставаться на месте.

Стремительное движение соратника вдруг замедлилось, ноги его стали двигаться вяло, он еле переставлял их, словно увязал в смоле, а потом вдруг сорвался и полетел вниз. Только вместо ног у него торчали жалкие объедки!

Наставник прижался к голове бойца Верта, тот попытился, а соратники уже втягивались в лаз. Наш путь наружу не был похож на бегство. Линь не сомневался, что любой его приказ будет исполнен. Как потом мы узнали, нам следовало лишь выяснить, куда спрятали лемуры краденую опору.

Было исполнено.

Теперь полагалось незамедлительно вернуться назад.

Но не тут-то было...

Ловушка подстерегала в дереве-колодце с изрытыми стенами. Когда соратники приблизились к отвер-

стию, что вело к крайнему стволу, оттуда вдруг полилась едко светящаяся жижа. Она текла из обрубков толстых лиан, которые извивались в лапах внезапно появившихся лемуров. Первые же соратники, на которых попала эта жижа, рухнули вниз, судорожно дергая ногами.

Бойцам повезло чуть больше. Мы поднимались с противоположной стороны ствола. Эти твари швыряли в нас ядовитые обрубки, но не могли добросить. Может, они и сообразили бы вылезти в колодец, но уцелевший соратник мгновенно обошел дыру и сверху достал когтями неосторожно высунувшихся лемуров. Но это не помогло, они лишь шарахнулись вглубь, а когда соратник неосторожно высунулся из-за края, то в него полетели обрубки, и он рухнул вниз.

Один из гоплитов спустился к нижнему отверстию и тут же отпрянул назад — оттуда вывалился огромный клубок смертоносных лиан, за ним другой, и вскоре дно ствола просто вопило о яде. Мне было видно, как большой шар извивающихся щупалец застрял в дыре — до рога назад, в пещеру, была отрезана.

Ко всем бедам прибавилось и ранение наставника Линя. Погибший соратник в своем падении чуть не задел бойца десятника, тот непроизвольно дернулся и наставник приложился головой о его панцирь, потеряв сознание.

И вот мы расположились на стене колодца, ни одного соратника не осталось. Ловушка захлопнулась.

Касаясь друг друга, мы ждали приказа Верта. Но тот, придерживая распластавшегося по его панцирю наставника, сообщил, что никак не может управиться с соратниками, которые остались снаружи. Варсак сказал, что он сейчас их призовет. Некоторое время ниче-

го не происходило. Кто-то из гоплитов или оруженосцев, судя по неприятному звону, который прозвучал во мне, тоже попытался. Тогда не удивляло, каким образом я ощущаю его, просто я знал, что соратники не придут, потому что они не слышали зова. Звук-цвет-запах управления, не похожий ни на что знакомое человеку или бойцу, был неправильным, он состоял из страха-упрека, а соратники откликаются на угрозу-единение!

В следующий миг я ощутил себя одним во многих — соратники, ожидающие нас внизу на земле, и те, что ждали у дупла, насторожились, услышали мой зов, и вот они уже ринулись в атаку!

Все это продолжалось ничтожно малое время, я успел заметить, что призывно шевелящиеся антенны бойца Варсака успели сделать всего полвзмаха.

Ждать пришлось недолго. Из верхнего отверстия посыпались лемуры, многие из них летели отдельно от своих голов и конечностей. Два соратника, первыми оказавшиеся в стволе, все же попали в ядовитую дрянь, но остальные успели разойтись веером. А там и мы взмыли к дыре и переползли поверху в соседний, чистый ствол, потеряв лишь одного из бойцов.

Обратно неслись утоптанной просекой. Больше падений не было.

У звездной машины нас ждали. Как рассказал потом кто-то из людей, личный соратник наставника Чомбала вдруг забеспокоился, вывел целую группу других соратников наружу и лишь вмешательство двух, а то и трех наставников сумело их остановить. Стало ясно, что мы в беде! Уже снаряжали поисковый отряд, но тут мы сами вышли из зарослей с раненым Линем, которого нес на своей голове десятник Верт.

* * *

После нашего прибытия началась суматоха: люди и соратники в спешке грузились в звездную машину, словно на них надвигалось бедствие, неведомое и неодолимое. Верта увели к наставникам, остальных бойцов разместили на второй палубе. Отсюда, сквозь прорези в настиле, было видно, как суетятся механики в ходовой части, и уж на что мои чувства тогда были переиначены, все же сладко заныло где-то под ложными надкрылками. Это была радостно знакомая суета — вот механик размахивает своей вымбовкой, гоняя помощников, а они следят за балансиром и за тягами, носятся с масленками, обильно поливая сочленения рычагов, а на высоком насесте прямо над ними суетится кибернейос, уткнувшись в таблицы местоположения, сверяя их с углами толчковой опоры... Впрочем, нет, кибернейос вовсе не доводил углы камер совмещения, он и еще двое в одеяниях наставников возились с защитной сферой, извлекая из нее орихалковую пирамидку.

Даже сквозь невозмутимость бойца меня прошибла дрожь — прикоснуться к сфере во время похода запрещалось под страхом немедленной смерти. Говорят, даже менторы вседобрейшие признавали справедливость такой кары. Малейшая царапина, сбитый уголок — и звездная машина обречена! Никогда ей не вернуться назад, разве что повезет невероятно, и умельцы из тайных мастерских Высокого Дома сумеют изготовить точно такую же, отшлифовав до блеска неимоверного. Но, как известно, нельзя дважды сотворить одну и ту же вещь.

Между тем бесстрашно извлеченную пирамиду тщательно укутали в белую ткань и опустили в ящик, оби-

тый войлоком. Мне сверху было видно, как из другого ящика достали еще одну толчковую опору и с должной осторожностью водрузили ее на место прежней. Слабый, размытый отзвук, мерцающий вокруг нее, казался мне знакомым — так пахла пирамидка, которую мы обнаружили в древесных недрах Кхаанабона.

А потом густо повели свою песнь двигатели, входные створки и смотровые люки захлопали вразнобой, задрожали тросы, высоко под сводом машины, что палубы две или три над нами, медленно поплыли навстречу друг другу каморы совмещения...

Появился десятник Верт и подал знак быстро следовать за ним. У входных створок уже выстроились соратники, а люди встали за нами. Это были гоплиты. Тонко струились узоры их доспехов, метатели в руках хоть и не казались в глазах бойцов грозным оружием, но мы знали, какое испепеляющее пламя готово исторгнуться из его жерла.

Когда распахнулись створки, вперед пошли соратники, а потом и бойцы ринулись следом, чтобы сражаться и, если понадобится, умереть в новом мире.

Но сразу же стало ясно, что мы переместились всего лишь немного в сторону и вниз, оставаясь на проклятом Кхаанабоне. Звездная машина забросила нас в самое нутро огромной пещеры, откуда мы так скверно уходили, чуть не угробив наставника Линя.

Видимо, на этот раз уходить мы не собирались.

Огнеметчики выступили вперед, и лемуры, посыпавшиеся на нас сверху, превратились в живые факелы. А потом соратники помчались во все стороны, держа в передних лапах небольшие тюки. Соскочив с каменной плиты, на которой точно посерединке возникла звездная машина, они ступили на живой ковер и

замедлили шаги. Гибель их была неминуема, но все же многие из них успели добраться до стен, по которым вдоль свитых в тугие жгуты лиан ползали огромными сгустками слизнеподобные дрожащие капли, каждая из которых была с дом величиной.

Тюки вспыхнули ослепительными клубнями, огонь пробежал по лианам. Один из слизней покрылся темными прожилками и стек вниз. Сверху продолжали валиться на нас твари волосатые, но особо ретивых сжигали на месте, а самых прыгучих бойцы перехватывали на лету, прикрывая гофлитов. От лемунов только ошметки летели, а рук и ног откусанных было не счесть.

Занявшийся кое-где огонь быстро угасал, выгоревшие участки на наших глазах покрывались белесой жидкостью. Пещера, как живая, затягивала раны сукровицей. Лемуны исчезли, а слизняки поднялись выше и, повисев немного над нашими головами, тоже пропали, словно впитались в наклонные стены. Десяток гофлитов с метателями принялись выжигать дорожку к стенам, но вот уже возник глубокий ров, в котором мог поместиться во весь рост человек, а до камня или песка они так и не добрались. Растительный покров, напоминающий толстый и плотный ковер из мха, выгорал слой за слоем, чадил, стрелял искрами, но, казалось, он простирается вниз далеко, очень далеко.

Если мы хотели разрушить эту живую пещеру, то не преуспели в этом. Вот уже опустошены мехи огнеметчиков, и метатели стали бесполезными. Почти все соратники жалкими комочками тают у стен, их поглощает ненасытное чрево пирамиды. Не будь все таким ядовитым, показали бы сейчас бойцы, на что способны, ввелись бы в это густое переплетение нитей и лиан, не устояли бы жилы и сосуды перед нашими мощными клешнями и челюстями!

Но вот отходят в машину люди, наставники зовут бойцов назад. Неужели так бесславно закончится наш поход? Эта мысль тоже была равнодушной. Но я не уверен, что мы справились с заданием, поэтому остается легкая досада.

Потом, когда я задумался, а с кем и за что мы сражались, получил ответ — да не один к тому же. Было из чего выбирать.

Мы набились в машину, не успевая разойтись по палубам. Меня прижало к переборке рядом с выходом. Бойцы старались не делать резких движений, в мешанине людей и соратников легко можно было нанести увечье мягким человечкам.

Высокий бритоголовый наставник, велев нам расступиться, выбрался наружу. В руке он держал какой-то предмет, напоминающий бутыль с черным хиосским вином. Он подошел к краю каменной плиты, дотронулся до горлышка, словно вынимал пробку, метнул бутыль далеко к стене и бегом вернулся обратно, дернув на ходу рычаг задвижки створок. Двигатели уже были в полную силу, когда входные лепестки с треском сошлись и отрезали нас от этого странного места. Я лишь успел заметить, что на месте падения бутылки взбух большой черный нарост, но что это означало, понял, лишь когда меня извлекли из головы бойца.

Наставника Чомбала спасти не удалось, он слишком долго оставался в мертвом соратнике. Линь пришел в чувство еще до возвращения. После того как я был вынут из бойца, меня долго не оставляло чувство потери. Мир выглядел неприятно плоским, а пестрота его была болезненно грубой и раздражающей. И еще я все время непроизвольно проверял, есть ли на мне

одежда. Казалось, я хожу голым до самых костей и вопиюще незащитным.

К удивлению тех, кто знал обычаи Черной фаланги, нам всем зачли этот доход за три. Оруженосцев тут же произвели в гоплиты, а гоплитам наметнули, что им прямая дорога в наставники. Эта новость восхитила даже невозмутимого Варсака — из наставников путь в высшие касты короче муравьиного шага.

После торжественного построения и прочувственных речей какого-то напыщенного советника из Высокого Дома Болк предложил после карантина отметить во всех родосских кабаках. Услышав его, наставник Линь спросил — с чего он решил, что мы пробудем на Родосе хоть один день? И впрямь нас всех как славных воинов отправили на двадцатидневный отдых, разлучив вчерашних оруженосцев и завтрашних наставников. Это произошло так внезапно, что Варсак успел лишь шепнуть мне на прощание непонятные слова. Он сказал, что то ли за мной придут, то ли меня вернут...

Забытые страхи всплыли вновь, но ненадолго — красоты острова Агапейи, что близ южного выступа Зета, умели приворожить к себе так, что ни о чем думать не хотелось. Мне предстояло увидеть моря, полные водорослей, мешающих ходу судна, и земли, полные огромных быков, которым лучше не попадаться на пути. Много всякого я увидел с тех пор, как мы проплыли Столбы и пересекли океан на закат. Я почти уверился, что имя мое забыто, преступления неизвестны, и ждет меня теперь лишь лестница ратной выслуги. Но случайная, казалось, встреча изменила все и сразу.

Подвыпивший гоплит из отдыхающих шарахнулся от меня в испуге и прохрипел:

— А ведь я тебя знаю, урод!

Глава шестая

Деяния Лаэртида

Жестокая буря мотала железное судно по волнам. Не знали затаившиеся в чреве холодном, куда несет их течение — может, острые камни уже приготовились вонзить свои клыки в днище корабля, или посланники бога морей, навалившись с силой, опрокинут, перевернут, утащат вниз...

Воды оставалось немного, а еды и того меньше.

Базилей и Филотий бодрствовали в палубной башне. Они по очереди вглядывались в смотровые щели, пытаясь разглядеть в мутной пенной полутьме, не покажется ли берег или спасительная отмель. Остальные разместились внизу, но не в комнате владельца судна — там было сыро и сверху порой хлестали струйки воды, когда судно зарывалось в волны, а там, где когда-то ютились люди «Харраба». На длинных лежаках хватило места всем с лихвой. Спал, несмотря на качку, слепой Ахеменид и что-то бормотал во сне, головой к голове пристроился к нему Медон и раскатисто храпел. Калипсо обняла детей, укрыв их плащом базилея, чтобы не дрожали от холода. Арет же сидел на выступе у лесенки и вслушивался, не прозвучит ли сквозь гулкие удары волн голос Одиссея, не придет ли время быстро выводить всех на палубу.

Полит вытянулся на своем узком ложе, но не мог заснуть. Ему было немного обидно, что базилей про-

гнал его вниз, отдыхать. Одно хорошо, здесь хоть качает меньше. Да только наверху, рядом с Лаэртидом все же спокойнее. Случись что с кораблем — выплывет базилей, а кто с ним рядом окажется, может, и того коснется удача хитроумного Одиссея.

Юноша давно уже не поминал худым словом тетку, что отправила его в плавание. Хоть страх смертный порой прошибал до пят, а все же не всякому зрелому воину довелось бы столько увидеть. Если боги позволят вернуться на Итаку благополучно, ходить ему в героях! Тогда гордая Аира, дочь богача Прокрита, не будет смотреть на него свысока и нос воротить, словно он на помойке найден.

До сих пор память его саднили детские дразнилки, в которых его обзывали пащенком. Телемаху тоже перепало, но царскому сыну не решались в лицо бросить обидное слово. На все вопросы о родителях Эвриклея складно рассказывала о его отце, что ушел с Одиссеем под стены Илиона отстаивать честь ахейцев, о матери его, которая умерла вскоре после родов. А когда чуть подросший Полит удивился: как же это вышло, что он на несколько лет моложе Телемаха, да и по годам что-то не выходит, отодрала его тетка за уши и велела глупости не говорить. Потом объяснила, что не раз и не два отправлялись суда к берегам Трои на подмогу, да только об этом мало кто помнит — давно это было, а жителям ныне и дела нет до забытой войны, до прекрасной Елены, жены царя Менелая, из-за которой война та случилась... Истории о царях и прекрасных царицах Полит был готов слушать бесконечно и сразу забывал о том, что его беспокоило.

А незадолго до возвращения базилея спросил Полит как-то Пенелопу, не является ли он ее внебрач-

ным сыном? Вопрос позабавил царицу, она даже рассмеялась, чем удивила служанок, давно уже не видевших улыбки на устах хозяйки, утомленной домогательствами женихов. К разочарованию Полита, она даже не рассердилась, что дало бы ему повод думать о тайне, нет, всего лишь потрепала его густую шевелюру и сказала, что рада бы иметь такого красивого сына, да только ей Телемах вполне достаточно.

На следующий день Телемах, встретив его во дворе, хлопнул по плечу, усмехнулся и спросил, не называть ли его теперь «братцем»? Полит ожидал тумака, но сын базилея, покачав головой, дальше пошел. От тетки своей знал Полит, что собрался Телемах на поиски отца. Поэтому догнал его и попросил взять с собой. Гнева не выказал Телемах, а серьезно ответил, что взял бы его, да только и так судачат со слов злопыхателей, будто и он не наследник законный отцовского трона. Похлопал опять по плечу и с грустной улыбкой ушел со двора.

И еще вспомнил Полит, глядя во тьму, как задрал тунику толстозадой Левкое, подкараулив безотказную служанку на заднем дворе, за конюшней. Запах конской мочи, прелая солома, пыхтение Левкои и легкая растерянность, когда все кончилось неожиданно-быстро и бестолково, — вот и все, что сохранилось в памяти от первого соития.

Полит не считал себя уродом, а после Левкои и вовсе осмелел, но не тут-то было! Служанки помоложе да порасторопнее предпочитали угождать богатым женихам, а итакийские девушки хоть и не сторонились его, но все же ни одна благосклонно не согласилась составить ему пару на мистериальных играх. Даже сопливая Фелина, у которой при виде мужчин глаза загорались,

а ноги слабели, и то отказывала ему в ночных забавах! Благоразумие женщин острова давно вошло в поговорку, и каждая юная дева прежде думала о семье и надежном муже, а после о радостях любви. Хоть и при царском дворе вырос Полит, но юный возраст и отсутствие крепкой родни делали его женихом незавидным.

Во сне захныкал маленький Латин, тихо, еле слышным голосом успокоила его Калипсо, и ребенок затих. Хриплое монотонное бормотание Ахеменида усыпляло. Сейчас был тихим слепой, а несколько раз ему было так плохо, что, казалось, умрет он от боли, что жгла его душу — так он сказал.

Внезапно Политу пришла в голову мысль, от которой ему стало жарко — рядом с ним, через проход, лежит прекрасная нимфа, чья кожа как пена морская бела. Вспомнил колено ее, тугой стан и бедра плавный изгиб, но следующая мысль заставила похолодеть: он представил себе, что с ним сделает базилей, если вдруг догадается о тайном желании Полита! Убьет и уложит рядом с Перифетом, тело которого покоится в дальнем закутке судна.

Он поежился и... заснул.

Сильный толчок сбросил Полита на холодный и жесткий пол. Закряхтел слепой Ахеменид, выругался сонным голосом Медон, Калипсо же ничего не сказала, а дети продолжали спать.

Откуда-то сверху что-то крикнул базилей, Арет отозвался, потом над головой гулко прозвучали шаги и в полной тьме Одиссей произнес:

— Все живы?

Полит нащупал край своего лежака и поднялся с пола.

— Что случилось? — спросил он.

— Кажется, мы куда-то приплыли, — раздался голос Медона.

— К Харону в гости! — пробормотал Ахеменид.

— Говорите тихо, дети спят! — шикнула на них Калипсо.

— Стало быть, все целы, — подытожил базилей. — Буря стихла...

— Это хорошо, — сказал Медон.

— Но мы сели на мель.

— Приплыли, — отозвался, зевнув, Ахеменид. — Разбудите меня, когда появятся хорошие вести.

— Спи, убогий, — сказал базилей. — Я и Филотий тоже поспим, а Медон и Полит нас сменят. Следите, чтобы кто на судно не влез. Хоть и не видать берегов поблизости, но мало ли что из глубин вылезти может!

К удивлению Полита, наверху была вовсе не ночь. В раскрытые смотровые щели бил утренний свет, ветер быстро разгонял облака. Черные тучи еще клубились далеко на западе, но буря уже ушла.

Медон уселся на высокое сиденье, потрогал рычаги и смежил веки.

— У тебя глаза острые, молодые, — сказал он Политу. — Раньше меня углядишь корабль или чудище какое. А я еще вздремну немного.

Полит, не отвечая, вышел на палубу. «Харраб» и впрямь сел на мель. Своя мутную воду был виден желтый песок.

Судно больше не качало на волнах, но это не радовало юношу. Он понимал, что долго они здесь не протянут без еды и питья, а на всем корабле, на дорогое

железо которого можно было купить небольшое царство, не найдется дерева и на один жалкий плот.

На севере, там, где небо почти сливалось с водой, если прищурить глаза, можно увидеть тонкую темную полоску, но была ли это земля или дождевые тучи — неведомо...

Вскоре на палубе объявился Медон. Он с хрустом потянулся, смачно зевнул и сообщил, что Морфей не любит яркого света, ну невозможно уснуть в такое прекрасное утро. С этими словами он с удовольствием оглядел чистое синее небо, зеленую воду и, прищурившись, бросил короткий взгляд на солнце, чья колесница уже выкатилась с востока.

— Вряд ли через день или два жизнь покажется прекрасной, — отозвался Полит. — Воды лишь амфора осталась, а хлеба и с полкороба не наберется.

— Не думай об этом, — безмятежно махнул рукой Медон. — Не тебе, юноше, пристало ворчать, радуйся жизни, пока она длится. И еще я тебе скажу: вряд ли боги великие нам показали такие диковины, чтобы с голоду и жажды умерить здесь, как простых мореходов. Уж скорее Кронид поразит нас молнией с неба или трезубцем пенитель морей Посейдон днище «Харраба» проткнет. А голод... жажда... нет, такой скуотищи боги себе не позволят. Опять же корабль случайный нас подберет или волны с мели унесут.

— Если в эти края добирались хотя бы фокейцы... — начал было Полит, но Медон перебил его:

— Здравомыслие итакийцев порой меня восхищает, но меру знать все-таки надо. Ну что ты стенаешь, как нимфа под пьяным сатиром! Боги нас выручали, выручат и на сей раз. Вон, кстати, и парус, зови базилея!

Медон ткнул пальцем в сторону носа корабля. Посмотрев туда, юноша вздрогнул. И впрямь, далеко, на самом горизонте виднелся черный треугольничек, похожий на зловещий парус пафлагонцев. Стремглав кинувшись к узкому лазу, Полит успел лишь подумать, не ждет ли их схватка с пиратами или, что хуже, с амазонками яростными. Он скатился вниз и тут же попал в крепкие руки Арета.

— Говори тихо, — прошептал Арет. — Только заснул базилей...

— Парус! — выдохнул Полит.

Калипсо осталась с детьми, Ахеменида будить не стали. Все остальные столпились на носу, вглядываясь, как медленно вырастает далекий парус.

Филотий стоял на покато борту, держась за толстый железный штырь на носу. Он задумчиво почесал бороду, послуныявил палец и хмыкнул.

— Против ветра идут, однако, — с сомнением покачал он головой. — Сколько же у них гребцов, если парус не опускают?

Вопрос его остался без ответа.

Одиссей прищурил глаза, пытаясь разглядеть корабль, Арет озабоченно трогал иззубренное лезвие меча, а Полит переводил взгляд с базилея на редкие облака и обратно — он все ждал, когда божественный голос или посланец Зевса им возвестит повеление небес.

Время шло, парус становился больше, но при этом чрезмерно раздался вширь. Кормчий выругал криворуких мастеров, что шили эту тряпку, на что Арет посоветовал ему забыть о парусе — он первым заметил неладное. Между тем Медон, уставившись себе под ноги, тер пальцами виски и бормотал неразбор-

чиво. А потом, будто вспомнив что-то, тронул за локоть Одиссея.

— Скажи, царь Итаки отважный, не эту ли плавающую гору ты и твои спутники встретили в странствиях трудных?

— О чем ты говоришь? — удивился базилей, обращаясь к нему. — Впервые слышу я о плавающих горах!

— Нет-нет, — продолжил Медон, не поднимая головы, — все так и было! Когда утомленные путники увидели темную гору, что выше всех гор, — это случилось после того, как вы миновали вращающийся огненный остров, на котором бронзовые псы гонят серебрянных оленей. Все чудовища моря и островов так не могли напугать вас, как эта гора. Страх непонятный вас обуял...

— Кого обуял страх?! — вскричал базилей. — Уж не повредился ли ты рассудком, Медон? Всякое мне встречалось в пути, но ты рассказываешь о несусаице полной! Поверь, я навидался измен, но память еще мне верна.

— А память твоим спутникам повредили хитрые поедатели лотоса, — бубнил себе под нос Медон, — и те лотофаги многих лишили дома, друзей и семьи, взамен подарив ложное счастье и ложный покой. Но ты избежал этой участи и вернулся на Итаку...

Полит заметил, как базилей поднял руку, собираясь хлопнуть по плечу Медона, но так и застыл, потому что в этот миг Арет, внимательно слушавший невнятное бормотание, негромко сказал:

— Не боги ли вещают его устами? Может, и впрямь предстоит нам увидеть все эти диковины!

Покачал головой Одиссей:

— Мог в нем пророческий дар открыться, не спорю. Но только речь он ведет не о будущем, а о моих скитаниях прошлых. Не было на нашем пути островов, столь необычных. Думаю, в трезвой его голове все смешалось — сказания аэдов, предания старцев и мореходов рассказы.

Медон встряхнул головой и провел по глазам ладонью.

— Трижды и трижды ты прав, базилей, — бодро сказал он. — Долгое воздержание от вина наносит ущерб моему организму. Сам не пойму, откуда вдруг странные эти картины! Я слышал не раз о твоих подвигах и скитаниях, но только сейчас вспомнилось о лотофагах и огненном острове. Не могу лишь припомнить, кто мне поведал о них. Но если не видел и впрямь ты темной горы, что плыла по воде...

— О какой это горе вы там болтаете? — раздался голос Филотия. — Уж не о той ли, что плывет нам навстречу?

Все ближе и ближе приближалось к ним необычное судно. И впрямь, было оно подобно горе, только не камень и глина тело горы рукотворной составляли, а листы из металла. Выше мачты самого большого корабля уже поднялась острая вершина, а плавающая громадина все росла и росла. Вот стали видны красные и черные пятна на обшивке, а там, где в широкое основание плавающей пирамиды били волны, водоросли обрамляли узкой опоясывающей лентой.

— В стадий почти высота этой дряни, — благоговейно прошептал Арет. — И сдается мне, вся она тоже из железа!

— Весел не видеть, — подал голос Филотий. — Может, хозяева этого чуда давно перемерли? Тогда и оно нам достанется. Столько добра! Тебе, базилей, придется войско нанимать для его охраны.

— Не знаю, есть ли в том нужда, — ответил Одисей. — Упадет в цене сразу металл драгоценный. Да и еще неизвестно, мы ли будем с добром или сами станем добычей.

Медон задрал голову и пытался оценить размеры вздымающейся громадины. Он что-то шептал беззвучно, а потом махнул рукой и отвернулся, сказав, что это противоестественное сооружение не может плавать, а между тем плавает. Такое поправление здравого смысла ему противно.

Велел базилей Политу позвать Калипсо, а потом крикнул вслед, чтобы и детей разбудили, а слепому наверх помогли бы подняться.

Кинулся юноша к башне, но успел расслышать, как озабоченно сказал Арет о том, что если наедет на них эта гора, то либо сразу утопит, либо сначала раздавит об мель, а после утопит. Полит стремглав скатился вниз, каждый миг ожидая толчка или удара. Нашупал на лежаке Ахеменида, растолкал, а на вопрос Калипсо, бодрствующей во тьме, тихо передал повеление базилея.

Вскоре все были на палубе.

Пирамида остановилась, не доплыв нескольких стадий до «Харраба». Увидев ее, прекрасная Калипсо замерла, как изваяние, и в глазах ее Полит увидел страх. А потом и базилей заметил ее испуг, подошел и обнял за плечи.

— Мне рассказывала мать о плавающей горе, — прошептала Калипсо. — Если это она, то мы погибли.

Лучше бы пасть в бою или утонуть, чем попасть в руки гадиритов.

— Но где же тогда их знак? — спросил Одиссей.

Недобро прищурился Арет, настороженно оглядывая темный треугольник, Филотий нагнулся и поднял с палубы копье, а Полит подался назад, к двери в башню, чтобы сразу же подать базилею щит, если в том возникнет надобность. Слепой Ахеменид сидел на палубе и, ухватившись за Медона, что-то негромко спросил, но Медон лишь отмахнулся и вырвал край одежды из цепких пальцев слепца.

Полит улыбнулся. Ему не было страшно. Разве Медон не обещал им скорого спасения! Вот и вышло так, причем дивное судно, нависшее над ними, сулило надежду на новые приключения. Что, если это плавающая обитель богов, своего рода морское подобие Олимпа Фессалийского? Может, за ним это судно пришло, чтобы открыть истину о его рождении? Вдруг окажется, что отцом Полита был некий бог, сошедший к его матери в личине ее мужа? Мысли эти сладко кружили голову, еще немного, и он выступил бы вперед, дерзко оттолкнув базилея, чтобы приветствовать посланцев Крониона, а то и самого...

Скрипучий голос Филотия заставил его вздрогнуть.

— А ведь они боятся тоже сесть на мель! — гаркнул старый кормчий.

— Они в нее уперлись, — сказал Арет. — Хотел бы я знать, как теперь до нас доберутся?

Ответ последовал сразу.

Где-то почти у самого основания пирамиды с тихим скрипом распахнулись железные ворота. Из черного полукруга вылетела стрела, взмыла по высокой дуге и опустилась напрямиком на палубу, за спинами базилея

и его спутников. Маленький Латин, который, раскрыв рот, стоял рядом с сестрой и не мог оторвать глаз от диковинного зрелища, с радостным криком бросился к стреле и принес ее к отцу.

У стрелы не было острого жала, но зато к ней была прикреплена тонкая нить, уходящая в воду.

Одиссей понимающе покачал головой.

— Хитро придумано, — сказал он. — Все равно нас не оставят в покое...

И с этими словами он принялся наматывать нить на стрелу. Вскоре показалась крепкая бечева, привязанная к концу нити, а за бечевой вытянули и витой канат. Филотий сделал петлю и накинул ее на штырь, торчащий на носу «Харраба».

— Ну, что дальше? — пробурчал старый кормчий.

Со стороны плавающей горы послышались слабые, но частые щелчки, канат дернулся, вылез из воды и, натянувшись, зазвенел, как тугая тетива. Громкий скрежет и содрогание палубы сказали о том, что корабль сходит с мели.

— Да они нам все днище развалят, — крикнул Филотий и добавил еще два-три слова, но осекся, глянув на Калипсо.

Снявшись с мели, «Харраб» пошел быстрее, и вот перед ними раскрылся зев, сквозь который могли пройти в ряд три, а то и четыре подобных ему судна.

Железный корабль вошел в чрево темной горы. Полит оглянулся и увидел, как медленно сошлись глухие створы, отрезав их от солнечного света. Но вскоре глаза их привыкли к полумраку, а когда «Харраб» звонко ударился бортом о причальный брус, то тьму рассеяли множества светильников.

Светильники держали стоявшие вдоль причала люди. Впереди со свитком в руке их встречал благообразный старец с длинной седой бородой, в белом гиматии, а за ним юные девы с увитыми жезлами в протянутых к путникам ладонях. При виде их вздрогнул Полит — на миг показалось, что приплыли они прямо в логово амазонок. Но не луков, изогнутых круто, ни копий, ни острых клинков в их руках не заметил — лишь цветами увитые палки и светильников плошки.

Старец воздел свиток над головой и торжественно провозгласил нечто — хрустящей речью, в которой Одиссей и его спутники не узнали ни слова. Правда, вздрогнула вдруг Калипсо, сверкнула гневно глазами, но промолчала.

Хоть и были слова непонятны, но угрозы в них не было — это все поняли сразу.

Базилей перепрыгнул через узкую щель между судном и причалом, поднял приветственно руку.

— Я и люди мои к вам прибыли с миром, — сказал он учтиво. — Злых умыслов нет ни у кого. Если окажете помощь, благодарность богов вам в награду, и наша за ней воспоследует тоже. Если нет — отпустите нас в плавание дальше.

Старец склонил голову и прислушивался к словам Одиссея с растерянной улыбкой. Затем он указал на судно и что-то спросил. Базилей проследил за его жестом и ответил:

— Ты прав, почтенный старик, это и впрямь предивное судно. Только ваша плавающая гора еще диковинней!

Заморгав глазами, старец сунул свиток под мышку и коротко бросил несколько слов деве, что рядом сто-

яла. Та быстро удалилась в глубь причала, и вскоре огонек ее светильника исчез в темноте.

— Может, и нам сойти с корабля? — спросил негромко Арет базилея.

— Успеется! — не оборачиваясь отозвался Одиссей.

— А то хорошо бы скрутить их, — продолжал бормотать Арет, — они, смотрю, без оружия, а девок с собой увезем, продадим пафлагонцам...

Полит вертел головой во все стороны, но видел лишь мрачные, в потеках, стены и темные своды. Под сводами угадывались небольшие круглые отверстия, в которых ничего нельзя было разглядеть, но скорее всего оттуда в путников были направлены острые стрелы — вряд ли Арету удалось бы заполучить здесь легкую добычу. Место это не было похоже на обитель богов, разве что небожители захотели подшутить над странниками. Здесь не то что богам, но людям жить не пристало. Потом он обратил внимание на дев, что стояли на пристани, и мнение свое изменил. Пышногрудые, крутобедрые, стройные, в коротких туниках, они с любопытством разглядывали гостей, а одна, с длинными светлыми волосами, собранными в два пучка, подмигнула Политу.

Показались огоньки — это вернулась посланница, а с ней еще один старец. Его борода была короче, чем у встречавшего, но голову украшала повязка.

— Кто мне наконец скажет, где мы и что происходит? — раскатился под сводами хриплый голос Ахеменида.

Старик с повязкой вслушался в его речь, кивнул и, опустив свой светильник к ногам, заговорил на чистейшем коине:

— Приветствую вас, путники, обретшие гавань. Радуйтесь, ахейцы, ибо здесь вы найдете пищу и приют. Имя мое — Родот.

— Я — царь Итаки, имя мое Одиссей, сын Лаэрта, — ответил ему базилей.

Полит увидел, как отшатнулся старец Родот, в изумлении руки воздев.

— Неужели сам Одиссей к нам приплыл! — вскричал он, а потом сказал что-то на своем языке непонятном старцу со свитком.

Тот не стал воздевать рук, лишь покачал головой, засмеялся и, повернувшись, ушел в глубину темную, а за ним последовали, к большому огорчению Полита, и девы со светильниками.

— Встреча такая пристала древним царям Посейдонии, судном которого вы завладели хитростью или же силой, — пояснил Родот, заметив взгляд Одиссея. — Мы же сочли, что вернулись древние государи. Ошиблись, конечно, но что может быть глупее надежды пустой!

— Не сила и не хитрость помогли нам взойти на борт «Харраба», — с достоинством ответил базилей. — Случай освободил железное судно из тайного убежища в скале. Мы лишь воспользовались милостью богов.

— Однако же имя корабля вам известно, — улыбнулся Родот. — Впрочем, кто же не знает о везении царя Итаки и хитроумии его! Но мне лишь поручено встретить достойно и препроводить в покои того, кто приплыл на «Харрабе». Позже, когда отдохнете от тягот морского пути, правители встретятся с вами и выслушают вашу историю. Следуй за мной безбоязненно, рабов же твоих мы препроводим...

— Это не рабы, а свободные люди, равные мне! — перебил его базилей.

Старец голову склонил, соглашаясь, поднял светильник и медленно пошел вдоль причала. Арет перескочил к базилею, принял оттуда по очереди детей от Калипсо, помог перебраться слепому. Медон и Полит сошли с корабля последними. Юноша тихо спросил Арета, не уместно ли будет тело дружинника мертвого здесь предать погребению, но старый воин лишь взглянул на него испуганно и прошептал, что хотел еще вчера морю доверить тело Перифета, да только боги уже переправили его на ином судне через реку забвения.

Узкими переходами и гремящими лестницами Родот вел Одиссея и его спутников куда-то вверх, и чем выше они поднимались, тем раздольнее и ярче становились помещения от множества светильников, тем богаче было убранство ниш и проходов, а вскоре и вовсе не стало видно металлических стен — дорогие ковры их покрыли и ткани с причудливыми узорами. Людей по дороге они почти не встречали — лишь пару раз выходили навстречу жители плавающей горы — мужчины и женщины в пестрых одеяниях, чем-то похожих, как заметил Филотий, на облачение кносских жрецов. Полит обратил внимание на то, что женщины все как на подбор статны и красивы, а мужчины так себе — на воинов крепких они не похожи, одни кривоноги, другие и вовсе плюгавы. Они глазели, перешептываясь, на базилея и его спутников, а при взгляде на Калипсо, что шла рядом с Одиссеем, держа за руки детей, одни улыбались недобро, другие же кривились

странно. Юноша заметил, как напрягся базилей, а рука его легла на рукоять меча.

Оружие у них не отобрали.

По пути Родот вежливо справился о тех, кто сопровождает базилея. Выслушав ответ, кивнул приветливо Медону и сказал, что есть немало свитков в здешнем хранилище знаний, которые заинтересуют мудреца с Зема. Медон немедленно вылез вперед, волоча за собой Ахеменида, и засыпал Родота вопросами, но базилей предложил сначала принять омовение, перекусить, а затем уж предаться беседам, если будет на то воля правителя этой горы, имя которого Родот, кстати, так и не назвал.

Старец с повязкой ответил, что правителей здесь не один и не два, а трое, и что он запомнил, кто сегодня держит жезл власти. На слепого же Родот взглянул участливо и заметил, что местные лекари порой вершат такие дела, что под силу богам.

Полит смотрел по сторонам и дивился то мраморному изваянию четырехрукой богини, то дырчатому бронзовому сосуду на когтистых лапах, а многие вещи на постаментах или просто расставленные по углам и вовсе были ни на что не похожи. Роскошь поражала привыкших к суровой и простой жизни итакийцев. И что удивительно — вроде бы никто не охранял выставленные напоказ дорогие предметы.

Мысль эта пришла в голову не только Политу. Краем уха он услышал, как Арет, бросавший хищные взоры на позолоченные щиты, развешанные на коврах, вполголоса сказал Филотию, что не увидел ни одного воина с оружием, и что будь с ним хоть несколько крепких дружинников, захватили бы этот плавающий дворец, набитый добром, как походный мешок воина после

разграбления богатого города. Филотий в ответ пробурчал, что их здесь просто коврами закидают и удушат без всякого оружия, поэтому лучше не испытывать гостеприимства неведомых владык. Слепой же Ахеменид шел молча и лишь принимался к воздуху, а когда и Полит унюхал запах жареной рыбы, то мысль о том, что он попал на корабль богов, быстро исчезла, зато пустой желудок громким урчанием напомнил о себе.

Покои, в которые привели Одиссея и его спутников, выглядели не менее роскошно, чем все, увиденное ими доныне. Четыре большие комнаты с не очень высоким потолком шли анфиладой, стены были убраны златотканым полотном, ноги ступали по мягкому ковру. Родот сказал, что с дозволения базилея он пока останется с ними, чтобы не было у того затруднений в общении со слугами. И тут же появились служанки, да такие цветущие и привлекательные, что даже старый кормчий Филотий одобрительно крикнул, принимая из рук румяной девы кратер с вином. Выпив, крикнул еще раз — не был он хмельного большим любителем, но и ему пришлось по вкусу густое вино, похожее на слабо разбавленное лемноское. О Медоне и говорить не стоило, осушил одним махом и жестом велел налить еще. Базилей лишь пригубил немного, Арет же и вовсе пить не стал, да еще и знак подал юноше, чтобы тот не прикасался к вину.

Прислужницы оставили чаши и кувшины на широком столе и, следуя указаниям Родота, отвели базилея и Калипсо с детьми в дальнюю комнату. Арет и Полит разместились в той, что была поменьше, да при этом Арет сдвинул скамьи так, чтобы проход в комнату базилея шел мимо них. Глядя на это, Родот одобритель-

но покачал головой, а потом хлопнул в ладони, и тут внесли огромные подносы, от которых исходил умопомрачительный запах. Ноздри Ахеменида затрепетали, он зашарил вокруг себя и чуть не сбил с ног служанку с подносом, ухватив ее за щиколотку. Родот помог ему воссесть на ложе, поднял упавший посох, а потом удалился, пообещав вскоре вернуться. Сунулся было Полит к базилею — на всякий случай, но Одиссей махнул рукой и велел насыщаться без опаски. Если бы хотели с ними расправиться, то давно бы перебили всех, понял юноша.

От вкусной и обильной еды тянуло в сон, щит оттягивал локоть, а копьё норовило выскользнуть из пальцев — вот будет позорище, если он уронит его, думал Полит, изо всех сил тараща глаза и стараясь выглядеть значительно. Еще бы, такая честь! Ему доверено было сопровождать базилея на встречу с правителем горы.

После трапезы к ним вернулся Родот, а с ним набегало столько служанок, что глаза у юноши чуть не разъехались в стороны. Не успели путешественники опомниться, как с них содрали поношенные туники, натерли тела благовонным маслом и скребками принялись снимать все, что пристало к коже за долгие дни странствий. А потом уложили на разогретые простыни и нежными ладонями начали разминать их мышцы.

Когда к ним вышел базилей, Полит чуть не ахнул — в новом цветастом долгополом одеянии базилей казался выше, а после того, как бороду его и волосы натерли чем-то блестящим, то и моложе — даже морщины на его челе разгладились. Вот теперь он был похож на царя, а не на измученного долгим плаванием немолдого морехода.

Родот привел их на самый верх плавающей горы. Правитель Лант, коренастый невысокий мужчина с густыми бровями и одутловатым лицом, восседал на причудливом сиденье, словно составленном из бронзовых прутьев. А сиденье стояло на помосте в центре квадратного зала, стены которого воедино сходились над ним. Здесь не было ковров и тканей, голые листы меди лишь покрывала тонкая вязь линий, словно некая ядовитая паутина разъела металл, оставив свой след. Статуи или треножники не украшали скудную пустоту зала. Но не было и бесконечного множества светильников, что на каждом шагу висели над их головами, — сквозь узкие прорезы в стенах внутрь сочился яркий дневной свет. И пахло здесь не маслом горелым, а морем и ветром соленым, морским.

Свиты, подобающей могучему владыке плавающего гиганта, многочисленных советников и охраны не увидел Полит, чему изумился немало. Лишь Родот стоял за левым плечом правителя, да и то нужды в нем особой не было — правитель сам неплохо владел языком, хотя и говорил с легким эолийским выговором.

На одной из стен был вычеканен знак треугольника в круге, при виде которого Калипсо сжала крепко ладонь базилея, а тот лишь прищурился на миг и улыбнулся зловеще. Вспомнилось юноше: так кривил губы грозный истребитель женихов, поражая одного за другим наглых обидчиков, посягнувших на честь его дома и трона.

После учтивых приветствий сказал правитель горы, что и помыслить не мог о такой удаче. Сам Лаэртид, о котором так много он слышал, вдруг оказался в их малых владениях.

— Удача слепой не бывает, — ответил Одиссей. — Немало пришлось испытать мне и спутникам моим, прежде чем здесь оказаться. Но одно дело, когда радушный хозяин встречает гостя, другое — когда на охотника выбегает олень, гонимый загонщиками.

Правитель коснулся ладонью своего гладкого подбородка и тонко улыбнулся.

— Я мог бы изобразить непонимание, — сказал он, — но не подобает лукавить с тобой, о воплощение хитроумия! И впрямь найдутся такие, что захотят убить тебя и тех, кто тебе дорог. Неужто пришлось тебе с ними встречаться?

Взгляд его уперся в Калипсо.

— Взгляд суровый подруги твоей тому подтверждение. Хотя... — добавил он после небольшой заминки, — ей не к лицу гневаться на нас. Хорошо поискать, так немало родни ее сыщется здесь...

— Кого ты называешь моей родней? — холодно спросила Калипсо. — Не тех ли неистовых воительниц, что посланы были гадиритами уничтожить мой дом, убить меня и детей моих, а также всех, кем я дорожу?

Полит заметил, как насупил брови Родот, увидел руку базилея, сжавшего край сиденья, и приготовился по первому же знаку подать копье и щит, а то и без всяких знаков сразу пронзить Родота или правителя.

Но правитель Лант смотрел безмятежно, хотя и перестал улыбаться.

— Не следует мне виниться в том, в чем неповинен, — с достоинством ответил он. — Из слов твоих понял я, что остатки старого воинства уцелели и продолжают в безумии своем исполнять приказы давно истлевших вождей. Я не в силах отменить повеление

мертвых полководцев, но могу снарядить корабль для поимки нелепых воительниц.

Родот склонился к уху правителя и что-то шепнул.

— Кстати, честь и хвала вам, что привели «Харраб». С ним мы быстро найдем и укротим эти свирепые орудия мести и гнева. Помнится, с ними порою не мог совладать и сам Анкид, их создатель! Что же касается злобы... Не на тебя, прекрасная дочь своей матери, она направлена. Я догадываюсь, что беглянка Плейона вспоминала о нас, как о чудовищах злобных. Что ж, в те времена отчасти так оно и было! Мне самому в малолетстве столько ужасов довелось увидеть. Но с тех пор, как старые вожди сгинули, нравы здесь сильно смягчились. Расскажите мне о ваших злоключениях, и может, я сумею убедить вас в этом.

Одиссей и Калипсо переглянулись, а потом базилей огладил бороду и начал повествование...

После того, как рассказ завершил Одиссей, долго молчал правитель, ну а Родот и вовсе застыл с раскрытым ртом.

— Да-а, — протянул Лант и всплеснул руками. — Много историй я слышал, но не ведал, что столько испытаний могут выпасть одному человеку. Откройся, не течет ли в жилах твоих небесная кровь? Известно, что ваши боги любят порой шалить с женами смертных.

— Доподлинно мне известно, что славный Лаэрт, мой отец, ни с кем из богов не делил ложе моей матери, — ответил сухо базилей.

— Однако же воля богов тут несомненна. Только вот знать бы, чьи боги судьбу твою ткут? — задумался Лант.

Опять что-то шепнул Родот правителю, и тот рассмеялся.

— Так вот, те амазонки, как ты их назвал, а мы их зовем по-другому, за тобою одним и гонялись, а все остальные — не в счет! И дочь Плейоны из-за тебя пострадала, и люди твои... Уж очень ты досадил старым вождям, вот они крови твой и взалкали. Впрочем, и плоть их устроила бы.

Родот усмехнулся при этих словах правителя.

— В чем же причина нашей вражды с народом твоим? — удивленно спросил Одиссей. — Память ли мне изменяет, но разве когда-либо наши пути сходились?

— Вражды никакой нет, — поспешил успокоить правитель. — Просто расстроил ты замыслы, которые долго и тщательно вынашивались нашими мудрецами. Много трудов и затрат ты на ветер пустил, сам не зная того. Вскоре я отвечу на все твои вопросы и о плавающей цитадели нашей расскажу, но обо всем этом долгий разговор, сейчас неуместный. Отдыхайте и помните, что вы не пленники здесь, а гости!

С этими словами правитель Лант поднялся с места и быстро вышел из зала. Базилей встал и подошел к прорези в стене. Следовавший за ним Полит увидел сквозь узкую щель зеленую воду с белыми нитями пенных волн, далекие белые облака над черной линией берега. В детстве он часто влезал на скалы у берега, но вид отсюда возбуждал и пугал больше, чем с самой высокой скалы, и мысли иные рождал.

— Стоящий здесь может уподобиться богу, — сказал негромко Родот, испытующе глядя на базилея. — Сверху людишки подобны муравьям, видны все их мелкие дела и короткие пути.

— Много вы людей встречали! — усмехнулся Одиссей, отворачиваясь от окна. — Что-то не припомню я, чтобы мореходы рассказывали о плавающей горе. Так,

полагаю, что лишь недавно прошли вы Столбами Геракла в Наше Море, иначе молва разнесла бы о вас по всей Ойкумене.

— Как мудро заметил правитель Лант, нравы сейчас изменились, — наставительно поднял палец Родот. — Но до недавнего времени встреча с любым кораблем, будь то пират или честный торговец, грозило ему потоплением, а людям же смертью. Ныне же кто в живых остается, в рабстве пребудет у нас, пополнив число обитателей ярусов нижних. Приведи к нам «Харраб» кто иной, разделит бы ту же участь.

Когда они вернулись в покои базилея, Полит сложил оружие в угол, так, чтобы рукоять меча лежала недалеко от изголовья. Встал у входа, ожидая распоряжений. Базилей скинул верхнее одеяние и, усевшись на ложе, спросил Калипсо, стоит ли принимать всерьез добрые слова правителя. Она ответила, что гадириты так складно умеют нанизывать слова, что порой и сами верят в то, что говорят. Особенно если это совпадает с их намерениями. В свою очередь она спросила, не слишком ли странные речи порой ведет Медон, и о чем он так часто беседует со слепым, которого базилей оставил на острове циклопа?

Бросив короткий взгляд на Полита, базилей негромко сказал, что Медону пристойно легкое безумие. Возможно, в нем просыпается дар пророческий, а вот кто такой на самом деле их слепой попутчик, он и сам хотел узнать. Никого из живых не оставил он на острове том, да и не было с ним вообще в его странствиях Ахеменида! Но если это соглядатай подосланный или злодей, умысливший дурное, почему бы с ним попросту не расправиться или не расстаться, удивилась ним-

фа. Задумался Одиссей, а после ответил, что боги порой и впрямь в людском обличье нас посещают. А если людьми он подослан, то лучше знать, кто за тобою следит. И с этими словами значительно посмотрел на юношу.

Полит подивился немного словам базилея, но потом сообразил, что слепого соглядатая как раз никто не заподозрит. Значит, тот, кто его подослал, хитер и коварен. А потому надо присматриваться к спутникам — вот что означал взгляд базилея.

Одиссей отпустил юношу, сказав, что позовет, если он понадобится.

Полит вернулся в комнату, где разместились остальные, и обнаружил, что Медон держит в одной руке кратер с вином, а другой ухватился за локоть Родота и что-то втолковывает ему. Родот, по-видимому, был представлен к ним правителями и не собирался покидать гостевые покои. Филотий дремал на своем ложе, Арет сидел и угрюмо осматривал свой меч, озабоченно трогая пальцем зазубрины, а слепой Ахеменид внимательно прислушивался к разговору.

— Вы, ахейцы, как дети, — отвечал Родот на какой-то вопрос. — Не дело винить кого попало в своих ошибках! Вовсе не похищали финикийцы Ио, дочь царя Инаха, а сама она полюбила хозяина корабля и понесла от него, вот и сбежала с ним, чтобы позор свой от глаз родни скрыть. А Европу похитили критяне из Тира Финикийского, что же касается Медеи...

— Насчет Медеи я и сам могу сказать, — вдруг заявил Арет, откладывая в сторону меч. — Видел я твою Медею, когда сопровождал старого базилея, от важного Лаэрта, к берегам Колхиды. Противная девка, тошная...

— Да почему же она моя? — удивился Родот. — Мы беседуем с достойным Медоном о тех бедах, которые женщины принесли в мир нынешний и еще принесут.

— Это верно, — согласился Арет. — Вот и пал Илион из-за бабы. Спроси об этом базилея, он тебе все точно расскажет.

Родот пристально глянул на Арета, вздохнул и посоветовал не говорить за пределами этих стен о том, что Одиссей сражался с троянцами. У многих память о той войне еще свежа, как-никак благородный царь Приам был союзником гадиритов.

После короткого молчания в разговор неожиданно вмешался Ахеменид.

— Но как же такой могучий народ, как вы, оставили в беде своего союзника? — спросил он. — Я слышал, что войско Посейдонии может пройти Ойкумену из конца в конец, покорив все земли. И еще я слышал, что оружием неодолимым владеют гадириты, перед которым не устоят ни стены крепостей мощных, ни суда морские.

— Хотелось бы знать, от кого ты услышал такое, — вкрадчиво сказал Родот, снимая повязку, чтобы вытереть ею пот с блестящей головы, на которой не осталось и волоска для рассады. — Однако и впрямь сила наша была велика, никто не мог устоять перед нами. Но даже прадеды наших прадедов не застали времена легендарные. Увы, эта пирамида, которую носит по волнам, — все, что осталось от могучего царства.

Филотий приоткрыл один глаз и посмотрел на гадирита.

— Сколько же гребцов направляют ваше судно большое по морю? — спросил он. — Мы не заметили весел,

а шли вы на нас против ветра! Может, сила, что двигала вами, сродни той, что «Харрабом» владела?

Вздыхнул Родот, обратно повязку на голову водрузил и ответил:

— Гребцов не видели вы, потому что гребные колеса и весла во внутренней гавани нашей сокрыты, а вращают колеса рабы. Тайна же силы «Харраба», увы, намй забыта давно, впрочем, с помощью вашей теперь вновь овладеем мы силой.

— Вот оно как... — протянул кормчий.

— Но не будем скорбеть о былом! — вскричал Родот, заметив, как задумались его собеседники и как вдруг заблестели глаза Арета. — Мои покои рядом с вашими. Веселый пир устроим мы сегодня, пусть о завтрашнем дне позаботятся боги.

— Меня с собой взять не забудьте, — сказал Ахеменид и, неловко двинув рукой, чуть не выбил кратер из рук Арета.

Арет обозвал его безглазой улиткой, а Политглянул на слепого с опаской. Что, если и впрямь тот окажется богом и припомнит им неучтивые речи!

В покоях Родота их встретили служанки, телом и лицом не уступавшие красивейшим женщинам Итаки.

— Откуда у вас здесь столько справных девок? — завистливо спросил Арет. — Прямо хоть торги устраивай, со всех побережий купцы набегут за товаром таким!

Лысый старец лишь улыбнулся и сказал, что исконни уродливые гадиритки долгом своим почитали безбрачия удел, вот и повывелись начисто. Да к тому же с тех пор, как милость небес коснулась царя Гадира и десяти его сыновей, научились мудрецы Поссидонии улучшать породу.

Родот дважды хлопнул в ладони, и пир начался.

Полит смутно помнил, что ел, хоть и пил он лишь воду по юности лет. Весьма причудливы были блюда, порой и не поймешь, рыбное или мясное тебе подают, а многое и выглядело незнакомо, хотя вкуса отменного. Медон пробовал всего понемногу, Арет же налег на жаркое. Ахеменид ухватил баранью ногу и крепкими зубами усердно ее объедал, запивая вином неразбавленным, на что с опасливым уважением обратил внимание Медон. Филотий с брезгливым подозрением рассматривал плавающие в чаше склизкие темно-зеленые комочки и принюхивался недоверчиво.

— Это грибы, — сказал Родот, — их мы сами растим, а секрет их засолки передается издревле от умельца к умельцу.

Филотий поймал наконец выпрыгивающий из пальцев кружок, осторожно положил его в рот, но тут же выплюнул.

— Вот кислая дрянь! — сморщился он.

— К этому вкусу привыкнуть надо, — усмехнулся Родот, ухватил гриб и, покатав его в рту, проглотил.

Слепой Ахеменид нащупал чашу с грибами, притянул ее к себе и со словами: «Грибочки — это хорошо!», зачерпнул полную горсть. У Родота отвалилась челюсть, он хотел что-то сказать, протянул руку к чаше, но не успел. Ахеменид со смачным хлюпом втянул в себя грибы и мутную жидкость. Итакийцев передернуло в отвращении, а слепому было все нипочем. Он звонко рыгнул, засмеялся и, тыча пальцем в угол комнаты, произнес невнятно какие-то слова, то ли Полита призвал любоваться картине, что предстала перед ним, то ли помянул Кроноса или же иного бога не к месту. А потом вытаращил незрячие глаза и замер словно изва-

ние, не слыша, что ему говорят, и даже не вздрогнул, когда Арет ущипнул его за щеку.

— Что это с ним? — спросил Медон.

Родот вытер руки о тунику служанки и благостно произнес, подняв кратер с вином:

— Истинно сказано: поел грибов — и ближе стал к богам!

Вскоре они насытились. Хозяин предложил иных удовольствий.

Трижды хлопнул в ладони, и служанок сменили такие прекрасные девы, что даже старый Филотий вдруг задышал тяжело, а Медон, упившийся вина и смеживший было веки, рот раскрыл и промолвил:

— О, Зевс-небожитель, да это ж богини!

Доселе считал Полит, что красивее нимфы Калипсо не встречал он никого среди женщин, но тут понял, что блекнет ее красота по сравнению с этими девами. Он пожалел слепого, который не увидит их. Ахеменид все еще сидел неподвижно и лишь пускал слюни по подбородку, ни на что не обращая внимания.

В соседней комнате ударили в бубен негромко и запела свирель. Вошедшие пустились в пляс. Танец не был похож ни на плавное шествие дев итакийских, ни на прыжки буйных критянок. Бубна удары звучали негромко, а голос свирели порой переходил в монотонное жужжание, словно докучливая муха пытается разбудить спящего.

Девы кружились под это жужжание, их одеяние скудное белою дымкою мелькало в глазах Полита. Он был уверен, что немного еще — и кровь, что в нем бурлила, его разорвет на части! Танцовщицы сплетались и расплетались телами в узорах причудливых, а

когда вся одежда оказалась на полу и они предстали в своей восхитительной наготы, сбившись в веселую кучу, Арет зарычал от восторга.

— Ну, что ты глаза таращишь! — крикнул он Политу. — Тебе, молодому, вспахать это поле мясное — дело чести!

И, дернув сильно за край туники, сорвал ее с юноши, а пока тот прикрывал ладонью свою задубевшую плоть, сам одеяние скинул.

Филотий посмотрел на них с усмешкой и сказал:

— Не ероши перья, старый петух, и парня не дразни! Все равно всех этих курочек не перетопчете!

— Перетопчем! — обещающе гаркнул Арет, и толкнул Полита прямоком в колыхание розовой плоти грудей и ляжек под радостный женский визг.

Юноша понял, что сейчас утонет в этой упругой бездне, но ради этого стоило терпеть все мытарства плавания. А потом и для этой мысли не осталось места...

Утро или вечер — неясно было здесь, где всегда горели светильники. Голос базилея разбудил Полита. Очнулся он в закутке, устланном пышными коврами и в объятиях женщины, чья сонная улыбка сулила ему новые блаженства. Смутно помнилось, что вакханалия вчерашняя постепенно угасла, кто упился, кто на месте и заснул. Ну а кто устоял, тех развели по нишам уютным и долго еще предавались утехам.

Никогда еще Полит не чувствовал себя так хорошо. Ему казалось, что все страхи теперь позади, будущее сулит удачу, и лишь какая-то мелкая помеха досаждала ему... Тут он сообразил, что этой помехой был голос Одиссея, что шел из-за ткани неплотной, в нишу вход преграждающей.

— Где же этот непоседливый юноша, — озабоченно проговорил базилей, откидывая полог.

И замер, глядя на обнаженные тела.

Полит стыдливо попытался натянуть на себя край ковра, но базилей смотрел не на него.

— А знаешь ли, парень, кому ты ноги раздвигал во славу мужей итакийских? — спросил он озадаченно.

Юноша помотал головой, скосив глаза на женщину, что рядом с ним лежала.

— Или врут мне глаза, — сипло продолжал Одиссей, — или это и впрямь Елена Прекрасная, жена моего друга Менелая, из-за которой погибла Троя.

А потом он взгляделся и перевел дыхание.

— Нет, я ошибся, — сказал он. — Она почти во всем подобна Елене, только у этой есть пупок, а у той подстилки троянской его не было.

Глава седьмая

Анналы Таркоса

Суетливые крабики споро очищали кости большой рыбыны, выброшенной на берег. Теплые волны одна за другой с ленивым шуршанием втягиваются в песок, приятно омывая ноги. Хорошо и покойно сидеть в лучах закатного солнца на ступенях широкой лестницы, которая спускается к воде от белых колонн дома воинского отдохновения.

Вот уже девять дней, как мы восстанавливаем на гостеприимном острове Агапейе свои силы. Кормят здесь на славу, спать можно до одурения, но все равно с тех пор, как нас разъединили с бойцами, мышцы кажутся дряблыми, а тело беззащитным и легко уязвимым.

Шаги за спиной заставили обернуться. Наставник Линь осторожно переступал со ступени на ступень, держась за перила из резного камня. Он махнул рукой, чтобы я не вставал с места, подошел и уселся рядом. Некоторое время он молча наблюдал за крабиками, а потом сказал:

— Кто знает, может, как раз из такой прожорливой мелочи Первый Ментор и вывел соратников. Великое всегда заключается в малом, и наоборот.

Я невольно улыбнулся. Представить себе, как малютка размером с ноготь вырастает в могучего бойца, человек неискушенный мог с большим трудом. Хотя

чему тут удивляться! Если самые мелкие и невидимые глазу сотрудики были дарованы нам милостью Первого, то что стоило его мудрости создать кого угодно! Мне доводилось слышать от старых аэдов, упившихся сверх меры, песни об Изначальном, которые радовали слух простолюдинов. На самом-то деле все это пере-сказы старого и почти забытого лжеучения о том, что якобы и человека создали менторы. Люди просвещенные смеялись над такой глупостью, прекрасно зная, что человек произошел от обезьяны, а потому изначально был порочен, грязен и глуп, лишь потом очистился он силою разума. Высокий же Дом вроде бы счел учение вредным, вот лжеучителя и сгинули то ли в позорных деревнях, то ли на заселяемых мирах.

Открыв рот, чтобы поделиться с наставником своими соображениями, я тут же захлопнул его. Что может знать об этом новоиспеченный гоплит, который недавно выбрался из низших каст? Я издал неопределенный звук, как бы соглашаясь с наставником.

— Твой бывший господин очень хорошо о тебе отзывался. — Чинец уставился на меня своими узкими глазами. — Ты славно показал себя в деле на Кхаанабоне.

Я ждал продолжения. Начало разговора мне не нравилось. Что у него на уме, не собирается ли он копнуть мое прошлое?!

Не собирался. Но лучше не стало.

— Одного не могу понять, — задумчиво сказал наставник, — кто же призвал соратников на помощь? Гоплиты все пытались, да только никто, по их словам, не справился. А про вас и говорить нечего, таинству управления никого из оруженосцев не обучали. Разве что дар проснулся...

Он испытующе глянул на меня, а я простодушно заметил, что случись кому из вчерашних слуг так себя проявить, сейчас только этим бы хвастал. С таким даром прямая дорога в наставники, разве нет?

Наставник Линь одобрительно хлопнул меня по плечу.

— А ты сообразительный, Тар из Тайшебаини. Если о таком услышишь — мне ничего не говори, чтоб не прослыть дырявым ртом, только посоветуй ему, чтобы дар не скрывал. Почести и слава никому не помешают, а?

Мне ничего не стоило пообещать это Линю. Какой великодушный наставник! Но я-то доподлинно знаю, что ежели у кого вдруг сам по себе появляется дар к управлению, того сразу забирают в академию Бероэса, чтобы изучить самородка нежданного да и чтобы семя его не растрачивалось попусту. В детских домах уже пытаются выявить самых даровитых. Говорят, некоторые из них и впрямь больших чинов достигли, но у многих попросту мозги из ушей вытекли от натуги. В нашем роду был один такой...

— Поговори с гоплитами, — продолжал между тем наставник, — порасспроси, может, кто счел дар всего лишь достоинством бойца и забыл о нем после извлечения. Или, скажем, если кто хорошо разбирается не только в управлении, но и в иных делах, оружейных, а то и в механике смыслит...

Ишь ты, в механике! Ловко завернул!

— Дозволительно ли мне будет спросить, — я увел разговор в сторону, — а как же бойцы меж собой общаются? В тулове, скажем, все понятно было, а сейчас и слов вроде не подобрать.

— Запахи, — пояснил Линь, вглядываясь вдаль. — Язык запахов намного богаче нашей скудной речи. А к тому же еще человек не все унюхать может, не в пример соратникам. Хотя в простых ремеслах мы кое-что сомыслим и управляемся словами, не правда ли?

— В ремеслах?

— Ты вот кем был до ратного дела?

— Э-э, — замялся я, но вовремя вспомнил, — так, прислужгой в богатом доме.

— Чтобы тебе приказать, хозяину достаточно было... — поучительно начал наставник, но вдруг сам себя оборвал: — А это что за гости?

На лестнице, кроме нас, никого не было. Я посмотрел на море и понял, что его последние слова относились к небольшому паровику, быстро идущему вдоль берега. За кораблем тянулся хвост черного дыма, видимо, топили плохим углем.

— Это лидийские купцы, — сказал я, — вон на мачте болтаются два зеленых шара. Как это их занесло в такую даль!

Линь озабоченно проводил взглядом судно, заходящее в бухточку, быстро пошел вверх и исчез за колоннами дома отдохновения.

Я вздохнул. Мне не хотелось сейчас возвращаться к себе в комнату, которую я делил с говорливым Болком. Правда, в последние дни я его почти не видел. Он почти все свое время проводил на третьем этаже, там, где залечивают раны гоплиты, получившие легкие увечия. Возвращался поздно, а однажды и вовсе ночью не пришел, завалившись под утро в мятой одежде и с кровоподтеками на лице. На шалости раненых смотрят сквозь пальцы, вот они и пользуются этим вовсю. А там, где гульба, там и Болк.

Частенько я его видел в компании незнакомых гоплитов на площадке для игры в топтуна. А молчаливый Го все больше отлеживался на горячем песке или бродил вдоль берега, собирая причудливые ракушки.

Здесь, у кромки воды, я сидел бы так и сидел под чередование волн, ни о чем не думая. Где-то за линией горизонта начинались бескрайние джунгли мыса Цветов, и тянулись они до западных берегов Зета. На карте, что я видел в детстве на столе отца, Антиопа мне казалась материком, попавшим в цепкие лапы невообразимо большого и злобного человека, которой так сильно сжал ее посередке, что земля в этом месте истончилась и вытянулась в перешеек, соединяющий Зет с Калаидом. Не помню, чтобы кто-то из моих знакомых был в этих краях. Без особой нужды сюда могло занести разве что беглеца... вроде меня. Да только ныне я не преступник Таркос, но уважаемый гоплит Тар, которому прямая дорога в наставники. Оттуда же путь в высшие касты, а то и в отдельное сословие, где не то что механикам, но и кибернейосам увидеть себя разве что во сне. Одна незадача — для этого надобно в живых остаться. А я не припомню, чтобы в Микенах или в других городах, где бывал, часто встречались гоплиты или наставники.

Теперь-то я уже знал, что дело наше ратное, вот и носят воинов из мира в мир звездные машины, а в сражениях непрестанных выслужиться любой может быстро — расход большой.

Вечерами за слабым пальмовым пивом много интересных историй можно услышать от бывалых вояк. Знал бы мирный житель Афин, Бавелуна или Шанкэ, сколько за его мир, покой и достаток пролито крови и сколько людей и соратников, представил бы он хоть

на миг, какие ужасные твари обитают на неведомых землях, куда его может занести жребий вместе со всей родней, — вмиг бы облысел до подмышек с перепуга!

Теперь-то я понимал, что лучше всего вести войну так, чтобы никто и не подозревал о войне. Были, конечно, у меня сомнения насчет подвигов наших — я так и не выяснил, какую угрозу таили приткие лемуры, но старался держать язык за зубами. Тем более что старший наставник, попечитель дома отдохновения, предостерег нас от излишней боятливости. Во время приветственного слова он долго восхвалял мудрость Высокого Дома и менторов, пугал заговорщиками Безумного. Я и бровью не пошевелил, слушая его. Интересно, какое у него стало бы лицо, если бы я сказал, что Безумный сдох, а заговорщики поубивали друг друга? Но я-то не безумен, чтобы вести такие речи!

Дня два или три назад Болк спросил наставника Линя, чего ради нас так потрепало на Кхаанабоне? Стоила ли та пирамидка малая жизни наставника Чомбала и других, головы сложивших? Наставник странно улыбнулся и пояснил, что за один такой малый репер ученые мудрецы, которым открыты уши властных лиц, могут пожертвовать тысячами тысяч таких, как мы, недостойных. Сказано в преданиях, что во времена незапамятные потерянный Дом Менторов исторг из своих недр бесчисленное множество таких, пирамидок, которые разлетелись по всему мирозданию, а многие, возможно, и посейчас летят. Если поместить один такой репер особым образом, известным только механикам и кибернейосам, в камеру совмещения, то при верном действии звездная машина как бы обменяется реперами — только и сама окажется в том месте, где

другой находился. Надо ли при этом какие-то слова тайные или заклинания произносить, ему неизвестно.

Я с трудом удержался от смеха. Многие до сих пор в глубине души полагают, что звездными машинами движет сила волшебная. Да только в волшебство механики не верят! Мы-то знаем, что размерам пирамидок соответствуют углы поворота камер, а те углы и есть указание на точное местоположение того или иного мира. Конечно, не все так просто в нашем деле, имеют большое значение и пропорции самой звездной машины как к малому реперу, так и к большому, что в Гизе. Но эти тонкие расчеты уже вне наших пределов знания, на то имеются геометры и кибернейосы. Таблицы углов они хранят в своей памяти и передают изустно, хотя для удобства порой и записывают, — вот это и есть самые тайные слова!

Помню, тогда кто-то из-за соседнего стола крикнул весело и хрипло, что за жбан доброго пива произнесет сейчас нужные слова — и все мы тут же окажемся на пушистых травах Бозараца, в объятиях славных поселянок, ни в чем не отказывающих воинам по причине слабосильности тамошних мужиков. Болк тут же пересел за этот стол, там сразу же звякнули чаши, забулькало хмельное, засмеялись громко...

Линь рассказывал и о том, как погибали звездные машины из-за того, что реперные пирамидки оказывались под толщей земли, в глубине чужих вод или же в пламени страшном. Было так, что повисала вдруг машина в черной пустоте, где и воздуха никакого нет. Порой сгорали тут же, как мотыльки в пламени свечи, если рядом возникала огненная печь светила. Таким еще везло, потому что многие хоть и возвращались без потерь, но вскоре умирали от неизвестных болезней, дол-

го и мучительно разлагаясь заживо, а волосы у них выпадали чуть не сразу.

Это он точно заметил. В старые времена, когда еще не строили разведывательных машин, потери были огромные. Говорят, то ли менторы надоумили, то ли какие умельцы из людей сообразили поначалу вперед небольшие, но хорошо защищенные машины посылать с малым числом сращенных, и только потом уже остальных. Я тоже мог поведать слушателям о трудном, но славном деле разведчиков и механиков, да только пожить еще немного хочется.

Мои размышления прервали шум и голоса. Сверху шли в обнимку Болк и какой-то гоплит. Они спускались, размахивая бутылками, и горланили удалую песню, слов которой разобрать я не мог, потому что Болк орал на киммерийском, а гоплит хрипел, как удавленный. Наверху между колонн показалась фигура Го, но он лишь глянул в нашу сторону и ушел к лежанкам под тенистыми навесами.

Веселая парочка чуть ли не кувырком скатилась к воде, Болк, как мне показалось, с досадой посмотрел на меня и предложил хлебнуть. Я покачал головой. Болк хотел что-то сказать, но не успел — волна накрыла нижнюю ступень, и ноги их оказались по щиколотку в воде.

Низкорослый и лопоухий гоплит выругался и отскочил, зацепившись пяткой о край плиты. Не схвати я за руку, он крепко бы приложился к ступеням. Болк тоже хотел поддержать его, но промахнулся и чуть сам не полетел в воду. Потом он устался на какое-то далекое пятнышко — лодка выплывала из мыска, — икнул, взмахнул приветственно бутылкой и задумчиво сказал, что сейчас самое время порыбачить.

Гоплит же тряхнул головой, глянул на меня, отшатнулся и хриплым шепотом произнес:

— А ведь я тебя знаю, урод!

С этими словами он дернул меня за подол туники. Уставился на мой живот и удивленно промолвил:

— Э, да ты ли это! Куда ты спрятал пупок?

— Сам ты пупочник, выпердыш мелкий, в брюхе ношенный... — начал было я его обкладывать по полному чину, но осекся.

Какое-то воспоминание уже почти составилось в догадку, но тут меня отвлекла бутылка. Только я успел подивиться тому, что она летает рядом с моим ухом, как страшный удар по затылку втолкнул меня в звенящую пустоту беспамятства.

В себя я пришел со связанными руками и с мешком на голове. Судя по качке и плеску весел, да еще по тому, как жестко в ребра врезались ребристые доски, я лежал на дне лодки. Рядом что-то ворочалось и прижимало меня к борту.

Кажется, опять похитили. Это уже начинает надоедать...

Вскоре я почувствовал, как меня подхватили несколько рук и подняли вверх. Что, если это суровые тольтекские жрецы с южных берегов схватили очередную жертву для своих жутких опытов? Про жрецов много всяких ужасов рассказывали местные жители. По слухам, даже менторы с трудом находят на них управу.

Сверху раздавались голоса, кто-то, мешая коинак и лидийскую брань, требовал избавиться от лишнего груза. Хоть и ныла голова от удара, все же я сообразил, что если на берегу нас было трое, то один точно связан

с похитителями. От кого же они хотят избавиться — от гоплита или Болка?

В памяти всплыли невнятные слова Варсака о том, что за мной придут. Вот и пришли. Но кто? Служители Дома Лахезис ввалились бы прямо в спальные покои и скрутили на глазах у всех. Может, ожил Безумный или воплотился в иного Ментора? Эта мысль вогнала меня в дрожь — теперь они уж точно запытают!..

Я лежал на холодной палубе. В висках ломило, крики чаек и вопли лидийца сливались в болезненный визг. Но тут вмешался еще один голос — и мне показалось, что безумие на сей раз одолело и меня.

— Может, прихватим и Тара? — сказал Болк. — Хоть от него толку никакого, но зла я от него не видел.

— Пусть будет так, — повелительно ответил ему другой, но тоже знакомый голос. — Вроде человек не-вредный, может, и пригодится на что. А нет — так нет! Всегда успеем скормить его рыбам.

И как бы в подтверждение этих слов кто-то из них неприятно заржал и пнул по мешку. Я охнул.

— Ожил, — донесся до меня голос Болка. — Это хорошо, а то я боялся, что насмерть пришиб.

Сил ответить ему не было, да и смысла тоже. Ничего себе беседа, когда один в мешке задыхается, а второй ногами его охаживает!

Всего я мог ожидать, но такого поворота событий — никогда! Зачем Верту и его бывшему оруженосцу понадобился пьяный гоплит? Да притом до того крепко понадобился, что ради него Болк, гадина такая, огрел меня бутылкой!

Пока я собирался с мыслями, в мои ноги вцепились и потащили по палубе. «Полегче, вы, там!» — успел я расслышать голос Болка, а потом головой вперед

сехал куда-то вниз и врезался, судя по ощущениям, в мягкий тюк. Тюк крикнул и выругался.

Когда гул и свист паровой машины затихал, слышно было, как противно хлюпает вода в трюме. Холодная балка, в которую я уперся лбом, приятно успокаивала головную боль. Вонючий полумрак рассекали тонкие стрелы света, бьющие из дыр над нами.

Быстроходное судно резво скачет по волнам и несет меня неведомо куда. Воды нам дали всего одну бутыль на двоих и велели беречь, потом кинули пару черствых хлебцев.

Почему-то я не испытывал гнева или злости от того, что меня опять втянули помимо воли в нечистое дело. Лишь неясное сожаление по сильным шипастым конечностям бойца временами накатывало на меня. В том могучем теле не было места гневу и пристрастию — лишь холодная необходимость двигала им. Посмотрел бы я тогда на похитителей! И еще я пытался услышать тот внутренний звук, сочащийся множеством оттенков, — но еле слышное жужжание затаилось в глубине сознания, а все попытки услышать какого-либо соратника и призвать его на помощь ни к чему не привели. Порой блеклые тени звуков-красок слабой рябью мелькали во мне, но кто откликался на зов, я не знал.

Второй пленник помог развязать руки и стащил с головы мешок. Я долго хлопал глазами, привыкая к полумраку, а потом разглядел гоплита, который на берегу искал у меня пупок.

— Кто это нас, а? — спросил он.

Если бы у меня не были сведены мышцы от лежания в мешке, то я пожал бы плечами. Если хотели по-

хитить гоплита, а я случайно оказался у них на пути, то мой сосед по трюму должен сам знать, кому он нужен. Или хотя бы подозревать.

— Может, ты кому-то из властных досадил или твой род в тайной вражде с могущественной семьей? — спросил я осторожно. — Киммерийцы — они народ мстительный. Не успеет вмешаться блюститель жизни, как вмиг тебя выпотрошат!

Гоплит плюнул в воду, что плескалась под решетчатым настилом, и пробормотал что-то непонятное, наверно, выругался.

— Никогда с киммерийцами не общался, — сообщил он мне. — Разве что с этим северянином! Так он мне слова сказать не давал, сам говорил не переставая.

— На что же ты им понадобился?

— Не знаю!

— Если они посланцы тайного Дома... — начал было я, но сам испугался этой мысли.

Судя по тому, как гоплит вздрогнул и отвел глаза, ему тоже не хотелось иметь дело с мозголомами Дома Лахезис. От разбойного люда еще можно откупиться... Да, но последних морских разбойников истребили во времена незапамятные, чуть ли не в эпоху Проклятого Морехода. На суше порой шалит всякая мелочь до первого серьезного дела: от всевидящих посланников блюстителей жизни никто не скроется. А если тебе на хвост сели соратники, то лучше самому быстро удавиться. После того как нарушителю прочистят мозги, обидеть его может всякий. Так ради чего киммерийцы пошли на лихое дело?

— Ты где сражался? — спросил я. — Может, случайно, подвел свою группу или по службе озорничал?

— Где надо, там и сражался, — грубо ответил он и после этих слов надолго умолк.

Тут размышления мои пошли настолько кривыми путями, что я даже вспотел. Нелепый случай опять привел меня в недолжное место и в роковой миг, ввергнув в средоточие очередных козней, смысл которых темен. Вдруг лидийский корабль пришел за преступником, вина которого столь ужасна, что никто о ней не должен знать? Или все гораздо проще, и дело пахнет крупным наследством? Тоже невесело: когда знатные семьи начинают сопоставлять родовые таблицы, то близко лучше не подходить — убить не убьют, но покалечить могут сильно.

В таких тягостных думах я провел большую часть ночи, пока не заснул.

Утром нас вывели на палубу и велели быстренько справить нужду прямо за борт. Держась за скользкий брус, я между делом обежал взглядом палубу. В команде судна были одни лидийцы, они сновали по реям так быстро, что от их клетчатых одежд рябило в глазах. Ветер был попутный, шли под парусами. Паровая машина не работала, и трубу опустили. Судя по солнцу, мы плыли на восток. Болка и Верта на палубе не было.

На меня никто не обращал внимания, а вот гоплита стерегли двое, даже когда он сидел орлом на широкой доске с дыркой посередине. При этом один лидиец держал веревку, другим концом обмотав пленника вокруг пояса. Наверно, они боялись, как бы он с отчаяния или большой натуги не скovyрнулся в воду вслед за своим дерьмом.

В трюме гоплит забился в угол и тяжело дышал.

— Меня зовут Тар, — прервал я молчание. — Сам я из Ми... из Тайшебаини. Кто ты и откуда?

— Диомед мое имя, — буркнул гопплит, а потом добавил: — из Кирены.

— Бывал в Кирене, — обрадовался я, — красивый город. У вас дешево бирюзу можно купить, бусы я покупал своим...

— Да, бирюза у нас дешевая, — скучным голосом отозвался Диомед.

А на меня нахлынули воспоминания. Небесного цвета камни, мягкие на ощупь, покупал я для жены моей, которая исчезла, словно и не было ее, и брал я там для деток моих коричные леденцы... Нет, вздохнул я своим мыслям, память мне изменяет, бусы я купил в Коринфе, а Кирена вовсе на африканском побережье, маленький невзрачный городок, ничем не славный. Я хотел было извиниться перед Диомедом за ошибку, но передумал. Что-то вышло не складно!

— А мраморная колонна на базарной площади у вас по-прежнему похабщиной исписана? — спросил я.

— Это уж как водится, — сказал Диомед и потянулся к бутылке с водой.

Я смотрел, как ерзает его кадык, и шевелил пальцами. Мне тоже хотелось пить, но я не стал — вкус воды был странным, наверно, подмешали что-нибудь для нашего спокойствия.

Но какой уж тут покой — нет в Кирене мраморной колонны на базарной площади, да и базара там нет! Несколько вшивых лавок на пыльной улице, вот и все. И что еще смешнее — спроси он меня про Тайшебаини, попался бы и я на вранье сразу, потому что ни в одном городе гиксосов еще не был. Стало быть, не только у меня есть причины таить свое имя. Интересно, что натворил Диомед, откуда бы он там ни был?

— Ты почему меня пупочником обозвал? — Я постарался, чтобы голос мой звучал сердито.

— Обознался, — тут же ответил Диомед. — Да и не обзывал я тебя.

— Как же не обзывал! — вскинулся я и зашипел от боли, стукнувшись головой о балку. — Кто на мне пупок искал, а?

Было заметно, как он поморщился, хотел что-то сказать, но передумал. Я собирался его еще поспросить, но тут началась такая сильная качка, что мне расхотелось говорить. В такой болтанке можно легко откусить себе язык.

Ближе к вечеру, когда море успокоилось и пронзительный свист паровой машины перестал сверлить уши, он сам заговорил.

— Есть ли у тебя брат или родственник, похожий на тебя? — спросил Диомед.

— До сегодняшнего дня не было, — ответил я.

— Значит, просто совпадение, — вздохнул он.

— Простых совпадений не бывает! — вырвалось у меня.

Да уж, все кольца странных, неприятных и невероятных событий сплелись вокруг меня в прочную и неразрывную цепь рока, куда-то ныне влекущего на скрипучем суденышке. Одни скажут — случай, другие — невезение, но я-то, механик из рода механиков, знаю, что дождя без тучи не бывает, жизнь наша всего лишь хитрая сеть, сотканная из причин и следствий, крепкая сеть, паутина...

Забившись в угол между бортом и переборкой, Диомед долго сопел, вздыхал и кряхтел. Я чувствовал, что его распирает от желания поделиться какой-то тайной, и тоже молчал — сам расскажет, если не спугну

неосторожным вопросом. Пока он ворочался в полутьме, я пытался вспомнить свою догадку, грубо выбитую у меня из головы бутылкой.

И немедленно вспомнил.

А вспомнив, похолодел.

Все, что я загонял в глубь памяти — пауки, Гупта, черная вода, огонь, — все это взбухло во мне багровым волдырем страха, он грозил лопнуть, затопить меня... Я сцепил пальцы, унимая дрожь. Тот свиток в башне Сераписа, на котором было мое изображение... Сейчас я понял, что тогда царапнуло своей несообразностью: на животе фигуры был тщательно нарисован пупок.

Отвратительное зрелище — человек рожденный! Да и какая женщина решится словно животное безмозглое сама выносить и исторгнуть из своего чрева ребенка! С тех давних пор как Проклятый создал ложную утробу, но был пронзен, благоволением Первого Ментора человечество избавлено от родового проклятия и мук рождения. Мало кто помнит, что когда-то и мы были подобны зверям, сама память об этом унижительна.

Конечно, может найтись безумец, который выковыряет себе дыру на животе. Но почему на том свитке было мое изображение? Как все это связано с исчезновением моей семьи?

Вопросы роились в моей голове, я чувствовал, что еще немного, и я вцеплюсь в горло Диомеду, чтобы вытряхнуть из него ответы на них. Впрочем, меня немного охладила мысль, что если схватить его за горло, то вряд ли он что-либо скажет.

Душить гоплита не понадобилось. Он выбрался из своего закутка, пересел на ящики с углем и срывающимся шепотом поведал мне о невероятных событи-

ях, которые якобы произошли с ним и его группой во время похода на мир Таснаду...

Неприятностей они не ждали — это был скучный благопристойный мир, греющийся в лучах красного светила и его черного спутника. Люди обживали Таснаду уже более трех сотен лет. Из-за пустых обид перессорились наместник и старший управитель, да так увлеклись взаимной склокой, что насмерть извели друг друга, а блюститель жизни не доглядел за ними. Вот на звездной машине «Кутх» и прибыл на Таснаду новый наместник в сопровождении большого чина из Высокого Дома, чтобы немного встряхнуть местных властителей, оборзевших от скуки.

На третий день, когда «Кутх» уже готовился к возвращению, а гоплиты приходили в себя после обильного угощения гостеприимных хозяев, вдруг с неба в огне и грохоте опускается какая-то здоровенная махина, чем-то отдаленно похожая на звездную машину. Поначалу все подумали, что это местные весельчаки решили позабавиться на прощание и устроили представление с потешными огнями. Но тут из махины этой вышли двуногие существа в странных одеяниях, смахивающих на защитные ткани людей-разведчиков. А когда скинули они с себя одежды, то и впрямь оказались людьми!

Речь их была непонятна, но потом среди пришельцев нашелся говорящий на языке, напоминающем коинак, только очень корявый, чем-то похожий на диалект спартанских козопасов или портовых сидельцев. С его слов можно было понять, что эти люди были чрезвычайно удивлены встречей, и что они якобы прилетели с Земли. Это очень рассмешило чина из Высокого Дома, он даже соизволил пошутить, не на крыльях ли они,

случайно, прилетели? Слово за слово выяснилось, что высоко над миром Таснаду находится большой корабль, а сюда прибыла малая лодка, поскольку один из них оставил здесь некогда весьма ценную вещь, ему не принадлежащую. Узнав, что эти «люди» умеют путешествовать в черной пустоте, чин перестал благодушно улыбаться и принялся дотошно выпытывать у небесного гостя, что сие означает! Услышанное так поразило его, что он приказал схватить их и немедленно отбыть с Таснаду! Но не тут-то было: один из странных людей взорвал летающую лодку вместе со своими спутниками, а сам попытался скрыться в лесах. Его, конечно, быстро поймали, но он не знал языка и ничего не мог объяснить.

По возвращении всех, кроме высокого чина, немедленно заперли в карантине и держали там целый месяц, ничего не объясняя. Потом объявили, что никакой странной звездной машины не было, все это, мол, происки неких злокозненных сил, возможно, самого Безумного. Велено было молчать и не рассказывать об этом даже самым близким людям, чтобы не смущать вредными мыслями слабые умы. Кстати, и захваченного на Таснаду в плен человека тоже не было — это морок, наведенный теми же злыми силами.

«Только скажу тебе вот что, — голос Диомеда стал еле слышным, — когда его вязали, то увидел я у него пупок. Не морок это был! И еще я услышал, будто эти люди от мира к миру перебираются не мгновенно на звездных машинах, а долго плывут на каких-то больших кораблях. Самое главное... — тут он припал губами к моему уху, — они и слыхом не слыхивали о менторах!»

Потом Диомед рассказал о случайно подслушанном разговоре. Охранники карантинных домов пугали друг друга некой страшной заразой, которую якобы «Кутх» притащил сюда с одного грязного мира, а болезнь эта неизлечима. Вот тогда Диомеду стало ясно, что их всех перебьют, чтобы лишнего не болтали. Не долго думая, оглушил он охранника и сбежал. Пробрался на судно, идущее на Родос, и затесался в группу новобранцев. После двух походов из ординарца его перевели в гоплиты, а ныне ему была прямая дорога в наставники, да вот только это неожиданное похищение все порушило.

— Как твое настоящее имя? — спросил я.

— Оно тебе ничего не скажет, — грустно ответил он. — В Коринфе у меня...

Диомед не успел договорить, как над головой лязгнуло, грохнуло и возник светлый прямоугольник.

— Давай наверх! — крикнул лидиец, сбрасывая веревочную лестницу.

На палубе Диомеду связали руки и отвели к борту, а мне велели просто не лезть под ноги. Я вдыхал свежий морской воздух, смотрел на вечеряющее небо, на чаек крикливых, на далекую линию берега. И только потом заметил, что рядом находится еще один корабль. Зализанные хищные обводы, стальные крюки вдоль бортов и грозные жерла спаренных метателей на носу и на корме выдавали в нем карательный дальнеход.

На миг я даже возликовал, решив, что очередным злоключением пришел конец, и теперь стражи морского порядка вырвут нас из рук похитителей. Но тут же я сообразил, что радоваться, собственно, нечему. Если невероятная история Диомеда хоть в малой сте-

пени правдива, то вместе с беглым гоплитом служители Дома Лахезис заполучат еще одного беглеца. И еще я успел подумать о том, как странно переплелись наши истории, прежде чем заметил, что с лидийского судна на этот корабль быстро и споро перетаскивают мешки, тюки и ящики. А потом по узким сходням туда перевели и нас.

Палуба дальнехода не в пример грязной лидийской посудине была выскоблена добела, а начищенные бронзовые и стальные заклепки ярко блестели даже в лучах закатного солнца. Высокие широкоплечие матросы подхватили за локти меня и Диомеда и отвели на мостик. Там нас уже ждали. Болк подмигнул мне и что-то сказал одному из матросов. Тот развязал руки Диомеда и вместе с ним скрылся за дверью.

— Сейчас как следует поедим, а отсыпаться будем уже дома, — сказал Болк и зевнул. — Ты когда-нибудь ел жаркое из молодого барашка?

— Ты что, нас умыкнул для того, чтобы мясцом угостить? — вытаращил я глаза.

Он хохотнул, но сразу осекся. На мостик поднялся Верт. Искоса глянув на меня, он что-то коротко бросил Болку, и тот, перегнувшись через перила, закричал на матросов. На киммерийском я знаю лишь несколько слов, да и то бранные. По-моему, Болк их все перечислил в одном предложении.

Вскоре к нам поднялся владелец лидийского судна. Его круглый живот поддерживал широкий зеленый пояс из чинского шелка. Верт перешел на коинак и велел владельцу и его людям перебираться на киммерийский корабль. Владелец с достоинством ответил, что в этом нет нужды, поскольку уговор был доставить нужных людей в нужное место.

— Вот оно, место ваше, — он махнул рукой в сторону берега, — а люди... — Тут последовал равнодушный взгляд в мою сторону.

Нетерпеливо постукивая носком сапога по палубе, Верт сказал:

— Принуждать не буду. Сейчас я сожгу твое судно. С тобой или без тебя — выбирай.

И что-то сказал на киммерийском Болку, а тот снова заорал, отдавая непонятные команды.

Стволы кормовых метателей, украшенные литыми головами зверей, беззвучно развернулись в сторону лидийского корабля, бронзовые стержни откинулись назад, поднимая рёбристые полости мехов.

Владелец судна схватился за голову, а потом метнулся к лестнице.

Я молча наблюдал, как лидийцы замерли на палубе и на снастях своего судна, увидев направленные на них разверстые пасти метателей, а потом, под отрывистые выкрики владельца, быстро перебрались к нам. Молчаливые суровые киммерийцы увели их вниз, наверно, в трюм.

Надо сказать, я не испытывал злорадства оттого, что теперь настал их черед скучать в сырой темноте. Кто знает, вдруг сейчас Верт раздумывает — выкинуть меня за борт немедленно или чуть позже. Он-то не будет угощать меня живым или рощенным мясом!

Настил под ногами мелко задрожал, еле слышно заурчали машины и корабль быстро отошел от лидийского судна. Трубы дымовода я не увидел, и тогда сообразил, что дальнеход-то не на паровой тяге! Слышал я о том, что двигатели камор совмещения, которые работают от силы, идущей по металлическим жилам из накопительных чанов, можно приспособить для са-

мых различных нужд. Но сама мысль об этом казалась кощунственной! Одно дело — звездная машина,местилище высоких помыслов, средство, дарованное менторами, врата в бесконечные миры, другое — вращение гребных колес пошлого судна! Хотя, конечно, и тут и там разницы никакой — все те же медные и серебряные нити в войлочной оплетке, аккуратно, ряд за рядом в особом порядке намотанные на стальной сердечник, и там и тут тяги да ременные передачи, да запах горячего масла, обильно льющегося на валы и сочленения...

Меха со всхлипом сложились, метатели изрыгнули две желтые косицы пламени. Огонь расплескался по лидийскому кораблю, миг — и вот уже пылают мачты, парус, словно солнечная птица, бьет горящими крыльями в потоках горячего воздуха и, распадаясь на хлопья, мириадами черных бабочек летит над волнами.

Костер на воде догорал вдали слабо мерцающим пятном, когда мы вошли в бухту. В сумерках нависающие скалы казались черными, а скудная растительность уныло прижималась к камням.

Лидийцев вывели из трюма и увели по причалу в сторону больших строений. А меня пристроили на разгрузку корабля. Вместе с матросами я таскал тяжеленные ящики и перекатывал по узким доскам бочки. Соратников на причале не было. После того как всю эту гору разместили на больших крытых повозках, с корабля сошли Верт и Болк, а за ними шел Диомед, которого держали с двух сторон крепкие матросы, больше похожие на воинов. Я пригляделся и заметил, что они его не держат, а поддерживают — гоплит был изрядно навеселе. Проходя мимо, он радостно вскинул-

ся, хотел было обнять, но его оттащили в сторону. Верт прошел, даже не глянув на меня. Он беседовал с каким-то человеком, который мне показался знакомым, но во мраке я не смог разглядеть его лица. Болк остановился, виновато развел руками и сказал:

— Извини, совсем про тебя забыл!

Я ничего не ответил. Он нахмурился, догнал Верта и что-то сказал ему. Тот коротко ответил, и тогда Болк махнул мне рукой, давай, мол, сюда.

И вот я трясусь в темной повозке рядом с молчаливыми киммерийцами, с Диомедом, который сначала все норовил затянуть песню, но на втором или третьем куплете сбивался на икоту, а потом заснул, уронив голову на мое плечо. В щель можно было увидеть неширокую извилистую дорогу, идущую вдоль каменистой осыпи, а потом совсем стемнело, и от сильной тряски я уже не мог различить, едем ли мы вверх или вниз.

Бражный дух, исходящий от Диомеда, щекотал мои ноздри. Я расчихался, а когда перестал, то обнаружил, что повозка остановилась.

В лунном свете были видны большие прямоугольные дома, поднимающиеся один над другим, словно огромная лестница, по склону горы. А на самой вершине темным пальцем указывала в ночное небо высокая башня.

Ворота ближнего дома распахнулись, оттуда выбежали люди с факелами, а потом появилась высокая стройная женщина в сопровождении двух вооруженных длинными клинками нукеров.

Она подошла к Верту и при всех обняла его.

— С удачей ли ты вернулся, супруг мой? — спросила она.

Я насторожился. Слова были произнесены на парсакане, языке Высокого Дома Трояды. Хоть он и считается тайным языком властителей, в некоторых приличных родах ему обучаются с малолетства — без этого о чинах можно и не мечтать.

Верт, запинаясь и коверкая слова, ответил ей в том смысле, что удача его не оставила. Я не смог удержать улыбки от его выговора, уместного скорее выскочке из нижних каст, чем владельтельному господину. А когда Верт представил своей супруге Диомеда, который попытался учтиво склониться в поклоне и чуть не упал, мне стало не до смеха — за спиной пьяного гоплита я разглядел в свете факелов собеседника Верта, который мне показался знакомым.

Это был наставник Линь.

В том, что я не ошибся, меня тут же убедили слова Верта:

— А вот человек, которому я обязан успешным продолжением нашего дела. Без помощи высокочтимого наставника я даже не смог бы вернуться к тебе живым, моя радость.

К Диомеду и чинцу подскочили слуги, усадили их на сиденья носилок и унесли в дом. Верт движением руки отослал предназначенные для него и супруги позолоченные носилки с пышными подушками и, обняв жену за плечи, прошествовал в сопровождении факелоносцев к воротам.

Болк тронул меня за локоть, а когда я обернулся к нему, то он хмыкнул.

— Вижу, ты удивлен, — сказал он. — Но не спеши порицать меня. Тебе просто не повезло, подвернулся не вовремя. Хотя, может, как раз и наоборот...

— Что — наоборот? — спросил я, не вникая в смысл его слов.

Вот уж кого я не ожидал увидеть здесь, так это наставника Линя. До сей поры я мог хотя бы гадать, какие силы стоят за похитителями, но сейчас в моей голове все перемешалось.

— Слушайся меня, и ты не пожалеешь, — продолжал Болк. — Мой господин строг, но его величие соразмерно с его замыслами.

Пытаясь утихомирить беспорядочные мысли, я ухватился за последнее слово.

— Какое я имею отношение к замыслам твоего господина?

— Никакого. — Он махнул рукой, словно отгонял мошку. — Таких, как ты или я, превеликое множество, но есть люди особые...

— Вроде пьяного гоплита? — перебил я Болка. — Наставник, я думаю, тоже вроде бы из таких, как мы с тобой?

Его испытующий взгляд не заставил меня опустить глаза.

— Ты не глуп, — сказал Болк. — И ты прав. Без этого гоплита замыслы моего господина могут обратиться в прах. А потому все, кто осмелятся ему помешать, будут мною истреблены.

— Хорошо бы знать о замыслах твоего господина, — осторожно заметил я, — чтобы ненароком не помешать ему.

Болк всплеснул руками и захохотал так громко, что один из слуг, последним входящий в ворота, уронил факел на землю.

— Помешать ты не можешь, — внушительно произнес Болк. — Но болтливые языки нам ни к чему.

— Это ты верно сказал! — не удержался я.

Он опять засмеялся.

— Так кто же этот гоплит? — спросил я.

Болк нагнул ко мне.

— Он и не гоплит вовсе, — тихо сказал он. — Ты и представить себе не можешь, кто он на самом деле. По неведомой причине он скрывает свое истинное положение. Но однажды спьяну проговорился, а наставник Линь... Впрочем, тебе это знать ни к чему. Одно скажу, Диомед не чета тебе и мне, мы простые воины, а он был вторым помощником механика звездных машин!

Я смотрел на его значительно поднятый палец и поджатые губы, две мысли сразу пришли в голову, но погасили друг друга. Захотелось произнести все бранные слова на всех знакомых и незнакомых языках, но сил не было.

— Закрой рот, муха влетит, — сказал Болк.

Глава восьмая

Деяния Лаэртида

— Неразбавленное вино — отец и мать всех пороков, — пробормотал Медон, не раскрывая глаз. — Похмелье, вот что обнаружила Пандора на дне запретной амфоры... то есть шкатулки...

С этими словами он зашарил рукой вокруг себя, нащупал узкогорлый кувшин и припал к нему пересохшими губами. Лишь после нескольких могучих глотков сумел поднять веки.

Рядом в объятиях двух пышнотелых красавиц храпел слепой Ахеменид. Изысканные яства, чей тонкий вкус вчера восхищал, а сейчас грубо напоминал о себе мерзостным жжением во рту, были разбросаны по ковру, раздавленная сочная груша невесть каким образом прилипла к стене, а полуобъеденная кисть винограда покоилась меж налитых грудей светловолосой женщины, рядом с которой Медон себя и обнаружил.

Издалека донеслись слабые звуки гонга. Медону показалось, что это звенит у него в ушах, но тут дверной полог откинули, звуки стали громче. Вошел слуга, держа в руках шест с бронзовым крюком на конце. Он поднял шест и, продев крюк в выемку, сдвинул в сторону часть потолка.

В комнату ворвался поток воздуха, мелкие крошки и пыль закружило в вихре и вынесло в темное круглое

отверстие, что открылось над головой Медона. Свежий морской воздух наполнил его легкие, выдув из помещения все несвежие запахи. А когда гонг замолчал, слуга закрыл крышку люка и, бросив завистливый взгляд на еду, вышел.

Откуда-то из внутренних комнат появился базилей, оглядел лежащих, хмыкнул и, пробормотав «Где этот юный бездельник валяется?», исчез за пологом. Медон зевнул и устался на расписанный красными и зелеными линиями потолок. Чувствовал он себя прескверно. Ко всему еще, кроме желудочной маеты, опять вернулись чужие, непонятные мысли. Словно он видел сны, о которых потом вспоминал, но только сны эти странным образом были связаны с базилеем и его приключениями, с великой битвой под стенами Илиона и со многими иными деяниями людей и богов.

Порой ему хотелось забыть все, проснуться у себя дома, ступив босыми ногами на прохладный каменный пол, глянуть в широкое окно на лесистые склоны родного острова. Хлопотное сватовство, завершившееся кровавой бойней, трудное плавание, схватки и ужасы — все окажется сном, который Гипнос наваял человеку, дабы тот помнил и чтил небожителей, осознав свою ничтожность.

Однако сон не прерывался. Напротив, всхрапнув, проснулся Ахеменид, сел, уставившись незрячими глазами перед собой, рыгнул и снова повалился спать. В дверном проеме возник Родот, свежий и бодрый.

— Не угодно ли прогуляться перед утренней трапезой, высокомустрый?

Медон закричал, поднялся на слабых ногах и, следуя указующему персту старца, поплелся в укромный закуток с дырой в полу, где справил нужду. Ополоснул

лицо водой из большого кувшина, подвешенного над стоком. Нога все еще побаливала, он прихватил легкий посох Ахеменида и вышел вместе с Родотом из комнаты.

Они медленно расхаживали по длинному пустому коридору. Когда поравнялись с бронзовыми щитами, уставленными вдоль стен, старец огляделся по сторонам, а затем тронул неприметный завиток на круглом щите, поверхность которого украшала причудливая резьба, изображающая битву людей и лапифов.

Щит отошел в сторону, за ним открылась небольшая дверца. Старец нырнул в полумрак и поманил Медона за собой. Медон удивился, но последовал за ним, протиснувшись в отверстие. Он оказался в узком проходе, освещенном слабым светом из коридора, проникающим сюда из щелей над головой. Ковров под ногами и украшений здесь не было, лишь голый металл слабым гулом отзывался на их шаги.

Только успел Медон сообразить, что они движутся в глубь плавающей горы, как проход уперся в другую дверь. А за дверью он попал в большое помещение. Здесь горели яркие светильники, освещая ряды полок, уходящие вверх, к потолку, до которого дотянулись бы лишь пять или шесть человек, встав один на плечи другому. Полки были заставлены шкатулками одинаковых размеров. Здесь же были и огромные столы, к которым сейчас никто бы не возлег пировать, потому что на них громоздились странные предметы, похожие на большие игрушки для детей.

— Вот моя скромная обитель, — сказал Родот, обведя рукой помещение, а потом указав на низкие сиденья близ одного из столов. — Здесь самое удобное место для приятных бесед с мудрыми людьми.

— Мудрые люди изнемогают от жажды, — пролепетал Медон, рухнув на сиденье.

Родот понимающе усмехнулся, извлек из-под стола внушительных размеров амфору, плеснул в глиняную чашу, что стояла на столе, немного прозрачной жидкости и протянул Медону.

— Вода... — скривился тот, но все же хлебнул.

Словно горящая солома упала в желудок, глаза наполнились слезами, дышать стало неважно.

— Что это? — еле просипел он.

— Велики наши тайные знания, — торжественно произнес Родот. — Мы сохранили наследие предков во всей полноте, в том числе и умение извлекать душу вина, воплощая ее в божественной влаге.

Медон несколько раз глубоко вздохнул, а потом, к своему удивлению, вдруг ощутил такой прилив сил, что даже ноющая боль в ноге стихла.

— Воистину напиток необыкновенный, — сказал Медон. — Счастлив тот, кто может прикоснуться к вашим тайнам. Представляю, как надежно они хранятся...

— Все наши знания находятся здесь, — доверительно сообщил Родот.

С этими словами он, не вставая с места, дотянулся до ближайшей полки и взял одну из шкатулок. В ней оказалась стопка больших пластин из незнакомого металла, цветом напоминающего золото, но весьма легкого.

Края пластин закруглены, и держать их было удобно. Прищуриив глаза, Медон пытался разобраться в вырезанных надписях и рисунках, но знакомых букв не увидел, а мелкие значки, густо покрывающие металл, чем-то напоминали следы от птичьих лап.

Вынув из пальцев Медона пластину, Родот глянул небрежно и сказал, что здесь речь идет о шести детских подвигах царя Гадира, известного ученым мужам ахейцев под именем Евмела, первого правителя Посейдонии.

— Металл хранит письма вечно, но читать с него неудобно, — добавил Родот. — Для чтения берется кожа молодого раба...

Выслушав пояснения старца о том, как делать оттиски с пластин, Медон заметил, что в его краях люди состоятельные предпочитают хорошо выделанную кожу из Пергама, поскольку даже после победоносных войн теленок все-таки обходится дешевле раба. Те же, кто победнее, довольствуются свитками из африканского папируса. А для хозяйственных нужд сойдет и деревянная табличка, покрытая воском.

Родот внимательно выслушал его, улыбнулся и сказал, что телят у них здесь гораздо меньше, чем рабов. Впрочем, на пластины, хранящие знания гадиритов, не хватит кожи всех обитателей плавающей горы вместе с ее гостями.

— У тебя еще достанет времени, мудрейший, прикоснуться к запечатленным тайнам, раз уж судьба привела к нам, — заметил старец. — Однако из слов твоих я понял, что Одиссей не случайно пустился в плавание, а словно знал, куда плыть и зачем...

— Когда же я это говорил? — нахмурился Медон.

— Во время вчерашнего пира, — напомнил Родот.

— Возможно... Да только вряд ли ведал базилей о том, что его ждет. Не раз и не два грозила нам смерть, лишь боги спасали от кончины безвременной.

В чаше еще оставалось немного божественной влаги. Медон рассеянно взял чашу, повертел в руках и

одним глотком осушил ее. Закрыв глаза, замер, перевел дыхание и утер навернувшиеся слезы.

Откуда-то сверху на ладонь свалился паучок и побежал по запястью. Но только Медон собрался сбить его щелчком, как Родот поймал за руку и бережно снял паука.

— Это к удаче, — пояснил он. — Значит, тебя любит бог-землемер.

— Посланцы Арахны к дурным вестям, я их давил всегда... — начал было Медон, но сбился с мысли и задумался. — Вы тоже поклоняетесь Зевсу Крониону и другим обитателям Олимпа?

— Кто сейчас помнит наших богов! — задумчиво покачал головой Родот. — Еще когда Гадир и десять его сыновей унаследовали Посейдонию, имена их были забыты. Однако великие наставники Гадира древнее всех небожителей. Они пришли к нам в те времена, когда боги поедали друг друга, а человек не знал смерти...

— Темен смысл твоих слов, — сказал Медон и пригорюнился. — Много свитков в доме моем, все их прочитал я, услышал историй всяких без меры, но чувствую жалким неучем пред тобою.

Родот пристально глянул на Медона.

— Признавшись в незнании, ты уже на полпути к знанию, — одобрительно сказал он. — Многие знатные мужи, не имея добродетели, при этом множат успехи. А это ведет неизбежно к кичливости. Не похвалялся ли, кстати, Одиссей картами неведомых морей или оружием странным?

На этот раз уже Медон внимательно посмотрел на старца. Смешно, но тот хитро пытается вывести нечто о базилее, вместо того чтобы спросить напрямик.

Эта мысль так развеселила Медона, что он хлопнул ладонями по коленам и, расхохотавшись, чуть не свалился с сиденья.

— Какие карты?! — еле выговорил он. — Носило как щепку в море, как щепку... Ха!

Новый приступ смеха вызвал икоту. Старец терпеливо ждал, пока Медон успокоится.

— И «Харраб» вам случайно достался?

— Слу... случайно, — еле выговорил Медон. — Слепой на камень сел случайно, а там... ха-ха!

Не в силах говорить, он махнул рукой.

Нахмурился Родот и поднялся с места. Медленно прошелся вокруг стола, потирая задумчиво переносицу. А потом остановился перед Медоном и спросил:

— Ахеменид ослеп во время плавания вашего?

— Нет, по его рассказам, на острове циклопов был он зрения лишен. Но рассудок его некрепок, часто мучают его боли в голове, веры словам его нет. В действиях его тоже нет и не может быть умысла.

Губы поджал Родот, а потом улыбнулся:

— Ты многое мне открыл, мудрейший! Истинен был рассказ Одиссея, случай ему помогал, а случай благоприятный сильнее опеки богов. Все гораздо сложнее, чем я полагал. Об этом и следует поразмыслить.

— Что может быть приятнее ученых рассуждений, — уклончиво ответил Медон, отдуваясь. — Но хорошо бы при этом знать тему диалога.

— Ты ответил на мои вопросы, я отвечу без утайки на твои.

— Но что ждет того, кто узнает ответы?

Теперь рассмеялся старец:

— Тебе ничто не угрожает, да и спутникам твоим тоже — ради тебя. Если бы ты знал, Медон, сколь мало

людей в Ойкумене, достойных вести диалог. Как и всегда, ныне в почете войны сильные, отвага и доблесть, но не разум, умеренность и закон. Цари кровожадны, продажны жрецы, народы тупы и прожорливы. Лишь мудрецы знают истину, каждый малую толику ее, а вместе они могут составить полный свод знаний — самую могучую силу.

— Сам я знатного рода, — сказал Медон, — и с юных лет увлечен был поисками знаний. К неудовольствию родителей, лучшие годы провел над рукописями, много потратил средств в поисках редких свитков, четыре переписчика разбогатели, трудясь на меня, один из них, правда, окривел. Однако хватило нескольких слов правителя Зема, не знающего грамоты, чтобы родня принудила меня растратить драгоценное время на бесславное сватовство. Что толку в знаниях, если они не могут вернуть молодость? Какой прок в силе и доблести, если волею богов или случаем глупым они могут быть обращены в прах? Можешь ли ты ответить на эти вопросы?

— Разум может управиться даже с тем, что ты называешь случаем, — ответил Родот и составил вместе кончики указательных пальцев. — Пойдем, я покажу тебе, как случай помогает нам отыскать ответы на все вопросы!

Родот направился к проходу между полками. Медон поднялся, уронил посох, поднял его, с трудом распрямившись, и последовал за ним.

За рядами полок, что высокими стенами тянулись к потолку, в густой тени, они оказались в небольшом помещении. Свет сюда почти не проникал, но Медон все же разглядел темные проемы в стенах. В один из них и вошел старец Родот.

Медон бодро двинулся во тьму и чуть не полетел с крутых ступенек вниз, в беспросветный мрак, но Родот успел поймать его за руку.

— Не так быстро, высокоумный, — сказал он, и эхо слабым шелестом отозвалось сверху и снизу.

Ступенек оказалось немного, а когда они ступили на пол, Родот чиркнул огнем и запалил масляный светильник, висевший на крюке. Медон помотрел на лестницу без перил, потом глянул вверх. Если бы старец не поймал его, то он скатился бы прямиком сюда, напоровшись на острый крюк, торчащий из стены. Он поежился от неприятной мысли и нырнул за Родотом под низкую арку.

После того как старец зажег новые светильники, Медон долго крутил головой, пытаясь сообразить, для каких надобностей предназначено это помещение, и почему в колоннах, что в беспорядке тянулись от пола к потолку, вырезаны сквозные круглые отверстия. Ну а то, что находилось в центре зала, вообще ни на что не походило. С галереи, опоясывающей зал, была видна причудливая решетка, составленная из лотков. Под решеткой разинули жадные пасти широкие воронки, чьи изогнутые узкие концы нависали над длинными желобами.

Впору было удивиться, но после всех чудес и диковин, которые Медону довелось увидеть во время плавления, его беспокоило лишь странное чувство, будто он знает истинную сущность этого блистающего красной медью хозяйства. Более того, стоит сейчас немного взбодриться хотя бы глотком божественной влаги, и он вспомнит, как им пользоваться...

Между тем Родот, резво обходя галерею, оставлял за собой открытые дверцы, за которыми обнаружались ниши. Когда старец вернулся к Медону и распахнул последнюю дверцу, в нишах блеснули полосы бронзовых полок. Но не шкатулки с металлическими пластинами увидел там Медон, а деревянные шары, каждый размером с голову ребенка. Шары удерживались на полках тонкими изогнутыми штырями. Подойдя ближе, он заметил, что дна в нишах не было, а темные дыры в полу по размерам были чуть больше шаров.

Старец взял с полки шар и протянул его Медону. Шар оказался тяжелым, гладким, а на его поверхности был начертан знак, подобный одному из тех, что встречались Медону на «Харрабе».

— Каждый знак здесь означает слог, — пояснил Родот, — а слогу в нашем языке соответствует одно или несколько понятий, в зависимости от предшествующего или последующего слога. Но это лишь для писем — устная речь гораздо проще. То, что ты видишь внизу, — он указал на странное устройство, — как раз совокупляет один прекрасный случай с другим, идущим сверху. А когда то, что вверху, входит в отношение с тем, что внизу, и наоборот, читающий или толкующий письмена уподобляется божественной воле, той, что обращает возможное в неизбежное.

— Мудрость твоя безмерна, — тоскливо пробормотал Медон, опасливо поглядывая вниз. — Однако и наши жрецы немало преуспели в толкованиях — по внутренностям животных, по дыму и огню, птиц полет тоже о многом говорит...

— Не говори мне о жрецах! — вспыллил старец. — Суетные и корыстные обманщики! Довелось мне общаться с ними. Каждый своего бога хвалит, но готов

при случае кадить иным богам, за хорошую цену, разумеется. Один, правда, был хорош и крепок в вере, но уж больно свиреп: того нельзя, этого нельзя, а об этом я говорить не смей! Но не о гаданиях я говорю, высокоумный! Вот, смотри....

Родот прошествовал мимо створок, разглядывая надписи на них, а потом выбрал шар и подозвал Медона.

— Здесь начертан слог «ун», что в одних случаях означает гору, в других краску для вышивальщиц по коже, а прочие не стоят упоминания. Я выпускаю его из рук, предоставляя случаю сказать нам нечто...

С глухим стуком шар упал в отверстие и сгинул. Медон наклонил голову, ожидая услышать из дыры какой-либо звук, пригодный для толкования, но откуда ничего не доносилось. Недоуменный взгляд, которым он хотел одарить старца, скользнул в пустоту. Родот уже быстро и бесшумно сошел по узкой лесенке к решетчатому сооружению.

Снизу это диво оказалось еще причудливее. На большую ось, выпирающую из пола, друг на друга были насажены... огромные колеса, решил Медон, но только без ободов, да к тому же еще спицы причудливо изгибались в разные стороны, словно боевая колесница титанов угодила в земляную ловушку и разбилась вдребезги. Отсюда было видно, что выходящие из ступиц широкие лотки из золотистого металла имеют множество прорезей и отверстий. Под нижним «колесом» Медон разглядел стоящие по кругу небольшие сосуды из бронзы.

— Сильный раб легко приводит в действие мегамо-надос, — сказал Родот, проведя ладонью по гладкой

поверхности спицы. — Но мы с тобой управимся вдвоем. Помоги мне!

Старец ухватился двумя руками за край желоба одной из нижних спиц и принялся толкать ее. С мягким скрипом колесо стронулось с места, а когда Медон, отложив к стене посох, подскочил к другой спице, то дело пошло веселее.

Все четыре ступицы хоть и сидели каждая на своем выступе, но по мере того, как раскручивалось нижнее колесо, постепенно начали вращаться и верхние. Потом Родот шустро отскочил к стене, а Медон, почти не хромя, обежал полный круг и присоединился к нему.

Колеса вращались одни быстро, другие медленнее. Тяжело дыша, Медон смотрел, как старец шевелил губами и водил пальцем, будто считал невидимых овец, а потом поднял руку и потянул за свисающую с потолка цепь. Над головами у них щелкнуло, Медон заметил, как в отверстиях пустотелой колонны мелькнуло что-то темное, а затем из изогнутой наподобие ракушки трубы выкатился деревянный шар и попал точно на ступицу верхнего колеса. Покатился по желобу, провалился в одно отверстие и попал на другую спицу, оттуда еще ниже и, наконец, свалился в бронзовый сосуд. А тут и колеса прекратили свое вращение.

Родот пробрался меж спиц к сосуду, глянул на вырезанный на нем знак и достал шар.

— Случай, а вернее, множество тайных причин, неизвестных нам, привели его в дом огня и достатка, — сказал он, морща лоб. — В сочетании со знаком горы это означает благоприятную встречу или отмену налога на продажу воды. Если бы нам потребовалось точное знание, не допускающее двоякого толкования, то следовало бы запустить сразу пять или даже шесть

шаров одновременно. Когда-то у нас были чтецы по девяти шарам, но я думаю, что это легенды, наподобие ваших сказаний о героях. Мне, впрочем, и одного шара хватит, чтобы увидеть, как я передаю свои знания достойному преемнику. Нет нужды говорить, что речь идет о тебе, высокомудрый.

— Высокая честь, — растерянно сказал Медон. — Мне ли знать, что готовит судьба...

— Кому же, как не тебе! — строго нахмурил редкие брови Родот. — Да вот здесь все и начертано... — С этими словами он протянул Медону шар.

— Там еще говорилось о вышивальщицах по коже, — вспомнил вдруг Медон. — Может, мне предстоит всего лишь встреча с ними?

Родот выронил шар, чуть не попав себе по ноге, рассмеялся и сказал:

— Я приложу все свои силы, чтобы такая встреча не состоялась. — И, заметив недоумевающий взгляд Медона, добавил. — Вышивальщицы казнят преступников.

Тут уже Медон чуть не выронил посох. Помолчал немного, а затем спросил:

— Но к чему столь затейливое устройство, когда можно попросту бросить шар и посмотреть, куда он упадет?

— В старину почти так оно и было, — ответил Родот. — Шестнадцать мальчиков-скопцов передавали шар из рук в руки, пока один из них не ронял его. Затем чтецы смотрели, как сочѣтаются знаки на шаре с рисунком на рассеченной печени того, кто уронил. Впоследствии правитель Заман создал колеса вопрошений. Они перед тобой. Среди гадиритов ныне ты можешь встретить глупца, который полагает, будто

именно эти колеса стали первопричиной наших бед. Но это сущая нелепица. О горестной судьбе Посейдо-нии я поведаю тебе в другой раз.

Назад они возвращались иным путем.

В больших залах в полумраке таились странные и причудливые устройства, некоторые помещения были пусты, а иные заполнены амфорами, вазами, треножниками, сваленными небрежно в кучи.

В одном зале с высоким потолком Медону показалось, что он увидел ряды огромных птиц, грозно затаившихся во тьме, подкарауливая зазевавшегося гостя. Заметив, как вздрогнул Медон и к стене подался, старец замедлил шаги и, подняв светильник над головой, осветил помещение.

— Кстати, вот утешение твоим стенаниям по невозвратной молодости, — сказал он.

Вблизи неведомые птицы оказались всего лишь большими, овальной формы керамическими сосудами, установленными в литые бронзовые подставки. Они и впрямь напоминали своими нависающими над головой конусовидными выступами остроклювых птиц. К каждому такому сосуду, в котором мог поместиться взрослый человек, сзади подходили тонкие медные трубки, изогнутые, свивающиеся в жгуты. Некоторые из них были словно разорваны, другие сплющены, а в слабом свете масляной лампы темнели трещины и проломы в сосудах, словно они воистину были яйцами, из которых вылупились страшные птенцы.

— Здесь великие дела творил сам Анкид, воссоздатель живого, — благоговейно произнес Родот, окидывая взглядом уходящие во мрак ряды. — Великие Наставники посвятили его в тайну зарождения и

пресекновения, и постиг он истинную сущность плоти цветущей и плоти гниющей. Многое он сотворил, в том числе и крепких телом дев, что преследовали вас.

— С большим трудом назвал бы я их девами, — сказал Медон. — Хоть и внешне похожи на женщин, но помимо пупка им еще кое-чего недоставало.

— А это чтобы они еще злее были! — подмигнул Родот. — Их такими создал Анкид для боя смертельного.

— Хитро задумано... — пробормотал Медон. — Что же Анкид ваш не создал мужей без достоинств?

— Был, говорят, и такой у него замысел — сотворить для забав поначалу бесполох существ, а затем андрогинов. Но увы, покинул он нас во времена смуты и раздора, а прекрасная Плейона, мать Калипсо, что при- была с вами, немало тому споспешествовала. Она и одержимые яростью подруги ее повредили искусные эти утробы. Страшно сказать, посягали они и на трон правителя, будто не знали древнего пророчества о том, что, когда воссядет женщина на трон Гадира, сгинет последний оплот гадиритов и память о них расточится в веках. Неблагодарные, так скверно воздали они Анкиду, создателю своему! А ведь с ним вместе ушло искусство вечной молодости. Но доброта Великого Наставника безмерна, скоро воспрянет он к славе своей в потомстве, и тогда восстановим мы разрушенное. Вернется молодость, исчезнут болезни, женщины смогут очиститься навеки. А до тех пор уделом баб глупых будут муки рождения.

Укоризненно покачав головой, он пошел дальше, но вскоре вернулся, заметив, что Медон не следует за ним, а застыл в изумлении, уставившись на позеле-невшую от старости бронзу.

— Так ты говоришь... — наконец смог выдавить из себя Медон, — так ты говоришь, что в этих яйцах высиживаются люди? Подобно тому как Елена Прекрасная, жена царя Менелая, вылупилась из яйца?!

Жидкие брови Родота поползли вверх, он испуганно завертел головой и чуть ли не шепотом спросил:

— Откуда тебе ведомо о Елене, высокомудрый? Или беглая преступница Плейона разболтала наши тайны своей дочери, а та поведала их тебе?

Выпитое вчера и сегодня неожиданно взбурлило в желудке Медона, однако не это было причиной того, что холод пробрал его с головы до ног. Сколь безобидным казался старец доселе, но вдруг в его словах услышал Медон смертельную угрозу. Еще отдаст этим вышивальщицам, опасливо подумал он, и ответил осторожно:

— Известно всем, что Леда понесла от Зевса, когда он явился к ней в образе большого лебедя, а потом снесла она яйцо, из которого Елена и появилась.

Родот продолжал сурово глядеть на Медона, а потом его тонкие губы разошлись в ядовитой улыбке.

— Ну конечно же, — прошамкал он, — от Зевса в образе лебедя. Интересно, как только Леду не разорвало пополам, когда из нее перло такое яичко!

Медон засмеялся, но смех оборвал, посмотрев на больших птиц.

— Что, и Елену тоже?.. — Он слабо махнул рукой в сторону ближайшего сосуда.

— Обо всем расскажу, и не только тебе, — пообещал Родот. — Думаю, Одиссей будет удивлен не менее твоего, когда узнает о том, какие великие замыслы он своевольно разрушил. После трапезы примут вас наши правители, многое там и решится.

* * *

На самой вершине плавающей горы, там, где сходились грани пирамиды, снова Одиссей вел беседу с правителем Лантом. На сей раз не было с ним Калипсо, зато Медон и Арет сопровождали базилея. Полит был оставлен с Филотием и слепым Ахеменидом, на случай, если понадобится нимфе.

В неудобных сиденьях, похожих на гнезда из бронзовых прутьев, сидели три правителя гадиритов. Карам и Сиддх, так звали двух, а третий, Лант, восхвалил пред ними базилея. Лысый старец Родот изогнулся к уху Карамы, Сиддх же в переводе не нуждался. Были в зале правителей еще четверо старцев, в таких же черных повязках на головах, как у Родота. Они стояли вдоль стен молча, но блеск в их глазах казался Медону недобрый. Их представил Лант как хранителей знаний, что запомнят и запишут обо всем, достойном внимания потомков.

О невероятных делах, что по силам разве лишь небожителям, говорили Одиссей и Лант, и Медон содрогался от восхищения и ужаса перед величием замыслов гадиритов. Он почти забыл о тревожных воспоминаниях, которые словно чужие сны вползли в его разум. Другое заботило его сейчас. Хотел бы он знать, известно ли кому-нибудь из местных о его нечаянном участии в беспорядках, случившихся на нижних ярусах пирамиды?

Не далее как сегодня утром, возвращаясь от Родота, он заблудился в переходах и лестницах. Старец проводил его до потайной дверцы, что скрывалась за щитом, вывел в коридор и, пообещав скорую встречу, нырнул обратно в темную дыру.

Увиденное и услышанное взволновало Медона. Он медленно брел по коридору, размахивая посохом, и ни на кого не обращал внимания. Несколько раз он чуть было не сбил с ног суетливых прислужников с подносами и кувшинами. Теперь ему стало понятно, отчего у амазонок не было пупков. Можно было догадаться, что их злое стремление во что бы то ни стало отомстить Калипсо — отголосок старой вражды. Его поразила власть гадиритских мудрецов над живой материей. Какие еще поразительные тайны запечатлены на металлических пластинах? Жизни не хватит, чтобы постичь все эти знания!

Он вдруг представил, как ведет долгие неторопливые беседы с Родотом, разбирая письма, как день за днем открываются ему истинные пути людей и богов, а хлопотливая родня не беспокоит его мелкими и ничтожными заботами. Картина эта была так отрадна, что Медон, забывшись, вовремя не свернул в проход, ведущий в отведенные покои, а дошел до места, где коридор ломался под прямым углом.

Осмотревшись, он повернул было обратно, но тут скрежет за спиной привлек его внимание. Глухая стена, в которую он только что уперся, разошлась в стороны, из проема одна за другой вышли юные служанки в тонких, облегающих тела одеяниях, и проплыли мимо, держа в руках серебряные и золотые кувшины, блюда, накрытые крышками и опахала. Одна из служанок скосила на Медона глаза и облизнула губы кончиком языка.

Из щели вдогонку за прелестницами вырвались такие пряные ароматы, что у Медона заурчало в животе. Он вспомнил, что с утра ничего не ел, да, впрочем, и не хотел есть. Но божественная жидкость привела его в чувство и возбудила нечеловеческий аппетит.

Из темного отверстия доносились шипение пара, скворчание масла, стук ножей и звон посуды. А умеют ли здесь тушить рыбу, фаршированную маслинами и орехами, задумался Медон. Не кладут ли они чернослив, тем самым поганя кушанье? Знают ли они, что мяты надо класть немного, а базилика чем больше, тем лучше?

Теперь засосало под ложечкой.

Он решительно шагнул в проем и, разглядев в полутьме ступеньки, начал спуск, дабы лично наставить поваров. По широким ступеням идти было нетрудно, вдоль стен тянулись поручни, а красноватый свет, идущий снизу, освещал путь. Вскоре он вышел на открытую площадку и замер, пораженный.

Кухня гадиритов, казалось, не имела конца и края. Могучее пламя рычало под огромными котлами, из-под крышек вырывались клубы пара, а рядом суетились темные фигурки с длинными шестами в руках. На больших противнях что-то трещало и плевалось маслом.

Только собрался Медон спуститься вниз и даже сделал несколько шагов по узкому пандусу, как сообразил, что никто не поймет его советов, а языка гадиритов он не знает. Раздосадованный, пошел обратно, твердо решив сегодня же взять у Родота первый урок, и не заметил, что вместе того, чтобы подняться вверх, он направился вниз. Спohватился лишь на следующей открытой площадке.

Открывшийся вид был удивителен — отсюда, сверху, глазам его предстала гигантская полость в чреве горы, а когда он увидел отражение светильников в черной глади воды, то понял, что добрался до самого низа плавающей пирамиды.

Впоследствии он узнает, что на много десятков локтей уходит в морскую глубь ее основание, и что оно подобно скорее перевернутой пирамиде, нежели днищу обычного судна. А тогда он лишь смотрел, не отрывая взора, как у края внутреннего водоема, словно конечности огромной многоножки, волнообразно шевелятся тонкие палочки. Приглядевшись, понял он, что это на самом деле весла, а когда разглядел в слабом свете надсмотрщиков, то стало ясно — усилиями гребцов хоть и медленно, но неумолимо движется плавающая гора в нужную сторону. Гребных же колес, о которых Родот говорил, он не увидел.

И еще он понял, что полость гораздо больше, чем вначале ему показалось. Стена, к которой выводила лестница, разделяла ее на две части. Подойдя к другой стороне, Медон увидел несколько больших и малых кораблей, стоящих у причала, а среди них выделялся «Харраб», без парусной оснастки похожий скорее на обрубок судна, нежели на грозный корабль.

Рядом с ним копошились люди. Блики от факелов скользили по воде, в их свете тросы, что тянулись от «Харраба» к причалу, казались нитями, идущими к большому барабану. Оттуда доносились громкие голоса, кто-то визгливо выкрикивал одно и то же непонятное слово. Барабан вращался, из распахнутого чрева железного корабля показалась баллиста, повисла над палубой и, раскачиваясь, медленно поплыла к причалу. На полпути трос оборвался, и баллиста рухнула в воду. Всплеск и вопль досады слились воедино. Засвистели бичи, закричали надсмотрщики в ярости, а рабы от боли.

Медон увидел, как несколько рабов вдруг кинулись к надсмотрщику и, столкнув его с причала, побежали

к лестницам. Они почти добрались до них, когда из мрака выступили стражники в блестящих шлемах и с копьями наперевес. Сверху наконечники показались Медону слишком большими и широкими, но тут из них вылетели струи дымного пламени. Стало ясно, что это и не копьё вовсе!

Огонь лишь коснулся двух беглецов, но этого оказалось достаточно, чтобы они с жуткими криками превратились в живые факелы, мечущиеся вдоль стены. Трое или четверо успели вскарабкаться на лестницы, и теперь они торопились добраться до площадок. Перегнувшись через перила, Медон видел, как они один за другим пролезают сквозь отверстие в полу на узкую галерею.

Под частые удары гонга в стенах, там, где упираются края длинной галереи, открываются двери, и блеск шлемов означает, что бежать некуда. В страхе сбиваются рабы в кучку на середине галереи. Широкоплечий раб с заплетенными в косицу волосами пытается влезть вверх по одному из тонких бронзовых столбов, на которые опирается площадка. Его руки срываются, но он снова и снова обхватывает скользкий позеленевший металл.

Если он дотянется до края, то успеет взобраться наверх, подумал Медон и поежился от этой мысли. Ему не хотелось столкнуться лицом к лицу со взбунтовавшимся рабом. Он отступил назад, к лестнице, и не видел, что творилось в галерее под ним.

Двое рабов кинулись навстречу смерти и были сожжены, другой упал, обхватив голову руками. А тот, что безуспешно пытался влезть по столбу, окинул скорчившегося перед ним презрительным взглядом. Потом глаза его блеснули, он вспрыгнул на спину лежащего

и, ухватившись за выступ, подтянулся к краю площадки. Стражники засмеялись, один из них метнул огонь, но раб с косицей поджал ноги, и струя пролетела мимо. А в следующий миг он вцепился в перила и резким движением перебросил свое тело на площадку.

Прежде чем Медон сообразил, что происходит, сбоек от лестницы со стуком отвалилась створка и оттуда появился стражник. Может, он и не хотел причинять зла Медону, а может, шаровидный наконечник его огнемечущего копья был направлен на беглого раба, что возник за спиной Медона, — это так и осталось неизвестным.

Увидев, что стражник наводит на него оружие, Медон, не раздумывая, отбил его в сторону посохом, а когда стражник, потеряв равновесие, выронил копье, Медон изо всех сил ударил по ногам. Стражник пошатнулся, низкие перила не удержали его, и со сдавленным криком он полетел вниз.

Беглый раб ошарашенно посмотрел на Медона, разжал кулаки и метнулся к лестнице. Медон проводил его взглядом, потом осторожно подошел к краю и увидел, что внизу, в узком проходе лежит неподвижное тело, а у лестниц столпились надсмотрщики и стражники. Задрав головы они смотрят вверх, в его сторону. А потом вдруг страшно закричали рабы, что стояли вдоль причала, факелы полетели в воду, и лишь в струях огня, что изрыгали копья, можно было разглядеть мечущиеся тени, лица, искаженные злобой и страхом, и клубки тел.

В следующий миг ноги унесли Медона вверх по лестнице, он быстро проскочил кухню, тяжело дыша поднялся до открытого, хвала богам, входа в коридор, а когда вошел в покои базилея, его встретили привет-

ственно поднятые чаши Арета и Филотия. Ахеменид же шумно обнюхивал блюдо с овощами и шагов не услышал.

Медон опустил рядом с увечным его посох, а сам упал на ложе и перевел дыхание. Арет весело осведомился: кто еще не знает, на ком базилей обнаружил своего юного оруженосца? Услышав, что прыткий юноша оказался в объятиях чуть ли не самой Елены Прекрасной или ее сестры-близнеца, Медон лишь покачал головой, улыбнувшись слабо.

Только он успел слегка перекусить, как объявился Родот, внимательно оглядел всех и возвестил, что после трапезы правители удостоят беседой не только базилея, но равно и высокоумного Медона, и тех, кого базилей сочтет нужным иметь при себе.

И вот теперь под хриплый голос правителя Сиддха и вкрадчивый говор правителя Ланта размышлял Медон о том, быстро ли подавили взбунтовавшихся рабов и не заметил ли его кто-либо из стражников? Хоть и на путниках ныне одеяния гадиритов, но светлые волосы смогли бы разглядеть даже во мраке.

Между тем правитель Сиддх учтиво, но укоризненно выговаривал базилею за то, что неразумной отвагой и хитроумием его были обращены в прах великие замыслы.

— Всемерно поддерживали мы царя Приама, но увы, роковой случай поторопил встречу его неразумного сына с некой красавицей, имя которой известно всем. Что впоследствии — тоже, увы, известно. По всему побережью ныне поют и рассказывают истории о подвигах ваших под стенами Трои. Увы, не хватило времени, чтобы укрепился могучий царь Илиона, а там хоть до старости вы могли осаждать его стены...

Медон вздохнул неслышно. Снова внутреннему взору его предстали яркие картины: подобно невидимой птице парил он над жаркою битвой, где копья пронзали отважных, стрелами воздух был полон, мечи там сверкали на солнце, от крови же воды реки Ксанф помутнели. Пылают храмы и дворцы, рушатся стены, бегут, спасаясь, немногие уцелевшие после резни, а перед воротами догорает некое сооружение на больших колесах...

Он вздрогнул, и видение исчезло.

— Но если вы были могущественными союзниками Илиона, — негромко спросил Одиссей, — отчего же войска гадиристов не встали под стенами Трои? Достаточно было вашей крепости водной к берегам ее подплыть — все бы вышло иначе, и миром ахейский союз порешил бы окончить войну!

Вскинулся Арет, но счел неуместным встречать в разговор. Отвел глаза и уставился на дверные ручки, каждая из которых была отлита подобно змее, свернувшейся в кольцо. Медон же вспомнил о разговоре, когда лысый мудрец поведал им, что от всей мощи Посейдонии одна лишь гора плавающая осталась. Видно, забыл старый воин об этом сказать базилею.

Составили вместе ладони правители и очи опустили долу. А потом Лант произнес горестно:

— Прискорбна судьба Посейдонии! Когда-то весь мир трепетал, внимая шепоту ее царей, а ныне и крик наш никто не услышит. На все восемь ветров плыли наши корабли, а там, где ставили мы селения, разрастались города. От иных и руин не осталось, а другие забыли, кому обязаны своим появлением. Сгинула, исчезла Посейдония, лишь волны ходят там, где не-

когда было могучее царство. Впрочем, и об этом забыли давно.

— В странствиях мне довелось слышать про остров большой, что под воду ушел, гневом богов разрушенный за день и за ночь, — сказал Одиссей. — Но не ведал о том, что правдивы истории эти.

Родот что-то прошептал молчаливому Караму, тот буркнул непонятно, и тогда лысый старец пояснил:

— Посейдония исчезла, но не утонула! И боги к бедствию непричастны. Сами повинны мы в том, что за миг короткий царство свое потеряли. Но длинен этот рассказ, ему тоже придет свой черед.

— Мир катится в бездну! — хрипло выкрикнул Сиддх, глянув сердито на базилея, а потом спокойно продолжил: — Войны и смуты, голод и дикость — вот к чему приводят неразумные геройства! Великое царство должно было с помощью нашей возникнуть, а там — закон и великий порядок для всех и на все времена. Ну а сейчас опять каждый мелкий владетель с подобным себе будет драться! Задумано было придать Илиону могущество, чтобы Приам и потомки его собрали все земли в единое царство и правили мудро. Теперь же придется опять начинать все с начала! Сколько времени прошло от падения Трои, а все не найти достойного трона, чтобы, его укрепив, начать созидание царства. Одни кровожадны сверх меры, другие глупы, а иные и вовсе никчемны.

Закивали правители, соглашаясь с его словами, а Родот, переглянувшись со старцами, что стояли вдоль стен, опять что-то шепнул Караму. Правитель застыл с выпученными глазами, но Родот, насупив брови, зашипел на него, и тот, прикрыв на миг глаза, обратил ладони к потолку, а затем, указав пальцем на Одиссея,

бросил несколько слов. Сиддх и Лант также подняли ладони, а затем правители вдруг поднялись с места и вышли из зала.

По тому, как взбухли жилы на шее Арета, понял Медон, что сейчас может что-то случиться. Наверно, злопамятство все ж одолело правителей, вот и решили они наказать базилея. Если появится стража, быть сече!

Но улыбка Родота не выражала злорадства, наоборот, сочилась она радостью, когда он и хранители знаний с черными повязками на головах приблизились к Одиссею с поклонами.

— Во имя великого замысла только что отреклись наши правители от власти своей, — торжественно провозгласил Родот. — Раз уж судьбою назначено тебе здесь появиться после того, что ты совершил, значит, то был знак обстоятельств иль воля богов, как тебе будет угодно. Почтительно просим стать нашим правителем и установить в Ойкумене мир и порядок. Одно твое слово — и мы поплывем туда, куда ты укажешь, силой или же страхом любая земля тебе покорится.

Долгое молчание было ему ответом. Замер Арет, не веря своим ушам и прикидывая, в чем же подвох и где таится ловушка. А Медон вспомнил древнюю историю о некоем царе, который испытывал властью своих царедворцев, а соблазнившихся ею казнил. Сам Одиссей спокойно глядел Родоту в глаза — о чем он думал, было ведомо лишь ему.

— Неожиданны слова твои, — сказал наконец базилей, — и требуют они неспешных раздумий. Развей, однако, мои сомнения: неужто в обычаях ваших трон отдавать первому встречному?

Увяла на губах Родота улыбка, скривился он, словно дурную шутку услышал.

— Если тебя, Одиссей, назвать первым встречным, то кто же тогда остальные, живущие ныне? Скромность уместна герою, но лишь до поры.

— Что до героев, то мне их пути неизвестны, — ответил базилей. — Я — домосед, и малый удел мой дороже мне царства великого. Будь моя воля, с Итаки я отлучаться не стал бы. Уверен, известно тебе, что связанные клятвой с Менелаем, встали на защиту чести его, иначе взяли бы обычаем жен наших умыкать те, кого собирались вы ставить правителями всей Ойкумены. Нет спору, достоин Приам был величия, но дети его... Смуту кровавую из-за смазливой бабенки учинили, когда здесь такими можно полы застилать!

Голову склонил Родот, размышляя над словами Одиссея, а потом проговорил:

— В записях наших о днях былых можно узнать о разрушительницах царств. Красавице легче приблизиться к трону, нетрудно и нашептать нужные слова во время любовных утех. Можно с врагами справиться, в дар им послав рабынь прекрасных, а если красавица знатного рода — тем лучше! Что говорить, Елена — творение наше, да и не только она. Об этом мы тоже расскажем.

Одиссей поднялся с места, тут же вскочил и Арет.

— Более не смеем докучать, надеясь на скорое согласие, — вздохнул Родот. — Как подобает, совершим возлияние в знак доброй воли.

Он хлопнул в ладони, в зал вошли служанки с небольшими золотыми сосудами, разлив в принесенные чаши вино. Медон принялся — оно явно было настояно на травах. Капнув себе на сгиб локтя, Родот слизал вино, а затем отпил из чаши. Хранители знаний последовали его примеру. А потом и Одиссей, вылив немного на пол, пригубил.

Медону вино не понравилось — сильный травяной привкус был неуместен, горчи́л. Мысль о том, что их угостили отравой, чуть не заставила желудок извергнуть выпитое.

Но вдруг понял Медон, что ошибся! Напиток оказался гораздо лучше божественной воды. Стены зала внезапно заискрились, замерцали бесчисленными блестками, сходящиеся кверху металлические плиты словно раздались вширь, и это было так забавно, что Медон еле сдержал смех.

Прислужницы отвели их к покоем, там базилей, странно улыбаясь, прошел к себе, Арет же набросился сначала на еду, а затем полез на служанку. Медон опустил устало, закрыл глаза, но сразу раскрыл их в испуге, ухватившись за край ложа. Ему показалось, что тело его распухло, стало невесомым и взмыло к потолку. Он даже снова хотел попросить у Ахеменида посох, чтоб удержаться, однако вместо того, чтобы взлететь, скатился вниз и угодил прямиком на Арета и служанку, которые возились на ковре. Смех разобрал его, он захохотал и смеялся до тех пор, пока не заснул, но и во сне похрюкивал весело.

Проспавшись, он увидел рядом с собой Ахеменида, который вращал головой в разные стороны и бормотал что-то себе под нос. Филотий устроился на низком сиденье и озабоченно рассматривал ремешки своих сандалий. Из внутренних покоев вышел базилей в сопровождении Полита, а за ним и Калипсо с детьми. Зевнул, прикрыв рот, базилей, посмотрел на храпящего Арета, развалившегося поперек ложа, отогнал маленького Латина, который принялся шекотать спящего, перевел взгляд на Медона и сказал:

— Память совсем отшибло! Что ты рассказывал нам о лотофагах? Вроде приснилось мне, будто правители гадиристов...

Одиссей замолчал и лоб свой потрогал.

— Станный напиток, — слабым голосом отозвался Медон. — Ни разу еще такие сны меня не посещали.

— О каком напитке ты говоришь? — спросила Калипсо.

— Густое вино с горьким привкусом сильным, словно настой травяной подмешали к нему. Пары глотков хватило, чтобы развеселить сверх меры, а еще возбуждается плоть не к месту.

— Знаю, о чем говоришь! — влез Ахеменид в разговор. — Пробовал как-то, напиток неплох, а грибы все же лучше!

— Кажется, и я знаю, что это за напиток, — слабым голосом произнес Одиссей. — Приемная дочь Тиндарея славилась тем, что умела готовить непентес — сильное зелье для слабых телом мужей, да и женщинам нравился вкус его горький. Так обольстила она очень многих, кажется, и Менелай пристрастился к напитку. И в грибах она знала толк...

— Ты говоришь о Елене Прекрасной? — удивился Ахеменид. — Так, стало быть, правда, что наш петушок молодой потоптал эту курочку, невесть как здесь оказавшуюся?

Полит кашлянул, а Медон и Калипсо с любопытством обернулись к нему. Одиссей засмеялся, заметив, как горделиво прищурил глаза и выпятил грудь юный оруженосец.

— Я не поверил глазам, когда их в объятиях застал, — сказал базилей. — Не знай я особенность некую у Еле-

ны, спутал бы ее с этой девой, которая словно родная сестра вышла из того же чрева.

Теперь засмеялся Медон.

— Нет, базилей, о чреве как раз не может быть речи. Не зря говорили вчера о женщинах, тайных орудиях гадиритов.

Нахмурился базилей.

— Кажется, припоминаю, — сказал он. — Речи вели о царствах великих, о замыслах дерзких...

— Да, так и было! — подхватил Медон. — Трон гадиритов тебе, Лаэртид, предложили — это не сон, если не розыгрыш глупый. Но такими вещами не шутят!

Дочь базилея внимательно прислушивалась к разговору. Она сморщила нос и потянула Калипсо за хитон. Когда нимфа нагнулась к Лавинии, девочка что-то прошептала ей. Калипсо рассмеялась.

— Наша дочь полагает, что лучше быть хозяином маленького клочка суши, чем этого большого короба, в котором дурно пахнет.

Одиссей улыбнулся и погладил девочку по голове, а Медон серьезно заметил:

— Порой боги предостерегают нас от необдуманных решений, вещая устами детей. Но здесь я не вижу подвоха. Какая нужда гадиритам так глупо шутить? Если они считают тебя человеком судьбы, так, значит, и трон предлагали, надеясь, что твое везение им на пользу пойдет. Как это будет славно — собрать воедино все малые уделы, покарать злодеев, утвердить один закон для всех — тогда воцарится порядок везде. Стада мирно пасутся, разбойники истреблены, поля возделаны, торговля процветает, искусства просвещают... — Он даже зажмурился от сияния картины, что перед ним открылась.

— Так вот чем они прельшают! — холодно бросила Калипсо. — Извилистыми путями идут гадириты к цели своей, зная бы только истинную цель! Я помню последние слова той воительницы, что на корабле мне перед смертью сказала. Не ты и не спутники твои им нужны, вас убить было велено, лишь меня живою доставить.

— Так их же вела старая вражда к базилею, — возразил Медон. — А нынешние правители, если бы хотели нас перебить, давно бы отдали своим вышивальщицам по коже.

Вздрогнула Калипсо, побледнела, прижала к себе детей.

— Ты-то откуда знаешь о них? — прошептала она еле слышно.

Медон лишь рукою махнул и улыбнулся криво.

— Велик соблазн большого царства, — задумчиво протянул Одиссей. — Но что, если бы рок повернул все иначе? Не я, базилей, по праву Итакой бы управлял, а наместник Приама или его смазливый отпрыск. Но с другой стороны, удача сама плывет мне в руки, вернее, сам я к удаче приплыл!

Он тяжело вздохнул и задумчиво бороду огладил.

Арет перестал храпеть, сел, оглядел всех вытаращенными глазами, а потом вскочил и, схватившись за живот, пошел в укромную комнатку. Оттуда послышался шум, невнятные вскрики и глухие удары.

— Что же он такого съел? — удивленно вскинул брови Одиссей.

Но ему никто не успел ответить. Из закутка появился старый воин, да не один к тому же. Арет ташил за собой незнакомца.

— Соглядатая поймал! — радостно провозгласил Арет. — Есть тут веревка?

Гадирит вдруг извернулся, присел, и в следующий миг Арет оказался на полу, а широкоплечий незнакомец с волосами, заплетенными в косицу, отскочил в угол и выставил руки вперед, защищаясь. Полит встал между ним и базилеем, Медон ухватил за горлышко высокий кувшин, а Филотий, который так и не поднял головы, занятый распутыванием ремешков на обуви, молча ухватился за край ковра и дернул. Гадирит устоял на ногах, но, качнувшись, крепко приложился головой к стене. Тут на него кинулись Медон и Полит, навалились, и вот незнакомец лежит перед базилеем, а Филотий гневно вопрошает, кто ему вернет ремни от сандалий...

— А ведь я его знаю, — сказал Медон, отдышавшись. — Это же беглый раб, вот кто!

— Не соглядатай, значит? — В голосе Арета явно звучало разочарование. — А то прижечь ему пятки, развязать язычок, а?

— Беглого раба надо вернуть хозяевам, — рассудил базилей и направился в свои покои, а дети убежали за ним.

Калипсо задержалась. Она подошла к пленнику, смерила его взглядом и спросила что-то на непонятном языке. Гадирит разлепил подбитый глаз, ответил коротко, а потом напрягся, словно желая разорвать путы, и заговорил, быстро сыпля слова, похожие на шуршание сухой листвы. Нимфа уже подходила к арке, ведущей во внутренние покои, но внезапно замерла, обернулась и, всплеснув руками, рассмеялась.

— Что он сказал? — В арке прохода снова возник базилей. — Он посмел оскорбить тебя бранным словом?

— Не знаю, как и назвать его, дерзким или безумным, — ответила Калипсо. — Он утверждает, что является сыном Плейоны.

В наступившей тишине было слышно лишь тяжелое дыхание раба и детские голоса, что доносились из внутренних комнат.

— Так ведь ты — дочь Плейоны! — воскликнул Арет.

— Истинно так, — согласилась нимфа. — И если мы правду услышали, значит, он мне приходится братом.

Глава девятая

Анналы Таркоса

Пребывание в замке достойного Верта укрепило меня в мысли, что человек и холод противны друг другу. Я догадывался, что Северная Киммериды — место не жаркое, но трудно привыкнуть к стеклам, покрытым льдом, к рычащему пламени огромных печей, от которых тепло, идущее по трубам в стенах, немного обогревало большие залы и крохотные спальни, к плотным одеяниям и тяжелой обуви, а самое неприятное — к знобющему сырому дыханию каменных стен.

Вскоре после нашего прибытия в замок суматоха улеглась и все разбрелось по своим местам. Болк пристроил меня к свите Верта. Мы шли за ним по длинной лестнице, которая вела, как мне показалось, сквозь все строения до самого верха.

Улучив миг, когда к Верту можно было подступить, Болк спросил, куда меня отвести. Достойный удивился вопросу, а потом узнал меня, хлопнул по плечу и сказал, что я неплохо показал себе в деле, так что в его доме для меня всегда найдется свободное место — на усмотрение Болка. Нукеры, что стояли по обе стороны от Верта и его супруги, не сводили злобных глаз, наверно, прикидывая, как половчее нашинковать меня в стружку, если я вдруг словом или жестом нанесу урон замыслам их господина.

По тому, как вздохнул с облегчением Болк и быстро вывел меня из убранного коврами и гобеленами зала, я понял, что судьба моя, а скорее всего просто жизнь, зависела от того, куда меня отведут. Я напрямик спросил об этом Болка, когда мы спускались по пролетам длинной, сложенной из камня лестницы. Болк хмыкнул, пошевелил неопределенно пальцами, потом все же сказал:

— Господин мог отправить тебя в нижние покои, к грязной прислуге, или же в дальние дома, на пастбища и уголья. Но я устрою тебя в чистых покоях, там, где спят воины и мастеровые. Я отдыхаю всего одним пролетом выше.

— Мне почему-то кажется, — заметил я, — что твой господин мог устроить меня и гораздо ниже, чем к грязной прислуге.

— Это куда же? — удивился Болк.

— Ну, скажем, велел бы бросить в погреб или предать суду и примерному наказанию за то, что оказался на его пути.

Болк рассмеялся и взмахнул рукой.

— Господин может все! — благодушно сказал он. — Чего ему возиться с тобой, закопали бы прямо во дворе и цветы посадили. Но теперь он стал хозяином твоей судьбы, и ему незачем терять хорошего воина!

У меня были иные представления о своей нелепой судьбе, но рассказывать о них Болку не время и не место. Хорошо, что пока не закопали. Решительные люди, эти киммерийцы. Простые... Интересно, куда смотрит блюститель жизни и почему нигде не видно соратников, сотрудников мелких или даже стрекоз-блюдателей? Я раскрыл рот, чтобы спросить об этом, но тут же захлопнул его. Знакомый запах смывки,

вкрадчиво напоминавший о давних днях! И еще мне показалось, что в полумраке углов с потолка свисают пучки сухих растений. Не удивлюсь, если окажется, что это ромашка, ненавистная тварям ползучим.

Дверь моей комнаты выходила в длинный коридор, там по обе стороны располагались спальни, а в дальнем конце — большая трапезная. На лестницы, ведущие к верхним и нижним строениям, можно выйти, лишь пройдя сквозь узкий проход, где двоим уже было тесно. На каждой лестничной площадке располагались по три перехода, два из которых вели в коридоры и только один выводил на ступени. Незванный гость долго будет карабкаться к верхнему ярусу.

Осмотрев комнату, Болк одобритительно цокнул языком, хлопнул меня по плечу и велел отдыхать.

— Возможно, через несколько дней наш господин удостоит тебя беседы, — пообещал он.

— А что Диомед? — спросил я. — Его тоже здесь поместили?

— Ну, он-то в господских покоях, — многозначительно закатил глаза Болк. — Ему небось сейчас самая толстозадая служанка постель согревает, чтобы лучше спалось.

Он подмигнул и ушел.

Я упал на кровать. Не было сил удивляться событиям последних дней или ужасаться ими. Не хотелось даже думать о том, для какой надобности им потребовался Диомед, второй помощник механика звездных машин, и что бы они со мной сделали, узнав, что сам протомеханик сейчас лежит, не раздевшись, на жесткой кровати и тупо смотрит в серый потолок на игру теней и света от слабо шипящих газовых рожков...

Но мысли все же просачивались в мою бедную голову. Всплывали почти забытые лица, вспомнились

страшные последователи Безумного, которым тоже понадобился знаток звездных машин. Стройный миропорядок на моих глазах за последние месяцы просто разваливался на какие-то не связанные друг с другом куски, события были пропитаны глупой, но при этом смертоносной несообразностью с установленным сочетанием вещей.

Глаза мои смежились, но я бодрствовал. Внутренний слух, внезапно открывшийся после роковой встречи с Безумным Ментором, не исчезал, только далекий звон или жужжание стало почти неслышным. Однако я знал, что если прислушаюсь особым образом, то откроются маленькие дверки в моем сознании, и тогда я смогу прикоснуться к какому-нибудь соратнику поблизости. Это непохоже на то, как общаются между собой бойцы, или люди в теле бойцов. Там тебя пронизывает воздух, ты гонишь его сквозь трахеи, и в этом воздухе есть все — запах, вкус, цвет и звук, а зрение лишь немного дополняет их. Человеческим языком эти ощущения не передать. А вот управление или связь подобны настоящему звуку, и каждый из соратников имеет свой неповторимый отклик — неслышный свист-скрип, словно несмазанные петли калитки открылись в сад, полный певчих птиц, сошедших с ума, — но каждая поет о своем.

Только в этих холодных краях не было слышно ничего внятного, лишь шорох-писк всякой мелюзги щекотал затылок. А потом мне почудился слабый отзвук из бесконечного далека, прерываемый мерным скрипом. Передо мной возникла смазанная картина, мелькнули острые челюсти, мохнатые шипастые ноги, а потом все это пропало, звук исчез в нарастающем гуле, который сопровождали мерные щелчки. Они станови-

лись все громче и громче, будто по огромной площади, вымощенной мраморными плитами, ко мне приближается гигантскими скачками голодный боец...

Но не этот образ напугал меня, а невидимые ищущие пальцы или щупальца, что обшаривали все уголки этой площади, подтягиваясь ко мне, нагому, сиротливо стоящему в ее центре.

Мне показалось, что я успел захлопнуть все дверцы прежде, чем тот, кто искал меня, коснулся моего сознания. А вскоре я заснул, успев подумать о том, что еще будет время осмотреться и понять, во что опять меня вляпало, потому что вряд ли господину Верту будет дело до бравого гоплита в ближайшие дни.

У господина Верта дело оказалось. Да такое спешное, что меня подняли спозаранку, не дав как следует выспаться.

Два прислужника в стеганых кафтанах помогли мне одеться. Не отвечая на вопросы, они быстро вели меня по коридорам и лестницам, поднимаясь все выше и выше. Я догадался, что предстоит разговор с их суровым господином. По дороге лихорадочно соображал, какую правдоподобную историю рассказать Верту, если тот начнет допытываться: кто я на самом деле и почему Диомед встретил моего двойника на одном из миров? Ничего толком не придумав, я решил говорить чистую правду — знать ничего не знаю! Тем более что так оно и есть.

После нескольких пролетов меня сдали с рук на руки Болку, который шепнул, чтобы я не дерзил господину, а потом провел меня в большой зал, на убранство которого я не обратил внимания, потому что запах, идущий от больших блюд на столе, напомнил, что я давно не ел.

Во главе стола сидели достойный Верт и его супруга, а по обе стороны на длинных скамьях располагались лица знакомые — наставник Линь, Диомед и владелец лидийского судна, с кривой улыбкой разглядывавший содержимое тарелки. Были также лица незнакомые, но очень неприятные, потому что многие из них свирепо смотрели в мою сторону.

Верт заметил меня, выпятил губы трубкой, а потом указал на крайнее место за столом.

— Большая честь! — прошептал Болк, удивленно округлив глаза.

Не знаю, как насчет чести, но еда и пиво были отменными. Я сидел тихо, опустив глаза, и орудовал ножом, а челюсти мои работали непрерывно, пока на блюде не остались одни лишь кости. Пристойно рыгнул. Что ни говори, живое мясо нежнее рощенного. Стало быть, Верт может себе позволить то, что не всякому чину в Микенах по средствам, даже с разрешения блюстителя жизни по настоянию лекаря. Нехорошо, конечно, что живое существо окончило свой путь в наших желудках, но мясо, однако, было вкусным.

После трапезы часть присутствующих ушли. Остались, как я заметил, все свои — Болк, Линь и Диомед. Мне достойный Верт тоже велел подойти к возвышению с двумя высокими табуретами, на которые уселись он и его супруга. И тогда я посмотрел наконец прямо в глаза наставнику Линю, неискусно изобразив, что поражен встречей.

Чинец даже бровью не повел, лишь отвернулся высокомерно. Диомед же, судя по закатывающимся глазам и зеленоватой бледноте щек, чувствовал себя прескверно — славное пиво киммерийцев хоть и не-

много его укрепило, но вчера явно он перебрал с угощением.

— Приветствую тебя, Тар, в моей скромной обители, — обратился ко мне Верт. — Прости, что вчера не смог достойно принять тебя. Хлопоты, суета, заботы спешные... Знаю тебя как доблестного гоплита. Тебя ждало возвышение, ты мог стать даже наставником, но скажи — многих ли ты знаешь воинов, достигших таких высот?

— По крайней мере одного, достойнейший, — не удержался я.

Верт перевел взгляд на Линя, который так и не одарил меня вниманием, хмыкнул и опять вытянул губы трубочкой.

— А скажи-ка, Тар, — снова заговорил он, — как долго ты собирался прыгать из мира в мир, в непрестанных битвах и схватках, при этом оставаясь в живых?

Меня так и подмывало брякнуть, что если меня не будут умыкать невесть зачем, то вполне можно и выжить. Но это точно сочли бы дерзостью. Поэтому я лишь развел благонравно руками.

— Вот именно, — удовлетворенно сказал Верт. — Служба гоплита трудна и неблагодарна. Наставник Линь охотно расскажет тебе, сколько на самом деле возвращается живых гоплитов. Ты возблаговаришь судьбу за нечаянный случай, который привел тебя к нам!

Я не был уверен, что чинец по своей охоте вообще захочет общаться со мной. Неприятно, когда твой обман, предательство, измена вдруг открываются тем, кому ты недавно буровил уши насчет доблести и чести. А то, что здесь пахло заговором и изменой высшей гнусности, сомнений не было. Только в чем была измена, я понять еще не мог. Не такой же Верт безумец,

чтобы идти войной на Высокий Дом или же отложиться! Гулять ему на воле после этого до ближайшего слугителя с паутиной на повязке.

— Между тем ты не юнец вздорный, чья голова кружится от подвигов ратных, — продолжал Верт, — тебе пора задуматься о том, как устроить свою жизнь, обзавестись семьей...

О, моя семья!.. Я не удержался от громкого вздоха, а достойный Верт замолчал и нахмурился.

Тут его супруга улыбнулась мне ласково и заговорила с ним на парсакане. Верт покачал головой.

Меня же прошиб холодный пот. Это тощая мосластая шлюха советовала мужу не утруждать себя попусту и отдать меня ее нукерам на забаву.

— Моя супруга, высокородная Гретте, тоже полагает, что тебе надо переменить службу, — сказал Верт. — Те, кто служит мне, ни в чем не нуждаются. Напротив, их достаток и благополучие — вот моя главная забота. Будь лишь верным мне, и я обеспечу твое будущее.

Ага, в противном случае отдашь нукерам! Я склонил голову и произнес как можно почтительнее:

— Почту за честь служить достойному господину. Но что, если хватились меня на Агапейе и отдали розыскным соратникам обнюхать мои вещи? До любого места дотянется карающая длань Высокого Дома.

— Давай скормим его медведям! — предложила госпожа Гретте, не забывая при этом улыбаться приветливо.

— Пусть это тебя не беспокоит, — утешил меня Верт. — Супруга мне напоминает, что ныне все мы числимся пропавшими во время бури. Катались на лодке, утонули, вот и все. А на длань Высокого Дома мне плевать!

— Или бросим его в прорубь, посмеемся! — не уни-
малась высокородная.

Если кроме меня и Верта кто-то еще понимал, о чем
говорит эта кровожадная дрянь, то виду не подавал.

— Все, что в моих силах, — выдавил я из себя дро-
жащими от ярости губами, — всем готов служить тебе,
достойнейший.

— Принимаю твое служение, — торжественно про-
возгласил Верт, а потом спокойно добавил: — Вот
прямо сейчас и начнешь! Поступай в распоряжение
нашего уважаемого гостя. Его слово для тебя все рав-
но что мое.

И с этими словами указал на Диомеда. Тот с тру-
дом выдавил из себя улыбку и что-то просипел. Болк
понимающе переглянулся с Вертом и, взяв с малень-
кого столика на изогнутых ножках большой кубок,
поднес его Диомеду. Тот гулко задвигал кадыком,
опустошая сосуд, а потом оглядел нас повеселевшим
взором.

— Осмелюсь заметить, — сказал он, — с Таром мы
поладим. Я его подучу, он у меня еще будет орудовать
масленкой как заправский помощник!

Эх, попадись ты мне несколько месяцев назад, я
бы тебя поучил вымбовкой по копчику, как орудовать
масленкой!

Что-то неладное все же творится в мире. С детства
я был приучен к незыблемому порядку вещей — внизу
черной работой заняты преступившие закон и Уста-
новление, чуть выше — работники из незнатных ро-
дов, над ними мастеровые и родовитые, еще выше —
знатные чины, управляющие всеми нами. Чины же от-
ветственны перед Высоким Домом. Ну а менторы сле-

дят за тем, чтобы и сам Высокий Дом не отступал от установлений, помогают советом и направляют соратников, сотрудников и всю прочую насекомую рать на пользу человеку. Наподобие этой пирамиды выстраиваются воины, торговцы, служители Дома Лахезис, земледельцы, рыболовы... Если развалится хоть одна из них, рухнет закон и порядок, воцарится хаос и безвластие, и ни одному блюстителю жизни не удастся остановить кровавую волну смертоубийств. Когда-то, в пору нашей дикости, человек убивал человека из прихоти. Нас учили, что нравы стали улучшаться с тех пор, как Проклятый Мореход с целью осмеяния и осквернения создал ложное чрево, сам забрался в него, но был пронзен достойным посланником Первого Ментора. После того как Троида где огнем и мечом, а где силой слова установила мир и порядок на всей земле, вот уже тысячелетия, как мы благоденствуем под ее могучей сенью.

И что я теперь вижу — людей похищают, жгут корабли, знатные роды готовы восстать против Высокого Дома, непонятные и зловещие события, свидетелем которых мне довелось стать, не редки, а повсеместны. Но мне ли быть строгим судьей! Сам хорош — мой долгий путь из Микен в Северную Киммериду так густо засеян преступлениями, что всходам их удивляться не следует.

Удивиться все же пришлось.

После полудня Болк отвел меня и Диомеда к башне, что возвышалась над ступенчатым замком. Однако нам не пришлось подниматься на ее вершину; в основании, сложенном из больших каменных глыб, оказалась потайная дверца, а оттуда пробитый в скале ход

привел в огромную пещеру. Свет, исходящий от стеклянных шаров, был ярким, резким, а когда глаза привыкли, то я замер с открытым ртом.

Поразили не чудовищные размеры пустоты в сердце горы, и даже не звездная машина, что возвышалась на грубо обтесанных плитах. И не тюки, ящики, короба, перевязанные веревками, бочки и кувшины, штабеля бутылок и бухты канатов, громоздящиеся вдоль стен, удивили меня. Но ввергло меня в изумление то, что среди этого добра стояли родильные чаны, которым здесь, среди камня и грязи, находиться не полагалось ни в коем случае. И ведь это были не чаны для соратников, а именно купели! При больших деньгах и еще большем безумстве можно соорудить одну или выкрасить... Но сразу несколько дюжин! Более того — судя по прямоугольным навершиям, укутанным в плотную серую ткань, из-под которой проглядывают свернутые в жгуты гибкие трубки, питающие устройства уже подключены к чанам!

Неужели достойный Верт разгромил и разграбил ближайший Питомник? Так ведь для этого понадобилась бы маленькая армия!

Заметив, что я отстал, Болк окликнул, подзывая к себе. Он запалил свечи в ручных фонарях, один взял сам, а другой отдал мне, заявив горделиво при этом Диомеду, что такую звездную машину он, наверно, не видывал. Затем он влез по приставной лестнице внутрь, а мы последовали за ним.

При виде того уродства, которое Болк назвал звездной машиной, мне хотелось плакать и смеяться одновременно. Пока Диомед важно разгуливал по машинному помещению, я смотрел на грубо склепанные листы, косо и криво укрепленные балки, на чуть

ли не проволокой стянутые тяги. Я боялся даже представить себе, как выглядят каморы совмещения, сработанные местными умельцами. Хотя конус вращения, кажется, выточен вполне прилично.

Диомед трогал рычаги, проводил пальцем по зубчатке и мрачнел на моих глазах. А потом выругался и сказал Болку, что на таком корявом барахле прямая дорога в самую серединку вонючего зиккурата.

— Так на то тебя, высокочтимый, пригласили, чтобы ты нам все устроил в лучшем виде, — ответил Болк.

— Пригласили! — фыркнул Диомед. — Я вам что — мастеровой?

Болк насупился и тяжело задышал.

— Ладно, — примирительно сказал Диомед, — только здесь возни дней на десять, а то и больше.

— Хорошо, — согласился Болк, — через десять дней и отправимся.

Вспыхнув, Диомед разразился бранью и стал тыкать во все стороны, показывая, где что надо выпрямить, где тросы натянуть, а где и вовсе заменить зубчатку, потому как колесо без трех зубцов может сгодиться лишь тупым киммерийцам...

Болк перебил разошедшегося Диомеду и попросил составить полный список всего, что ему понадобится. А подручных и мастеровых он пришлет, когда в них будет нужда. После этого он оставил нам свой фонарь и ушел.

Признаться, замечания Диомеда были толковыми. Хотя он явно не понимал, для чего верхние рычаги должны быть изогнутыми, а не прямыми, как эти, память его не подводила. А я вслушивался в его раздраженное бормотание и пытался сообразить, к какому же роду механиков он принадлежит. Судя по тому, что

конус он называл колпаком, тяги нитками, а суставы рычагов — шарнирами, это был скорее какой-то дустанский род. Но почему в его годы он всего лишь второй помощник?

Наконец Диомед замолчал и уселся рядом на кожух двигателя. Я подвинулся и осторожно сказал:

— Я-то думал, ты простой гоплит, а ты в этих премудростях разбираешься. Что же молчал?

Он засопел, но все же ответил:

— Ты лучше встань, а то мозги отсидишь! Сболтни я кому, что был механиком, первый же бдительный брат паутины спросил бы, а чего это я затесался среди вояк неотесанных. Понял?

— Наверно, все же сболтнул, если здесь оказался.

Диомед свирепо посмотрел на меня, потом хмыкнул и расплылся в улыбке.

— Угадал! Не пил, держался, а потом как загулял! Тут еще Болк начал меня убалтывать, вот я, кажется, ему что-то и брякнул. Так-то я обычно на выпивку крепок...

— С кем не бывает, — согласился я. — Интересно, а откуда Болк знал, что именно тебя надо убалтывать?

Он задумчиво потер лоб, нахмурился. Оглядел темные стены и кривые тени от свечей, взмахнул рукой, чуть не сбив фонарь и негромко хохотнул.

— А ведь и впрямь, откуда?

— Может, еще кто сбежал тогда... Кстати, ты не рассказывал достойному Верту о моем двойнике?

— Нет, нет... — Он покачал головой. — Он меня лишь спросил на корабле, разбираюсь ли я в звездных машинах. Поверь, я кишками понял, что неверный ответ его очень расстроит. А про ту историю мне и вспоминать не хочется, не то что рассказывать!

— Как тебя зовут на самом деле?

Диомед внимательно посмотрел на меня, пошевелил бровями, а потом вздохнул.

— Да какое это теперь имеет значение! Отладим эту рухлядь, будем живы и богаты, а не отладим, так сам понимаешь, люди здесь строгие..

Провозились в звездной машине до вечера. Фонари теперь висели по всей машине, а ящик со свечами оставили у входных створок. Еду приносили служанки, перекусить мы выбирались наружу. Я успел как следует осмотреться — пещера была очень большой, она уходила глубоко в гору, даже свет ярких шаров не проникал до конца. Медные провода, которые тянулись от светильника к светильнику, крепились к низким деревянным стойкам. Никакой оплетки или фаянсовых трубочек на них не было. Не завидую тому, кто по неосторожности ухватится за провод!

Серебряные и медные соты накопительных чанов в самой машине еще пусты. Не было на месте, разумеется, и толчкового репера. Между делом я невзначай спросил Диомеда, почему Болк назвал его всего лишь вторым помощником механика, тогда как он прекрасно разбирается во всех хитроумных устройствах. Тут я прикусил язык, но Диомед, в это время чуть ли не обнюхивающий поворотный круг с начеками углов, рассеянно ответил, что у них на «Кутхе» первым помощником был сам архимеханик М'зулу, так что все были на своих местах. Я пропустил это мимо ушей, радуясь тому, что он не насторожился и не поинтересовался, а откуда это простой воин, которому разве что можно доверить масленку, да и то не сразу, углядел, в чем он, Диомед, разбирается слишком хорошо

для второго помощника? Потом я сообразил, что «Кутх», судя по его рассказу, был звездной машиной для высоких чинов, а на таких быстрой выслуги не бывает.

Пару раз навевывался Болк. Он уважительно смотрел, как Диомед проверяет оси камор, потом исчезал. А перед ужином нас почтил сам достойный Верт, без супруги, но в сопровождении наставника Линя.

Вечернюю трапезу я разделил с Болком и мрачными неразговорчивыми киммерийцами. Они повеселели только после пятой или шестой кружки пива и стали хватать служанок за все, что привлекало их внимание, а там было на что поглядеть и потрогать. Я и выпил-то всего одну кружку, правда, размером с небольшой бо-чонок, но то ли от усталости, то ли от обилия всего, что сегодня на меня навалилось, вдруг понял, что ноги мои стали ватными. А потом обнаружил, что я навалился на здоровенную румяную служанку, которая тащит меня в спальню.

Она помогла мне раздеться, укрыла одеялом, а в ответ на мои слабые поползновения ущипнуть ее за грудь мгновенно скинула с себя одежду и нырнула ко мне под одеяло. От нее исходил такой жар молодого тела, что сонливость мою сдуло могучим ураганом.

Выспался я прекрасно, но утром рядом с собой никого не обнаружил. Потом разглядывал статных прислужниц, гадая, которая из них так славно меня ублажила. Помню только большие голубые глаза...

Следующие два дня мы не вылезали из машины. К этому времени от мастеровых стали приходиться нужные части. Зубчатые колеса Диомед сразу же отослал обратно, они были отлиты грубо, и заусеницы не сре-

заны. Рычаги он подвигал в суставах и остался ими доволен. Но вот с тягами он явно дал промашку, велел натянуть так, чтобы звенели. Я не стал говорить ему, что если попадем в мир, где холоднее, чем здесь, то они полопаются, лишь слегка открутил стопор, когда Диомед вышел наружу по нужде.

Верт теперь навевывался чаще, раза три или четыре за день, а Болк так вообще не покидал пещеру, следя, чтобы нам не мешали многочисленные слуги, перетаскивающие откуда-то из недр все новые и новые ящики и тюки.

После легкой трапезы Диомед ушел в мастерские, чтобы лично проследить, как шлифуют сцепные колеса. Во время кратковременного отдыха мы с Болком попивали слабое пиво. Я напрямую спросил его: не поведает ли он хоть немного о замыслах господина? А то у меня появилась догадка, что благородный Верт собрался бежать отсюда из-за каких-то недоразумений с верховной властью!

Болк так и замер с кубком у рта, потом медленно повел глазами по сторонам и, никого не обнаружив, осторожно поставил кубок на крышку накопительного чана.

— С кем ты еще успел поделиться своими догадками? — просипел он.

— Ни с кем.

— Во имя Создателя Глины! — воскликнул он. — И не делись! Не ровен час услышит господин Верт, и это ему не понравится. А тогда он может лишить тебя своего благоволения.

Я вздрогнул.

— Мне не хотелось бы лишаться его благоволения.

— Еще бы! Да и подумай сам, какие могут быть у господина Верта недоразумения с властью, когда он

сам власть — повсюду меж двух рек и одного моря. Тысячи людей повинуются его воле, он ведет их туда, куда сочтет нужным...

— Да, да, разумеется! — перебил я Болка. — Но как на это посмотрят в Высоком Доме?

— Откуда я знаю! — поднял брови Болк. — Господин сам вершит свои дела. А ты не забивай свою голову ненужными хлопотами. Твоя забота — помочь Диомеду, чтобы успели к сроку.

— А что, мало здесь мастеровых?

Болк нахмурился.

— Не утомляй глупыми вопросами. Мадо, много — тебе-то что? Дело не в мастеровых. Ты ходил на звездных машинах, а кроме господина, наставника и меня больше никого нет. Хоть ты и простой воин, а все же не озираясь, раскрыв рот на машину, так ведь?

— Вот оно что... — протянул я. — Теперь все понятно. Уж я не подведу, ты не сомневайся. Не будешь сердиться, если я спрошу, куда мы отсюда переместимся?

Он как-то странно посмотрел на меня, усмехнулся.

— Почему ты решил, что тебя возьмут с собой?

— Да по той же причине, что и к Диомеду приставили. Я был в деле, опыт есть, наставник мной доволен...

Удар по моему плечу был дружеским, но очень сильным.

— Ты прав, — улыбнулся Болк. — Тебя здесь не оставим. Никого не оставим, все уйдем.

Тут объявился Диомед и заявил Болку, что таких безруких работников он еще не видел и видеть больше не может. Зубчатку наконец отлили как полагается, отшлифовали колесо как надо, да только отверстие под

втулку рассверлили криво, не по оси. Теперь все придется заново делать, а это еще полдня, если не больше.

Глаза Болка налились кровью, он даже ругаться не стал и молча ушел в мастерские. Мы с Диомедом принялись вымерять углы третьей каморы. Углы сошлись, и он повеселел: если расхождение станет заметным глазу, это уже возня на много дней. Между делом я спросил его, сколько ходок выдержит, по его мнению, эта машина. Он не понял вопроса. Как же ему объяснить, что через каждые две дюжины ходок заново выверяются лекалами объемы камор совмещения? Этого мне знать не полагалось, поэтому я не очень складно соврал, что крепления не очень надежны, балки проржавели, могут не выдержать, если при переходе тряхнет.

— Почему это должно трясти? — удивился Диомед. — Там, куда мы отправимся, давно все расчищено и утрамбовано. Эта машина только на вид кажется рухлядью. Я вчера узнал от нашего хозяина, что на ней уже сотню ходок делали, если не больше.

Это была интересная новость. Да еще слова Болка...

— Господин Верт решил уйти отсюда со своим нарядом?

— Да народ-то почти весь ушел, — ответил Диомед. — Только Верт остался да еще несколько поселений. Они сейчас уже подтягиваются к замку. Мне тут рассказали, что месяца три шла переправка людей и грузов, потом что-то с машиной стряслось, оборвались нитки тяговые, разладились каморы. Вот господин Верт лично и записался в гоплиты, чтобы тайно найти механика, да только никак ему не улыбалась удача. Ну а там я и подвернулся.

— Куда же делись прежний механик и помощники его?

— Говорят, нитками порезало, — неохотно выдавил из себя Диомед и полез по скобам наверх, к реперным растяжкам.

Страшная вещь, когда рвутся тяговые тросы. В них вплетены для прочности тонкие стальные нити, и когда разлохмаченные концы разлетаются по тесному пространству машинного помещения, края нитей режут тело на ломти. При мне однажды такое было — полетела тяга во время наладки двигателей и отсекала напроць кисть одного из подручных Варсака. Легко, отделились...

Наконец мастера справились с зубчаткой и мы заменили колеса. Диомед объявил, что управились на день раньше срока, и можно отбывать хоть сейчас. Господин Верт, не скрывая радости, сам обошел все закоулки машины, задал пару уместных вопросов и, не дослушав пояснений Диомеда, распорядился поставить четырех стражников, по одному на каждую грань. На входные же створки навесили большой винтовой замок, ключ от которого забрал Болк. В то время я не понял, к чему такие строгости — случайных людей в замке вроде нет. Хотя чуть позже, возвращаясь в свою комнатенку, я заметил, что народу в помещениях стало больше, в трапезной не осталось ни одного свободного места, а по коридорам и лестницам бегают дети, много детей.

По случаю завершения работ учинили славный пир. Диомед настоял на том, чтобы и меня пригласили в господский зал. Я тихо ковырялся в золоченой миске с омерзительной на вид, но очень вкусной квашеной рыбой. Рядом со мной сидел рыжеусый великан, кото-

рый ведал стражниками, а напротив расположился наставник Линь.

Заметив его неодобрительный взгляд, я дождался перемены блюд, когда пиво слегка развязало языки, и спросил его напрямик: в чем причина такой враждебности? Раньше он не гнушался разговаривать со мной, даже намекал на покровительство...

В ответ чинец холодно ответил, что раньше мы были связаны иными отношениями, и он, как наставник, исполнял свои обязанности в лучшем виде. Теперь в этом нет нужды, поэтому он обращается ко мне как высший к низшему. Так долженствует, иначе люди не будут знать свое место, исчезнут устремления и никто не будет тяготеть к совершенству.

— Это ты верно заметил! — вмешался рыжеусый. — Вот у меня стражник был, лентяй и пьяница. Пообещал я ему, что назначу десятником, и он целую неделю не пил, подтянулся...

Линь наставительно поднял палец и глянул на меня значительно, словно хотел убедиться, постиг ли я смысл его слов. Мне показалось, правда, что при этом у него дрожали уголки губ.

— Так он стал десятником? — спросил я рыжеусого.

— Кто?

— Ну, стражник этот...

— А-а, нет, не успел. Госпожа Гретте его медведям скормила.

Я чуть не подавился куском рыбы.

— Веселые у вас тут нравы, — пробормотал я.

— Так ведь он ей на ногу наступил, увалень такой, — добродушно пояснил рыжеусый.

На господской половине стола между тем шумно поднимали кубки и кружки во славу замыслов госпо-

дина Верта, за самого господина, за его супругу, а когда очередь дошла до племянников и племянниц, языки гостей уже заплетались.

Краем уха я слышал разговор госпожи Гретте со своим мужем. Речь шла, судя по обрывкам фраз, о том, что господин Верт плохо относится к некоему Плау, тогда как означенный Плау, так много сделавший для великого дела, подвергает опасности свою драгоценную жизнь, а ныне остался без поддержки. Верт лениво отвечал на парсакане вперемешку с непонятными словами в том смысле, что он очень даже ценит Плау и непременно выяснит, кто подрезал тросы, а насчет поддержки пусть любезная супруга не изволит расстраиваться, звездная машина уже готова, как только ее загрузят, так с утра пораньше и отправит, а сам возглавит первую ходку.

Судя по тому, как он споро осушал кубок за кубком, подумал я, вряд ли это будет раннее утро. Я надеялся, что теперь-то меня беспокоить не будут, выплюсь на славу. И ошибся.

Проснулся от сильной тряски.

Спросонок мне показалось, что я лежу у себя дома в Микенах, рядом со своей ласковой супругой, а трясет нас легкое землетрясение, нередкое в наших краях. Разлепив веки, я обнаружил, что рядом со мной никого нет, а надо мной возвышается Болк в полном гоплитском облачении и бьет ногой по кровати.

— Вставай, ратник, тебя ждут слава и бабы! — жизне-радостно вскричал он и снова пнул по ножке кровати.

Застонав, я закрыл глаза и попросил славу оставить себе, остальное прислать сюда чуть погодя, когда вернутся силы после вчерашней пьянки.

— Не пьянки, а пира! — поправил Болк, вытряхивая меня из-под теплого одеяла на холод.

В трапезной я успел перехватить горячей похлебки, густо заправленной пряностями, и сразу почувствовал себя лучше.

Господин Верт взобрался на ящик из-под свечей и громким голосом отдавал распоряжения. Был он весел и свеж, как майское утро, словно и не пил вчера. В распахнутой створке возник Диомед и поманил меня к себе. Мы нырнули в машинный отсек. Над головой раздавался тяжелый топот, крики, треск и грохот.

— Сейчас я покажу тебе, куда надо заливать масло, — важно объявил мне Диомед. — Лей сюда, сюда и вот сюда. Если справишься, со временем поручу следить за нитками.

Залей его себе в задницу, хотел сказать я, но, естественно, промолчал. Надо уважить механика, глядишь, и впрямь доверит тяги!

Вчера о них говорил, кажется, Верт... Вспомнил! Мне стало дурно: какая-то гадина здесь тяги подрезала, вот откуда нужда в механике! Я прошелся вдоль стен, осматривая тросы, но ничего подозрительного не заметил. Диомед поднял голову от конуса и велел не суетиться.

Масленку я нашел в углу, за кожухом двигателя. Облил маслом суставы рычагов. Потом глянул в сторону Диомеда и, чтобы немного развлечься, сунул было длинный носик масленки в прорезь для вымбовки.

— Вот этого не надо делать! — Он поймал мою руку и отвел масленку в сторону.

На миг он сдвинул брови, подозрительно глянул на меня, но потом пожал плечами и велел смазывать лишь там, куда он укажет.

— А сюда, — добавил он, указав на отверстие, — вставляется поворотный ключ. Если попадет масло, может выскочить в самое неподходящее время.

Сказал и впился в меня глазами.

Надеюсь, ничего не разглядел. Одна из любимых шуток механиков — смазать вымбовку, а когда она выскочит из ладони помощника, посоветовать ему зажать в кулаке кое-что поменьше и пошершавее.

Вскоре мне стало не до шуток. Вдвоем нам придется делать работу четверых. Как бы похитрее намекнуть Диомеду, чтобы он взял хотя бы одного толкового на подмогу? И еще я хотел спросить, кто же у нас за кибернейоса, но не успел — захлопали створки, зычный голос господина Верта эхом отозвался в машине, и мы начали подготовку к перемещению.

К чести Диомеда будет сказано, что себя он не жалел. Резво скакал по всему отсеку, успевая следить за положением рычагов и балансиров, доворачивал конус, следуя указаниям Линя — судя по голосу, именно он заступил на место кибернейоса, — и не успел я вытереть пот со лба, как мы совершили переход.

Звонко отскочили створки люка, радостно закричали наверху, а голос Верта перекрыл всех. К нам спустился наставник Линь с маленькой табличкой, отдал ее Диомеду и велел не мешкая готовить машину к вращению.

— Ну а после этого можете выйти, посмотреть на мир Ванхасс, где проведете остаток своих дней в покое и довольстве, — милостиво разрешил он.

Насчет довольства не знаю, а вот с покоем неувязочка вышла!

Много я видел миров. Этот был не лучше и не хуже других. Серое небо, красноватое светило, горы, а жел-

тое и зеленое на склонах, наверно, леса. Воздух неплох, только отдает легкой горечью, словно неподалеку жгут палую листву.

Машина оказалась на большой поляне, окруженной со всех сторон редкими тощими деревцами с причудливо изогнутыми ветками. Часть грузов уже вынесли и свалили в кучу на жухлой траве.

Господин Верт и наставник Линь что-то озабоченно разглядывали в траве.

— Здесь весной красиво, — сказал Болк, заметив кислое лицо Диомеда, разочарованно нюхавшего воздух. — А какое здесь пиво из шишек! погоди, сейчас придем в городище, вмиг повеселеешь. Лучшие девки нас ждали!

Он глянул по сторонам, почесал нос и нахмурился.

— Что-то не припомню я этой поляны, — задумчиво протянул он. — Вроде площадка на околице была, там, где основание крепости заложили. Правда, за год без нас много чего могло стрястись...

Господин Верт подозвал Болка, потом к нему подбежали еще двое. Они нагнулись к самой траве, словно обнюхивали ее. Я подошел ближе. Мне сунули под нос бесцветную травинку с бурыми точками на ней и спросили, не умею ли я читать следы.

Следы я читать не умел. Верт крикнул что-то, и на поляну из машины высыпали десятка два человек, вооруженных пиками и клинками. У двоих были даже ручные метатели.

Диомеду велели забираться обратно в свой отсек и не вылезать ни в коем случае.

— В чем дело-то? — тихо спросил я Болка.

— На этом месте кого-то ранили, а может, и убили, — нехотя ответил он. — Да и место вроде бы не то...

Люди Верта разбились на отряды по три-четыре человека и скрылись за деревьями. Оставшимся велено было разгрузку прекратить и от машины никуда не отлучаться. Сам господин Верт устроился рядом со створками, а наставник Линь подсел к нему. Они разговаривали очень тихо, потом чинец забрался в машину, а Верт прислонился спиной к обшивке и закрыл глаза.

Не знаю, сколько времени я бесцельно шатался вокруг машины, разглядывая редколесье, которое медленно обволакивала белесая дымка, смотрел на далекие горы — их белые купола виднелись далеко на горизонте. Неужели здесь обрету я свой дом? Впрочем, прохлада этих мест куда приятней холода Северной Киммериды.

Вдруг господин Верт вскочил, а за ним поднялись и другие. Со стороны леса слышались голоса, а потом из-за деревьев вернулись трое, а с ними был кто-то чужой. Разведчики привели с собой еле живого человека в лохмотьях и обросшего волосами наподобие вольного зверя.

При виде господина Верта глаза этого человека блеснули, он вырвался из рук и распластался перед Вертом.

— Господин, — прохрипел он. — Измена, господин!

Замок уподобился растревоженному муравейнику. Слуги и стражники носились по лестницам, умудряясь при этом не сворачивать себе шеи на крутых ступенях. Поселян загнали в амбары и заперли, чтобы те не путались под ногами. Рык господина Верта, слышный, наверно, повсюду, вызывал дрожь в коленях и слабость в желудке. Очень сердит был господин Верт после нашего возвращения.

Так быстро улепетывать доводилось мне лишь однажды, когда черная жижа грозила нас поглотить. Теперь же угроза была иного свойства.

Лохматый человек оказался доверенным оком господина Верта. Он прожил несколько месяцев в землянке, питаясь кореньями и всякой тварью, которую удавалось поймать. Тому были причины...

Воспользовавшись отсутствием господина Верта, несколько поселений взбунтовались и вышибли его наместников, объявив, что Верт исчез навсегда, бросив их здесь на медленную гибель. Доверенный успел выкрасть толчковый репер. Он спрятал его на поляне, справедливо полагая, что когда вернется господин, то в городище его встретят неласково.

Об этом мне шепотом рассказал Болк. Мы жались к стенам господского зала, в то время как доверенный и Верт шептались у окна. А потом господин Верт расшвирипел и заорал на свою супругу, да так страшно, что всех вынесло из помещения.

Не отходя далеко от двери, я слышал, как он на дурном парсакане втолковывает госпоже Гретте, кем оказался ее разлюбезный братец Плау, и что теперь-то все стало ясно, для какой надобности этот хлыщ плюгавый втянул его, Верта, в смертельную затею.

Когда он выдохся, настал черед госпожи Гретте. Ее пронзительный голос напугал еще больше, потому что никто из слуг не знал причину ее гнева. Самые отважные, что еще оставались у дверей зала, исчезли, словно их и не было, и я остался в одиночестве.

А госпожа Гретте между всхлипами поведала рыдающим голосом своему супругу о том, как она своими слабыми пальцами вырвет глаза у милого брата из глазниц и затолкает их в его поганую задницу, чтобы мерза-

вещ больше не позорил ее славный род своими бесстыжими предательскими очами. И тут же спокойно добавила, что надо снять огнеметные меха с дальнеходов и перенести их в звездную машину, потому что бунт надлежит подавить быстро, а бунтовщиков покарать беспощадно.

Господин Верт поблагодарил супругу за бесценный совет и сказал, что оставил надежных людей на Ванхассе, чтобы те охраняли бесценную пирамидку, а в ответ госпожа Гретте поинтересовалась, где и когда он встречал верных людей...

Два дня ушло на снаряжение карательного похода. Дел у меня было немного, потому что к Диомеду приставили двух крепких парней, а мне велели за ними присматривать, чтобы те по недомыслию ничего не сломали. Наставник Линь, заметив, что Верт ко мне благоволит, тоже подобрел и даже пару раз снисходил до разговоров.

Этим вечером я увидел его оживленным, даже радостным. Он приветливо кивнул мне, а потом сказал, что задержка обернулась ему во благо, и его приемная дочь наконец-то прибыла в замок. Издалека я разглядел крупную девушку, непохожую на чинку. Линь представил ее господину Верту, а потом они удалились.

Немного погодя я увидел их в коридоре близ трапезной. Время было позднее, почти все уже спали, набираясь сил для завтрашнего вразумления непокорных. Девушка оживленно разговаривала с наставником, а когда я проходил мимо, глянула мельком и встала, как на стену наткнулась.

Я тоже остановился. Девушка схватила наставника за руку и что-то шепнула ему. Линь покачал головой и рассмеялся. Она топнула ногой.

— Не сочти за глупую шутку, Тар, — обратился ко мне наставник. — Моя неразумная дочь Чопара уверяет, что знакома с тобой. Можно ли мне посмотреть на твое левое запястье?

До меня еще не успела дойти нелепость его просьбы, а он шагнул вперед и задрал холщовый рукав одеяния. На моем запястье до сих были заметны белые рубцы от шипов строгой перчатки.

Рука Линя задрожала, он выпустил мою ладонь и сказал дрожащим голосом:

— Не отвечай мне, если на то нет твоей воли. Но во имя справедливого Неба, не ты ли был восприимчивом последнего дыхания Того, чье имя я не могу называть?

Вспомнил! Так вот почему густые черные волосы девушки мне так знакомы!

— Ты здесь для того, чтобы убить меня, Чопара? — спросил я, отступая назад.

— Мы здесь для того, чтобы служить тебе! — глухим и низким голосом произнес наставник Линь.

И с этими словами он вдруг рухнул на колени передо мной, припав головой к моим ногам. Я растерянно посмотрел на Чопару, но обнаружил, что и она тоже пристроилась к наставнику у моих ног.

Глава десятая

Деяния Лаэртида

Боги, вздумите молодого базилея, мысленно зывал Арет, в то время как сам он молча сидел рядом с Одиссеем, вслушиваясь в неторопливую беседу. Странны были речи правителей, еще страннее — слова лысого Родота. А когда предложили базилею принять бразды правления, и вовсе растерялся старый воин. Неужто не видит ловушки базилей! Стоит дать слабину, как им начнут пользоваться всю Родот и его сумеречные дружки, что стоят мрачно у стен и ждут, когда добыча сама влезет в паутину. Видно же, что не правители здесь хозяйничают, а этот плешивец всем заправляет, остальные так, для отвода глаз.

Совсем худые времена настали, сокрушался про себя Арет. Будь здесь старый базилей, сразу бы раскусил хитроумцев, придумал бы, как выбраться отсюда. Но увы, давно уже отошел от дел мудрый Лаэрт, вверив сыну Итаку. Не вовремя Менелай свару затеял! Только-только юному базилею жена родила сына, как покинул Одиссей свой дом, чтобы не было урона чести. Впрочем, этим он весь в отца! И того никто не гнал силой в давнее, уже многими позабытое плавание к Дикому Берегу за руном. Довелось и ему тогда плыть вместе с отважным Лаэртом и его веселыми приятелями, что откликнулись на призыв Ясона...

Славно начиналось плавание, да закончилось скверно. Иных убило в пути, кто пропал без вести, были и такие, кто повернул назад. Арет помнил одного мускулистого бычка, который хвастал все время, что он, мол, полубог, а когда дело уже запахло доброй сечей, вдруг заявил, что в другом месте его ждут подвиги великие, и сгинул. А Ясону не надо было ту дикарку с собой брать! Может, и не врут гадириты, что через баб собирались царствами ворочать? Раз про Елену такое говорят, кто знает, вдруг и Медею они сотворили! Известно ведь, что не зря ее отец так гневался — обещана была она какому-то могучему воителю из борисфенских степей, имени которого Арет уже не помнил.

Встреча закончилась, всех обнесли неприятным вином, от пары глотков которого стены вдруг перекошились, настроение вмиг улучшилось, захотелось одновременно есть, пить и щупать местных баб. Силенки-то еще хватает, не зря в молодые годы он был прославленным борцом в панкратионе!

А потом Арет проснулся от рези в животе и громкого разговора над головой. Метнулся в укромный закуток и, облегчив желудок, вдруг увидел, как сдвинулась круглая крышка в потолке и оттуда прыгнул полуголый человек с завязанными в косицу волосами.

Юного Полита оставили в первой комнате за входом, чтобы он предупредил, если объявится кто-либо из гадиритов.

Незнакомца освободили от пут и отвели в дальние покои. Арет встал за его спиной с обнаженным мечом. Кто знает, что на уме у новоявленного брата Калипсо?!

Получив обратно свои ремешки, Филотий принес остатки вчерашнего ужина и немного вина. У брата

при виде жалких кусочков мяса на костях и недоеденных овощей разгорелись глаза. Было заметно, что он едва сдерживает себя, чтобы не наброситься, как зверь, на пищу. Руки его, однако, дрожали, когда он пристойно утолял свой голод. Потом заговорил...

Имя его было Седдер — по крайней мере так слышалось Арету, когда нимфа пересказывала базилею все, о чем поведал ее внезапный родич.

Если верить его словам, а сомнение все же проскальзывало в голосе Калипсо, он и впрямь является сыном Плейоны. Нет-нет, предвосхитила она вопрос, у них не было одного отца. Как, впрочем, не было и разных, добавила она еле слышно. Арет не понял, о чем идет речь, но Медон понимающе кивнул.

Вскоре после побега Плейоны и тех, кто последовал за ней, на плавающей горе воцарилась смута. Многие хотели высадиться на сушу, дабы заложить город сильный, а уж потом приступить к осуществлению великих замыслов. Но усомнившихся беспощадно карали, справедливо усматривая в их поползновениях откровенное посягательство на власть правителей.

— Я не заметил, чтобы они цеплялись за власть, — сказал базилей. — Скорее, они торопятся отдать ее любому удачливому гостю.

Калипсо что-то спросила у брата, у того брови полезли на лоб, он зачастил словами, Калипсо ответила, а потом пояснила базилею.

— Седдер не понял, кого ты назвал правителями. Он говорит, что истинные правители нынче те, кто ведает хранилищами знаний.

— Ага! — вскричал Арет, но осекся, заметив строгий взгляд базилея.

Калипсо добавила, что ее брат считает себя единственным законным наследником царского трона гадиритов.

Старый воин убедился в своей правоте, но это его не радовало. Чутье подсказывало, из-за этого плечистого молодца дерьма наплывет выше головы, а ежели его обнаружат здесь, то как раз на голову всех и укоротят. Эх, знай он тогда, кто ему на голову свалился, да будь у него с собой меч — отправил бы смутьяна в дыру маленькими кусочками.

Между тем Калипсо поведала о том, как умилили недовольных, а затем всех, кто уцелел, обратили в рабство без различия пола, возраста и былых заслуг. С тех пор Седдер и обретается во тьме нижних ярусов. Но с годами он оброс верными людьми, которые знают, кто он на самом деле, и кому дороги заветы Гадира и наставников его.

Дождавшись благоприятного стечения обстоятельств, Седдер сбежал из-под стражи и тайными ходами добрался сюда. Удача вела его, а встреча с сестрой — благоприятный знак, сулящий успех. Трех-четыре-х воинов хватит, чтобы нанести внезапный удар и, перебив стражу, освободить его товарищей. Тогда все решится мгновенно. Он уверен, что помощь спутников его сестры вполне уместна, а в случае победы награда окажется достойной трудам.

— О какой награде он говорит? — спросил базилей.

— Если ему удастся захватить власть, Седдер обещает нам свое благоволение, — ответила Калипсо, слабо улыбнувшись. — Он собирается подбить рабов на бунт.

— Лихой у тебя брат, — нахмурился Одиссей. — На такое злодейство не всякий разбойник решится!

Доселе молчавший Медон наклонился к базилею и шепнул ему на ухо что-то. Базилей удивленно выслушал его и вновь обратился к Калипсо:

— Спроси его, каким оружием сражаются гадириты?

Седдер выслушал сестру, обвел глазами комнату и, сказав что-то, указал на лук, стоящий в изголовье ложа базилея.

— Он говорит, что хоть мощь их оружия велика, но хороший лучник не подпустит к себе никого ближе десяти шагов, а оттуда его не достанет огненный бой.

— Видел я, как сожгли огнем беглых рабов, — сказал Медон. — На десять и на двадцать шагов мечет пламя огненное копьё. Но не в том суть! Рабов на бунт подстрекать — преступление не только перед людьми, но и перед богами.

— Скажи ему так, — проговорил базилей. — Мы рады встрече с братом нашей Калипсо, но что касается права его на трон — негоже гостям вмешиваться в дела хозяев.

В ответ Седдер что-то процедил. Надменное выражение его лица не понравилось Арету.

— Он благодарит за участие... — Щеки Калипсо слегка порозовели, она замялась.

Базилей мягко сказал ей:

— Не скрывай его слов, даже если они обидны!

— Седдер понимает твоё опасение за свою жизнь и зла не таит, поскольку одним дано сражаться, другим стареть у очага.

Одиссей даже бровью не повел, лишь скривил губы, сдерживая улыбку, и так же мягко продолжил:

— И еще скажи, что нет мне резона биться за возвышение беглого раба, когда мне самому предложен трон гадиритов.

Вскочил с места Седдер, полетели в разные стороны поднос с едой и кратер с вином недопитым. Замахнулся он кулаком на базилея, но в тот же миг Арет, не поднимаясь, сильным ударом ноги в бедро свалил наглого раба на пол. Медон тоже не растерялся и, выхватив короткий меч, прижал его к горлу Седдера. Тот метал глазами огненные стрелы, но резких движений не делал.

— Удавить его, и в дырку! — посоветовал Арет базилею.

— Что скажешь? — обратился базилей к Калипсо.

Нимфа лишь пожала небрежно плечами.

— Может, он и впрямь мне брат, а может, врет складно. Если он стоит у тебя на пути, воля твоя: обойти его или уничтожить.

Базилей глянул на поверженного, задумчиво огладил бороду и покачал головой. Арет от досады аж крикнул. Надо кончать беглеца, а не раздумывать долго!

— Не пойму я, — вполголоса обратился Арет к нимфе, — если он сын твой матери, то почему она не взяла его с собой, когда отсюда сбежала? Выходит, самозванец, а?!

— Он родился после того, как Плейона покинула эту плавающую гору, — таким же тихим голосом ответила Калипсо. — Если ты приглядишься к нему, то заметишь некий изъян.

Арет вытаращил на нее глаза. Вопросы готовы были посыпаться с его языка, но тут заговорил базилей.

— Жизни лишать его мы не вправе. Пока мы здесь гости, он для нас лишь раб чужой. По всем законам полагается вернуть его хозяину, но поскольку он родич Калипсо, мы его отпускаем. Пусть нас он покинет, а там, как ему повезет.

— Эх! — только и сказал Арет.

Потом легко поднял Седдера и повлек к выходу, не обращая внимания на его злобные взгляды.

Полит, стоявший на страже у порога, увидел, как старый воин тащит, ухватив за косицу, их незваного гостя, и отскочил в сторону. Арет высунулся в коридор, посмотрел, нет ли там кого, обнаружил, что он пуст, и пинком вышиб Седдера из покоев. Тот улетел к противоположной стене и чуть не врезался в одну из больших ваз, украшавших коридор. Однако мгновенно вскочил на ноги, огляделся, показал Арету два сцепленных крючком больших пальца и, нырнув в тень, исчез за статуей многорукого бога. Старый воин вздохнул разочарованно. Вернувшись в комнату базилея, услышал его слова, обращенные к Калипсо.

— Неприятный у тебя братец, однако!

Ответ прекрасной нимфы снова удивил Арета.

— При большом желании таких братьев здешние мудрецы могут вырастить хоть тысячу тысяч.

Задумался базилей, хотел еще что-то сказать, но тут в разговор вмешался Медон.

— Сомневаюсь, что ныне им такое под силу.

— А ты откуда знаешь? — нахмурилась Калипсо. — Опять привиделось во сне или голоса богов поведали тебе великую тайну гадиритов?

Рассмеялся Медон, но невеселым был его смех.

— Нет, прекрасная, на этот раз мне самому довелось увидеть гнезда, в которых высиживают людей.

И он рассказал о беседе с Родотом, который показал ему удивительные яйца, из которых вылуплялись не птенцы, но люди, о своем нисхождении в темные глубины плавающей горы, о том, при каких обстоя-

тельстввах ему довелось увидеть оружие гадиритов, и как удалось Седдеру избежать гибели.

— Теперь мне понятно, что замыслы о великом царстве родились в умах мудрецов, — завершил Медон свой рассказ. — Кому, как не хранителям, знаний нужен покой и порядок, тогда как вождям и храбрецам хочется свары кровавой, добычи и славы. А для учебных занятий и тихих бесед нужна сильная власть, и желательно, чтобы повсюду.

— Ради бесед своих тихих готов ты признать власть гадиритов над Земом? — сердито буркнул Арет. — Ну, извини, только я полагаю, что наш базилей не позволит хозяйничать им на Итаке!

Медон посмотрел на Арета, перевел взгляд на Одиссея и вдруг, рассмеявшись, промолвил:

— Так ведь сам Одиссей будет царить повсеместно! Не скрою, мне более это по нраву, чем власть гадиритов или даже правителя Зема.

— Дело осталось за малым — уговорить базилея, — ответил Арет. — Ну а как быть с Родотом?

— Почему тебя он беспокоит? — удивился Медон. — Я думаю, с Седдером хлопот будет больше.

— Не будет! — отрезал старый воин. — Если на базилея ополчится, тогда или он нас, или мы его, вот и все хлопоты. А твой лысый дружок, небось, в советники метит?

— С чего ты решил, что он друг мне?! — возразил Медон.

Он хотел что-то еще сказать, но смолчал, задумавшись. Арет видел, какая в нем идет борьба — с одной стороны, и впрямь здесь всем заправляют мудрецы, хранители знаний, а с другой — кто мешает ему, Медону, войти в их число?

— Если будет угодно богам, то приму я трон гадиритов, — сказал Одиссей. — Но кто знает волю богов? Что означает появление и исчезновение брата Калипсо — знак ли это худой или добрый?

Много вопросов стал задавать базилей, загрустил Арет. Раньше он не был таким говорливым. Молча вершил свое дело и лишь после гадал, угодно оно богам или нет. Вроде годы его не согнули, крепка рука и глаза острые, а все ж постарел базилей.

Цепляясь за стены, в комнату пробрался Ахеменид.

— Не знаю, о чем вы тут говорите, — угрюмо сказал он, — но не пора ли нам поесть, отважные воители?!

— И то верно, — отозвался из-за полога соседнего покоя Филотий, который помогал маленькому Латину соорудить из покрывала шатер походный. — Такое небрежение их будущему царю может дорого встать. Вот назначит меня базилей хранителем дома, живо гадириты жирок свой растрясут!

— Где ты здесь видел тучных людей? — спросил Арет.

За стеной слышались легкие шаги, в комнату вбежал Полит и сообщил, что по коридору только что прошеествовал отряд вооруженных пиками гадиритов, а за ним другой. Когда он выглянул наружу, то увидел, что у развилки коридора остались трое воинов в латах.

Одиссей поднялся с ложа и приказал Филотию отвести Калипсо и детей в дальнюю комнату и слепого с собой взять. Арет же проскочил анфиладу комнат и замер у дверного полога, прислушиваясь. Затем подал знак Политу, что последовал за ним, откинуть плотную ткань, расшитую красными и синими полосами. Юноша осторожно ухватил за край и приподнял ее.

За дверью никого не было. Арет вытянул клинок из ножен и шагнул вперед. Он встал посередине прохода

и огляделся по сторонам. И впрямь, в конце коридора в свете масляных плашек блеснули латы. Над головой загудело, зазвенело, словно по металлическим плитам пробежал отряд воинов. Арет поднял глаза и поморщился — вытянув руку с мечом и слегка подпрыгнув, можно достать до потолка. Затем шаги наверху смолкли, лишь слабый прерывистый звук гонга шел откуда-то из глубины плавающей горы.

Подошли базилей и Медон. В руке Одиссея был его грозный лук, за спиной висел колчан, а Медон вооружился коротким мечом.

Неподалеку от статуи многорукого бога открылся проем. Оттуда один за другим вышли четыре воина и пошли в их сторону. У троих были длинные тонкие клинки, а в руках последнего — копье со странным утолщением на конце.

Они подошли к покоям базилея и окружили Арета. Гадирит в серебряных латах повелительно что-то произнес, в ответ старый воин презрительно посоветовал ему говорить по-человечески, а не квакать. Тот, что держал копье с неким подобием маленькой амфоры вместо острия, бросил взгляд в сторону базилея, заморгал и торопливо сказал что-то гадириту в серебряных латах.

Обладатель серебряных лат внимательно посмотрел на Одиссея, перевел взгляд на Медона, затем опустил клинок и увел свой отряд в другой конец коридора.

— Странное копье, — сказал базилей, глядя им вослед.

— Это не копье, — тихо пояснил Медон. — Таким вот оружием на моих глазах сожгли взбунтовавшихся рабов.

— Не наш ли незванный гость суматоху учинил? — спросил Арет. — Как бы с нас не спросили за укрывательство беглого раба!

— Кто спросит? — сердито отозвался Медон.

— А вот твой мудрец спросит... Смотри-ка, сам и пожаловал!

И впрямь, к ним шел Родот в сопровождении гадирита в серебряных латах. Родот сутулился и беспокойно крутил головой по сторонам. При виде базилея и его спутников он облегченно вздохнул и ускорил шаги.

— Не угодно ли будет славному Одиссею подняться в верхний чертог? — спросил Родот. — Пока внизу мы наводим порядок, там, в зале правителей, самое безопасное место.

— Базилею не к лицу избегать опасности, — ответил Одиссей. — Но кто угрожает вам?

— Горстка смутьянов, недостойных вашего внимания, — нахмурился Родот. — Рабы захватили нижние ярусы. Скоро их загонят на место, зачинщиков казнят. Однако жизнь правителя настолько драгоценна, что мы не можем допустить, чтобы на нее пала даже тень опасности.

— Пока я не дал согласия... — начал было базилей, однако Родот, учтиво склонившись, но твердо прервал его.

— Не время сейчас, о правитель, блюсти уместный ритуал отказов и уговоров. Твой долг прямой взять бразды в крепкие руки, иначе хаос поглотит наш островок разума среди моря дикости. Идем же, а о людях твоих позаботится доблестный Заксан.

— Без спутников своих никуда не пойду! — отрезал базилей. — И почему, ответь, ко мне ты обращаешься, тогда как правители, наверно, ждут твоего совета?

Родот снова наклонил голову в поклоне.

— Твое повеление исполняется! Прошу вывести всех из покоев и подняться наверх. А кроме тебя, нет здесь иных правителей.

— Куда же они делись? — удивился базилей.

— Передушили их согласно обычаю, — равнодушно ответил Родот. — Когда ты не ответил отказом, это было сочтено решением.

Арет и Одиссей обменялись взглядами, базилей кивнул, и старый воин пошел в дальние покои, ругаясь вполголоса. Ловко подвел базилея лысый мудрец к трону, теперь и не откажешься! И ведь не успел Одиссей согласием ответить, как Родот уже наставляет и направляет! Нет, с этим надо быстро порешить, как только порядок здесь воцарится. Мудрецов сразу же отправить к их гадиритским богам, пока чего не умудрили. Не знают они еще базилея! Хоть и сдал он, мягок стал нравом, а в хитроумии все же никому не уступит. Самому, конечно, придется сесть одесную базилея и воинскую силу под себя подвести, Медон займет место мудрецов, Филотий разберется, как гору к Итаке наставить...

Арет поймал себя на мысли, что уже распределяет, кого куда пристроить, и усмехнулся в бороду. Великие дела и ему вскружили голову, да только неизвестно, как на это посмотрит Одиссей! С другой стороны, на кого еще ему опереться, как не на своих!

На вершину плавающей горы они поднимались иным путем. Их теперь вели не широкими коридорами и пологими лестницами, как ранее на встречу с правителями, а узкими темными переходами и по крутым ступенькам, которые прогибались и мерзко скри-

пели под ногами. По мере восхождения Арет все больше и больше мрачнел. Здесь не было ковров и украшений на стенах, видно, как давно эти места не прибирались. И не запущенностью пахло здесь, а дряхлой и безысходной древностью несло от изъеденных временем медных колонн и странных бронзовых шаров, что без всякого порядка лежали на полу и рассыпались от малейшего прикосновения в зеленую труху.

Одиссей и его спутники вышли в небольшой пустой зал, освещенный лишь двумя светильниками. В середине шествия находилась Калипсо. Маленького Латина она держала на руках, а Лавиния крепко ухватилась за край ее туники. Дети испуганно озирались, но молчали. Сзади шли два стражника, а впереди быстро шагал Заксан.

Он и получил топором в грудь, когда металлический лист в стене вдруг рухнул, подняв тучу ржавой пыли, а из черной дыры посыпались грязные полуголые люди, вооруженные чем попало.

Потом выяснилось, что часть восставших рабов сразу же проникли в тайные ходы, пронизывающие гору, которые давно перестали быть тайными для многих гадиритов, в том числе и для Седдера.

Огромный детина, чьи лохмотья были испачканы красными и зелеными пятнами, перепрыгнул через тело Заксана и замахнулся топором на Арета. И в тот же миг скорчился, выронив топор: это юный Полит не растерялся и из-за спины старого воина, только успевшего вынуть меч, ткнул острием пики в живот детины.

— Молодец! — только и гаркнул Арет.

И тут началось!..

Рабы, увидев, что вожак их отряда пал, завывали и кинулись гурьбой на Одиссея и его спутников. Перво-

го нападающего уложил Арет, рубанув его наискось по лицу, со вторым справился Полит. Юноша бросил пику и, ухватившись за рукоять меча двумя руками, выставил его перед собой — бегущий сам напоролся на лезвие.

Стражники отбивались длинными острыми мечами, не подпуская рабов к базилею и Калипсо, которая вжалась в стену, обхватив детей.

Один из нападавших поднырнул под клинок и полоснул кривым ножом по ногам стражника, но тут же схватился за лицо и упал — из окровавленных пальцев его торчало оперение. Это базилей, поняв, что не успеет наложить стрелу на тетиву, попросту воткнул ее в глаз рабу.

Ярость двигала бунтарями, а она плохой советчик. Рабы, вооруженные чем попало, неистово размахивали своими ножами и топориками, но они мешали друг другу и один за другим падали под ударами мечей Арета и стражников. Дважды пропел смертоносный лук Одиссея, насквозь пробили стрелы двух негодяев. Даже Медон изловчился и мечом своим отрубил руку по локоть рабу, что за горло его ухватил. Потом он заметил, как верткий коротышка прыгает вокруг Политы, стараясь достать его острым крюком, размахнулся, и голова коротышки треснула от удара.

Слепой Ахеменид, пока шла скоротечная схватка, откатился в сторону, вскочил и прижался к колонне, выставив перед собой посох.

Когда все было кончено, среди тел они нашли и Филотия. Старый кормчий лежал, вцепившись мертвой хваткой в горло своего противника, но задыхающийся раб успел несколько раз ударить его ножом в грудь.

Базилей велел добить раненых бунтовщиков, а тело Филотия перенести наверх, чтобы потом воздать ему должные почести и оплакать.

Стражник, единственный из гадиритов, что-то взволнованно сказал, указывая пальцем на дыру в стене. Калипсо в это время успокаивала маленького Латина и не расслышала его слов. Но Арет насторожился и подскочил к темному пролому. Он разглядел узкую щель, пропадающую во мраке. Откуда-то издалека доносились глухие крики, звон металла и нарастающий топот множества ног.

— Надо уходить отсюда, — шепнул он базилею. — Не отобьемся!

Одиссей кивнул, и все они последовали за стражником, который повел их к лестничным скобам, ведущим к круглому отверстию в потолке. Детей взяли на руки базилей и Арет, Калипсо отказалась от помощи и сама легко поднялась, Полит и Медон остались внизу, дожидаясь, пока слепой Ахеменид вскарабкается по скобам. Наконец его подхватили сверху, и Арет велел подниматься. А потом, когда юноша и Медон присоединились к остальным, он перекрыл тяжелой плитой отверстие и попытался задвинуть бронзовый засов. Однако тот сломался в его руках. Старый воин помянул не к месту хозяина подземного царства и вбил, заклинив, обломок засова в щель между плитой и полом.

Там, где раньше на возвышении располагались три сиденья для правителей, ныне осталось только одно. Заметив это, Арет хмыкнул и покачал головой. Знать, уверены были мудрецы, что согласится базилей на их предложение. Или попросту не сможет отказаться.

У двери встали с клинками на изготовку трое стражников, у одного из них было огнеметное копье. Полит

хотел было присоединиться к ним, но базилей приказал ему быть рядом с Калипсо и детьми. Сам Одиссей по настоянию Родота, встретившего их в зале, воссел на трон. Лук и колчан, однако, пристроил рядом.

— Еще немного, о правитель, — сказал Родот, — и все будет закончено. Бунтовщики разбежались, как корабельные крысы по закоулкам, сейчас их хватают поодиночке.

Базилей ничего не ответил, лишь Арет сердито рывкнул на мудреца:

— Что же ты не предупредил нас о тайных ходах?! Зашли бы они к нам со спины и уложили бы всех!

— Не думаю, что двигала ими отвага, — усмехнулся Родот. — Скорее, мечтали они о спасении, да не повезло, нарвались на вас. Мы же истребляем лишь самых ярых, остальные должны работать. И чем скорее, тем лучше! Больше всего требуется людей в нижние поплавки, вычерпывать воду. Много времени плавают наше последнее убежище, сколько раз приходилось латать прохудевшую обшивку, и если бросят нерадивые рабы свое занятие, то недолго плыть нам.

— И часто они бунтуют? — спросил Медон.

— По-всякому бывает. Порой два или три поколения в тиши и мире проведут, а то вдруг бунт за бунтом.

— На что же они надеются? — нахмурился Арет. — Если уж базилея вы на трон призвали, то выкладывай все!

Родот пристально глянул на старого воина, перевел взгляд на Одиссея, что, задумавшись, молча сидел.

— И в мыслях нет скрыть что-либо от вас, достойнейшие! Надеются рабы стать господами, что же еще! Такое бывало не раз. Побеждали они, и тогда господа опускались вниз, ведь кто-то должен откачивать воду, а

кто-то ими управлять. Теперь никто и не помнит, кто из господ, а кто из рабов. Не важно, кто ты, важно — где!

— Хитро придумано... — протянул Арет.

— Но разумно вполне, — отозвался Медон. — Однако ты говоришь о поколениях, мудрый Родот. Сколько же лет вас носит по волнам?

— Трудно сказать. Речь о годах ты ведешь, когда следует вопрошать о столетиях.

Наступила тишина. Лишь у бойниц шумно сопел Ахеменид, нюхая воздух, и дети возились, норовя выглянуть наружу, а Калипсо держала их за руки, чтобы не вывалились ненароком.

— Так, значит, горе этой плавающей многие сотни лет! — благоговейно прошептал Медон. — Неужто так давно погибла Посейдония?

— Ну что ты, достойный Медон, — благодушно ответил Родот. — Посейдония исчезла не сотни, а тысячи лет назад. Мы уже счет годам потеряли. Долгое время уцелевшие поселения по обе стороны Великого Моря, которое вы называете Океаном, пытались возродить бывшее величие, но втуне! Пропали, рассыпались в прах города блестящие, исчезли царства сильные, пришлось нам сначала все начинать. Давным-давно в далекой земле, что по ту сторону Океана, соорудили последние умельцы гадиритов нашу плавающую пирамиду, и с тех пор мы не ищем пристанища, а пытаемся его создать, чтобы, укрепившись, вернуть Посейдониию обратно...

— Темны слова твои! — буркнул Арет и отошел к бойницам.

За дверью послышалась какая-то возня. Стражники выставили клинки, а тот, что держал огнеметное копье, отошел назад и нацелил его в проем. Появился

гадирит в бронзовых наплечниках. Он быстро подошел к Родоту и что-то сказал ему.

— Бунт подавлен! — торжественно провозгласил Родот и склонился в поклоне перед базилеем. — Твое правление теперь восславится порядком.

Глядя на лысого мудреца, согнулись в поклоне и стражники.

— Вот напасть с этим Родотом, — тихо сказал Арет стоящей у бойницы Калипсо. — Неужто базидею теперь придется через этого плешака распоряжаться? Я бы вмешался, да языка не знаю.

С этими словами он испытующе поглядел на нимфу, но та лишь покачала головой.

— Напрасно ты думаешь, что дело решенное, — так же тихо ответила она. — Одиссей не станет глиной в руках гончара. Ему не суждено быть царем гадиритов.

Арет хотел ей возразить, но не успел. В зал правителей вошли стражники, которые вели закованного в цепи раба. Голова его была опущена, но еще до того, как он поднял глаза, по длинной косице Арет узнал его.

— А вот и зачинщик, — сказал Родот. — Как пожелаешь, правитель, отдать ли его вышивальщицам искусным или попросту жизни лишить, милость твою явив?

Помолчал базилей, потом окинул взглядом стражу, будто считая, сколько их тут на него и спутников его приходится, а потом строго заметил Родоту:

— Раз уж признал ты меня правителем вашим, так изволь удалиться и стражу с собой увести. Я же решу, как нам быть с бунтарем.

Одобрительно кивнул Арет, нахмурился Медон, опасливо покосившись на Родота, но гадиритский муд-

рец расплылся в довольной улыбке и, кланяясь, попятился к выходу. В дверях он шелкнул пальцами и стражники ушли вместе с ним, оставив пленника в зале.

Когда дверь прикрылась за последним гадиритом, Арет подскочил к рабу, смерил его с ног до головы и злорадно сказал:

— Что, допрыгался, собачий сын!..

Тут он поперхнулся и виновато скосил глаза на Калипсо, но она и бровью не повела. Седдер же ответил ему дерзким взглядом, сплюнул и уселся на пол, загремев цепями.

— Забить ему плевков обратно в глотку? — спросил Арет базилея.

— Нет! Сними с него оковы, — велел Одиссей.

Старый воин пробормотал родосскую поговорку о глупом родственнике, что хуже двух врагов, взялся за цепь и рывком поставил Седдера на ноги. Долго возился с замком, наконец потерял терпение и мечом разрубил толстое медное звено. Острые клинка задело руку Седдера и оставило длинную царапину на локте, но тот даже не вздрогнул.

— Что же ты ключ у стража не взял? — удивился Медон.

— Что же ты мне раньше не сказал? — сверкнул глазами Арет. — Много тут мудрецов развелось!..

Базилей поднял руку, призывая к молчанию.

Между тем Седдер сбросил с себя цепь и подошел к Одиссею. Старый воин мигнул Политу. Юноша переместился ближе к трону, встав за спиной Седдера с обнаженным мечом.

— Ну и что мне с ним делать? — спросил базилей у Калипсо. — Начинать правление с казни — дурная примета, а помиловать — скажут, что нерешителен, мягок...

— Не о том говоришь, о возлюбленный мой, — еле слышно ответила прекрасная нимфа, и такая горечь прозвучала в ее голосе, что Арет и Медон переглянулись в удивлении. — Что тебе замыслы гадиритов, когда нам, возможно, расстаться вскоре придется навеки! Пусть не прельщают тебя замыслы их о царстве великом, нет в том царстве места тебе или мне.

— Что ж, и о том поразмыслим, — сказал Одиссей. — Но пока мы во власти твоих соплеменников, не разумно ли им до поры не перечить? А пока расспроси несчастного брата своего, есть ли возможность жизнь ему подарить, и будет ли верен он мне за эту милость?

Нехотя заговорила Калипсо, горделиво вскинул голову Седдер и коротко ответил.

— Он говорит, что тому, кто упал, не подняться.

— Что это значит?

— Как бы ты ни решил, ему все равно. А верен он лишь богу гадиритов живому.

— Вот как! — насупил брови Одиссей, но тут в разговор вмешался Медон.

— Да будет мне позволено задать вопрос, правитель? — И, дождавшись кивка базилея, продолжил: — Спроси у него, о прекрасная, каким богам он поклоняется? Родот сказал мне, будто имена их забыты.

Снова заговорила Калипсо. Рассмеялся Седдер неприятным скрипучим смехом и, указав пальцем в сторону Одиссея, ответил что-то.

Не сразу пояснила Калипсо, что сказал ей брат, задумалась нимфа над его словами и лишь потом произнесла:

— Он говорит, что вы поклоняетесь богам, которых никогда не видели, а потому множите их число, тогда как он может узреть своего бога вживе.

— Да? — слабо улыбнулся Одиссей. — И как же он зрит своего бога — упившись непентеса или наевшись грибов?

— Нет, по словам его, бог гадиристов всегда с ними, и тот, кто не убоится встречи с ним, и есть истинный правитель, а не тот, кто восседает на божестве.

— Кто восседает на божестве? — кротко спросил базилей.

Разговор между братом и сестрой затянулся. Вопросы Калипсо становились все короче, а ответы Седдера длиннее. Наконец вздохнула нимфа и сказала:

— Не знаю, безумен он или и впрямь чего-то наелся, но он утверждает, что под тронем есть тайный ход в заветное место, где бог дремлет в некоем ожидании. И что правитель гадиристов должен прикоснуться к богу, не сойдя при этом с ума, а если разума лишится, так на то воля божества — значит недостоин трона.

Дело плохо, решил Арет, лукавый раб задумал недоброе, пахнет ловушкой. Так когда-то заманил Эврилох своего ученика в пещеру, соблазняя его обещанием показать дриаду. Показал... С тех давних пор не верил Арет сокрытым чудесам и, ожидая подвоха, всегда был настороже. Зря базилей затягивает дело. Казнить раба — и кончен разговор. Хоть он и брат Калипсо, а все ж бунтарь. Такие опаснее всего, потому что близко к трону могут подобраться. Сейчас подаст знак базилей, и голову долой!

Но Одиссей решил иначе.

— Ну так давай спустимся к твоему божеству и спросим его — достоин ли я быть правителем вашим, — сказал он после раздумья, поднявшись с трона. — А там и с тобой решим, как быть! Показывай, где тут дорога.

Хотел возразить Арет, но не успел.

— Стоит ли слушать бредни безумца! — воскликнула Калипсо, а белое лицо ее сделалось бледным. — **Что**, если он в ловушку тебя заманивает, вот о чем подумай! Не знаю, о каком божестве он говорит, но неспроста пугали меня в детстве чудовищем в сердце горы!

— Прислушайся к ее словам...

Базилей не дал Арету договорить.

— Пристало ли мне опасаться гадиритского чудища, тогда как светлые боги Олимпа деяниям моим не смогли помешать? — грозно спросил он. — Был бы могучим их бог, не допустил бы гибели Посейдонии! А ты, кичливый раб, веди к нему! — обратился он к брату Калипсо.

Седдер увидел глаза базилея, вздрогнул и мгновенно понял смысл его последних слов. Смуглое лицо раба посерело, он спросил что-то у Калипсо, но та лишь пожала плечами и указала пальцем себе под ноги. Тогда Седдер подошел к трону и принялся ошупывать края возвышения, на котором он был установлен. Базилей уже стоял рядом с Калипсо, Арет тенью шел за рабом, дыша ему в затылок, а Медон с интересом наблюдал за ними. Политу же было не до этого, он оттаскивал расшалившихся детей от жалобно вскрикивающего слепца, которого они щипали за уши и нос.

Щелкнула тайная задвижка, сбоку от возвышения появилось отверстие. Седдер заглянул в него и отшатнулся. Схватив его за плечо, Арет удержал раба на месте и сделал шаг к отверстию.

— Ну и вонища! — вскричал он, зажав свободной рукой нос.

И впрямь, из дыры шел такой смрадный дух, что в зале стало нечем дышать. Заслезились глаза у Медона, ноздри базилея дрогнули и он отошел к бойницам, а

слепой Ахеменид лишь спросил, кто умудрился разлить драгоценный черный соус из перебродивших рыбных голов? Впрочем, струи морского воздуха из бойниц быстро выдули тяжелый запах.

Арет слегка приоткрыл дверь и выглянул наружу. Родот и стражники исчезли. Тогда он снял с крюков два горящих светильника и вернулся в зал. Посветил над дырой и, обнаружив в железном колодце скобы, вздохнул. Оставил себе один светильник, а второй отдал базилею. Зажал в зубах кинжал и, нащупывая ногой скобы, начал спуск.

Базилай указал Седдеру на отверстие, и тот полез вслед за Аретом. После этого Одиссей велел Политу и Медону быть настороже и никого не пускать в зал, ободряюще улыбнулся Калипсо и скрылся во тьме. Медон посмотрел им вслед. Некоторое время были видны светлые блики от огонька масляной лампы, а потом исчезли и они.

Чем ниже спускался Арет, тем шире становился лаз. Скобы под ногами угрожающе хрустели, но держались крепко. Пару раз старый воин останавливался, прислушиваясь, а когда Седдер наступал ему на голову, лишь негромко рычал. Запах сильно не досаждал, то ли выветрился, то ли уже приняхались к нему.

На семь или восемь человеческих ростов они опустились, как нога Арета вместо скобы уперлась в пол. Он взял кинжал в руку и поднял светильник повыше. Большое круглое помещение было заставлено непонятными предметами.

Седдер, оказавшись внизу, благоговейно прижал ладони ко лбу и принялся кланяться во все стороны. Базилею пришлось слегка пнуть его, чтобы тот дал ему сойти.

— Это, что ли, обитель гадиритского бога? — вполголоса спросил базилей.

В свете плошек странные предметы казались обломками больших колонн с квадратными жерлами в сердцевине. Подойдя ближе, Арет пригляделся к одному из «обломков» и нахмурился. Он вспомнил, что нечто подобное он уже встречал, хотя эти устройства выглядели более необычно: поверхность вся иссечена глубокими трещинами, словно их укутали сетью рыболова, а короткие выступы, торчавшие отовсюду, напоминали обрубленные пальцы.

— Подобное видел я в чреве «Харраба», — сказал Арет базилею. — Оно поглотило без следа тело Перифета. Лучше держись от этих штуквин подальше!

— Была бы моя воля, от всего держался бы подальше, — пробормотал Одиссей, а потом вскричал: — Где наш проводник?

В это время Седдер возился у стены, в темной щели между двумя «обломками». Он постукивал по металлу стены, водил руками по еле заметным выпуклостям, а когда нащупал впадину, громко вздохнул и надавил пальцем.

Над головами что-то заскрипело, заскрежетало, пол под ногами дрогнул и мелко затрясся. Арет вытянул руку с кинжалом и закружился на месте, ожидая нападения из любого темного уголка. А базилей заметил, что на месте соединения стены и пола возникла светлая щель, которая росла с каждым мгновением, превращаясь в овальный проем, ведущий в коридор, освещенный зеленоватым светом.

Раздался громкий щелчок, пол перестал трястись, наступила тишина.

Одиссей хотел шагнуть вперед, но Седдер придержал его за рукав и молча указал на тонкие шипы, торчащие у входа. На них непременно ступил бы неосторожный гость.

Арет отодвинул в сторону Седдера и перешагнул через шипы, а за ним последовали остальные. Идти по коридору было неудобно, он был похож на огромную трубу, сплюснутую по бокам. Ноги скользили по закругленному полу, а головы приходилось наклонять. Откуда исходило свечение, было непонятно, а огоньки плёшек тоже почему-то стали зелеными. Пройдя десятка два шагов, Арет сообразил, что впереди могут быть еще отравленные ловушки, и, прижавшись к стене, пропустил Седдера вперед.

Коридор закончился решеткой, преграждающей путь. Человеческие кости белели под ногами — давным-давно тяжелая кованая бронза обрушилась на неосторожного, угодившего в ловушку. То ли с тех пор никто здесь не ходил, то ли оставили в назидание другим...

Седдер глянул мельком на спутников, осклабился, показав кривые зубы, и, встав на колени, принялся ворошить кости. Нащупал маленькое кольцо; дернул — решетка беззвучно втянулась в щель, показав заостренные прутья.

Проходя под ней, Арет внимательно смотрел под ноги, чтобы не задеть спусковой штырь ненароком, и лишь на миг задрал голову, высматривая, не падают ли на него смертоносные острия. А базилей нагнулся и поднял истлевший кусок ткани, рассыпавшийся у него в руках.

— Узор двойного зигзага был на одеянии мертвеца, — негромко сказал он в спину Арету.

Старый воин, не оборачиваясь, вздохнул — смерть свою нашел здесь муж итакийский. Таким узором ткани свои украшают пряжи острова, и не на продажу, а лишь для родни. Кто пропал здесь, воин или мореход, теперь и не узнать, подумал Арет.

И вот они вышли из узкого коридора и оказались в зале, потолок которого был подобен куполу. Здесь тоже разливалось зеленое свечение из неведомого источника. В этом призрачном свете Одиссей и Арет разглядели в середине зала огромную глыбу, похожую на валун из темного камня. А вокруг в беспорядке были раскиданы валуны поменьше.

Долго смотрели они на этот валун высотой в два человеческих роста. Чем дальше вглядывались, тем меньше он напоминал им камень, а когда разглядели мохнатые ноги, прижатые к телу, то поняли, что это и не валун вовсе. Седдер уже подползал на коленях к чудищу, непрестанно прикладываясь головой к полу, а потом замер, распластавшись перед своим божеством.

От невероятного создания исходил странный запах, который Арету казался одновременно и звуком. Тихое тонкое жужжание или слабый звон раздавался не в ушах, а прямо в голове, и при этом словно шершавый голос шептал непонятные слова о великих тайнах и великой силе, надо лишь подойти ближе, чтобы разобраться смысл этих слов, которые медленно выговаривал невидимый шептун...

Вот и базилей что-то услышал, вяло подумал Арет, заметив, как Одиссей, не отрывая глаз от гигантского жука, сделал к нему шаг, а затем другой. Но тут застоялся Седдер, и Арет замотал головой, стряхивая одурь. Он ухватил базилея за руку и сильно сдвинул ему локоть. Взгляд Одиссея стал осмысленным, он кивнул благодарно Арету и подался назад, к проходу.

— Этого здесь оставим? — шепотом спросил Арет.

Губы поджал базилей, но раздумывал недолго. Полскачили они с Аретом к лежащему Седдеру и за ноги оттащили к дыре, ведущей в коридор. Задержался в судороге беглый раб, а потом притих, закрыв глаза.

— Помер, — решил Арет. — Ушел к своему жучинному богу.

Он дотронулся до головы Седдера и отпрянул в изумлении, когда тот вдруг вскочил, злобно прошипел что-то и, выскочив в коридор, исчез в глубине.

Поднимаясь вверх, в зал правителей, первым по скобам полез базилей, за ним Седдера погнал Арет, а сам замыкал восхождение. Вот в светлом круге исчез Одиссей, за ним брат нимфы прекрасной, тут и Арет с облегчением вздохнул, вылезая. Прищурил глаза, ничего не видя из-за яркого солнечного света, что слепил из бойниц сиянием своим, и сказал недовольно:

— До чего же у этого бога вид мерзопакостный!

И очень удивился, услышав голос Родота:

— Зато, о достойный Арет, он не принимает обличье людей, чтоб соблазнять ваших жен.

Глава одиннадцатая

Анналы Таркоса

Чувства и мысли мои запутались окончательно. Выбор простой — принять мир в его переменчивом безумии или подохнуть. И с каждым новым словом наставника Линя все более укреплялся я в догадке, что второе наступит гораздо раньше, чем я успею понять смысл или бессмыслицу происходящих событий. Дело даже не в чинце и его невесть откуда взявшейся дочке — они-то как раз готовы были отдать свои жизни за меня или забрать множество других — по той же причине. Когда рушатся устои, хватит и одного маленького обломка, чтобы раздавить случайную жертву. Но кто я — жертва или неосторожный путник, заблудившийся в сумеречных лесах? После встречи с наставником и Чопарой я уже не знал, на какие вопросы у меня нет ответов.

Хорошо, что никто не заметил, как они били мне поклоны в темном коридоре близ трапезной. Господин Верт очень удивился бы, а его удивление непредсказуемо. Люди здесь, как недавно заметил один такой же, как я, лжегоплит, простые, суровые и быстрые на расправу.

Я увел Линя и Чопару к себе в комнату. Усадил их на кровать, хотя чинец все норовия бухнуться на пол, и попросил объяснить, что означают их странные действия.

В ответ наставник повел высокопарные речи о том, кто знает последнюю волю Великого Господина, о том, кто исполнен предназначением, о том, кто во имя этой самой воли и предназначения поведет их по истинному пути...

В последние дни от чехарды событий и обилия пива голова моя плохо соображала. Но тут я сразу понял, что это все обо мне. А когда он назвал имя Сепуха, события многомесячной давности снова заставили сердце биться сильнее. Вспомнились дни, проведенные в лагере под Гизой, страх, который я испытал, когда меня похитили люди Безумного, и тот непостижимый звук, подобный далекому пению или звону тысяч струн, что до сих пор иногда раздается во мне.

— Мне казалось, что все вы... э-э-э... умерли во имя своего господина! — проговорил я, когда Линь замолчал. — Однако вы, достойный, живы и даже очень. На моих глазах из наставника Черной фаланги обратились в пособника Верта, а теперь, оказывается, вы еще и последователь Без... то есть вашего Господина. Ждут ли меня еще какие-либо чудесные превращения, достойный Линь?

— Никаких более превращений, посвященный Тар! — ответил наставник, низко кланяясь. — Что нам фаланга, что нам Верт!

— Одно твое слово, и мы вырежем всех без остатка! — вскричала его приемная дочь.

Меня чуть не скрутило от боли в животе.

Эта вырежет!

Девушка крепкая, решительная, в глазах черное пламя. Небольшая родинка над левой бровью не портила лица. Грива ее выющихся густых черных волос мне напомнила кого-то, такого же горячего.

— Ответь мне, Чопара, нет ли у тебя брата? Не он ли рассказал тебе о моей... встрече с Сепухом и вашим Господином?

Густые брови девушки сдвинулись на переносице, она нахмурилась, размышляя над моими словами, а потом лицо ее посветлело и она с улыбкой сказала:

— Моя вина, что я сразу не узнала тебя, посвященный! Но здесь такие темные помещения, поэтому следует меня простить!

— Нет-нет, ты ни в чем не виновата, — поспешил я успокоить девушку. — Только ответь, разве мы с тобой когда-либо встречались?

Глаза ее широко раскрылись, а улыбка стала еще ослепительнее.

— Неужели ты забыл меня, почтенный, или сердись за то, что я расцарапала твою руку? В ту ночь, когда Великий Господин одарил тебя последним дыханием, я была рядом с тобой, а потом сопровождала посвященного Сепуха в Сарафанд, где он и обрел покой.

— Но тогда... Тогда ты была в мужском обличье! — еле сумел выговорить я. — Клянусь, я бы ни за что не угадал в тебе девушки!

— Не понимаю твоих слов, — искренне огорчилась Чопара. — Ни мой родитель Сепух, ни второй отец, уважаемый Линь, не разрешили бы мне сменить одежду и притвориться мужчиной. Наверно, твоё волнение при встрече с Господином ввело тебя в заблуждение.

В комнате было прохладно, но меня словно обдало жаром. Спина покрылась липким потом, а во рту пересохло. Теперь я точно вспомнил хриплый голос молодого Чопура, а ростом он был повыше меня, да и родинка над левой бровью... Нет, превращениям конца еще не видно!

Упав на скамью, я обхватил голову руками. Меня затрясло. С тех пор как исчезла моя семья, много странного довелось увидеть и услышать. Но исчезновение юноши и появление на его месте девушки ввергло меня в ужас. Раньше я мог утешаться тем, что меня преследует невезение, какая-то путаница с похожими людьми, но теперь все, что окружало бедного Таркоса, начало запутываться само в себе. Опустив руки, я задрал рукав и еще раз посмотрел на три белых рубца. Кто полоснул строгой рукавицей? Он или... она? Мир становится для меня тесен — одно неосторожное движение, и его не узнать!

— Если ты устал, мы не смеем более тебе докучать, — поднялся с места Линь.

Я слабо махнул рукой, и он поспешно уселся обратно. — Зачем ты здесь? — спросил я. — Во время походов ты мог уйти или остаться в любом месте. Неужели Верт и его народ — последователи твоего Господина?

Щелочки глаз наставника почти сомкнулись.

— Многие из нас, идущие по пути, исчезли, сгинули за годы скитаний и гонений. Но уцелевшие найдут покой и благостное единообразие на новой земле. Есть немало владетельных лиц; недовольных мощью и управлением Высокого Дома Троады. Порой честолюбие мелких правителей благоприятствует устремлениям посвященных. Случай привел меня в эти края много лет назад, зерна же, брошенные в скудную почву, взошли лишь недавно. И вот господин Верт алчет свободы и хочет быть единоличным правителем, брат госпожи в свою очередь тоже соблазнился властью. Не удивлюсь, если среди многих тысяч поселян найдется еще один или двое, которые задумаются над тем, не стоит ли им тоже попытать счастья, раз уж их правители...

— Все это очень тонко, — перебил я рассуждения Линя. — Но тебе-то что с их хлопот?

Он соединил ладони и учтиво склонил голову.

— Там, где хлопочут о власти, там раздоры и притеснения. Народы не обустроены, сильный довлеет над слабым. Тогда люди сами додумаются о жизни простой и приятной, без хитрого устройства каст и родов, чинов и званий, запретов и допущений. Возжелав простого, они придут со временем и к истинам Великого Господина. Грядет наше время, и среди безбрежного моря зла воссияет островок света. Если будет тебе угодно, я могу разъяснить истины...

— Не надо! — поспешно сказал я. — Потом когда-нибудь... Скажи, знает ли Верт, кто ты на самом деле?

Сам при этом подумал: «А кто же теперь я на самом деле?»

— Никто не знает, — ответил он. — Если прикажешь, то откроюсь, ибо твоими устами говорит сам Великий Господин.

Я не стал ему возражать насчет уст, только заметил, что лишние разговоры нам ни к чему. Потом отпустил их, попросив не выказывать рвения при посторонних. На каждое мое слово Чопара истово кивала, а наставник прижал руки к груди и спросил, не будет ли еще каких повелений.

И вот я лежал на кровати в одежде и смотрел в потолок. Мне казалось, что события последних месяцев напоминают злоключения мышонка, которого шаловливые дети поймали за хвост и опустили в короб с игрушками. Только мышонок освоится среди опасных и громоздких фигур, как его — раз! — за хвост и в другой короб, где вроде такие же игрушки, да не совсем такие. Одни исчезли, другие появились, кукла-

мальчик превратилась в куклу-девочку. Мечется мышонок, уже не понимая, он ли это, или его тоже подменили во время игры? А в новом коробе у мышонка объявились сильные защитники, готовые отозваться на любой его писк.

Если госпожа Гретте на меня осерчает, подумал я, сам велю скормить ее медведям! Эта мысль неожиданно развеселила меня, и я заснул, кажется, улыбаясь.

Еще восемь дней пролетели как в тяжелом сне. Звездная машина только успевала мотаться туда и обратно, перемещая людей, оружие и припасы. Порой, когда выгрузка затягивалась, я выбирался наружу размять ноги или поваляться на траве, хоть и сухой, но все же более мягкой, чем холодный металл машинного помещения. На Диомеда страшно было смотреть: он похудел, под глазами появились темные мешки, руки тряслись, а голос сорвал в первые же дни. Устал он больше всех. От помощников, сильных, но тупых ребят проку было мало, а присмотру требовалось много. Пользуясь каждым удобным случаем, я время от времени сам сбрасывал тяги и устанавливал рычаги, не дожидаясь команды. Диомед настолько выдыхался, что не замечал этого. Однажды, правда, схватился за второй рычаг левых камер, но тут же обнаружил, что он уже стоит в нужном положении и на стопоре. Механик потер лоб, задумался было, но тут сверху крикнули о готовности углов, и он метнулся к конусу, забыв обо всем.

Частые перемещения в одни и те же места таят в себе известную опасность. Опытные механики знают, что после дюжины-другой ходок почти все углы и сочтения запоминаются. Возникает соблазн быстро ус-

тановить их, не дожидаясь подсказок сверху, и вот тут-то иногда ошибаются даже самые матерые, забыв о каком-нибудь паршивом рычажке!

Господин Верт прибыл во временный лагерь в первую же ходку. Я видел, что он работает вместе с людьми, укрепляющими внешние щиты, замечал также, как он помогал устанавливать на телеги метатели, снятые с дальнеходов, а однажды, когда я выбрался подышать терпким воздухом Ванхасса, обнаружил, что Верт гоняет по жухлой траве молодых ребят из поселян, которых велено было доставить сюда в первую очередь. Я не смог сдерживать улыбки: воинов из этих юнцов делать придется долго — они держали пики и кривые сабли как грабли и косы, норовя выколоть друг другу глаз или подрезать сухожилие. Дай таким ручные метатели — потом только успевай головешки закапывать. Впрочем, и сам-то я до недавних пор в ратном деле был знаток неважный!

Лагерь поставили там, где располагался репер. Место удачное: с трех сторон холмы, а с четвертой изрезанная оврагами пустошь, которая, по рассказам тех, кто уже здесь не первый день, уходит далеко вниз, к заливу.

Пока я разглядывал лесистые вершины холмов, за которые цеплялись, словно обрывки серой ткани, клочья тумана, новобранцы, подбадриваемые руганью Верта, принялись карабкаться на гору из пустых ящиков и коробов, воинственно размахивая оружием. Началась потеха: двое упали сразу, о них споткнулись еще трое: парочка самых ловких взобрались почти до середины, но тут нога высокого киммерийца в желтом кафтане сорвалась и он полетел на головы тех, кто лез следом, умудрившись при этом задеть кого-то саблей. Вопли и

стоны, однако, тут же смолкли, как только господин Верт пообещал отдать их под начало своей супруги. При этих словах увальни вскочили, словно им в задницу дятел клюнул, и полезли на гору не хуже бывалых гоплитов.

На мой смех господин Верт недовольно обернулся, потом изволил улыбнуться и подозвал меня.

— Что, Тар, вспоминаешь, как обучали под Гизой? — спросил он. — Нам бы сейчас десяток новобранцев оттуда! Видишь, с какими земледами пойдем на дело?

Тут он нахмурился и мрачно добавил:

— А все же придется из них делать гоплитов! Ратники, что остались здесь, теперь либо изменники, либо покойники.

— Дозволено ли мне будет спросить, почему господин не использует соратников или бойцов? Два-три бойца мигом навели бы порядок!

Взгляд господина Верта сделался рассеянным. Поглядывая на новобранцев, прыгающих с ящика на ящик, он проговорил:

— Почему нет соратников, спрашиваешь... А откуда им быть?! Тех, что водились в моих киммерийских владениях, мы помалу извели. Глаза и руки Троады нам ни к чему. Говорят, менторы могут вроде бы управлять ими на любом расстоянии. Ну а здесь своих мы еще не вырастили. Считай, что повезло, а то сейчас изменники разорвали бы нас в кровавые ошметки! Вот наведем порядок — будут и соратники, будут и бойцы!

Я представил себе, как эти нескладные парни лезут под огонь метателей и под стрелы опытных вояк, переметнувшихся к Плау, и мне стало не по себе. То ли дело, когда ты окружен надежной хитиновой броней, ноги твои быстры, клешии разят врага, а страх тебе

неведом! Да-а, на Кхаанабоне тогда поработали славно. А здесь сразу и не поймешь, кто свой, кто чужой... Верт и его люди тоже ведь изменники, как ни посмотри! Рано или поздно узнают в Высоком Доме, вот тогда придется ему ответ держать. Мне-то все равно. Что так, что этак — дело мое пропащее!

Гора ящиков угрожающе накренилась, крики стали громче, потом все это сооружение с грохотом рассыпалось. Господин Верт покачал головой и направился к своим воякам, пинком поднимая тех, кто не успел вскочить. Я же вернулся к машине и уселся на тюк. Разгрузка продолжалась, стало быть, Диомед еще не готовит машину к отбытию и надо пользоваться драгоценными мгновениями отдыха. Через ходку или две, когда мы доставим сюда медные бочки с огненным припасом, господин Верт поведет своих храбрых воинов на мятежные поселения. Вот увидит таких карателей изменник Плау и тут же помрет. Со смеху...

Из распахнутых створок звездной машины тем временем выносили связки железных прутьев, а потом, сопя и кряхтя от натуги, по частям перенесли под навес небольшой паровой движок. Его начищенный котел тускло поблескивал в неярких лучах светила. Поднявшись с места, я подошел к навесу глянуть на колесный барабан. Если он не поврежден и здесь поблизости есть ручей или хотя бы большая лужа, то движок можно быстро собрать и запустить. Тогда не надо горбатиться с тяжелым грузом, достаточно подвесить тали на стояк из бревен. Я провел ладонью по стройным рядам заклепок и вздохнул. Может, открыться господину Верту? Если уж полузнайка Диомед в таком почете, то какие блага сулит мне верная служба!

— Пар и металл, вот истоки подлинного благоденствия, — раздался голос наставника за моей спиной. — И тогда у человека не возникнет нужда в насекомых.

Я вздрогнул — его появление было бесшумным.

Линь с интересом оглядел разобранный движок, уважительно потрогал блестящие лопатки барабана и даже попытался заглянуть в сопло, откуда во время работы бьет мощная струя пара.

— Одно другому не мешает, — ответил я. — Соратники неприхотливы, а с движениями одна морока: чуть недоглядишь, взорвется и разнесет все в клочья.

— Великий Господин учил о раздельном сосуществовании людей и тех, кто был создан попечением его соплеменников, — значительно сказал наставник, понизив голос. — Он видел, как из века в век мы используем дарованное искусство не во благо, а во зло. Завет о сохранении дыхания превратился в пустой звук, а блюстители жизни стали искателями чинов.

— Ну, не так все, наверно, и плохо...

Но Линь перебил мое бормотание.

— Все гораздо хуже! — вскричал он. — Обрати на мир свой взор, посвященный, все вокруг пропитано лицемерием. Ты видишь, эти вчерашние мирные поселяне сейчас обучаются тому, как ловчее убивать своих соседей, а то и родственников! Да и мы с тобой тоже повинны во многих смертях, вспомни, достойный, о резне на Кхаанабоне.

— Там были звери!

— То нам неведомо. Возможно, создания, что прыгали по веткам, были когда-то людьми.

Я ахнул.

— Кто же произвел с ними такую метаморфозу?

Наставник Линь огляделся по сторонам и, не увидев никого поблизости, зашептал:

— Тайная история гласит, что заселение иных миров началось не пять веков назад, а гораздо раньше. Прошло более полутора тысяч лет, как начался исход людей с Земли. Многие поселения исчезли, погибли, не сумев выжить или приспособиться, а другие приспособились так хорошо, что и на людей перестали быть похожими. Реперные пирамиды таких миров были изъяты, а таблицы углов совмещения уничтожены.

— Почему?

— Высокий Дом Троады не может управлять теми, кто не понимает его приказов. Вот еще образец лицемерия!

— Постой, а как же мы попали на Кхаанабон, если его репер уничтожили, а про них давно забыли? Мы и найти-то этот мир не смогли бы!

— А мы его и не находили, — после короткого молчания ответил наставник Линь. — Это он нас нашел.

Мое недоумение стало безмерным. Я не понимал, что он имеет в виду. А потом вспомнил, что пещера, которую мы уничтожили черной жижей, была похожа на пирамиду звездной машины.

— Не знаю всех подробностей, — продолжал между тем чинец, — но говорили, будто растительность на Кхаанабоне оказалась стойкой к жизнетворной силе самых мелких, невидимых глазу сотрудииков и якобы она сумела перехватить управление ими. И во времена незапамятные он поглотил людей и преобразовал в нечто иное.

— Кто — он? — вытаращил я глаза.

Наставник развел руками.

— Мне удалось лишь краем уха слышать странный разговор. Будто бы на Кхаанабоне все растения образуют некое существо, которое рвалось овладеть тайной перемещений. И почти достигло своей цели, да только мы ему помешали.

Вот оно что! Значит, все эти травинки да веточки составляли чудовище, которое норовило убить нас. Вот была бы потеха, если бы оно успело создать свою звездную машину! Я представил себе, как в мирах, заселенных людьми, возникают пирамиды, сплетенные из ветвей, прутьев, корневищ, как мгновенно их отростки вонзаются в возделанную почву, неудержимой волной распространяясь во все стороны, а люди превращаются в прыгучих лемуров или во что-то иное...

Я рассказал наставнику о картине, что возникла передо мной. Он тонко улыбнулся и сказал:

— Страх просвещенного мужа достойнее отваги неуча. Но ведь и люди-то не лучше!

— Что ты имеешь в виду?

— Жизнь человека коротка. Но все же лет сто двадцать или сто пятьдесят нам отпущено, болезни встречаются редко, чадородие приветствуется, поэтому купели никогда не бывают пустыми. Где же все эти люди? Я не силен в подсчетах, но однажды Сепух объяснил мне, что если бы не переселения — каждый день, каждый час, — то на Земле все стояли бы, тесно прижавшись друг к другу. Человеческая волна захлестывает миры один из другим, и все это во имя того, чтобы жить нам было удобно и привольно...

— Я не знал об этом!

— А как бы ты узнал? От кого? Аэды и рапсоды поют лишь дозволенное либо же разносят сплетни в пределах города или нескольких поселений. Искусст-

во быстрого изготовления списков под запретом. Ну а тем, кто переселяется, уже нет дела до тех, кто остается.

— Скажи мне, почему Сепух и те, кто был с ним, попросту не вошли в группу переселенцев? Не было бы тогда нужды... ну, ты понимаешь!

— Мы свободны в своих решениях, — грустно ответил Линь. — Сепух выбрал одно, я другое, есть еще третьи, которых истины Великого Господина толкают на дела загадочные, непонятные. Однако мне пора!

Он кивнул и ушел. Его слова кое-что прояснили, но многое запутали окончательно. В те счастливые времена, когда я жил в Микенах, мужчины и женщины из незнатных родов или низших каст могли записаться на переселение, что многие, впрочем, и делали — это давало им немалые преимущества. Куда их отвозили, действительно мало кого интересовало. Снимались с места люди, не достигшие богатства или чинов, и, как правило, отбывали они всем семейством.

Мои раздумья прервали взволнованные голоса охраны. Я поймал за рукав пробежавшего мимо навеса Болка и спросил, что случилось.

— Разведчики вернулись, — крикнул он. — Взяли соглядатая!

И умчался к шатру Верта.

Я посмотрел ему вслед, потом заметил, что наставник Линь тоже идет к шатру. Подойти и мне, что ли? Не надо суетиться, стоит мне только спросить, и наставник Линь расскажет все, о чем там говорили. Приятно, однако, иметь власть, пусть даже тайную!

Но расспрашивать кого-либо не понадобилось. Вскоре запели тревожно рожки десятников, забегали воины, опытные и безусые, выстраиваясь перед шатром. Из шатра появился господин Верт в полном сна-

ряжении гоплита. Его стальные поножи и наплечники ошетинились острыми лезвиями, широкий матерчатый пояс усеивают круглые бляшки, нашитые плотно одна к другой, а в руках он держит метатель. И тогда я понял, что опять настало время сражений.

Переход через холмы занял почти целый день. Мне показалось, что дни здесь не намного длиннее обычных. Это хорошо. Бывало, на одних мирах дни и ночи тянулись месяцами, а где-то они прыгали друг за другом, как зайцы во время случки. И то и другое вызывает отвращение.

К городищу мы вышли к сумеркам. Карательный отряд затаился на опушке, ожидая, когда подойдут телеги с корабельными метателями. Я уже знал, что огненного припаса хватает на два-три хороших выстрела, но приходилось спешить.

Разведчики, из-за которых началась суматоха, наткнулись в зарослях близ временного лагеря на трех затаившихся людей. Одного убили, второго схватили, а третий убежал, и это было скверно.

Соглядатая привели в шатер, и он сразу же все выложил господину Верту. Оказалось, вот уже два дня, как мятежники знают о нашем прибытии и сейчас быстро окапывают поселение рвом. Они уже послали гонцов к Плау и ждут его к завтрашнему утру, чтобы окружить лагерь и уничтожить звездную машину. На вопрос, как он посмел предать своего господина, наглый пленник заявил, что он-то как раз верен своему господину.

Вот тогда Верт и повелел трубить сбор. Тянуть было нельзя, он хотел взять с ходу городище и укрепиться в нем, пока не подошел Плау, а потом выковыривать

поодиначке мятежников из своих гнезд. Ратников, которых можно было отправить в поход, было немногим более полусотни. Остальных пришлось оставить у машины на случай, если в лесах затаились люди Плау, ждущие удобного случая напасть на беззащитный лагерь.

Ввязываться в семейные дела господина Верта мне нужды не было, поэтому я собрался пересидеть поход в машинном помещении вместе с Диомедом, а еще лучше — в замке за кружкой пива и в обнимку с молодыми служанками. Но когда последние воины уже втягивались в проход меж щитами ограждения, ко мне подошел Болк и велел идти за ним. Господин Верт оседлал бронзовый ствол метателя на одной из телег и покрикивал на впрягшихся воинов. Увидев меня, ловко соскочил вниз. Лезвия его наколенников промелькнули в опасной близости от моего лица.

— Тар, я видел тебя в деле! — гаркнул Верт. — На тебя могу положиться. Ты да этот несносный болтун! — С этими словами он дернул Болка за ухо. — Вы двое, больше никого! Я поведу одно звено, остальные за вами. Механик без тебя справится? — И не дожидаясь ответа: — Славно! Значит, вперед!

Я растерялся, но Болк оттащил меня в сторону, иначе быть мне под колесами телеги. Он свистнул, и тут же возникли два десятника, которым Болк что-то коротко приказал. Один из них, могучий северянин, поглядел на меня сверху, но ничего не сказал, а второй оказался владельцем лидийского корабля, на котором везли нас с Диомедом. Не могу сказать, что он обрадовался при виде меня, но по крайней мере он мог говорить со мной на коинаке.

Пока я шел к своему звену, в голове у меня вертелись горделивые мысли о везунчиках, которым уда-

лось перескочить из гоплитов в наставники. Но когда я увидел два десятка вояк, среди которых треть составляли лидийские матросы, а остальные почти все из юнцов, которых гонял Верт, я вдруг сообразил, что давно не опорожнял кишечник. С этими храбрецами без головы останешься в два счета.

Не помню, что я орал, помню, как я орал.

Я брызгал слюной во все стороны широким веером, топал ногами по земле и размахивал руками перед их носами. Дух наставника Чомбала витал надо мной, когда я вопил на них: «Вы будете у меня драться зубами и ногтями, но пощады не запросите и пощады не дадите! Шаг назад — смерть! Шаг вперед — слава!» И еще много всяких глупых слов...

Вскоре я узнал, что мои слова поняли только десятник-лидиец и пара матросов с его корабля, но я так застрашал всех остальных своим видом, что они незаметно для себя подтянули животы и замерли неподвижно. На мои крики сбежалисьдесятники других звеньев, а во время привала Болк, криво улыбаясь, сказал, что сам господин Верт заслушался, как я изрыгаю на воинов брань и лесть попеременно.

Мне понравилось отдавать приказания, но когда я задумывался о неминуемых сражениях, холодный пот выступал на лбу — одно удачное дело на Кхаанабоне не превращало меня в полководца. Я хотел поговорить с наставником Линем, но Верт не отпускал его от себя, а Чопару я не видел с того времени, как мы покинули лагерь.

Листья на деревьях здесь похожи на разлохмаченные тряпки, а кусты усеяны круглыми мясистыми отростками, напоминающими кошачьи языки, только

черного цвета. От ветра они противно шевелились, но таиться за ними и наблюдать было удобно.

Городище оказалось небольшим поселением, окруженным частоколом. Я насчитал десятка три бревенчатых дома с покатыми крышами. Широкий ров тянулся вдоль стены, а подъемный мост упирался в закрытые ворота. Мост был опущен.

Отсюда можно было разглядеть воина, сиротливо застывшего на помосте надвратной башенки. И более никого.

Странно, подумал я, почему мост не поднят и нет людей на стенах? Если они ждут нападения, то могли бы наполнить ров водой, благо река неподалеку. Внезапный рывок к воротам, сбить засовы, один огневой удар по стенам для устрашения, и никто не остановит карателей господина Верта! Однако смущала меня какая-то мелкая несообразность, но я не мог сообразить какая. А потом мне стало не до этого, потому что я внезапно понял, что самое странное — как я вообще додумался до этих вещей. Никогда в жизни не приходилось мне видеть подъемных мостов или наблюдать, как ведут осаду. Гоплитов учат лишь тому, как защищаться от врага, но не искусству давно забытых стратегов, чьи имена стерлись в памяти людской. Мир и покой царят на земле сотни и сотни лет. Вот и мои ратники неуверенно переглядываются друг с другом, им впервой биться насмерть с такими же, как они. Во времена Проклятого Морехода сражались люди друг с другом, но это ушло в предания, в сказки, которые порой с большого перепоя рассказывают друг другу аэды и рапсоды в узком кругу. Под лучами же далеких светил схватки идут между человеком и всякой тварью безмозглой, что стоит у него

на пути. Откуда же во мне появилось знание, как строить схему битвы?

Незыблемость вселенского порядка на моих глазах продолжала разваливаться. Если дело так пойдет дальше, подумал я, содрогнувшись, однажды я проснусь другим человеком и в другой жизни, забыв о злоключениях Таркоса из Микен или Тара из Тайшебаини. Забыла же напрочь Чопара о том, что не так давно была мускулистым парнем, а не стройной девушкой, впрочем, такой же решительной. Я снова вздрогнул, представив себе, как возникаю в женском теле. Мне доводилось слышать истории о преступных метаморфозах, но люди сведущие не верили в них: такие преобразования не под силу десятку ученых, вместе взятых. Даже нукеров выращивают штучно, а чтоб вышедшему из купели человеку пол сменить, о таком злодействе не слышал! Все это лишь перепевы старых мифов о Панитаре и Драупите.

Скрип колес позади возвестил о том, что подтянулись телеги с метателями. Господин Верт, шумно раздвигая кусты, вышел, не таясь, на опушку и долго разглядывал городище в подзорную трубу. Болк и я подошли к нему.

— Я не вижу знамен изменника Плау, — сказал он. — Мы вовремя подоспели. Возьмем с ходу. Вперед, пока они не подняли мост!

— Не нравится мне этот мост, — негромко поделился я своими сомнениями с Болком. — Что-то здесь нечисто...

У Верта был чуткий слух. Он развернулся ко мне, угрожающе выставив лезвия наплечников, и уставил в меня палец.

— Тар прав. Послать сейчас же разведчиков. Пусть перережут канаты.

И ушел к телегам.

Немного погода три разведчика выбрались из кустов и побежали вниз по склону, размахивая узкими клинками. Болк застонал, а я на миг закрыл глаза ладонью. Несмотря на сумерки, было еще светло, а уж желтые кафтаны на серой траве не увидит разве что слепой. Сейчас их заметит дозорный на башне и... все!

Поднимутся ворота, тревожный звук рожка или гонга кинет защитников к частоколу, и встретят нас острые стрелы лучников, свинцовые желуди катафрактариев и огненные струи метателей.

Но там, внизу, творилось что-то непонятное. Когда фигурки разведчиков приблизились к мосту, створки ворот широко распахнулись, оттуда вышли какие-то люди и замахали руками, вроде бы подзывая разведчиков. Ворота так и остались распахнутыми, когда разведчики вернулись и сообщили, что поселение клянется в верности господину Верту, и что ров с частоколом они соорудили, исключительно чтобы держать оборону от изменников.

— Понятно, — усмехнулся Верт. — Подоспел бы Плау раньше меня, звучали бы другие речи. Но тем лучше.

И он приказал отряду быстро сниматься отсюда, чтобы войти в поселение до темноты.

Никакого воинства на площадке за воротами мы не заметили. Лишь какой-то старик елозил у крыльца дома метлой по грунту, да еще дозорный на башне перегнулся через брус ограждения, разглядывая, как мы идем по мосту.

— По домам все попрятались, — сказал Болк. — Ничего, схватим изменника Плау, тогда учиним сыск.

Я не ответил ему. Ров оказался более широким и глубоким, чем казался издалека. Да и склоны его не

похожи на свежевырытые. Такой ров вряд ли выкопаете за несколько дней, доски, по которым мы шли, немного потемнели, а колья, вбитые на дне...

Догадка была смутной, но времени ждать, пока она подтвердится, не было.

— Все назад! — крикнул я. — Это ловушка!

Поздно.

Дозорный навалился на брус, тот просел, крутнулся словно рычаг, потянув за собой привязанную к нему веревку, затем под нашими ногами раздался противный хруст, и мост рассыпался на части.

Я полетел вниз, а крики за моей спиной означали, что со мной гибнет весь отряд.

Ловушка сработала, когда почти все каратели уже ступили на мост. Мне и Болку повезло. Мы шли впереди и были у самых ворот, а потому не рухнули с высоты трех человеческих ростов, а только лишь скатились вниз по склону рва.

Не знаю, сколько времени я пролежал, уткнувшись лицом в рыхлую землю. Стоны и крики раненых шли отовсюду, откуда-то сверху доносился зычный голос господина Верта, но только когда рядом со мной разразился проклятиями Болк, тогда понял я, что жив. И осторожно перевернулся на спину.

Сильно болело ушибленное колено, но в тот миг я не чувствовал боли — картина, открывшаяся мне, была ужасной. Одна из телег обрушилась на воинов и тяжелая литая бронза метателя насмерть придавила нескольких воинов. Другие копошились среди обломков моста, пытаясь выбраться из под них и вытащить уцелевших. Напоровшиеся на колья исходили криком и истекали кровью.

Болк помог мне встать на ноги, и я увидел, что вторая телега уцелела. Она стояла у самого края рва, а рядом с ней находился господин Верт, трясущий кулаками в сторону городища. Заметил я и наставника Линя, который возился у спусковых рычагов метателя, нацеленного на башню. Вдоль края растерянно суетились пять или шесть воинов, которые не успели взойти на мост и теперь пытались помочь выбраться упавшим.

Я ждал, что со стен городища на нас полетят стрелы, камни или, что верная смерть, прольется жидкий огонь ручных метателей. Но тишина и пустые стены, возвышавшиеся над нами, пугали еще больше.

Болк уперся плечом в опору и пытался, раскачав ее, опрокинуть на противоположный край. По осыпающейся земле подняться наверх было невозможно, а так, догадался я, можно вскарабкаться почти до самого верха, откуда уже помогут выбраться. Господин Верт крикнул ему, чтобы Болк поторапливался, пока они не начали выжигать это гнездо изменников. Я заковылял к Болку, а когда добрался до него, какие-то глухие удары насторожили меня. Звуки доносились издалека, как будто десяток дровосеков вбивались топорами в огромные стволы.

А потом раздался шум и громкое журчание, словно прорвало большую запруду. Те, кто успел вылезти из-под кучи бревен и досок, замерли, переглядываясь.

Мысль о запруде оказалась скверной и, увы, верной. Мощный поток воды хлынул в ров. Тех, кто застрял под обломками, затопило сразу, остальные цеплялись за доски, ползли по откосу, но срывались и падали в мутную, пенящуюся воду. Я успел обхватить руками бревно, которое Болк тщетно пытался завалить на край, и устоял от напора воды. Киммериец тоже

ухватился за него, и мы как два дурацких поплавка так и всплыли вместе, когда холодная вода заполнила ров почти до самого верха.

Течение успокоилось, я опустил бревно и поплыл к берегу. Два-три взмаха — и я уже стою рядом с господином Вертом, мокрый, в водорослях, а зубы мои стучат не столько от холода, сколько от запоздалого страха. Болк выбрался следом за мной, и ни слова не говоря, кинулся, оставляя за собой лужи воды, к телеге. Он вскочил на нее и вцепился в медные полудуги растяжек мехов.

— Не спеши взводить, я еще не навел как следует! — предупредил его наставник Линь, который в это время подкручивал установочный винт жерла.

— Всех спалю! — рычал Болк, судорожными рывками взводя меха.

Зашелкал язычок, тонко заскрипели упругие стальные пластины, скручиваясь в тугую спираль.

— Приказывай, господин, — сказал Болк, — сейчас мы покажем этим землеедам, как топить наших воинов!

Господин Верт молча смотрел на него, а я ждал, когда по его слову грозное жерло плюнет огнем, обрушив месть на головы изменников. В это время из воды на сушу выбрались еще несколько человек — и это было все, что осталось от большого отряда. Я удивился той горечи и ярости, которую испытал, увидев, что из всего моего звена выплыл только десятник-лидиец. Это было не мое дело и не мое сражение, но звеном-то распоряжался я и уже успел привыкнуть к мысли, что это мои люди, и я могу послать их на смерть. Их же погубили не в битве, а подло! Ничего, сейчас за все поквитаемся...

Ожидание затянулось. К моему удивлению, господин Верт как стоял недвижимо, так и застыл, уставив-

шись глазами в сторону леса, словно высматривал, не идет ли кто к нему на подмогу. Я глянул туда же и заметил, что нас и впрямь прибавилось. В густых сумерках возникли откуда-то новые воины, окружившие нас полукругом.

Потом я обнаружил, что метатели в их руках направлены на нас. Вот ведь дерьмо какое!

Из-за спин воинов в черных кафтанах выступил вперед невысокий толстенький коротышка. Он приветственно сложил ладони и на хорошем парсакане сказал:

— А теперь, любезный Верт, соблагоизволь сложить оружие. Головорезы твои пусть протянут вперед руки и дадут себя связать.

Болк чуть не свалился с телеги, увидев коротышку. С криком «Смерть изменнику Плау!» он ринулся на толстяка, выхватив клинок, но коротышка лишь расплылся в улыбке, жестом остановил двух ратников, выступивших вперед с метателями на изготовку, и пошел навстречу Болку.

— И ты здесь, верный слуга! — приветливо сказал он Болку на ломаном коинаке и протянул вперед руку.

Болк лишь взмахнул клинком и рубанул ненавистного Плау. Что я успел разглядеть, так это свистнувшую полоску над головой присевшего толстяка, быстрое движение ладоней и поножи Болка, когда он кувыркнулся под ноги воинам изменника. В следующий миг на киммерийца надели сразу четверо, а остальные кинулись вячать нас. Никто даже не пробовал сопротивляться.

Нас уложили рядышком на краю рва. Приподняв голову, я увидел, как в воротах городища возникли поселяне и с веселыми криками принялись настилать на уцелевшие опоры щиты, сколоченные из обструганных досок. Пока они восстанавливали мост, Плау

расхаживал вдоль края вместе с мрачным господином Вертом. О чем они говорили, мне не было слышно, да ко всему еще рядом шумно ворочался Болк, которому рот заткнули кляпом, чтобы он не изрыгал хулы на изменников.

Мост почти уже был готов. Плау и его люди окружили телегу с метателем. Любовно похлопав по бронзовому стволу, коротышка Плау поблагодарил мужа своей сестры за столь богатый дар. Верт ничего не ответил, лишь спросил негромко, как распорядится таким подарком удачливый брат его жены.

— Распорядюсь очень просто, — ответил, хохотнув, Плау. — Сначала вернусь в замок и заберу оттуда купели. Они нам очень нужны. Сломаю машину, чтобы даже в мыслях ни у кого не было отсюда убежать. Потом сделаю тебя вдовцом. Пока жива моя сестрица, покоя мне не будет. Я уверен, что именно она подзуживала тебя на карательный поход. Ты потом оценишь, какую великую услугу я тебе окажу, избавив от супруги! Зачем тебе эта тощая стерва, тут такие сочные посялянки есть, гуляй, пока стоит! Или вырастим тебе любую по вкусу, вот только переместим сюда купели.

В этот момент господин Плау мне показался вполне неплохим человеком. Нехорошо, конечно, если он обагрит руки кровью своей сестры, но госпожу Гретте я сам бы с большим весельем удавил, да простят блюстители жизни мои скверные мысли! Немного погодя я изменил свое мнение об изменнике Плау.

Этот толстый негодяй подошел к нам, распростертым на холодной земле, и что-то приказал своим людям. Нас стали поднимать на ноги и погнали к воротам. Шагая по прогибающимся доскам, я слышал, как Плау добродушно говорит Верту:

— А людишек твоих я всех поубиваю. Помучаю немного и убью.

Идущий впереди меня наставник Линь на миг застыл, потом двинулся дальше. Стало быть, и он понял, что нас ждет.

Вот теперь уже точно пришел конец моим приключениям, думал я, со страхом глядя вниз. Словно животных, нас загнали в сколоченную из толстых жердей клетку, а потом с хохотом и криками радостные поселяне споро подняли ее на веревках и подвесили над площадью к бревну, что выпирало из сторожевой башни.

Нас было человек десять, но клетка оказалась небольшой, и мы стояли, тесно прижавшись друг к другу. Я находился с краю и мог видеть, где мы и что происходит вокруг нас. Но лучше бы я этого не видел!

Внизу, на площади, были уставлены столы, и все праздновали победу. Факелы освещали прыгающих в диком танце мужчин и женщин, кто ел, кто пил, кто уже валялся на земле. Под нами пристроился долговязый вояка. В одной руке он держал кружку, а в другой — длинную пикку со светлыми лентами, привязанными к острию. Он подпрыгивал, стараясь достать пикой до нашей клетки, но ему немного не хватало, да и прыгал он вяло, боясь расплескать пиво, а поставить кружку на стол не догадывался или не хотел. Я видел, как двое подрались из-за куска какой-то еды и лупили друг друга деревянными тарелками. Тупые землееды сумели одолеть нас, вот ведь какая досада! Хорошо, что Болк зажат в середке и не видит, кто перехитрил господина Верта.

Веревка подозрительно скрипела, клетка раскачивалась. Наставник Линь был прижат спиной к решетке

рядом со мной. Он осторожно двигал плечами, чтобы развернуться лицом наружу. Закряхтел лидиец, которому Линь уперся в живот локтем, хлипкие жердины под ногами угрожающе затрещали. Наконец он извернулся и встал лицом к башне.

Поселянам, буйствующим внизу, он уделил короткий взгляд, а потом увидел сидящих на верхней площадке башни. Там, под остроконечным верхом, устроенным в виде навеса, за столом пировали изменник Плау и трое его приспешников, а вместе с ними ел, пил и веселился как ни в чем не бывало господин Верт.

Я выругался сквозь зубы и, отвернув голову к тем, что стояли сзади, негромко рассказал Болку о том, что увидел. Болк ничего не ответил, но я расслышал его тяжелый вздох. Лидиец за моей спиной уныло и однообразно жаловался на потерю корабля, товаров, людей, кто-то шикнул на него и он, всхлипнув, замолчал.

Клетка висела недалеко от края ограждения башни. Длинной пикой можно легко дотянуться до Плау. Да и маленький нож в крепкой руке достал бы изменника метким броском. Но перед тем, как впихнуть в тесную клетку, всех нас тщательно обыскали. Я поймал себя на мысли, что прикидываю, как бы выломать половчее одну жердину да заострить ее конец... Глупая затея! Даже если клетка не развалится, нет места, чтобы размахнуться или просто руку поднять.

Закрыв глаза, я раскрыл свое сознание, пытаюсь услышать, нет ли поблизости хоть какого соратника. Но слабый звук, похожий не на звон, а на шорох, пришел ко мне из такой невообразимой дали, что нельзя было представить не только расстояние, но и направление. И шорох этот почему-то казался очень древним, слов-

но творение менторов давно уже истлело, а зов его все еще летит сквозь вековечную тьму. Я тряхнул головой и больно ударился о жердь.

Надеяться было не на кого. При большом везении кто-то из наших воинов мог выплыть в стороне от моста. Вдруг он благополучно доберется ночью до лагеря и приведет завтра днем десятка два карателей господина Верта! Но вряд ли изменник Плау будет с нами тянуть до утра. Видно было, как он время от времени посматривает в нашу сторону, и улыбка на его пухлом лице бросала меня в дрожь. Эх, два гоплита сейчас могли справиться с этой пьяной оравой!

Обидно! Неужели я вырвался из свирепых лап служителей Дома Лахезис, ушел невредимым от Безумного, выжил в бойне на Кхаанабоне и уцелел во время похищения Диомеда лишь для того, чтобы бесславно сгинуть в распре чванливых властителей? Пропади они пропадом! Великие замыслы, оно, конечно, хорошо, да только при этом маленькими людьми всегда подтирают задницу!

Шум внизу стих. Добрые поселяне лежали вповалку, перемежая могучий храп не менее звучным ветрогоном. Тот, что пытался ткнуть в нас пикой, тоже свалился у подножия башни, а пика была прислонена к бревенчатой стене. Если улечься на пол и опустить руку, то куском веревки можно попытаться зацепить пику за небольшой крюк чуть ниже острия. Но здесь не разлежишься, да и веревки стягивают наши руки за спинами.

Линь что-то уныло запел на чинском. Сидящие за столом повернулись в нашу сторону, а господин Плау запустил в клетку обглоданной костью, но промахнулся. Наставник закрыл глаза и продолжал петь.

— Вот сейчас я сброшу их вниз и послушаю, как они тогда запоют! — громко сказал Плау, поднимаясь с места.

Господин Верт ухватил его за руку.

— Зачем убивать их?

— Для удовольствия!

— Не надо. Я прикажу, он перестанет петь.

Коротышка медленно развернулся в его сторону и внимательно посмотрел на свою руку. Верт отпустил ее.

— Как это так — ты прикажешь?! — Голос Плау сделался таким пронзительным, что наставник смолк и раскрыл глаза. — Нельзя так говорить в присутствии моих слуг! Они хоть и не знают высокого языка, но тебя это не оправдывает. Мы по-новому распределим обязанности господина и слуги.

Вот сейчас Верт вспылит и скинет коротышку с башни, подумал я. Но ничего не случилось.

— Давай лучше выпьем! — вскричал господин Верт и потянулся к кубкам. — Все разговоры — завтра!

Плау медленно уселся на свое место и погрозил ему пальцем.

Я разочарованно вздохнул и опустил глаза. К моему удивлению, пика, что была прислонена к стене, исчезла. Наверно, спящий поселянин задел ее, и она упала.

Лидиец, переставший ныть, вдруг рассвирепел. Он помянул всех господ, вместе взятых и по отдельности, красочно описал, как все потомство их будет ковыряться в дерьме вонючих зиккуратов, а когда завернул насчет живородия их матерей и жен, кто-то из пленников робко попросил не святотатствовать. В ответ лидиец грязно выругался, обозвав говорящего самоделом из протухшей купели, но все же замолк, тяжело дыша, и принялся биться головой о жерди.

Клетка опять стала раскачиваться.

— Грохнемся сейчас вниз, руки-ноги переломаем! — сказал я лидийцу.

— Может, и нет, — отозвался вместо него наставник. — Стоим плотно, упадем ровно...

Чинец прав. Если при падении клетка развалится, то кому-то может и повезти. Ворота открыты, стражи никакой. Противный страх сменился злорадством — как свалимся мы сейчас на воина, что пытался нас пикой достать, так из него кишки и вылетят. Вон он лежит, с кружкой в руке, а пика все же куда-то исчезла.

Почему эта клятая пика не идет из головы?

Ответ я получил, как только поднял голову. Острие пропавшей пики пригвоздило одного из пирующих к скамье, а светлые ленты, свисающие с наконечника, лежали у него на груди и быстро темнели от крови. Древко торчало над столом, словно воин господина Плау обзавелся еще одной рукой и указывал на неведомую опасность. Вот вскочил другой воин, опрокинув скамью, третий успел вытащить клинок, лишь господа Верт и Плау застыли на местах. А на площадке башни металась черная тень, и блестящая сталь порхала в воздухе крыльями огромной стрекозы. Упал тот, что опрокинул скамью, отлетела голова второго, успевшего вытащить клинок, а коротышка Плау как сидел, так и остался сидеть, да только тело его уже было примотано крепкой веревкой к столбу, подпирающему остроконечную крышу. Потом фигура в черном облегающем одеянии возникла у ограждения.

— Неплохо, Чопара, весьма неплохо, — одобрительно сказал наставник Линь. — Но ты могла проделать все это гораздо раньше!

Глава двенадцатая

Деяния Лаэртида

Счет дням потерял Медон — плавание казалось бесконечным, словно рок в насмешку над базилеем и спутниками его закрутил события в кольцо. Казалось, волна преудивительных и ужасающих дней пришла к некоему пределу и, отразившись, понеслась обратно. На «Харрабе» приплыли они к темной горе злосчастных гадиритов, а ныне на том же «Харрабе» пересекали беспокойное Море.

Три или четыре дня носило по пенным волнам железное судно. Не было ныне праха старых владельцев с ними, нет, вычищено было холодное чрево, и светильники установлены повсюду. Не тени забытых мореходов витали над его крепкой палубой, напротив, топтали ее гадириты — вполне живые и полные замыслов.

Воины на носу и на корме вглядывались в подернутую маревом полосу горизонта. Горе неосторожному купцу или путешественнику, если выплывет он навстречу «Харрабу»! Велено было согласно приказу мудреца Птахора топить всех, кто окажется на пути корабля. Спросил Медон, в чем причина такой строгости, на что Птахор долго ему объяснял, какие знамения благоприятны в их начинаниях и какие действия уместны при отсутствии знамений. Тонкими были речи

мудреца и наполнены многими смыслами. У Медона даже слегка голова закружилась от слов Птахора, ничего он не понял и ответа так и не получил.

Но не стал о том говорить мудрецу, чтобы не расстраивать его. Сверх меры был учтив и предупредителен Птахор к базилею и его спутникам, Медона же он выделял из них для бесед о высоком. Второй мудрец, Узрис, был моложе Птахора, но не столь общителен. До разговора не снисходил, а на вопросы отвечал нехотя и коротко. Птахор же не гнушался объяснять и простые, по его разумению, вещи. Стоило заикнуться Медону о том, как его занимает тайна движения «Харраба» без гребцов и парусной оснастки, как Птахор сам провел его вниз и показал устройство, похожее на большой пифос для хранения зерна, в который нерадивая хозяйка набила нечесаной шерсти. Открыв железный ларь, один из многих, стоявших вдоль стен, Птахор извлек оттуда кусок сырого мяса, уже изрядно пованивающий, и швырнул его в средоточие запутанных нитей, выпирающих из широкого отверстия. Медон застыл в изумлении, наблюдая, как нити тонкими щупальцами сплелись, мгновенно опутав мясо серым коконом, а потом лениво, словно нехотя, расплелись. Здоровенный кус исчез, словно растаял!

— Любит свежее, но и от тухлятины не откажется, — пояснил Птахор.

Медон мало что понял из рассказа о не живых, но и не мертвых существах, мышцы которых денно и нощно без устали крутят валыдвигающего колеса, лишь бы не забывали кормить почаще. Его потрясла история о мщении древнего царя Брухода, который многие века назад преследовал морских врагов Посейдонии и всех одолел, кроме одного, растерял людей своих, а

когда настал час решающей схватки, отрубил себе руку и, скормив ее кораблю, из последних сил направил его на вражеское судно и протаранил злодеев!

Не был ли «Харраб» кораблем царя Брухода, спросил потрясенный Медон, но внятного ответа не получил, потому что мудрец не помнил, оставались в те времена у гадиритов еще такие судна или все исчезли, рассыпались, изъеденные временем в красную пыль.

Медон крепко держался за скобу в стене — качка была хоть и не сильной, но очень противной. Ему не хотелось спускаться вниз, в помещения, набитые людьми и припасами. Воздух там был густо пропитан запахом нечистой кожи, пота и горящего масла. Здесь, наверху, морской ветер выдувал из головы дурные мысли о безумии. А в последние дни Медон все чаще и чаще задумывался о том, не сходит ли он с ума?

Опять по ночам ему снилась кровавая бойня у стен Илиона, лица богов и героев были прекрасны, но дела ужасны — красной стала вода реки Ксанф, что струилась близ Трои могучей, и многие отважные воители, как говорится, уплыли на своих щитах по волнам кровавым в мрачные воды Коцита. Тревожными были видения, в которых он незримой тенью скользил мимо шатров вождей ахейцев и парил над головами осажденных, но и днем мучили его странные голоса, что раздавались у него в голове. Одни пугали темными пророчествами о судьбе Одиссея и его спутников, другие уверяли Медона, что он вовсе не тот, за кого себя выдает. Порой видения и голоса исчезали, чтобы уступить место назойливому и противному жужжанию, словно забрался ему в голову жук или шмель и теперь ищет выхода...

Но не только это беспокоило Медона. С первого же дня их отплытия Птахор любую беседу осторожно сводит к вопросу: что заставило базилея выйти в море и когда он собирается назад, на плавающую гору? Любопытство свое мудрец объяснял тем, что ему надо плыть к африканским берегам, дабы найти удобное место для воплощения великого замысла. При каждом упоминании о великих замыслах Медону-сводило скулы. Его мучило от воспоминаний: еле унесли ноги от Родота и тут же попали к другому вершителю дел роковых. При мыслях о Родоте содрогался Медон...

Злыми были глаза мудреца гадиритов, а слова источали яд, когда внезапно объявился он в зале правителей и не увидел базилея. Долго смотрел на отверстие в полу рядом с возвышением, заглянул даже в дыру, что вела в темные недра, а потом взор перевел на Калипсо.

О чем они говорили, было неясно Медону. С сухим треском сыпались из уст мудреца слова, спокойно отвечала нимфа, речь ее была подобна шелесту листьев. Крикнул что-то Родот, и стражники ворвались в зал. Шестеро окружили стоявших, а двое из них у колодца замерли с клинками на изготовку. Ахеменид же сидел у стены и улыбался бессмысленно.

— Что бы тебя ни удержало, мудрейший, от святотатственных поползновений — страх или добронравие, — ты оправдал мои ожидания, — так начал Родот, обращаясь к Медону, а закончил неожиданно криком: — Будут наказаны те, кто лживыми посулами вверг правителя в соблазн, будет наказан и правитель, что не внемлет гласу мудрости!

Медон заметил, как осторожно потянулась рука молодого Полита к кинжалу. Но стражник в бронзо-

вых поножах лишь ухмыльнулся. Сверкнул клинок в неуловимо быстром движении, и срезанный пояс оказался на полу вместе с кинжалом и мечом, который так и остался в ножнах.

Несдобровать юноше, подумал Медон. А ведь рядом стоит мудрец, и до старческой шеи его тошей дотянуться нетрудно! Однако душить Родота не понадобилось. Страж, что стоял у колодца, подал знак другому и они отошли в сторону, притаившись за выступом.

Из отверстия показалась голова Одиссея, за ним вылез братец нимфы, а потом объявился и Арет с проклятиями в адрес гадиритского бога.

Базилей не обращая внимания на разъяренного Родота, медленно поднялся на возвышение и только после того, как воссел на трон, сказал ему негромко:

— А теперь поведай мне, какие еще тайны здесь скрывают от своих правителей? Иначе — кара! Быстрая и неотвратимая.

Мудрец так и остался с открытым ртом. Видно было по тому, как бегали его глаза, что размышляет — приказать ли стражникам напасть на базилея или смириться. Неизвестно, на какое безумство он мог пойти, если бы в этот миг Калипсо не заговорила со стражей, после чего воины с поклоном удалились.

Склонив голову, Родот почтительно ответил:

— Не счесть тайн в нашем последнем убежище, и все они для тебя открыты. Но список их длинен, и в свое время узнаешь ты о них, о правитель! Да будет тебе известно, что Тот, Кто Внизу и не бог вовсе. То один из последних Наставников, одаривших нас не только великим могуществом, но и великим несчастьем. Я догадываюсь, кто подверг тебя неопишуемой

опасности во имя полузабытого суеверия. Следует его незамедлительно казнить,⁴ а еще лучше — принести в жертву твоим богам, которым приятен запах горелого мяса.

— Мы давно не приносим человеческих жертв! — строго сказал базилей.

— Отрадно слышать, — протянул мудрец, с сомнением поджав губы. — Тогда я отведу его...

Договорить он не успел. Седдер, которому на ухо шептала Калипсо о словах Родота, вмешался в разговор и закричал что-то, указывая грязным пальцем в сторону гадиритского мудреца. Нимфа в изумлении подняла бровь и сказала:

— Он обещает телом и всеми девятью душами служить тебе, базилей, если ты казнишь Родота.

— Прикончить их обоих, и дело с концом! — мрачно посоветовал Арет.

Еще немного, и Медон с ним бы согласился. Родот начал пугать его, взгляд мудреца время от времени полыхал таким бешенством, что случись оно у собаки — перекусает всех жителей небольшого царства, прежде чем ее остановит стрела лучника.

Тут закричал страшным голосом Седдер, опустив свой перст указующий с ногтем кривым себе под ноги. Смуглым не мог назвать Медон гадиритского мудреца, что годами не видел солнца, но теперь лицо его стало белее яичной скорлупы.

— Если же ты, базилей, примешь сторону мудрецов, — пояснила Калипсо, — то Седдер угрожает сбить щиты Анкида, вскрыв тем водяные затворы, и отправить плавающую обитель на дно морское.

— О каких щитах... — начал было Одиссей, но не успел закончить

Скользнула рука мудреца вдоль складок одежды и в руке его возник небольшой тонкий диск. Движение было молниеносным, но Седдер заметил блеск металла и метнулся в сторону. Диск ударился о железную стену над головой Ахеменида и с тонким звоном отскочил от нее, задев в падении руку Калипсо. Слабо вскрикнула нимфа, когда на ее белой коже взбухла багровая линия.

— Смерть вам всем, безумцы! — вскричал Родот, и скрылся за дверью.

Когда стражники ворвались в комнату, Одиссей и Арет их встретили прямо у входа, а Полит сзади прикрывал базилея от подлого удара в спину. Воинственно размахивая мечом, Медон набросился на коренастого гадирита, который пытался достать Арета сбоку, и рубанул наискось. Медное лезвие ударилось о наплечник и отскочило. Гадирит зверски ослабился, занес свой ужасающе длинный клинок, но тут Арет, расправившись со своим противником, пнул изо всех сил в бок стражника, и тот, отлетев к тронному возвышению, врезался в него головой и притих.

Базилей тоже не церемонился с нападающими. Одному он попросту снес голову, а когда второй поднял клинок, чтобы нанести удар, Одиссей шагнул вперед и, припав на колено, воткнул острие в пах гадирита. Стражник всхлипнул, выронил оружие и повалился на бок.

— Славный удар! — воскликнул Арет. — Кто научил тебя такой хитрости?

Не отвечая, базилей перевел дыхание, оглядел тела четырех стражников и выглянул наружу. И тут же откинулся назад, чуть не упав. Стрела ударилась в створку и разлетелась на куски.

Арет быстро закрыл двери и, набычившись, повел глазами по сторонам. Не найдя ничего подходящего, чтобы подпереть створки, он ухватился за ручки, которые выступали вперед подобно змеям, греющимся под солнцем и, закричав от натуги, согнул их, заведя одну за другую.

Вовремя! В дверь загрохотали кулаки и рукояти мечей, но сцепившиеся медные змеи держали крепко. Ахеменид обратил ухо в сторону двери и удивленно спросил:

— Кто так настойчиво ломится к нам в гости?

Ему никто не ответил.

— Жаль, что плешак удрал, — сказал Арет, а потом удивленно спросил: — Э, а где братец твой, прекрасная Калипсо?

— Нырнул в тайный ход, что под тронем, — ответил вместо нее Полит.

В это время базилей осматривал рану Калипсо. Она почти не кровоточила, но все хуже и хуже становилось нимфе, и вот она уже не смогла удержаться на ногах и сползла на пол, прислонившись к стене. Дети заплакали.

Базилей поднял ее и отнес к трону. Усадил ее поудобнее и озабоченно сказал:

— Легкая рана, но силы твои на пределе. Отдохни, а пока я займусь мудрецом лиходейским!

Калипсо слабым движением руки удержала его.

— Рана легка, но от яда спасения нет!

Вскинулся Одиссей, но палец к губам приложила Калипсо.

— Не надо пугать Лавинию и Латина, пусть думают, что я уснула. Грозился Седдер снять щиты Анкида. Если известна ему тайна водяных затворов, то вскоре морская вода отомстит за меня гадиритам.

Тихий голос ее слабел, дыхание было прерывистым.

— Ты же покинуть спеши эту гору. Но если успеешь, убей то, что видел внизу... Иначе станет оно тем, что наверху... Берегись сына, встреча с ним погибель несет...

— О каком сыне ты говоришь? — хрипло спросил Одиссей. — Неужто Телемах задумал худое?!

— Нет, имени его ты не знаешь... Сын Цирцеи... О боги, тьма сгущается, прощай, любимый...

Глаза ее смежились, но веки вдруг затрепетали, и она еле слышно прошептала:

— Оставь меня на этом троне... Вот посмеюсь я над Гадиром при встрече...

Это были ее последние слова.

Холодную ярость в глазах Одиссея навсегда запомнил Медон. Дверь гудела от ударов, но базилей не обращал ни на что внимания. Он стоял недвижно, обратив ладони кверху, и что-то шептал, как показалось Медону, проклятия. Полит взял на руки маленького Латина, а Лавиния молча смотрела на отца.

— Надо торопиться, — негромко сказал Арет. — Боги встретят ее...

— Не говори о богах, — мягко прервал его базилей.

Медон вздрогнул. Услышал он в голосе Одиссея смертоносную песнь тетивы, звон рубящей бронзы и всхлип копья, пронзающего тело. Страшную месть обещал кроткий голос царя Итаки.

— Боги злорадны и злокозненны, — продолжал между тем Одиссей так же тихо. — Что мы им — твари ничтожные — пальцем ткнул, раздавил... Но один из них **точно** ответит за всех! Теперь удалимся отсюда.

В дверь начали бить чем-то тяжелым. Арет велел юноше помогать слепому, чтобы тот не улетел вниз, а Латина усадил к себе на плечи. Под неумолчный грохот спустились они вниз, тайным лазом. В большом помещении Медон осмотрелся с боязливым любопытством, а потом указал на овальный проем:

— Не этим ли путем сбежал Седдер?

Не отвечал Одиссей, лишь отобрал светильник у Полита и прошелся вдоль стен, обходя громоздкие предметы, подобные разбросанным в беспорядке обломкам колонн.

— Здесь проход! — сказал наконец базилей, заметив узкую щель и ступени, идущие вниз.

Он подошел к Политу и взял у него свой лук. А потом велел ждать его у ступеней, если же долго не будет или еще что случится — бежать и спастись самим.

Хмыкнул Арет и, на пол опутив мальчика, сказал, что не отпустит базилея одного к этому жуку безобразному, да и то, вдвоем одолеть его будет сподручнее. Молча смотрел Одиссей на старого воина. Тишину нарушало сопение Ахеменида, который шумно нюхал воздух, недовольно морщась. Опустил Арет глаза и снова поднял ребенка.

— Будь осторожным, отец, — сказала вдруг Лавиния. — Тебе ничего не грозит, но спеши вернуться назад.

Базилей погладил ее по голове и, поправив колчан, медленно пошел к отверстию, из которого лился бледный зеленый свет. Прежде чем нырнуть туда, оглянувшись и воскликнул удивленно:

— А ты куда, неразумный?

Полит с достоинством ответил, что долг его, как оруженосца, всюду следовать за царем, даже порой вопреки его воле.

Ласково глянул базилей на юношу, покачал головой.

— Воля моя такова: детей моих защищай, а вернемся живыми — будешь как сын мне! За мной не иди.

Тут спохватился Медон.

— Позволь, базилей, быть рядом с тобой. Никогда не прощу себе, что не видел божества Посейдонии! Опять же, коль мщение будет успешным твое, кто воспет этот подвиг, кто опишет его?

И еще помнил Медон, как пробирались они с Одиссеем сквозь тесный лаз, избегая ловушек, а потом, когда взору предстало странное создание, мысли его разбежались, а тело его на краткий миг как бы позаимствовал некто, а потом обратно вернул.

Стрела за стрелой летели, впиваясь в темную глыбу, и вскоре колчан опустел. Не шелохнулся бог гадиритов, в глазах его многократных ничто не дрогнуло, но знал Медон, что ущерб ему Одиссеей причинить не сумел. И еще показалось, что больше всего существо беспокоит сохранность небольших, похожих на круглые камни, шаров, что в обилии лежали вокруг него. Запах в убежище гадиритского бога навевал веселое любопытство, а тихий непрерывный шепот в голове, что смущал его долго, вдруг смолк, слабо ахнув, когда невидимые пальцы словно пощекотали голову Медона изнутри.

— Если стрелы тебя не берут, — вскричал Одиссей и выхватил меч, — так, может, кладка твоя податливей будет?!

Что случилось потом, в памяти отложилось смутно. Будто бы неодолимая сила обволокла их и вышвырнула наружу, к своим спутникам. Дрожащие губы Поли-та, меч в трясущейся руке Арета и прищуренные глаза Лавинии — вот что увидел Медон, немного придя в

себя. Расспрашивал он Полита, почему испугались они их возвращения, но юноша отвечал уклончиво, бормотал что-то странное и наконец признался, что когда базилей и Медон объявились перед ними, то не признали они их сразу и хотели убить. Удивился Медон, но юноша пояснил, что возникли они в облике странном и страшном — ликом вроде бы те же, но словно в оболочке человеческой прятался кто-то другой.

В темноте, еле освещаемой слабым огоньком масляной лампы, они пробирались вниз по ступеням, локти их касались стен. На развилке базилей не колеблясь указал направо, потому что левый коридор шел вверх. Лаз привел их к двери, за которой началась анфилада небольших комнат с такими низкими потолками, что Арету пришлось опустить мальчика на пол.

Под ногами что-то хрустело, шорох в углах и светящиеся точки, на миг вспыхивающие и гаснувшие, подсказали Медону, что крысам здесь должно быть вольготно. И еще он увидел, что вдоль стен кое-где свисали цепи, а в одной из комнат он разглядел прислоненную в угол раму ткацкого станка, но вместо пряжи растянутой на нем смутно белел человеческий скелет. Содрогнулся Медон, подумав, не здесь ли вышивальщицы по коже совершенствуют свое мастерство...

Были и еще комнаты и залы. Порой из-за стен доносились голоса, топот ног, глухие крики. Огонек лампы начал чахнуть и потрескивать, но к тому времени они уже оказались в освещенном помещении.

Шаги базилея становились все медленнее, и не усталость тому была причиной, а неуверенность. Дороги он не знал, и если ранее просто вел своих спутников вниз, то ныне искал лестницы или ходы, ведущие к пристани внутренней.

— Кажется, здесь я бывал! — воскликнул Медон. — Где-то неподалеку гадальные колеса!

И впрямь, через два поворота и три двери перед ними возникли спицы машины. Молча смотрел Одиссей на лотки и спиральные желобы, вздохнул и сказал:

— Велика мудрость гадиритов, но не будет им пощады! Во имя великого замысла прольют они море крови. Маленький остров дороже мне и милее, чем все могучие царства. Рад я, что Трои погибель костью в их горле застряла.

Медон споткнулся о деревянный шар и тот откатился к бронзовому сосуду, одному из многих, составляющих круг у гадальной машины. Подняв его, пригляделся и хмыкнул:

— Вот и знак «ун», означающий благоприятную встречу.

Слова его были прерваны громким лязгом. Откинулась невидимая створка, и на выступе возникла над ними знакомая фигура.

— Что, затаились предатели?! — вскричал Родот. — Стража...

Он не успел закончить, как деревянный шар с глухим треском врезался ему в лоб. Мудрец взмахнул руками, словно изумляясь такой неблагоприятной встрече, и полетел вниз головой в переплетение длинных лотков и медных конусов с глубокими спиральными желобками. Упал неудачно, острая вершина конуса пронзила его тело и вышла из спины, как неуместный рог.

— Вот и нет нашего плешивца, — только и сказал Арет. — Ловко ты его уложил.

Медон не ответил ему, он и сам был удивлен такому удачному броску.

Шум и крики донеслись из проема, откуда низвергнулся Родот.

— Уходим отсюда, — приказал базилей. — Тебе, Медон, ведомы эти места, ты нас и води!

Уверенно возглавил шествие Медон, но вскоре заплутал он в переходах, растерялся, и лишь когда попал в помещение, где полки высились до потолка, а большой стол был завален странными фигурами, успокоился. Здесь Родот поил его живительной водой и толковал о судьбах Посейдонии. Осиротела ныне мудреца обитель, подумал Медон с сожалением. Будь у Родота нрав не столь злобным, может, иначе бы все обернулось!

Проходя мимо стола, Ахеменид, одной рукой цеплявшийся за пояс Полита, другой смахнул со стола небольшую пирамиду из полированной бронзы. Звонко ударилась об пол она, вздрогнули путники и ускорили шаги, следуя за Медоном.

Щит отодвинув, что вход в коридор прикрывал, огляделся Медон, но пустынен был коридор и тих, лишь сверху доносились слабые удары и треск, словно кто-то ломал переборки. Вышли они в коридор близ покоев своих, но далее повел их Медон, сказав, что знает, как отсюда добраться до низа, к причалу.

Он хорошо помнил дорогу, а когда вышли все на лестницу, что вниз вела, на миг даже замер, потянув носом. Пряные запахи поварни почуял и Ахеменид, пожаловавшись шепотом на голод. Медон вслушался, однако тихо было в той стороне: ни звона медных сковород, ни грохота крышек об котлы. Наверно, разбежались повара и затаились на время смуты в кладовых, полных снеди вкусной. Отогнав от себя мысли о еде, Медон вывел базилея и всех остальных к площадке,

откуда удалось ему в свое время разглядеть и гребцов многочисленных по одну сторону высокой переборки, и рабов взбунтовавшихся — по другую.

— Вижу корабли! — сказал базилей, вытянув руку.

В свете факелов сверху было заметно, как у триеры копошатся люди, перетаскивая тюки и коробка на соседнее судно, нескладное видом. Медон же всматривался в другую сторону, но никак не мог разглядеть гребных весел. Какое-то движение внизу было, но что там происходило — не разобрать, лишь звуки, похожие на треск валежника, доносились оттуда.

— Уж не «Харраб» ли к отплытию готовят? — насторожился Одиссей. — Нам ни к чему этот железный саркофаг, захватим малое суденышко и в путь! Вперед!

Люк, откуда в прошлый раз появился стражник, чуть не спаливший Медона, остался открытым. Арет передал мальчика базилею, а сам прошел вперед с мечом на изготовку. Медон шепотом подсказывал, куда идти и где сворачивать. Внизу они попали в узкий проход между высокими стенами, а когда вышли на пристань, то за выступом наткнулись на тело, облепленное крысами. Рядом валялось копье огненного боя.

— Ага, вот он куда свалился! — сказал Медон, подбирая копье. — Потому и не нашли...

— Это ты его, что ли? — уважительно спросил Арет.

— Чуть не сжег меня, когда Седдер убегал, — пояснил Медон.

Он хотел еще что-то сказать, но Арет предостерегающе поднял руку и он замолчал. Ахеменид, прислонившись к стене, голову вниз склонил и пробормотал что-то. Старый воин вдруг пал на колени, словно отдавая почести мертвому стражнику, а потом прижался ухом к металлическим плитам.

А когда поднялся с колен, то мрачная улыбка появилась на его лице.

— Кажется, братец добрался до своих щитов. Ты тоже, увечный, слышишь гул воды?

— Где-то хлещут струи, и очень сильные, — ответил Ахеменид.

— Так поспешим! — сказал базилей.

Медон не знал, как пользоваться огненным копьем, и хотел бросить его, но Одиссей отобрал его и, повертев в руках, вернул, посоветовав беречь на всякий случай.

У кораблей их остановила стража. Три гадирита вышли навстречу, один из них что-то спросил, на что Арет высокомерно ответил, что не пристало их правителю говорить с простыми воинами. Рука его как бы случайно легла на рукоять меча, а Полит отвел детей и слепого в сторону. С «Харраба» по сходням сбежал гадирит в длинном плаще, а за ним еще трое стражников с клинками в руках. «Плохо дело, — подумал Медон, — двое на одного!» Он перехватил огненное копье поудобнее, чтобы использовать его как палицу.

Стражники, что остановили их, при виде копья шарахнулись в стороны. Гадирит в плаще замер, потом вдруг согнулся в поклоне и масляным голосом проговорил:

— Птахор смиренно просит великодушия, о правитель! Не признали тебя стражи во мраке невежества! Нерадивые будут наказаны, неучтивые казнены. Повелевай!

Арет оглянулся на базилея и подмигнул. Здесь, внизу, явно не знали о том, что творится наверху.

— О казнях потом, а сейчас ты поведай мне, Птахор, — звучно сказал Одиссей, — куда снаряжаете судно и кто поведет его?

— Совет мудрецов, повелитель, направляет нас к африканским берегам. С твоего высокого благоволения вернулся к нам «Харраб». Ныне исправили мы поврежденное, выпрямили искривленное и наплатили алчущее. Готовы к отплытию, ждем лишь слов напутственных Родота.

— Не жди, — сообщил ему базилей. — Занят делом Родот, важным и срочным. Прямо сейчас отплывай, а мы с тобою в море выйдем!

Пристально глянул мудрец в глаза базилея, а потом наклонился к нему и спросил доверительным шепотом:

— Что, не подавлен бунт до сих пор? Ценю благоразумие правителя — на «Харрабе» смуту переждать не в пример спокойнее.

Долгим взглядом ответил ему Одиссей и губы в улыбку сложил:

— Почетно быть правителем столь мудрых потомков Гадира.

— Мудрость наша ничто пред величием Наставников, — скороговоркой отозвался мудрец, а потом предложил взойти на корабль.

Медон и Арет остались на палубе, остальные спустились вниз. Старый воин беспокойно поглядывал по сторонам, ожидая крика истощенного сверху или гонца с повелением вязать беглецов. И даже когда за кормой «Харраба» ударили лопасти гребного колеса, а перед носом медленно разошлась щель, выпуская в море корабль, даже тогда настороженно он озирался, готовый к любому коварству.

Но вот сошлись створы гигантских ворот, темная гора, нависающая над ними, медленно отдалась, все дальше и дальше уплывало железное судно, а потом исполинское сооружение гадиритов и вовсе преврати-

лось в небольшую пирамиду, выступающую над волнами, словно диковинный поплавок, потерянный нерадивым рыбаком. И лишь тогда Арет вздохнул с облегчением и изумленно воскликнул, уставившись в багрянец вечернего неба:

— Ты гляди, светло-то как! Я про солнце и думать забыл в этих чертогах Аида!

Воспоминания Медона прервал крик с носа корабля. Наблюдатель что-то заметил и теперь подзывал других воинов. Держась за покатый борт, Медон перебрался к носу и увидел маленькое судно без паруса и весел, которое мотало по волнам недалеко от них. Вблизи оказалось, что нет никого в нем, наверно, смыло волной несчастливое мореплавателя. Вот на чем можно ночью сбежать отсюда, подумал Медон, но тут о тяжелую тушу «Харраба» разбилось суденышко в щепы.

Медон вздохнул и отправился вниз.

Горели ярко масляные лампы, пылью больше не пахло, но тесно было в чреве корабельном. Немного было гадиритов, три дюжины, не более, однако грузы занимали почти все свободное место. Лишь Одиссея и спутников его разместили в комнате, что находилась под башней с рычагами управления, да Птахор с Узрисом ютились в закутке, отгороженном тюками аж до самого потолка.

К ним заглянул Медон, когда шел к базилею. Птахор сидел под качающимся на тонкой цепочке светильником и озабоченно водил пальцем по металлической пластине. А неразговорчивый Узрис лежал у стены с закрытыми глазами.

Заметив Медона, сделал Птахор жест приглашающий и пластину отложил в сторону. Опасливо глянул

Медон на веревки, которыми были стянуты тюки, и спросил, присев рядом:

— Не боишься, о Птахор, что от качки обрушится груз и задушит вас, спящих?

— Не боюсь, — ответил мудрец. — Другое тревожит меня. Пора нам плыть к берегам африканским, но и правителю надо вернуться и трон укрепить. Течения и ветер благоприятны первому, второе — не менее важно. Хотя... — наморщил тут лоб Птахор, — если с нами правитель отправится далее, худа не будет в том. Пока Родот присматривает за порядком на плавающей цитадели, правитель ступит на землю и место для города освятит.

— Так вы собираетесь город закладывать? — С этими словами Медон взял с пола металлическую пластину, на которой были выдавлены тонкие линии, по очертаниям напоминающие карту.

Прищурил глаза, повертел так и этак и, вздохнув, отложил.

— Прав был Родот, на коже смотрится лучше! Значит, надоело по волнам носиться, и ныне вы сходите на сушу. Кто же мешал вам к берегу раньше пристать?

— Не раз и не два мы сходили на берег и городов основали немало, — ответил Птахор. — На юге, в двух днях плавания отсюда, Гхар Дагган, город богатый, давно был основан, да только забыли об этом его обитатели, или вот, скажем, на севере...

В закуток сунулся гадирит, которого Медон частенько видел за рычагами управления, и что-то сказал Птахору. Тот коротко ответил, и гадирит исчез за тюками.

— Ныне пора нам город воздвигнуть другой. Время не ждет, потомство Наставника скоро увидит свет его мудрости. — С этими словами Птахор соединил ладо-

ни и голову склонил почтительно. — Но тебе, наверное, понять меня трудно...

— Нет, отчего же. — Медон улыбнулся. — О многом рассказал мне Родот и диковин немало я видел. Машину Замана, родильные чрева Анкида и даже...

Он умолк и глянул искоса на мудреца. Птахор кивнул благосклонно.

— И даже Наставника вашего!

Узрис, что лежал у стены, внезапно раскрыл глаза и сел. Медон не отвел взгляда.

— Лицезрел я его, и коконы видел, что рядом лежали, — твердо сказал он. — Стало быть, время пришло появиться потомству?

Птахор обменялся взглядами с Узрисом, а потом рассмеялся негромко.

— Прав был Родот, говоря, что по духу и разума силе ты близок нам. Место твое рядом с нами. Правители приходят и уходят, а кто может заменить мудреца?! Узнай, что и впрямь наступает пора возвращения Наставника с приплодом своим. Когда-то их было великое множество. Мощь Посейдонии их попечением лишь укреплялась, но однажды стала чрезмерной...

Птахор тяжело вздохнул, а Узрис вторил его вздоху и снова лег.

— Слышал не раз я о том, что Посейдония сгинула в пучине, — сказал осторожно Медон. — И Родот обещал рассказать мне об этом, да все недосуг ему было — история длинная.

— История, увы, коротка, а вот предыстория — да. Начало ее теряется в бездне времен. Был царь Гадир силен и отважен, а десять сынов его царства пределы расширили на всю Посейдонию. Но так бы ему оставаться царем, одним из бесчисленных царей, что пра-

вили, правят и будут править, если бы не чудесное при-
бытие Наставников. Возникла их сияющая пирамида
из ниоткуда, и вышли они из нее видом страшные, но
сутью полные великодушия, нам недоступного. Быст-
ро привыкли к ним гадириты, жили они среди нас и
учили вещам, непонятным вначале. Узнай ты хоть ма-
лую толику, достойный Медон, сколько миров есть,
подобных нашему, лишился бы разума!

«Что ты знаешь о безумии, — с неожиданной зло-
бой подумал Медон. — Тебе бы мои голоса и видения!
А что до жука вашего, так сейчас, наверно, рыбы глаза
его страшные выели!».

— Много мужей гадиритских пустились тогда вме-
сте с ними в отважные путешествия, — продолжал меж-
ду тем Птахор. — С помощью пирамиды открылись
нам двери в иные миры, где под светилами чуждыми
видели тварей, подобных богам иноземцев, видели зла-
ки, подобные скоту, и видели нечто, ни на что не по-
хожее. Сколько ушло невозвратно, пропало, исчезло
навек! Может, где-то сейчас потомки первых путе-
шественников города и царства воздвигают под ины-
ми светилами. Но однажды вернулись Наставники
наши в расстройстве: их встретил неведомый Враг и
урон был тяжелым. О войнах тех память не сохрани-
лась. Где они шли, кто кого одолел — неизвестно!

Задумался Птахор, а Медон тряхнул головой. Он
чуть не заснул под монотонный голос. Много забав-
ных историй и вымыслов дивных собрал он в храни-
лище свитков на Заме. Жуки из пирамид, вот удивил!
А скажем, история о рождении некоего героя, кото-
рый вышел из медного тростника, что опустился на
озеро в дыме и пламени? Или о злом царе, который
настолько был нравом свиреп, что взглядом раскалы-

вал камни да случайно увидел свое отражение? Вот где изящество, вот где соразмерность вымысла и морали!

— Давно это было, — молчание Птахор прервал. — Остались Наставники малым числом в Посейдонии, так как пирамида, что могла исчезать и появляться, исчезла, но не появилась. И тогда решили цари Посейдонии выручить мудрых Наставников и соорудили огромную пирамиду, величиной с гору...

— И теперь ее носит по волнам, — с улыбкой продолжил Медон.

— Нет. Та гора была выше намного. Ее высота в сотни раз превышала убогую нашу обитель. Строили ее годы и годы, тысячи, десятки тысяч людей трудились над ней денно и ночью. Вершиной пронзала она облака, а грани были обшиты металлом. Плавильни и кузны дымили по всей стране, а корабли в наших гаванях друг за другом толпились, едва успев разгрузиться, как вновь за рудой отправлялись. Когда наконец завершили строение, Регем, царь злосчастный, двинулся в путь, мщение Врагу посулив. Однако исчезла гора и не вернулась обратно. А вместе с ней исчезла и Посейдония. Куда ее прихватила с собой пирамида, тайной осталось навек. Хлынули волны в разверстую твердь, и от царства могучего осталась лишь горстка земли среди бурного моря.

— Как же вы уцелели?

— В поселениях дальних мудрые люди собрали по крупицам утерянные знания, уцелевший Наставник помог их в нужное русло направить. Наместник Этрос, правитель многих земель, что на северном берегу, много сделал для сбережения знаний. Мечтал он создать вторую Посейдонию на землях Эл Талай, которые вы именуете Апенниннами, но было сочтено это

дерзостью. Покинули мудрецы Этроса, а люди его, что решили с ним остаться, чуть в дикость не впали, сойдясь с местными племенами. Тысячи лет пролетели с тех пор, Наставника род чуть не пресекся, но скоро умножится он. Выстроим город. Могучее царство даст людям покой и достаток, а когда под руку нашу придут народы, силы достанет построить еще пирамиду, на этот раз, правда, не столь и большую.

— Так вот в чем суть замыслов ваших великих! — удивился Медон. — Все для того, чтоб ублажить насекомое...

— Не говори так, — прервал испуганно Птахор. — Разум твой не в силах постичь всего сразу, но время придет и для этого. А пока снизойди до просьбы моей и спроси у правителя, долго ли он с нами намерен плыть и не будет ли каких повелений?

— Я спрошу... — протянул Медон, а потом взглянул на пластину с картой. — Далеко ли до суши ближайшей?

— В море Тирренском плывем мы, отсюда полдня до этрусских земель. Но если захочет вернуться правитель за женщиной, что с собою привел...

— Она умерла, — сказал Медон и тут же спохватился.

Но вопросов не последовало. Птахор пожал плечами и заметил равнодушно, что, мол, ничего, вскоре можно будет вырастить новую, моложе и послушнее. Медон поднялся, опершись о посох, пообещал до вечерней трапезы непременно поговорить с Одиссеем о намерениях его и выбрался из закутка.

Он застал базилея шепчущимся с Аретом. Полит и дети устроились на низком топчане. При виде Медона старый воин оживился и поманил к себе. Переступив через храпящего Ахеменида, Медон подошел к ним.

— Настала пора захватить «Харраб», — без обиняков заявил Одиссей. — Возьми свой меч и жди сигнала.

— Мы завладеем «Харрабом» по праву, — добавил Арет. — Кто его первым нашел, кто в море вывел? Тот же!

— Кто спорит, — также тихо отозвался Медон. — Хорошая добыча украсит возвращение. Оставлять такой корабль в руках безумцев — это преступление. Знаете ли вы, что они собираются делать во славу жука своего?

Он склонился к уху Одиссея и зашептал, торопясь и глотая слова, будто опасался, что не поверит ему базилей, высмеет и велит замолчать. Выслушав сбивчивый рассказ Медона, улыбнулся Одиссей, и вздрогнул рассказчик от этой улыбки.

— И впрямь, безумны они! — согласился базилей. — Но долго придется им ждать, когда всплывет их бог на поверхность. Так нападём на них смело, и корабль наш!

Арет проверил лезвие своего меча, потом потер лоб и нахмурился. Посмотрел в угол, где было сложено оружие, перевел взгляд на Медона.

— Умеешь ли ты пользоваться огненным копьем? — спросил он его.

— Видел, как пламя изрыгается, но что тому причиной — не знаю.

— Вот невезение! — тихо воскликнул Арет. — Почти у всех воинов здесь копья такие, и не спят они все одновременно, чтобы можно было их вырезать тихо. Внизу один бдящий воин сожжет нас легко, а в башне управляющей трое всегда начеку. Как же нам быть?

Одиссей задумался. И впрямь, если верить словам Медона, против оружия, мечущего пламя, не устоять.

Стрелы остались в теле жука, а мечом в тесных помещениях не размахнешься.

— Если не сражаться, то можно просто уйти от них, — заметил Медон, поняв, какие сомнения гложут базилея. — Готовы они повиноваться любому твоему приказу.

— А вот пусть глотки друг другу перережут, — радостно предложил Арет.

— До берега плыть полдня, а может, и меньше, — добавил Медон. — Нас мало, их много, а с безумцами сражаться опасно, боги их опекают.

— Ты прав, — решил Одиссей. — Эх, будь я молод, да сюда бы десяток верных друзей, что под стенами Трои остались... Сообщи им мое повеление.

Обрадовался Птахор, узнав о том, что правитель высадится на берег по тайному делу и будет ждать их возвращения, чтобы вместе вернуться на плавающую гору. Тут же поднялся в башню на палубе, сам рычаги рулевые выставил образом должным. А в сумерки возникла на горизонте полоска земли, и радостно забилося сердце Медона — много чудес и диковин увидел он в последнее время, но плавание уже ему надоело сверх меры.

Одиссей и его спутники с пригорка наблюдали, как исчезает «Харраб», уходит на юго-восток, пропадает за чертой окоема. Слабость в ногах ощутил Медон, уселся на землю и чуть не заплакал.

Арет долго смотрел на пенный след, оставленный кораблем, вздохнул и сказал базилею:

— Надо было вести их на Итаку, там с ними справиться — плевое дело!

Базилей не ответил.

— Нельзя плохим людям показывать дорогу к дому, — вдруг подала голос Лавиния.

Рассмеялся Арет, подхватил девочку на руки, подбросил, поймал и опустил на землю.

— Эти плохие люди и без нас знают все дороги, — сказал он, переглянувшись с Одиссеем.

Слепой Ахеменид оперся двумя руками о посох и крутил головой, прислушиваясь.

— Там! — вдруг сказал он испуганно, указав пальцем в сторону невысоких холмов. — Там идет битва, или же звон мечей почудился мне!

— Ничего не слышу! — Арет обвел пристальным взглядом холмы и побережье. — И не вижу, — добавил он. — Но все же надо поостеречься. Если тут свара, то нам ни к чему к ним соваться.

— Ищите пещеру или другое убежище! — велел Одиссей. — Спрячемся и переждем день-другой.

Вскоре они обнаружили неглубокий грот в скале над берегом. Чтобы забраться в него, надо было пройти вдоль узкой песчаной кромки, а потом взобраться по валунам немного вверх. Сюда перетащили корзины с едой и кувшины с водой. Арет прихватил с корабля пару щитов да поножи с наплечниками, но поножи оказались базилею велики, и он уступил их старому воину. Хотел Птахор оставить нескольких воинов с ними, да Медон отговорил, сказал, что в этих местах ничего им не угрожает.

Ахеменид опять свалился с головной болью, а потом завернулся в плащ и затих. Перекусив, уложили детей, а базилей выбрался наружу и принялся рассматривать огненное копье. К нему подошел Медон и показал, откуда вылетало пламя и как держали копья стражники. Одиссей присмотрелся и обнаружил неболь-

шой изогнутый шпенек, внутренняя сторона которого блестела чуть сильнее, чем бронзовая трубка копья. Узкий паз, из которого торчал шпенек, тянулся почти на треть копья. Взяв, как показал Медон, древко под мышку и направив в сторону утолщение, похожее на небольшую амфору, базилей понял, что большой палец его цепляет за шпенек. Потянул его — и тот удивительно легко двинулся вдоль паза, но чем дальше, тем труднее было его тянуть, а потом палец сорвался, шпенек с щелчком вернулся на место, а из горлышка «амфоры» выхлестнула струя пламени.

— Ага! — вскричал Одиссей. — Теперь можно посмотреть, что там творится, за холмами!

Медону велено было охранять детей и слепого, Полита оставили в дозоре у подножия скалы, а базилей и Арет направились в сторону холмов.

Быстро темнело. Они прошли косогором к ложине и увидели огонь костра, а в их свете шатер. Бесшумно крались они вниз по склону, потом залегли у кустов орешника.

— Трое или четверо, — шепнул Арет. — Что будем делать?

— Пойдем узнаем, где мы, что это за люди, — ответил в полный голос базилей, встал и, не таясь, двинулся к костру.

Арет выругался негромко и последовал за ним.

У костра сидели трое, а из котелка над огнем исходил сытный запах бараньей похлебки, обильно заправленной чесноком и мятой.

Один из них вскочил и, угрожающе выставив перед собой длинный нож, крикнул:

— Попрошкам здесь не подают! Идите своей дорогой, люди добрые!

А другой с любопытством посмотрел на Одиссея и спросил:

— Что за лопату несешь на блестящем плече, чужеземец?

— Этой лопатой сейчас я тебя превращу в головешку! — рявкнул базилей, рассерженный неласковым приемом.

Полог шатра откинулся, вышел невысокий человек в коротком гиматии, внимательно посмотрел на Одиссея и грустно сказал:

— Все бы тебе жечь, воитель неугомонный. Может, пора остановиться? Или продолжим старую свару?

Вздрогнул Одиссей, голос его услышав. Опустил копье огненное на землю, вздохнул и ответил:

— Не знал, что встречу тебя здесь, Эней! Нет ныне между нами вражды.

Глава тринадцатая

Анналы Таркоса

Гладкие стены окружают меня. Вылезти из тесного узилища можно сквозь небольшое круглое отверстие, однако зловещая тень соратника время от времени пересекает светлое пятно выхода. Те, кто заточил меня в этот холодный каменный мешок, опасаются, наверно, что в моих силах разорвать цепи на руках и ногах, либо же сковали для того, чтобы я не одолел голыми руками соратника. Лестно, но глупо.

Когда действие дурманящего пойла ослабло, я перестал хихикать, радуясь восхитительно разнообразным трещинам в стене, сквозь которые, если присмотреться, открывались места, захватывающие дух, и тончайшему перезвону цепей, подобному музыке с кораблей, полных арфистов. В голове немного прояснилось, но все попытки коснуться разума соратника, что стерег меня, ни к чему не привели — вязкая муть в голове не позволяла распахнуться нужным дверцам.

И поэтому мне ничего не остается, как ждать решения своей судьбы, раскачиваясь на цепях, и вспоминать, как несколько дней назад со связанными руками почти так же висел я воздухе, только не на цепях, а в тесной клетке, набитой людьми, исходящими страхом...

После того как Чопара расправилась с людьми господина Плау, она выдернула пiku из тела убитого и,

подцепив крюком веревку, раскачала нашу клетку. Веревка скрипела, я закрыл глаза, ожидая, что в любой миг она оборвется, и мы самым подлым образом воткнемся в землю накануне своего спасения. Я взывал ко всем богам, от Гефеста-кузнеца до Митры и от Гончара и Сына Его до Вишну, чтобы они укрепили веревку.

Не знаю, услышали они или нет, но когда я раскрыл глаза, господин Верт уже втаскивал клетку, кряхтя от натуги, на перила. Чопара полоснула ножом по веревке, и клетка рухнула на пол. Жалобно взвыл лидиец, Болк хрипло выругался, а потом жерди рассыпались и мы закувыркались на досках верхней площадки.

— Ну вот и все! — сказал Линь, вставая с колен.

Вережки больно впились в руки, на запястьях потом еще долго багровели рубцы. Колени мои дрожали. Я присел на скамью, столкнув с нее мертвеца. Лидиец и воины ушли, наверху из плененных остались, кроме меня, только Болк и Линь. Болк схватил со стола кружку и опрокинул ее себе в рот, облив грудь пивом. И только после этого подошел к Верту.

— Приказывай, господин! — сказал он. — Перебить всех грязеедов сразу или сначала допросить с огоньком?

— Общение с Плау испортило твой характер, — ответил господин Верт. — Это мои люди, временно обманутые лживыми посулами. Зачинщиков накажем, остальным урежем послабления. Пока всех связать, никого не бить, ничего не спрашивать. Теперь о тебе, приткая девица...

Чопара шепталась с наставником и, услышав свое имя, подошла к господину Верту, смиренно улыбаясь в ожидании похвалы.

Однако не дождалась.

— Мужчины первыми заключили договор с менторами, — строго произнес Верт, — не для того, чтобы женщины о своем месте забывали! Нам трудиться, вам — ублажать нас.

В глазах Чопары мелькнули искры, но она склонила голову и тихо сказала, как прошелестела:

— Разве не ублажила я тебя, чтимый господин, хотя бы тем, что твоего врага пленила, а тебя освободила?

Верт стукнул кулаком по столу так, что пустая кружка подпрыгнула и скатилась на пол.

— Кто тебе сказал, что я нуждался в твоём освобождении?! Плау уже не был опасен!

Действительно, господин Плау выглядел очень плохо. Наверно, то, что он был одолен женщиной, ввергло его в тоску. Голова упала набок, из открытого рта текла красная жижa. А приглядевшись, я увидел, что он и не дышит вовсе! Судя по тому, как внезапно замерла Чопара, а Линь многозначительно покачал головой, они тоже заметили, что госпоже Гретте не придется выковыривать глаза своего брата.

— Я не хотела его смерти, — громко сказала Чопара, — но готова нести кару за нее.

— Глупая девчонка! — засмеялся господин Верт. — Твои прыжки его не могли остановить. Он страшен в рукопашной схватке и не знал в ней себе равных. Сейчас ты лежала бы здесь с переломанными костями. Но я победил его.

— Мой господин сильнее всех! — воскликнул Болк.

— Не только, — благосклонно кивнул ему Верт. — И умнее! Я подсыпал ему яду. Он уже был покойником, когда ретивая девица здесь скакала!

Мы заняли лучшие дома, но спать почти не пришлось — охраняли ворота на случай, если вдруг обя-

вится какой-либо мятежный отряд. К утру поселяне обнаружили, что опять вернулись под длань господина Верта. Неудовольствия никто не выказал, может, еще и потому, что все чувствовали себя прескверно — с похмелья, да еще и связанные попарно. До самого вечера к Верту приводили поодиночке жителей городища, и после короткой беседы он определял, кого отпустить с миром, кого посадить за крепкий засов, а кого и зачислить в стражники. Последних набралось, к моему удивлению, немало. А там и подмога из лагеря подоспела.

Два дня готовились к походу на соседнее городище. Мне велено было с ближайшей оказией возвращаться к звездной машине под начало Диомеда. Все это время я болтался без дела — от моего звена почти никого не осталось, да и от ратных подвигов меня уже тошнило. Что господин Верт, что Плау — сущие кровавые безумцы, а не достойные правители! И госпожа Гретте, скажу я вам... Ясное дело, почему им тесно стало под присмотром Высокого Дома! Да только не мне судить их — сам беглый преступник.

Вот я скучал, сидя на высоком крыльце двухъярусного дома, в котором разместился Верт и куда стекались помалу верные ему управители поселений. Весть о гибели Плау разнеслась быстро.

Напротив дома в куче зеленоватого песка возились дети. Мне они показались неухоженными и отошавшими. Рядом со мной на скамье сидела женщина в мятой хламиде, качая на коленях двух маленьких девочек. Она напевала им колыбельную о добром паучке и злом комарище.

Мне стало грустно. Доведется ли мне когда-либо расцеловать на ночь своих сынов, спеть им что-либо

из дозволенных песен? Совсем недавно добрый семьянин Таркос из Микен рассказывал им истории о жуке отважном, который побеждал злого дельфина, врага моряков, а ныне самозванный Тар из Тайшебаини бродит жупелюгой бездомной, недостойный плевать доброго семьянина.

Не знаю, чего мне хотелось больше — возвращения дней вчерашних или просто выспаться хорошо. Ночь была беспокойной. Когда все уже спали, в дверь моего закутка кто-то поскребся, и шепот Чопары возвестил о ее намерении воздать мне почести, дабы причаститься тайн, которыми, по ее разумению, был я наполнен. Сперва я не понял, о чем это она, но очень быстро намерения ее стали ясны. Однако тут меня как естества лишили! Я вспомнил, что видел ее в мужском теле, и что бы все эти мрачные чудеса ни означали, подозрительным и противоестественным было бы наше соитие. Слова ее становились все жарче, но холод мой все же она ощутила. Обижать ее не хотелось, но и превозмочь себя я не мог. Поняв, что от тайн ей ничего не перепадет, она всхлипнула и исчезла из моего закутка.

Жаркие наступили денечки. Приходилось пять, а то и шесть раз в день перемещаться из замка Верта на Ванхасс и обратно, вывозя людей и грузы. Как я понял, многие из жителей долины, зажатой между горным хребтом и морем, уже перебрались на новые земли. Госпожа Гретте сразу же отправилась к своему супругу. Из того, что мне довелось услышать, я догадался, что она очень недовольна легкой кончиной своего брата.

Гудели двигатели, звенели тяги, шелкали собачки на зубчатых колесах, а мы с Диомедом обильно поли-

вали своим потом машинное помещение. Приходилось торопиться. Кто-то из переселенцев видел большой воздушный шар, пролетающий над перевалами. Может, торговая гондола, а может, и наместник Высокого Дома решил проверить, по какой причине давно нет новостей из Приморской марки и почему не возвращается ни один из бдительных братьев, посланный в эти края.

Наши подручные оказались редкостными болванами. После того как один из них, имя которого я и говорить-то не мог, чуть не сломал рычаг, Диомед их прогнал и велел привести новых. Но и от новых толку с пчелиное жало. Впрочем, и сам он все чаще ошибался, правда, больше по мелочам. Я только и успевал быстро и незаметно дожимать стопоры рычагов до упора, оставлять небольшой запас хода перед конечным доворотом углов камор...

В короткие часы отдыха мы отсыпались и отъедались в лагере на Ванхассе, в шатре, который раньше занимал господин Верт. Из городища порой доносились вести о новых победах над мятежниками, о беглых поселянах, за которыми сейчас охотятся по лесам, и о странных причудах госпожи Гретте, неожиданно впавшей в добродетель и потому особенно страшной — никто не знал, что теперь ждать от нее — доброй! Впрочем, своих нукеров она пока оставила в замке.

Пару раз объявлялся сам господин Верт. Оглядывал горы огромных тюков и ящиков, ряды купелей, бережно укутанных соломой для погрузки на телеги, хвалил нас и даже пообещал Диомеду после завершения исхода дать на кормление пару небедных поселенцев, а со временем, может, и в наследное владение отписать. То ли устал Диомед сверх меры, то ли харак-

тер у него стал портиться, но он тут же возгордился, стал покрикивать по поводу и без повода, а через день как бы между прочим, когда я спросил его о чем-то, велел именовать его господином. Мой пристальный взгляд его не смутил, он сказал, что коли я буду слушаться его во всем, то он примет участие в моей судьбе и с годами сделает из меня неплохого механика, если, конечно, в таком будет нужда.

Я не знал, что делать — рассмеяться или пнуть его в брюхо...

Через три дня Диомеда зарезали во время перемещения.

Тайные враги господина Верта проникли в звездную машину давно — одного из них, сутулого, нескладного саама я знал еще по первым дням пребывания в замке. Он грузил со всеми мешки с семенами, помогал открывать и закрывать внутренние и внешние створки, несколько раз приносил нам еду и питье. Меня потом мучил вопрос: почему нас попросту не отравили — яды здесь, судя по всему, не в диковинку?! Может, им нужно было покончить не только с нами, но и с машиной? И гибель прежнего механика — их рук дело?!

В тот день мы были не очень заняты. Две ходки сделали до обеда, и еще надо было сделать одну. В замке уже собрались последние жители горных ущелий. Они подходили маленькими группами, поэтому их размещали по всем освободившимся ярусам в ожидании остальных.

Болк вернулся с нами. Теперь он был правой рукой господина Верта и его именем отдавал приказы. Он влез на пустующий насест кибернейоса и оттуда ви-

дел, как все произошло. Но даже если бы он спрыгнул оттуда, все равно ничего бы не изменилось.

Створки уже были затворены, а балансиры камор пришли в движение, когда в помещении возник саам с длинным хлебцем в руках. Диомед, руки которого были заняты вымбовкой и рычагом высоты, ругнулся и велел подручным выкинуть его отсюда с неуместным ужином. Последние слова он прохрипел, потому что длинный кинжал, спрятанный в хлебце, оказался у него в груди. В тот же миг из-за перегородки выскочил второй и пырнул кривым ножом саама, а затем перерезал себе горло.

Это произошло так быстро, что третий малый балансир не успел встать на среднюю полку. Болк с грохотом обрушился вниз по железной лестнице, но когда он спустился, то его ждали три неподвижных тела, два испуганных до смерти подручных и один, которому бояться не было нужды, поскольку я знал, что всё — приехали! Даже ахнуть не успеем, как рассыплемся в мелкую пыль — и это не самое худшее!

Болк увидел мои глаза и обреченно спросил:

— Что — пупком завязались?

Я, не отвечая, смотрел, как дурными маятниками раскачивались балансиры, а конус доворота углов с торчащей из него вымбовкой, глупо пошелкивая, раскручивается обратно. Когда все балансиры лягут на полки, а конус дошелкает до конца, тогда мы обречены. Машинально я схватил вымбовку и, чуть не вывихнув кисть, удержал ее на четвертом или пятом щелчке, не доходя до упора. Крикнул подручным, чтобы придержали балансиры. Толку от этого никакого! Если каморы совмещения начали свой путь навстречу друг другу, то их непременно следует точно устано-

вить, иначе собьет всю привязку. А для этого нужно знать, как и в какой последовательности управлять тягами. Опытный механик на одном пути после частных ходок запоминает все девять сочетаний и сорок восемь позиций, так что может обойтись без кибернейоса. Но дело не только в углах, а еще и в согласованных, одновременных действиях... Что теперь говорить! Умиравший Диомед хрипит на полу, истекая кровью, а с этими криворукими не то что машину, бабу толком не выправишь! Были бы они хоть немного пошустрее, как Болк...

— Болк! — крикнул я. — Хватай левый рычаг, быстро!

Мне довелось в последнее время работать с киммерийцами. Неплохой народ, но соображает туго: пока он в затылке не поскребет, пока губами не пошевелит, так и до ветру не сходит!

Но Болк не обманул мои ожидания. Он метнулся к рычагам и вцепился мертвой хваткой в рукоять левого.

Я повел конус медленно, не торопясь, чтобы балансиры не слетели с крюков. Впрочем, к этому времени до подручных наконец пробился мой приказ, и они ухватили по два балансира каждый. Сбив раскачку, я выставил конус на самый большой угол, а потом принялся стравливать тяги. Болк исполнял приказы молниеносно, подручных я отогнал в угол. Наконец я понял, что больше сделать ничего нельзя, а тянуть опасно — с каждым мигом совмещение камер будет расходиться все больше и больше, угрожая выкинуть нас в никуда.

— Ну, во имя кузнечного горна! — С этими словами я вдавил в пол стержень пускателя и закрыл глаза.

Где-то над нашими головами в прорези камор вошел орихалковый цилиндр, заполнив недостающий объем...

Нас даже не тряхнуло, когда мы оказались на Ванхассе!

Утерев пот с багрового лица, Болк так обнял меня, что ребра захрустели. Диомед еще дышал, он даже открыл глаза, губы его зашевелились, но жизни в нем оставалось немного. Не должен так уходить механик — без напутственного слова и дружеской поддержки!

Я уселся на пол и положил его голову себе на колени, мои пальцы коснулись его лба.

Диомед что-то прохрипел, я склонился к нему и услышал начало слов тайного прощания: «Великий Путешественник...»

— «...не покидает своего двора!» — прошептал я ему на ухо завершение отходной мантры.

Глаза его расширились, он не ожидал услышать эти слова от меня. Слабая улыбка осветила его лицо — в последние мгновения своей жизни Диомед понял, что я тоже не тот, за кого себя выдаю.

В мою честь вечером был устроен пир. Славословили, правда, по большей части погибшему Диомеду, а главной заслугой его называли обучение нового механика. То есть меня. Господин Верт особо выделил рвение во всех делах и скромность мою тоже похвалил. Вскользь было сказано, что вообще-то в ближайшее время надобность в звездной машине отпадет, вместе с механиком, но люди толковые возвысятся быстро в сияющих лучах мудрого правителя. То есть его.

Пиво было свежее, хотя Болк, сидящий от меня справа, ворчал, что оно слишком отдает зелеными шиш-

ками, еда неплоха, поэтому я скромно помалкивал, отхлебывая из огромной глиняной кружки. Госпожа Гретте вскоре поднялась и ушла в свои покои. Проходя рядом со мной, она ущипнула меня за руку. Синяк до сих пор не рассосался! Принесли еще пива, тут веселье и началось. Поздно ночью, когда все было выпито, одни расползлись по комнатам, другие упали там, где сидели. Господин Верт задумчиво покачивал головой, опуская ее все ниже и ниже. Я заметил, что глаза у него закрыты — он дремал.

Слева от меня сидел наставник Линь. Он почти ничего не пил, лишь пару раз ковырнул ложкой густое варево, а потом отодвинул миску.

За вечер я несколько раз ловил его короткие взгляды в мою сторону, он словно хотел о чем-то спросить и ждал удобного случая. Наверно, случай представился, когда Болк ухватил за бока пригожую селянку, которая вносила блюдо с печеными овощами, с молодецким гоготом поднял ее и, взвалив на плечи, утащил наверх по скрипучей лестнице. За ними тянулась полоса из овощей — сдобная киммерийка радостно повизгивала, но блюдо из рук не выпускала.

Чинец посмотрел им вслед, а потом сказал мне:

— Давно я забыл радость простых забав...

— Ну так вспомни! Тут, я заметил, женщин добрых столько, что хоть ковром стели!

— Чопара тобой восхищается, — невпопад заметил Линь. — Ты спас звездную машину, людей, груз. Это достойно героя. Ты не должен судить ее строго, она молода, и ее восхищение уместно.

В кружке еще оставалось пиво, и я допил его.

— Ты тоже восхищаешься? — спросил я, уводя разговор от Чопары.

Он долго смотрел на меня сквозь прищур набрякших век.

— Нет, я просто поражен! Такое неожиданное превращение вчерашнего гоплита в опытного механика бывает лишь в героических былинах.

— Так я вроде герой... — Улыбка мне далась с трудом. — Да и не все вам одним удивлять превращениями.

— Если бы Сепух был тогда настойчивее, — задумчиво протянул чинец, — может, сейчас не было бы нужды связываться с этими кровожадными безумцами.

При этих словах господин Верт вдруг вскинулся, выпучил глаза и, уставив на меня указательный палец, проревел:

— Тар, молодчага, хвалю! Сегодня гуляй, а завтра я тебя возвеличу!

И снова уронил голову на грудь объедков.

Наставник Линь даже не посмотрел в его сторону. Он медленно оглаживал свою жидкую бороденку и худосочные усы. Обратил свой взор к потолку, я глянул следом, но ничего, кроме разводов копоти, там не увидел.

— Меня удивляет другое, — сказал наставник. — Может, ты и скрывал истинные свои способности, но теперь это не имеет никакого значения. Тому, кто общался с Великим, кто сберег в себе хоть каплю мудрости его, под силу духом своим перемещаться куда угодно — так учил Прокрит, увы, нас покинувший. Я уверен, что после обращения к истинам Великого Господина в тебе откроются удивительные способности, и не будет нужды в ржавом железе, чтобы отворять ворота в иные миры.

— А ты-то чего не открываешь? — рассердился я.

Попытки Линя обратить меня с каждым днем учащались. Он даже обмолвился, что стоит мне морг-

нуть, как он понесет свет истины местным поселянам, и вскоре, будь на то моя воля, я стану истинным господином Ванхасса. В какой-то миг передо мной возникла даже картина моего правления — я восседаю в замке на месте господина Верта и велю отдать госпожу Гретте слугам на добрую потеху. Но тогда же и устыдился — недолго я общался с безумцами, но уже стал почти таким же, как они. А что будет, если откроюсь соблазнам Безумного, и они начнут разъедать мой разум?

В ответ на мой вопрос Линь принялся объяснять, что просвещенных много, а посвященных единицы, а если быть точным — лишь я один и принял дыхание Господина. Потому мне должны быть доступны такие страшные тайны мироздания, по сравнению с которыми звездные машины — тьфу, три зевка да три плевка! И он принялся рассказывать мне — мне! — о значении пирамид и устройстве звездных машин.

Я опустил голову, чтобы он не мог видеть моих глаз, и, слушая его лепет, вспоминал те далекие блаженные годы, когда мне, подростку, в день приобщения к роду отец показал свиток с дозволенными изображениями и поведал о том, каким образом умелые механики служат во благо и на славу вековечному союзу людей и менторов. Тогда же я впервые услышал от него о чудесных свойствах пирамид. Мало что понял, и только потом из наставлений лучших механиков я узнал о глубинной связи между формой и содержанием, о том, как известным способом сформированные тела влияют на свойства пространства, заключенного в их объеме. Помнится, как седовласый Нарек показывал нам, подросткам из семи микенских родов, кусок стекла и предлагал извлечь из него огонь. После нашего глупого смеха он показал другое стекло и подпалил солнеч-

ным лучом тонкую дощечку. Это нечестно, закричали мы, это ведь увеличительное стекло! А какая разница, хитро спросил Нарек, и мы дружно ответили — разница в форме. Подобно тому, добавил он, как увеличительное стекло преломляет и собирает лучи света, так и пирамиды преломляют и собирают нечто, не имеющее названия в человеческом языке, а как известно, менторы словами не изъясняются.

Потом он долго объяснял суть того, как меняется природа вещей, заключенных в пространство пирамид, а затем поднял палец и торжественно сообщил, что искусные механики умеют изменять свойства и природу самого пространства. Путеводная сила, как свет в увеличительном стекле, собирается в пучок, и если поместить в место ее средоточия еще одну пирамиду, поменьше, но грани которой соразмерны большой, то получится... Звездная машина, радостно вскричали мы. Помню, какой-то рыжий парень спросил тогда, а что будет, если построить очень большую пирамиду и вложить в нее множество соразмерных, одну в другую. Нарек взял увеличительное стекло, прожег в дощечке дыру и посмотрел на нас хитрым глазом сквозь дымящееся отверстие. Задолго до Первого Ментора, сказал он, люди возомнили о себе и построили пирамиду, пронзающую небеса. Многие из низших каст и поныне верят в предания о мщении завистливых богов, но просвещенные роды знают о том, как чрезмерная мощь путеводной силы, можно сказать, выжгла пространство и унесла с собой в никуда тысячи тысяч жизней.

Много дней спустя все тот же рыжий парень спросил у Нарека, а нет ли опасности, что какая-либо огромная гора, похожая на пирамиду, схлопнется, выжжет пространство и увлечет за собой всех нас? Похвалил

его наставник за толковые мысли и поспешил успокоить — нет такой горы, чтобы грани были точно составлены, да еще из одного материала. Правда, заметил он чуть погодя, бывают случаи, когда сила путеводная возрастает немного в горных краях. Места такие известны своими суевериями, рассказами о чудесах и вещах необычных — это неудивительно, потому что природа мироздания хоть в малой степени и на короткий срок, а все же там меняется. Ага, сказал рыжий, значит, сказки о богах придумали горцы! На это наставник Нарек попросил его меньше говорить о богах, чтобы не обижать верующих, а больше думать об испытаниях, потому что если хоть один из нас сойдет, перечисляя детали устройства машины, это он запустит в комнату рой непослушных ос.

Когда я поднял голову, то обнаружил, что Линь исчез. Наверно, заметил, что я его не слушаю, и обиделся. Надо будет завтра принести извинения.

Извиниться так и не удалось. Больше я его не видел и теперь уже никогда не увижу.

Утром меня растолкал возмутительно бодрый и свежий Болк, заставил выпить чашку горячего супа, который желудок чуть было не вернул обратно, и потащил к повозке. Господин Верт обнаружил, что в барабаны с огненным припасом какой-то негодяй всыпал железные опилки, и теперь вместо красного порошка, воспламеняющего спиртовую смесь, там образовалась бурая спекшаяся масса, исходящая вонючим дымом.

Теперь надо было срочно доставить сюда все оставшиеся припасы, а заодно и новых переселенцев.

Неприятности дали о себе знать с первых мгновений нашего появления в замке. Не успели открыть

створки, как с мелодичным звоном лопнули сразу две тяги. Хорошо, что я и помощники в это время сидели на полу. Стоящему отсекло бы голову тросом, который вжикнул из угла в угол и свернулся змеей на рычагах. Второй трос хлестнул по полкам балансиров. Помощники мои так и не поняли, что могли остаться без голов, да, впрочем, и разницы-то для них...

После того, как на моих глазах закололи Диомеда, испугать меня было трудно. Но когда я обнаружил, что тяги подрезаны, гнев обуял меня. Мой крик еще ходил эхом от стены к стене, когда прибежал Болк и вздохнул с облегчением, увидев меня живым. Мы загрузили огневой припас и выгнали всех из машины, велев ничего не трогать до нашего возвращения.

Уже по дороге из пещеры в замок я почуял неладное. словно кто-то пытался заговорить со мной изнутри, а другой воткнул мне в уши свои пальцы, чтобы я не разобрал слов. И еще мне показалось, что если вынуть эти пальцы, то я услышу отклик чомбаловского соратника.

В верхних покоях было пусто, отсюда уже вывезли всю мебель и содрали драпировку стен. А двумя ярусами ниже мы слышали страшные крики, шипение метателей и непонятный скрежет, идущий снаружи, словно когти десятка бойцов царапали стены замка.

Когда мы вышли на лестницу, пол дрогнул, а световые рожки выплюнули длинные струи огня и погасли. Тут же раздался грохот и в лицо пыхнуло жаром.

На краю лестничного коридора находилось небольшое ромбовидное оконце. Свет падал на Болка, и я увидел, как у него отвисла челюсть, а лицо стало белым. Он зашевелил губами, но не успел ничего сказать. Из тьмы выскочил киммериец в дымящейся

одежде и, перескакивая через две-три ступени, поднялся к нам. Увидев Болка, он что-то выкрикнул, схватился за грудь и упал, содрогаясь от жуткого кашля.

— Беда, — растерянно сказал Болк. — Замок в осаде!

Снизу поднялись еще трое. Один из них, с обгоревшими волосами, был очень плох. Его поддерживали с двух сторон, потому что ноги не слушались его, а голова моталась из стороны в сторону. Когда он кашлял, изо рта его вылетали клочья розовой пены. Его прислонили спиной к стене, но обгоревший медленно сполз на пол и затих.

После короткого разговора с ними Болк испытующе посмотрел на меня и спросил, как быстро я успею привести звездную машину в готовность.

— Почему горит замок, кто его осаждает? — Не отвечая, я забросал его вопросами.

Жар усилился, потянуло дымом. Болк и те, что оставались на ногах, метнулись в другой конец коридора. Я последовал за ними и успел вовремя. Огненный смерч ворвался на лестничную площадку в тот миг, когда Болк закрывал дверные створки. Тонкая струйка пламени выплеснулась из щели вниз и погасла.

— Да что же это такое?! — вскричал я.

— Взрываются возгонные кубы светильного газа, — пояснил Болк.

Страшное дело. Я знал, что в нижних ярусах стоят большие медные котлы, в которых томят без доступа воздуха деревянные чурки. Раньше и на звездные машины ставили такие, да только взрывались они, разрывая машину в клочья или же незаметной утечкой тихо душили людей, унося их в последнее перемещение.

Мы прошли в трапезную. Болк схватил колотушку и изо всех сил принялся лупить в гонг, которым обыч-

но созывали к обеду. Из каких-то щелей появились киммерийцы, вооруженные чем попало, прибежали оба нукера. Я посмотрел на их вздутые, наращенные мышцы, уплотненную кожу, выпирающие скулы и яростный блеск глаз, упрятанных в щели глазниц, вздрогнул, но вместе с тем и пожалел, что их не было с нами, когда изменник Плау заманил отряд в ловушку. Эти двое стоили всего отряда!

Тем временем Болк отдавал короткие приказания, люди разошлись по двое и по трое к дверям и окнам, а меня он увлек за собой на верхний ярус. Усевшись на высокое сиденье господина Верта, ныне выглядевшее бедно без пурпурных подушек и золоченых подлокотников, он снова спросил меня о том, могу ли я что-то сделать с машиной, пока верные клятве сдерживают напор осаждающих, а те, кто уцелел вверху, вступят в бой, когда перебыют тех, кто внизу.

— Тросы натянуть — дело нехитрое, — сказал я. — А вот заново балансиры установить быстро не получится. Полдня самое меньшее, и то если будут толковые помощники.

— Это плохо, — огорченно вздохнул Болк. — Придется убить тебя, чтобы ты не показал дорогу на Ванхасс.

— Это глупо, — тут же отозвался я. — Хоть трижды убей меня, да только любой механик без натуги переместится куда угодно, лишь бы реперная пирамида была на месте.

— А где она? — настороженно прищурился Болк.

— На Ванхассе, — пояснил я. — Иначе мы не смогли бы перемещаться.

— Вот невезение! — расстроился Болк. — Мало того что войска наместника осаждают замок, так еще из-за нас господин может пострадать!

Мысль, пришедшая мне в голову, была самоубийственной, но лучшего придумать я не мог.

— Если уничтожить машину, — сказал я, — никто не попадет на Ванхасс. Но и мы останемся здесь навсегда.

Я не стал объяснять ему, что при большой нужде и уцелевшем репере настойчивый кибернейос и опытный механик рано или поздно переместятся хоть в объятия Кали. Кто знает, может господин Верт догадается, почему мы исчезли, и разобьет пирамидку!

Глаза Болка прояснились, он радостно хлопнул меня по плечу и сказал, что немедленно идет в пещеру.

— Остатков огневого припаса хватит, чтобы запалить неплохую свечку! — гаркнул он, а потом грустно добавил: — Жаль, больше не увидимся. Мы с тобой немало славных дел успели наделать, а сколько еще могли... Прощай, если останешься жив — выпей за меня большую кружку пива!..

Он вскочил с места, опрокинув сиденье, и быстро пошел к выходу. В дверях обернулся, поднял два пальца и крикнул:

— Нет, две кружки!

Створки хлопнули, и Болк исчез из моей жизни. Судьба его неизвестна, о моей и говорить не приходится...

Я помню, как спустился вниз к киммерийцам, подобрал на кухне хороший топорик. Терять было нечего — господин Верт в глазах Высокого Дома был архипредателем, и все люди его, скрывшие измену, достойны гнить заживо в вонючих зиккуратах.

Киммерийцы предпочли смерть.

Они бились изо всех сил, но это было не сражение, а бойня. После того как выгорело все, что могло го-

реть, а такого добра было немного, вперед двинулись силы порядка. Один боец мог здесь пройти снизу доверху, истребив всех на своем пути, но узкие лестничные проемы ему не одолеть. Поэтому сражались гоплиты, а вдоль стен темными молниями сновали соратники. Но они лишь вырывали оружие из рук киммерийцев, а люди добивали тех, кто не сдавался.

Никто не сдавался.

Нукеры дрались отчаянно. Клинки мелькали так быстро, что разглядеть можно было лишь короткий проблеск. Чик — и гоплит валился как стебель тростника под ударом ножа. Их не могли одолеть даже соратники. Два или три черных шестинога сунулись было к ним, да только клешни и головы полетели в разные стороны. Соратники отпрянули, а потом посыпались со стен и потолка на нукеров. Чем кончилась эта схватка, я так и не увидел, потому что сбежал на верхний ярус.

Погибать невесть за что не хотелось. Клятвы верности я не приносил, да и какая может быть верность изменнику! Что-то, помнится, бормотал во время пира, когда мосластая Гретте советовала мужу скормить меня медведям, но безумцам лучше не перечить, не так ли?!

Все же досадно, что замыслы Верта исполнились, а те, кто способствовал их исполнению, гибнут во имя долга.

Но тут липкий туман, который клубился в моей голове, словно выдуло порывом ветра. Да пропади пропадом все великие замыслы, ничего я не должен этим властолюбивым убийцам! Спасаться надо...

Окна в зале, где раньше восседал достойный Верт, в отличие от иных были щире и выше, а топорик еще оставался у меня за поясом.

Один сильный удар — толстое зеленоватое стекло рассыпается, и я выбираюсь на заснеженную крышу нижнего яруса.

Холода я сперва не почувствовал, настолько открывшаяся картина поразила меня. Отсюда было видно, как в самом низу гигантской лестницы, которую составили ярусы замка, ворочается огромная змея, втягивающаяся в ворота цитадели господина Верта. Это одна за другой шли фаланги гоплитов, а по обочине дороги бесконечными бусинами тянулись вереницы сородников.

Высокий Дом беспощаден к мятежникам.

Однако пора исчезнуть отсюда. Вряд ли хитрое течение событий вело меня к бесславному концу в рядах изменников. Такие приключения не выпадают человеку простой судьбы.

Не знал я, что судьба уже предопределена, а события близятся к завершению — тесной камерке и цепям...

Крыша яруса вела к склону горы. Сквозь неглубокий снег опасно чернели острые камни. Я нерешительно глянул вниз, но холод уже пробирал, да и невысоко здесь — чуть более двух человеческих ростов. Ухватившись за выступ крыши, я повис на руках, а потом прыгнул.

Прыжок был неудачным, я ударился коленом в камень, кувыркнулся и скатился вниз по склону на три или четыре яруса ниже. Из проломленных стен валил дым, а внутри помещения что-то пыхало, взрывалось мириадами искр и разлеталось головешками.

— А вот еще один изменник! — раздался крик над моей головой.

Из-за большой сосны выскочил гоплит с ручным метателем, а за ним появился второй, вытирающий окровавленный меч о красную тряпицу.

Сильный удар по ногам кинул меня на снег. Огненный заряд пролетел над головой. Я успел еще заметить большой темный шар, который сбил с ног гоплитов, а потом обнаружил, что меня тащат вниз два соратника, и последней мыслью перед тем, как потерять сознание, был знакомый отклик. Один из шестиногов был соратником наставника Чомбала.

Пришел в себя от тряски в телеге. Ноги и руки мои были связаны, я лежал на спине и мог видеть низкое серое небо и темные вершины гор. Когда в глазах прояснилось, я увидел на голове возницы повязку служителя Дома Лахезис и от страха чуть снова не провалился в спасительный мрак.

Наверно, я пошевелился, потому что служитель повернул ко мне участливое лицо и спросил:

— Ожил, достойный?

Эх, была бы у меня свободна хоть одна рука, не понадобился бы и нож! Все я ожидал, ко многому был готов, но встретить после долгих мытарств молчуна Го в таком обличье — нет, не готов.

Пальцы мои судорожно сжимались и разжимались, у меня было всего два желания — убить, и еще раз убить! Я даже не понял сразу, откуда взялась такая ярость, что разгневало меня. Только позже мне открылась суть подлого замысла, рожденного в стенах башни Сераписа или в недрах Высокого Дома.

Прохрипев живородное проклятие, я закрыл глаза. Молчать было не вмоготу, хотя неосторожный вопрос мог погубить меня. В конце концов, если он давно следит за Вертом, то должен знать, что меня похитили силой, ну и все такое прочее...

— Много людей в замке погибло? — спросил я.

Спина чинца ничего не выразила.

— Кто-либо уцелел? — снова я задал вопрос, чуть не прикусив язык, потому что телегу сильно потрянуло.

— Не знаю, — снизошел до ответа Го, глянув на меня через плечо. — Это не имеет значения.

— Ага, — пробормотал я, — значит, машину удалось разрушить.

— Это тоже не имеет значения.

— А что имеет значение?! — вспыхнул я, в глубине души удивляясь своим безрассудству. — До господина Верта теперь не добраться, зря людей положили...

— Изменник несуществен, — ответил Го. — Значение имеешь только ты. Фаланги были посланы за тобой, достойный Таркос.

Сердце мое екнуло, я закрыл глаза и не открывал их, пока не услышал крики гоплитов и свист горелок большого воздушного шара. Мне освободили ноги и отвели в гондолу, а там опять связали.

— Куда теперь? — спросил я чинца. — В Микены? Го нехорошо улыбнулся.

— Бери выше, — сообщил он, подмигивая. — Тебя ждут прохладные палаты Высокого Дома.

Наверно, мне полагалось закричать от страха или обоссаться. Я не сделал ни того ни другого, а просто харкнул чинцу прямо в его раскосые глаза. Терять-то нечего, как ни посмотри! Хуже мне теперь не будет!

Но я обольщался...

Глава четырнадцатая

Деяния Лаэртида

Ночь опустилась на холмы, но Одиссей все еще не выходил из шатра Энея. Присевший к костру Арет настороженно прислушивался, чтобы не упустить миг, когда грозно возвысят голоса собеседники. С воинами, что дремали рядом с ним, хлопот он не предвидел. Лишь в одном он троянца узнал, по выправке да по злобному взгляду, которым проводил базилея, когда тот входил к Энею в шатер. Остальные так, сброд, они еще могут орудовать ножами на глухих тропках, а вот для открытой схватки слабоваты.

Но долгая беседа шла в ночной тиши, и гневный крик ее не обрывал.

Поведал сначала Эней, что не таит зла на царя итакийцев — судьба Илиона богами была решена, а люди лишь волю их исполняли. Но все же доведись им встретиться раньше — вряд ли смирился бы он перед волей богов.

Улыбнулся Одиссей и сказал, что молодость хороша своим пылом, а зрелый муж рассудком. Что им теперь делить чужих жен!

Посмеявшись, оба затем возлили вина местным богам, и спросил тогда Эней, что привело базилея к долинам Лациума.

— Что только не вело меня, — со скрытой горечью промолвил Одиссей. — Порой завидовал друзьям,

погибшим у стен Трои, столь обильны мои злоключения были! Долгие годы не мог вернуться домой, а вернувшись, едва избежал я позора, чуть не явившись на свадьбу жены своей. Кратки были дни пребывания под сенью домашней, рок снова вывел меня на дорогу скитаний. Рассказ о них займет не один день и не одну ночь. Если когда-нибудь время найдешь для усталого путника, много услышишь историй предивных.

— Мне довелось от аэдов услышать песни о гибели Трои, — сказал Эней. — Много вранья, но изложено складно. И о твоих странствиях узнал я немало: боги и девы встречались тебе вперемешку, одни чинили препоны, другие зато ублажали.

— Знал бы ты, какая дрянь мне на самом деле порою встречалась! — вздохнул Одиссей.

И он рассказал Энею об избиении женихов, о плавлении искупительном и встрече с амазонками, о железном корабле и плавающей горе. О многом поведал, лишь умолчал о том, что правителем стал гадиритов, да и то ненадолго. Молча внимал Эней базилею, чем дальше, тем ниже челюсть его отвисала.

— И мне довелось испытать немало, — сказал он после того, как умолк базилей. — Но таких чудес я не видел, а если поверить тебе, то не надо и видеть!

— Сам порою не верю себе, — покачал Одиссей головой. — Может, снится мне все это, вот проснусь — а пьяный Ахилл требует девку обратно и в бой не выходит, Гектор с башни надвратной поносит ахейцев, а Троя стоит незыблемо, и не знает никто — возьмут ли ахейцы ее или головы сложат под стенами.

— Хорошо бы проснуться нам вместе, — подхватил с грустной улыбкой Эней, — глянь, тогда деревянную

клячу на берегу мы спалили бы точно. И победа за нами!

— Все шло к тому. Но кровь героев и битвы отважных в войне беспощадной — лишь мелкий эпизод в замыслах гадиритов.

Эней задумчиво поглядел на собеседника. Он помнил хитроумного царя Итаки — быстрого в движениях, решительного и непреклонного. Сейчас перед ним сидел усталый путник — немолодой, сбившийся с пути и растерянный.

— История твоя невероятна, — сказал Эней. — Мне кажется, духи погибших будут оскорблены, узнав о коварстве таком. Великие царства, прекрасные девы... Не помутился ли разум обитателей темной горы от долгого плаванья?

— Похоже на то, — согласился Одиссей. — Такие великие замыслы могут вершиться лишь безумными!

— Мне ли не знать... — горько вздохнул Эней. — Все великие замыслы изначально безумны.

— Ну а ты как спасся из Трои горящей?

Долгим был Эней рассказ о скитаниях уцелевших троянцев, о том, что их ждало в пути, о делах в Карфагене, о славной Дидоне, увы, павшей жертвой любовного безумия, о том, как приплыли сюда, к берегам итальяским, и о многих обидах, что пришлось ему вынести от надменных этрусков...

— Только в согласие пришли мы с царем Латинном, — завершил Эней свое повествование, — как племя рутулов стало нам досаждать. Турн, их предводитель, в жены себе потребовал дочь Латина, а она уже мне было обещана в знак примирения и дружбы. Снова война началась!

Одиссей чуть не выронил кубок.

— Опять из-за девы! Слушай, а ты не заметил, пупок у невесты хоть есть?

Вытащил глаза Эней, а потом засмеялся.

— Вот ты о чем! Полагаешь, что дочку царя подменили твои гадириты?

— С них станет!

— Нет, дева ликом приятна, но телом чиста — я раз подглядел, заплатив немало служанкам во время купанья. На месте пупок! Но от этого мне не легче. Долго сражались мы, много людей положили. Утром я встречаюсь в поединке с Турном, дабы народ не страдал от нашей распри. Коль одержу я победу, людей своих приво-ди, дам приют и защиту. Если нет — спасайся как можешь.

— Ты достойный родич Приама, — вздохнул Одиссей. — И в деле ратном знаешь толк. Я так понимаю, что люди твои от сражений устали, потому ты и вызвал соперника на единоборство. Сколь силен твой противник?

Молчал Эней долго, разглядывая меч, что лежал у него на коленях.

— Молод и силен отважный Турн, — сказал он наконец. — Охотно я кончил бы дело миром, но его подстрекают этруски, враждою ко мне воспылавшие. Вот и я вызвал его на решающий поединок, пока не подо-спела к нему их подмога. Если удастся его одолеть — значит исполнится все, что явилось в видениях мне. Волшебный напиток Сивиллы из Кум открыл мне врата в будущее. Ну а если удача благоволит к Турну, захо-лопнутся эти врата.

Меч отложив, поднялся он с места и вышел из шатра. Одиссей испытующе поглядел ему вслед, отпил из

кубка вина, разбавленного водой родниковой, и тоже покинул шатер.

Дремали воины у костра, лишь Арет взглядом настороженным следил за Энеем. Троянец смотрел на яркие звезды и беззвучно шевелил губами.

— Богам возносит молитву, — шепнул Арет базилею, бесшумно вскочив, едва лишь тот появился.

— Себя не жалею, — промолвил Эней, обращаясь к небу. — О своих соплеменниках прошу — доколе скитаться им?!

Одиссей подошел к нему и положил руку на плечо.

— Прими мою помощь, отважный Эней. Много троянцы во время осады от меня претерпели. Завтра я выйду вместо тебя, чтобы забылись старые обиды. А если считаешь такую замену уроном для чести, тогда возьми это копье — оно наподобие Зевса перунов мечет огонь.

Повернулся к базилею троянец и с большим интересом копье оглядел.

— Божественное оружие — отменный дар перед поединком. Кто выковал это копье — Гефест хромоногий или похищен у Зевса? Знаю, что ты хитроумен сверх меры, но чтобы богов обмануть — не поверю! Неужто в обличье Одиссея явился ты, Аполлон, верность мою испытать?

— Лестны слова твои, доблестный сын Анхиса, — с улыбкой ответил базилей. — Но руками человеческими сработано огненное копье, его я забрал с корабля гадиритов. Подпусти врага на пять или десять шагов, здесь потяни, а отсюда извергнется пламя.

Блеск в глазах Энея исчез, а может, просто перестали лететь искры от костра.

— Не подобает мне биться неравным оружием, если нет в том повеления свыше. Я — человек судьбы, и

все, что мне от нее причитается, то и приму. Все же тебе благодарен, отказ не сочти за обиду.

С этими словами он вернулся к шатру и, откинув полог, пригласил базилея войти. На сей раз Арет последовал за ними, а встретив неприветливый взгляд троянца, старый воин сказал:

— Вам, молодым, только волю дай драться! Про поединок услышал я, значит, мне здесь и место. Много советов давал я воинам славным, вам не чета, и никто мною не пренебрег! Соперник твой, кто он — левша или нет? Росту какого, силен ли в ногах, дыханием крепок?

Рассмеялся Эней, руками всплеснул, но все же на вопросы ответил, а их было множество. Арет почесал свою бровь, задумался и, Энея с головы до ног оглядев, велел показать оружие.

— Плохо дело, — сообщил он Одиссею. — Может, троянец и крепок, да ежели сразу с врагом не покончит, сил неостанет на долгую битву. Меч неплох, наконечники копий годятся, а вот щит подкачал — тяжелый, держать неудобно. Вот, мой прими, легкий и крепкий!

Эней взял в руки щит, но не зная, как он легок, чуть не въехал краем его в подбородок Арета. Подержал на весу, прикрылся, отвел и сказал базилею:

— Станный металл, не знаю такого. Тоже изделие гадиритов? Мне говорили, что Турну меч подарили этруски, доспехи любые тот меч рассекает. Что ж, от щита не откажусь. А теперь разговор наш продолжим...

— А теперь спать ложись, неразумный юнец! — рыкнул Арет. — Коли не выспишься, будешь вести разговоры с Хароном!

— Строгий ты, дядя, — сказал Эней уважительно. — Будь по-твоему. Можешь лечь на кошму, базилей пусть возьмет овчину, мне же хватит плаща.

Утром, потягиваясь и зевая, Арет вышел из шатра, а когда справил нужду, то, голову подняв, вздрогнул — долина между холмами была вся в шатрах. Во тьме их не заметили путники.

Дым от костров, крики и смех — местность ожила разом, словно розовые крылья Эос смахнули покрывало ночи.

Пение свирелей и удары бубнов доносились со стороны зеленых шатров, а когда Арет увидел знамена рутулов, то вздрогнул вторично — круг в треугольнике напомнил ему знак гадиритов.

Из шатра показался Эней в боевом облачении и прошел к своей колеснице, что стояла в отдалении. Под крики воинов, огородивших поле, он объехал его, а затем, вращая мечом над головой, вернулся к шатру своему.

— Неплохо, — проворчал старый воин, — но лучше бы силы берег!

— Жаль, что нет еще парочки огненных копий, — раздался голос Одиссея. — Если погибнет Эней, уходить надо быстро. Многие тут посчитаться со мной захотят!

Между тем появилась на поле богато украшенная колесница, запряженная четверкой коней, и встала в отдалении. Арет поймал за руку воина в драном плаще, который шел к полю, и спросил, не Турн ли приехал на этой роскошной повозке, неуместной для боя?

Воин фыркнул, вырвал руку и, презрительно сказав, что только старик подслеповатый не узнает царя

Латина, направился к Энею. Вокруг троянца суеились его люди, поправляя доспехи, ободряя и призывая милость богов. Тот, кто назвал бы свиту его блестящей — льстец бесстыжий или насмешник. Видно было, что поизносились троянцы за годы странствий и здесь не нажили много добра.

Воинство Турна, что криком приветствовало его появление на ристалище, выглядело не в пример богаче. Сам Турн ворвался на поле, влекомый белыми конями, он стоял гордо в крепкой своей колеснице, два тяжелых копья обещали Энею погибель.

Живою стеной окружили воины поле, Турн уже что-то кричал, похваляясь, и указывал в сторону царя Латина. Эней же разговаривал с мальчиком, который подбежал к нему, вырвавшись из рук старухи в черном одеянии. Троянец прижал ребенка к груди, отстранил и медленно сошел вниз по склону.

Мальчик увернулся от старухи, что бросилась, причитая, за ним, и подошел к Одиссею.

— Правда, что ты и есть Улисс-губитель? — спросил он, глядя исподлобья. — Где твой кровавый топор и отчего борода твоя седая?

— О чем ты, дитя? — удивился базилей. — Кто твой отец, как твое имя?

— Я Асканий, сын Энея, — выпятив грудь, ответил мальчик. — Здесь меня Юлом зовут. Отец мне сказал, у тебя есть чему поучиться. Если удача изменит ему, ты будешь наставником мне?

Молча кивнул базилей, ладонь положив ему на плечо.

— Хорошо, — сказал Юл. — Когда я возвеличусь, тебя не забуду.

И убежал, преследуемый старухой в черном.

— Каков волчонок! — крикнул Арет. — Будет толк.

На поле уже сошлись в поединке вожди. Турн был на голову выше Энея, и меч его тяжелее, но двигался быстро троянец, и рутула страшный удар рассекал пустоту. Легкие раны уже сочились багрянцем. С грохотом щит Энея ударялся о чешуйчатый щит противника.

— Держится славно Эней, — пробормотал Арет. — Но противник сильнее — пропустит удар троянец, и все! Вон как теснит его Турн, чуть не прижал к колеснице.

— Плохо дело, — согласился базилей. — Все же Турн открывается чаще, надо бить по ногам или...

Договорить он не успел, ахнули все, кто на поле битвы собрался. Споткнувшись, упал Эней рядом со своей колесницей, но только поднялся на одно колено, как тут подоспел Турн и меч свой огромный занес. Страшен удар был, щитом лишь успел заслониться троянец.

И тут снова ахнули все — выдержал щит серебристый, а меч рутула сломался! Вскочил Эней на ноги и с криком победным ринулся на противника. Турн побежал к своей колеснице. На бегу подхватил он камень большой и метнул его в троянца. Увернулся Эней и ответил на камень копьем.

Впилося медное жало в бедро могучего Турна. Рухнул он оземь под горестный вой и стон рутулов, Эней подскочил к нему — удар был короткий, — и вот меч победоносный пронзил грудь Турна.

Выехал царь Латин на середину поля и вскричал:

— Воля богов очевидна, дочь моя будет женою троянца.

Эней вернулся к шатру, сбросил доспехи с себя и, обратив к базилею свое лицо, все в потеках грязного пота, заплетающимся языком проговорил:

— От удачи твоей и мне перепало! Будь гостем в радости... — И, ухватившись за плечи воинов, побрел в шатер.

Взглядом задумчивым проводил Одиссей отряды рутулов, уходящие стройным порядком за холмы, а потом сказал Арету:

— Приведи остальных, что им в гроте скучать.

Пир у Латина длился весь день. Арет привел детей и Полита, шепнув базилею, что Ахеменид опять страдает головными болями и двигаться не в силах, лишь катается по холодному песку и что-то бормочет о пауках, запутавших пряжу. Медон остался присмотреть за ним. А что с корабля они взяли, оставил Арет в гроте — мало ли как дело здесь обернется.

Под пологом большого шатра радостно поднимали чаши хиосского вина во славу царя Латина и его будущего зятя.

Маленького Латина слуги уложили спать на овечью шкуру в повозке, из которой сгрузили пифосы с вином. Лавиния и Юл играли за царским шатром в этрусский волчок под присмотром Полита и старухи в черном, которая сидела у входа, зорко следя, чтобы сын Энея не напраказил.

Арет налегал на еду и почти не пил, а все больше прислушивался к разговорам — нет ли в них хулы базилею.

Хулы не было.

Кое-кто поглядывал на Одиссея с недоверчивым любопытством — мало кто узнавал в нем грозного воителя, сумевшего хитростью одолеть троянцев, но благоволение к нему Энея заметили все. Сам царь Латин пригласил его сесть одесную и после возлияний умест-

ных и здравниц, подходящих случаю, беседу повел о битвах великих, о героях отважных, а ныне забытых, и еще подивился, что сын Одиссея тезка его, а дочь, невеста Энея, имя носит такое же. Тут в разговор вмешался троянец:

— Слышал я только о сыне твоём Телемахе. Когда же успел ты нажить остальное потомство?

— Дело нехитрое, — грустно сказал Одиссей. — Мать Телемаха — верная Пенелопа, а эти двое остались без матери, нимфы прекрасной Калипсо, погубленной гадиритами. Она и нарекла их Латином и Лавинией, а что до имен — и не такие бывают совпадения.

— Не верю я в совпадения! — Эней отложил кубок в сторону. — Судьба назначает встречи и разлуки, горе и утешение. Не потеряй я Креузу, не обрел бы Лавинию, дочь Латина. И твои скитания...

Крик маленького Латина поднял Арета с места. Выскочил он из шатра и увидел, что, проснувшись, ребенок слезть захотел с повозки и наземь свалился, а падая, лоб себе рассек над бровью. На руки подхватил малыша старый воин, кровь слизнул языком и в шатер с ребенком вернулся, показать его базилею.

— Славный малыш! — сказал царь Латин и ущипнул за щечку ребенка, чтоб похвалой ненароком не сглазить. — Ну-ка, иди ко мне!

Мальчик прижался робко к отцу и захныкал, влезая к нему на колени. Царь подхватил его и к себе усадил.

— Ну-ка, посмотрим, где ты ушибся... А, пустяки, я когда маленьким был, тоже себе лоб разбивал, вот, гляди!

Волосы седые откинул он назад и мальчику шрам показал над глазом.

— Видишь, и у меня такой же, а я ведь не плачу!

— Ты большой, — ответил малыш, трогая шрам на царском челе. — У меня тоже будет такой, когда буду старым?

— Будет, будет, — пообещал царь маленькому Латину и отпустил его.

Мальчик услышал, как за шатром смеется его сестра, вырвался и убежал играть.

— Внуков я жду от тебя и Лавинии, — с улыбкой сказал царь Энею.

Молча троянец смотрел в глаза Латину, а потом, взор опустив, Одиссею шепнул:

— Не знаю, что снова затеяли боги, но заметил я, что шрам, чайке летящей подобный, у Латина большого такой же, как у твоего малыша! Может, диковинное это совпадение что-то знаменует?

— Если бы знал ты, Эней, как опротивели мне чудеса и диковины все, что я видел в последние годы, — сумрачно отозвался базилей, — вряд ли бы стал обращать на них мое внимание. Чудеса кончаются кровью, а диковины пахнут дерьмом. Иные заботы гложут сердце мое: скоро мне путь держать к Дельфам, дабы свершить искупление, а что ждет детей и спутников моих на этом пути? Какие еще каверзы боги и люди готовят?

— Кров и убежище тебе и людям твоим я обещаю, — заговорил царь Латин. — И детей твоих я готов приютить, коли путь твой опасен и долог. Поручусь за их жизнь, ну а если ты не вернешься, что ж, назову их своими детьми.

— Нет, не назовешь! — подобно карканью вороны был голос старухи, что сидела у входа. — Не ты, а они, не ты, а они!..

— Что там лепечет старая жрица? — с досадой вскричал царь Латин.

А потом негромко пояснил базилею:

— Кормилица дочки моей. Верна, но глупа.

Старуха подошла к пирующим и, уставив палец вверх, грозно сказала:

— Мальчик тебя усыновит, и будет он над тобой — дитя человеческое превыше царей земных! А девочку удочерит Эней, и в этом тоже будет отменная насмешка над установлениями богов!

— Что это значит? — озабоченно спросил Латин.

Глаза старухи потускнели, нижняя губа отвисла.

— Не знаю, — растерянno ответила она и вернулась на свое место.

— Ну вот! — Царь огорченно взмахнул руками. — А я подумал было, что пророческий дар в тебя боги вдохнули! Впрочем, — усмехнулся он, — племени моему шутка такая придется по нраву. Богов мы чтим, но порою их надо дергать за яйца!

Слова его встретили смехом и криком веселым.

Пир завершив, базилей, оставив детей под присмотром Арета, к берегу двинулся, взяв с собою Полита. Старый воин сам хотел за Медоном и Ахеменидом сходить, но Одиссей велел ему остаться, шепнув, чтобы тот проследил, не двинется ли кто за ними. Не верил базилей в коварство Латина или Энея, но кто-то из троянцев мог злобу затаить. Да и перепрятать оружие гадиритов хотел Одиссей в месте надежном.

В гроте они застали дремавшего Медона и бодрого Ахеменида, который жевал вяленую рыбу из дорожных припасов. Услышав шаги, он насторожился, схватил рыбину за хвост и занес ее угрожающе, а потом спохватился и палку свою подобрал.

— Всю рыбу сожрал? — спросил юный Полит.

— А, это вы, — успокоился слепой, — что же так долго вас не было?

От его голоса встрепнулся Медон, вскочил и, неловко дернув ногой, охнул, держась за колено.

— Вот, снова теперь захромаю! — расстроился он.

Пока Одиссей возился с оружием, Полит вслушивался в шелест волн. Шипение воды, уходящей в песок, эхом странным в гроте отдавалось — словно песок кто-то невидимый горстью сыпал на тонкую кожу бубна. Ахеменид прислушался к этому шуму, а потом нашарил в гряде сушняка, что путники собрали перед гротом, гладкую палку и ладонью по ней провел.

— Держи пока мой посох, Медон, — сказал добродушно слепой. — Мне эта палка удобнее будет.

С благодарностью взял посох Медон и в который раз поразился его легкости. Треск и шорох между тем нарастали, как будто теперь перестал шутник невидимый сыпать на бубен песок, а принялся камни глотать клыками железными. Медон ощутил вдруг в ладони своей, что посох сжимала, покалывание, а затем рука онемела, и он даже пальцем не мог шевельнуть.

Насторожился Полит, базилей тоже почуял неладное и копье огневое к себе ненароком подвинул. Воздух насыщен был близостью сильного бога: искры срывались с волос, пыль закрутилась столбом и опала.

А потом и бог появился!

Большое светлое пятно входа внезапно рассекала тонкая черная линия, словно клинок Таната прорезал дверь в царство живых, чтобы выпустить на волю Гекату и страшную свиту ее. Но не черный плащ грозного воителя Аида возник перед путниками и не злобные Керы обрушились на них, алча свежей крови...

Линия распалась на точки, а точки собрались в фигуру, во всем подобную человеческой, но одеяние и

лик выдавали его непричастность к миру смертных. Словно утыканное шипами из блестящего серебра было его одеяние, а голову венчала корона. Обруч зеленый, а из него подобно множеству змей безголовых вверх уходили черные веревки и таяли в дымке над ним — подобной короны не видел никто. Горгоной в обличье мужском божество им явилось, решил Полит, а базилей нахмурился — неужто конца не будет скитаниям?

Одиссей лихорадочно пытался сообразить, кто же из его небесных недругов явился и какую подлость ныне учинит. Но чем дольше он всматривался, тем больше становилось его удивление — если это и бог, не приживется такой на Олимпе! Хотел базилей в приветствии руку поднять, но не смог. Застыл как в смоле, шелохнуться было нельзя, будто мир остановлен в движении!

Между тем странное существо оглядело путников внимательно, и тогда Медон заметил, что оно непрестанно улыбается, показывая великолепные зубы как бы в доказательство своего божественного происхождения. Существо прижало ладони к своим вискам, и тут все услышали клекочущий голос, возникший ниоткуда.

— Всем привет, — сказала божество, — Что, не ждали? Теперь быстренько разберемся, кто есть кто, и домой!

С этими словами человек в блестящей одежде подошел к Медону и взял из его рук посох.

— Дело ясное, — проклекотал он. — Но все же проверим. Итак, кто из вас использовал сегмент полихрона?

Вскрикнул Медон и ладони к глазам прижал.

— Помню, помню, — глухо заговорил он, — помню, как наблюдал я битву у стен Трои, как в защите

невидимой мог я сквозь всех проходить для себя без ущерба, а затем щит Ахилла молнии блеск отразил и защиту мою уничтожил. В схватке я оказался, удар по голове оглушил меня, что было дальше — не помню...

— И не надо, — весело отозвался человек в шипастом одеянии. — Все ясно, во время заброса магнитный удар вырубил поле, а потом сработала блокировка, чтобы ничего лишнего ты не помнил и не ковырялся в истории. Ничего страшного, после идентификации память вернется.

— Что это значит, кто я, откуда? — вскричал Медон, озираясь беспомощно.

Он увидел, как замерли Одиссей и Полит, как слепой, привалившись к стене, слабоумно хихикает, свесив язык, и на миг показалось ему все это несуществующим. Видения, что мучили его так долго, вдруг обрели плоть и кровь, он вспомнил, что во снах ему являлся некто в одеянии остром...

— Скоро все вспомнишь, — пообещал незнакомец. — Ну, попрощайся с друзьями.

Одиссей почувствовал, что обрел свободу движений.

— Ответь, незнакомец, ты бог или смертный? — учтиво спросил он.

— Не знаю, о чем ты, — небрежно ответ прозвучал.

— Ах так...

Рука базиля метнулась к огненному копыю, один миг — и он нацелил его на незваного гостя.

— Кто ты, чего тебе надо? — грозно спросил базилей. — Отвечай или будешь сожжен!

Улыбка исчезла с лица человека в нелепой короне.

— Это еще что за штука! — вытаращил он глаза на копьё. — Как в ваше время попал ручной огнемет? Признайся, — обратился он к Медону, — твоя работа?

— Слова непонятны твои, — растерянно пробормотал Медон. — Но лучше не спорь с базилеем и объясни нам, что происходит.

Станный человек задумчиво пожевал губами и сказал:

— А, так ты представитель местных властей! Тогда хорошо. Вот он, — палец уперся в Медона, — из нашего времени. В прошлом далеком, то есть у вас, у него случилось несчастье — он и застрял здесь, все позабыл, а теперь пора возвращаться. Понятно излагаю?

— Ты потомок гадиритов? — спросил настороженно базилей.

— Кто такие гадириты? — удивился незнакомец. — Я эвакуатор, мое дело — обеспечить возвращение.

Разговаривая с Одиссеем, он непрерывно елозил пальцами по посоху, словно искусный музыкант по отверстиям свирели. Полит заметил, что у краев посоха возникло слабое сияние, и с каждым мигом оно становилось сильнее.

— Кто бы ты ни был, о Эвакуатор, — насупился Одиссей, — я не позволю забирать Медона... Без его согласия, — добавил он негромко.

— Позволь, я объясню, — потеряв лоб, сказал Медон. — Кажется, я понял суть происходящего. Представь, базилей, что скачут две колесницы навстречу друг другу, и вот, когда сблизятся они, ловкий колесничий может перепрыгнуть с одной на другую. Я оказался таким прыгуном. Одна колесница вперед устремляется, в будущее, а другая назад — в прошлое. Теперь понятно, откуда знал я то, чего знать не мог. Мне будет горестно расставаться с вами, но если я останусь, то все эти видения и предвиденья сведут меня с ума.

— Колесница, колесница, — бормотал Ахеменид, — прыгнешь, голову разобьешь...

— Ну, все готово, полихрон на рабочем ходу, — провозгласил эвакуатор, оценивающе посмотрел на базилея и махнул рукой. — Теперь с вами... Впрочем, одной легендой больше, одной меньше!

Посох в его руках засиял нестерпимым блеском, а потом вокруг него и Медона возник полупрозрачный купол, словно огромный бычий пузырь раздулся и накрыл их. Руку протянул базилей, пытаясь купол разорвать, встретила рука неодолимую преграду. Полит же обратил внимание на то, что под куполом движения Медона стали еле заметными, и тот, второй, застыл, почти не двигаясь.

— Ай да Медон! — воскликнул Одиссей. — Как он ловко скрывал от нас сущность свою!

— Да он и сам не знал, — возразил Полит. — Я так понял, его к себе забрал бог Полихрон, чтобы сделать возниким?

Он еще что-то хотел сказать, но имя странного бога смутило его.

— Ты никогда не слышал, убогий, о таком божестве? — С этими словами юноша легонько пнул в ногу Ахеменида.

— О каком божестве? — глупо улыбаясь, спросил слепой.

— О том, что забрало Медона к себе живым.

— Кто забрал Медона живым?

— Бог, по имени Полихрон, — настойчиво продолжал юноша. — Из головы его черные змеи выходят, ликом похож на человека. Медон теперь в пузыре крепчайшем, ему оттуда не выйти. Так слышал ли ты о подобном ему божестве?

— Нет, никогда, — покачал головой Ахеменид. — Я помню имена всех богов, тайные и произносимые, но такого не знаю.

Одиссей переводил взгляд с него на Ахеменида и обратно. Он не понимал, к чему ведет его оруженосец, но догадывался, что вопросы эти неспроста.

— Да как же не знаешь! — вскричал Полит. — Я слышал не раз и не два, как нашептывал ты Медону это имя. С тех пор как тебя подобрали, у него начались видения, а что ты во сне ему бормотал, теперь и спросить у него не удастся!

Ахеменид продолжал качать головой и улыбаться, пуская слюну. Порой его лицо искажала гримаса боли, но тут же снова играла улыбка. Долго смотрел на него базилей, а затем подошел и приставил к горлу клинок.

— Ой, что это? — дернулся Ахеменид, но крепко держал базилей его голову.

— Это нож, — сообщил Одиссей. — А это, — он пошевелил острием, — твоя лживая глотка. Сейчас я ее перережу.

— Не надо, — воскликнул Ахеменид. — Ничего путного из перерезанной глотки вы не услышите. Разве я отказался отвечать на разумные вопросы?

— Вот ты как заговорил, — протянул Одиссей. — Так юноша прав, ты обманом убедил Медона в том, что он... колесничий?

— Да, я обманул его, и вас всех, и этого напыщенного идиота-эвакуатора, — спокойно ответил Ахеменид. — Посмотреть бы на их физиономии, когда они увидят, что взяли другого! Тот, кого они искали, — это я. Да впрочем, они об этом не узнают. Когда сработает полихрон, там все полетит вверх ногами! Скорее всего путешествия во времени станут невозможными.

— Путешествия во времени! — Брови Одиссея поползли на лоб. — Так вот что это такое... Значит, я могу вернуться в прошлое и спасти друзей своих или предотвратить троянскую бойню, поймав заранее Париса и лишив его мужского естества?

— Увы, — сказал Ахеменид. — Сегмент полихрона вне досягаемости, да и сам он исчезнет скоро навеки. Перемещение Медона вызовет бурю, сокрушающую миры!

И он засмеялся дробным, рассыпчатым смехом.

«Беда грядет» — эта мысль кинула базилея на пузрь, он отчаянно забил по нему руками, закричал что-то предостерегающее.

А слепой смеялся, и сквозь смех, задыхаясь и брызжа слюной, еле выдавил из себя слова о том, что сквозь экран не пробьется никто, хоть ты солнце взорви, а внутри ничего не увидят и не услышат, потому что пока идет разгон, времени там почти и нет.

Базилей понял из его несвязной речи лишь то, что к Медону не достучаться и не пробиться. Он присел на корточки перед Ахеменидом и посмотрел в его пустые глаза.

— Может, ты и не слеп вовсе, а просто безумен?

— И снова — увь! — горько ответил Ахеменид. — Я незряч и безумен. Но к лицу ли безумному пахарю, что поле обильно солью засеивал, упрекать меня в этом? Ладно, забудем! Когда-то давно мне сказали... Нет, еще скажут врачи о том, что в глазах двоится моих из-за опухоли в мозгу, да такой коварной, что лечить ее невозможно. И решил я тогда: пусть мир раздвоится на самом деле, а я буду наблюдателем этой потешной картинки. И в третий раз — увь! — настигла меня слепота, и всего до конца я увидеть не смог. Однако успел

похитить сегмент полихрона и дел в этом времени наделал немало. Даже тебя я спасти умудрился, когда троянцы чуть не нашли тебя в деревянной кобыле. Пришлось удушить пару-тройку людей пневмосерпенторами. Ну а потом все свое снаряжение я утопил, когда тьма меня окружила.

Слушал его Одиссей и не знал: то ли безумие вновь одолело слепого, то ли грибов гадиритских наелся. Все же спросил участливо:

— Что же ты делать намерен теперь, убогий? Хочешь, оставлю тебя под присмотром царя Латина?

Смех был ответом ему.

— Знал бы ты, о хитроумный Улисс, что твою ненависть к царствам великим и я разделяю. Одно погубил ты, ушла на дно плавающая гора, не восстанет из вод Посейдония. Признаться, я не понял, откуда взялись эти ветхие тени, в моей истории от них и следа не осталось. Второе великое царство я закопал нерожденным. Гибель Энея во цвете лет тому послужила причиной.

Вздохнул тяжело Одиссей.

— Знаю, что порою устами безумцев боги открывают нам будущее, — грустно сказал он. — Жаль, что погибнет Эней, зла я к нему не питал.

— Ну еще бы! — хмыкнул слепой. — После того, как твоё хитроумие Трою спалить помогло! Только речь я веду не о будущем! Убит в поединке Эней воином сильным. Если пройдешь ты к холмам, что неподалеку, тело его найдешь, в битве изрубленное.

— Ты говоришь о засаде или о предательстве! — вскричал Одиссей, поднимаясь.

— Нет, в поединке честном, за царскую дочь!

— А, так ты о схватке с Турном, предводителем рутулов, — улыбаясь проговорил базилей. — Успокойся,

несчастный, и не распаляй себя втуне. Пока ты здесь спал, окончилась битва успешно. Эней победил. Щит, Аретом подаренный, спас его. Все хорошо...

— О всевышний! — вскричал иступленно слепой. — Рим не будет разрушен!

И он принялся биться головой о стену, рыдая и причитая.

Испуганно смотрел Полит на него, а базилей с усмешкой наблюдал за стенаниями Ахеменида. Злое дело замыслил слепой, но зло его пресеклось — это лишь понял Одиссей, а все остальное его не занимало.

— Но кто, кто сумел?.. — вопил между тем Ахеменид. — Пусть я безумен, но, значит, есть больший безумец, у которого в глазах троится... А может, и третий есть...

Юноше на миг показалось, что голову слепца облепили крупные мухи или мелкие жуки. Полит заморгал, но видение не исчезло, напротив, мир вокруг словно покрылся темными оспинами, они становились все гуще, и, прежде чем они слились в черное покрывало, он успел заметить, как под куполом, кроме Медона и странного жреца бога Полихрона, возникли еще четверо. У двоих были такие же сияющие жезлы. Каков был дальнейший путь этих шести, не узнают ни он, ни Одиссей. Даже те, кто укрылся под куполом от неумолимой секиры Кроноса и не видят открывающейся из грота бескрайней глади зеленого, в белых оборках, моря, чистой синевы небес и птиц, застывших в знаках беды, мир базилея и мир далекого будущего расплутся на одно ничтожное мгновение, чтобы в то же мгновение собраться, слиться посередине времен в мозаику, что составила привычный до уныния вид из окон моей квартиры на кусок кирпичной стены и на грязный истоптанный снег...

Глава пятнадцатая

Анналы Таркоса

Добросердечный семьянин знает, что нарушитель Установления подлежит исправлению и очищению от дурного, если, конечно, он не закоснел в непотребстве. Так меня учили сызмальства. Потом, когда я подрос, узнал о позорных деревнях, куда ссылают неисправимых, но и у них остается надежда на случай и выслугу. Самые злостные ввергаются во тьму меж каменных стен — а это скверное жилище!

Выбор у меня невелик — умереть быстро или медленно. Я знал, что наложить на себя руки мне не дадут, не для того они растянуты цепями. А то, что сразу не убили, не радует — значит долго потрошить будут.

Мысли текли вяло, лениво, страх мелкими шагами ходил по краешку сознания, но предстоящее дознание не пугало. Опоили на славу.

В Троаду меня доставили ночью, и я не увидел ее знаменитых спиральных башен, не слышал золотого пения эоловых арф на куполах ее дворцов, и никогда теперь не гулять мне по мраморным плитам широких улиц, нисходящих к морю... Здесь, в нижних палатах Высокого Дома я найду то, чего не искал.

Время тянулось нещадно. Искусники пытошных ремесел забыли обо мне, наверно. Я уже готов признаться во всех недостойных деяниях, лишь бы судьба моя скорей определилась, а там конец мучениям. Каж-

дое движение теперь отдавалось болью, в суставы будто насыпали песок, а кровь загустела и тяжелой смолой душила меня. Светлое пятно, что казалось прежде выходом, зловеще наливалось раскаленным металлом, а пышущие жаром стены готовились сомкнуться вокруг меня. В следующий миг оказалось, что это не огонь грозит испепелить, а холод сводит внутренности в комок, сердце обрастает льдинками, кости же растрескиваются на острые иглы...

Потом все исчезло.

А когда возникло, я обнаружил, что сижу на узкой скамье перед суровым краснолицым мужчиной, нос которого вырос из лба. Он разглядывал меня своими круглыми глазами, а сросшиеся брови грозно насупились. Вот тут меня и пробрало!

Наверно, все мои приключения навеяны дурманом, а на самом деле я попал в лапы к тольтекам. Доходили до нас странные вести с той стороны океана о суровых обычаях, царящих в Антиопе. До сих пор, говорят, не могут блюстителю жизни смирить крутой нрав тольтеков, которые за малейший проступок убивают на месте. Хотя так и этак мне выходил конец, но в Троаде кара все-таки полагалась за дело! Потом я разглядел на его шафранном одеянии властные знаки Высокого Дома, и немного отлегло. Наверно, большой чин...

— Назови свое имя, ничтожный, — тихо проговорил тольтек, и я сообразил, что дознание началось.

Поначалу он долго и с непонятной для меня настойчивостью выпытывал, не являюсь ли я самозванцем, кто были мои отец и мать, помню ли о своей семье и все такое, что живо напомнило мне общение с добрым старичком Гуптой. Та встреча превратила меня в преступника, эта сделает покойником.

Отвечая, я осторожно водил глазами по сторонам, но ничего интересного не увидел в помещении с низким потолком и без окон. Только две скамьи одна напротив другой да круглые отверстия в пустых стенах.

Тольтек заметил мой взгляд и усмехнулся.

— Не надейся, ничтожный, на случай! — сказал он презрительно. — Неосмотрительность служителей микенского Дома Лахезис нам дорого обошлась! Мы не сразу узнали о свойствах черной воды из мира Воителя, упустили время. Теперь ее не осталось ни капли — в этом ты тоже повинен! Брачный сезон его обитателей завершен.

Смутная картина мелькнула в голове. Вряд ли может, но почему бы не попробовать!

— Если мне будет позволено сказать, — начал я, опустив глаза, выказывая послушание, — есть еще место, где можно добыть этой жижи немеренно. Пусть я ничтожен, но услужить готов безвозмездно.

— А ты хитер! — осклабился тольтек в нехорошей улыбке. — Хочешь попасть на Кхаанабон, да? И немножко побегать от нас? Ничего не выйдет! Эта жижа везде в прах обратилась, развеялась бесполезной пылью.

Странное дознание! Я ждал, что меня засунут в одно из ужасающих приспособлений и начнут резать вдоль и поперек тупыми ножами, а тут почти беседа!

Носатый тольтек словно читал мои мысли.

— Ждешь пыток? — доверительно наклонившись ко мне, спросил он. — Будешь хорошо вести, будут и пытки. Для таких, как ты, это милость. А то поставлю тебя перед Ментором, он тебе вмиг мозги прочистит, и нам хлопот меньше!

Удивление мое возрастало — разговор становился идиотским. Даже Гупта, и то вел дознание более тол-

ково. Мозги прочистит, как же! Ментору делать нечего, как за вас, неумех, работать.

Наверно, я улыбнулся, потому что он впился глазами в мое лицо и прошипел:

— Сейчас твои поганые губы оторву и засолю на память!

Но исполнить свою угрозу не успел, потому что створка двери ушла вверх, в комнате появился длиннолицый молодой человек в белом хитоне и без всяких знаков на головной повязке. Два соратника неслышно скользнули в комнату за ним, один из них показался мне знакомым, хотя я ничего пока слышать не мог. Тольтек вскочил с места, опрокинув скамью, и сложил ладони.

— А, вот где вы, — мягким голосом сказал молодой человек. — Можешь идти, Катль. Скажи наверху, чтобы не беспокоили.

— Однако же, высокородный, мое присутствие благотворно сказалось бы...

— Я ценю твоё рвение. Пока свободен.

— Уже исполнено, высокородный Стамак! — Тольтек злобно сверкнул глазами, попятился к двери и сгинул.

Не таким большим чином он оказался, как я понял. Вот теперь этот юноша с добрыми глазами возьмется за дело всерьез.

Высокородный между тем подошел ко мне и сказал:

— Не надо бояться дознания, Таркос, сын Эвтимена. Твои страхи — ничто по сравнению с нашими.

Не поднимая головы, я уставился на черную бахрому его туники. Голос Стамака был мне знаком, я лихорадочно вспоминал, при каких обстоятельствах мы встречались.

Вспомнил! Да ведь тогда и начались мои злоключения...

— Твои слова утешают ничтожного Таркоса, — ответил я. — Но смысл их ускользает, о царственный советник!

— Смысл... Смысл ускользает и от нас, достойный Таркос.

Я поднял глаза. Советник вытянул губы трубочкой и задумчиво смотрел на меня.

— Высокочитимый Гупта не успел тебя подготовить. Нам стало известно, что роковая неосторожность стала причиной твоего бегства. Вызволить тебя следовало иначе, а затем проследить, нет ли какого заговора. По мере наших сил мы следили за тобой. Не случись измены Верта, беседа наша состоялась бы гораздо раньше.

Мысли мои внезапно приобрели ясность, остатки дурмана рассеялись полностью. Пусть даже одновременно с этим ко мне вернулся страх в полной мере, злость все же оказалась сильнее осторожности. Не на это ли намекал Варсак, говоря, что за мной придут?

— Так, значит, все это было подстроено! — Мой голос насторожил соратников, один из них приподнял клешни, но тут же опустил. — Где же моя семья? В чем были мои преступления?... — Я хотел еще что-то спросить, но остановился.

Можно долго притворяться несведущим, но вряд ли это поможет. Все догадки и предположения, которые месяц за месяцем накапливались в моей бедной голове, разом встали на место, подобно каморам со вмещения в неуловимое мгновение перехода.

— Появился некий злодей, похожий на меня, — горько сказал я, глядя в глаза Стамаку, — и вот из-за такой ерунды доблестные служители прячут мою семью, хотят меня убить, охотятся за мной. А теперь я попал сюда, и мне конец!

Высокородный неожиданно улыбнулся.

— Страшные истории о палатах дознания Высокого Дома рассказывают глупые люди. Но ты далеко не глупец, Таркос из Микен, и твоя удача несомненна. Узнай, что из этих палат есть два пути: один — вниз, и оттуда, скажу тебе, выхода нет; второй — вверх, там ждет тебя лестница чинов, свет достатка, счастье и покой.

Он бросил короткий взгляд на соратников, и те нырнули в темные отверстия.

— А что касается твоей семьи... — Стамак перестал улыбаться, и его тонкие, холеные пальцы сжались в кулаки. — Ах, Таркос, если бы ты знал, как нас беспокоит загадочное исчезновение твоей семьи! И ведь самое странное... — Тут он нагнулся ко мне и зашептал: — Самое странное, что о твоей семье никто ничего не знает. Нам остается лишь верить тебе! Хотя друзья твои утверждают обратное, будто и семьи у тебя не было.

— Какие друзья? — пробормотал я растерянно, а потом сообразил. — Так, значит, Варсак следил за мной!

— Как верный Дому он, разумеется, сообщил о тебе сразу после твоего появления у него. То, что он рассказал, было удивительно, неправдоподобно, страшно. Мы же не верим в чудеса, и всему должно быть разумное объяснение, не так ли?

Я готов был поклясться, что в глазах его была просьба, даже мольба — согласиться с ним, успокоить, развеять опасения. Но что его так напугало?

— Все знают, что двух одинаковых людей не бывает, — продолжал высокородный Стамак. — Истории о так называемых близнецах всего лишь отголоски древних преданий о временах, когда человек в муках появлялся на свет. Потому-то некто странный, во всем похожий на тебя...

— Не во всем, — дерзко перебил я высокородного. Что мне терять! Стамак же вздрогнул и подался назад.

— Тебе и это известно? — удивился он. — Воистину, у нас будет долгая и занимательная беседа...

Но беседа занимательной не вышла. Напротив, она было прервана самым грубым образом.

Дверь беззвучно распахнулась. В комнату ворвалось несколько человек, двое из них накинулись на высокородного, скрутили его и связали руки. Это произошло очень быстро, и пока я пытался сообразить, что происходит, Стамака затолкали головой вперед в одну из дыр для соратников. Ноги остались снаружи.

Меня схватили, я начал вырываться, но не тут-то было. Держали крепко, а потом накинули на голову мешок. Однако среди напавших я успел разглядеть носатого тольтека и догадался, отчего незваные гости показались мне на одно лицо.

Потом между ними разгорелся горячий спор. О чем они говорили, поначалу я не понял, но, прислушавшись, разобрал, что двое из них общаются на парсакане. А когда уяснил, из-за чего они спорят, то неожиданно для себя засмеялся и долго не мог остановиться, все время повторяя: «Как, опять!», пока меня не стукнули по голове.

Они не могли договориться — прямо здесь меня убить или вывезти на Зет и там принести кому-то в жертву!

Значит, меня в который раз похищают! Пора бы и привыкнуть...

Сразу убивать не стали. Вывели из комнаты и повели с мешком на голове. Мы шли, кажется, длинными коридорами, время от времени нас останавливали,

кто-то объяснял, что ведут злоумышленника такой ядовитой мерзости, что даже лицезрение его оскорбительно и осквернительно. Я, наверно, мог крикнуть, позвать на помощь, но один из тех, кто вел, крепко держа за локоть, щекотал острием мой бок.

Для чего я понадобился тольтекам? Не знаю и знать не хочу! Надо спастись, а то крепнет во мне чувство, будто кончается мое везение. Не об этих ли грубых антиопцах говорил Варсак, предвещая, что за мной придут? Тоже наплевать, спастись надо...

Мысли расплывались, но не от страха. Беззвучный голос пытался окликнуть меня, я же никак не мог сосредоточиться.

А когда в очередной раз мы остановились, словно восковые затычки вылетели из моих ушей, и в голове ясно прозвучал отклик. Соратник наставника Чомбала искал меня, и слабый шелест призыва казался песней.

Я переставлял ноги, безропотно следуя с теми, кто пленил меня, а сам уже видел иным зрением ходы, освещенные теплыми стенами, стены быстро таяли за мной, я несся вперед, следуя известными ходами вдоль коридора, по которому вели меня же... Конечно, раздвоения не было, но все глаза и чувства соратника были мне открыты. Вскоре я услышал слова, но сразу не понял, что произошло — еще никто на моей памяти не общался с соратниками иначе как образами.

«...помощь надо... плохие идут... хороший идет... помощь, помощь... да-нет, да-нет, да-нет...»

Не колеблясь ни минуты, я мысленно вскричал «Помощь, да!» и повторял это до тех пор, пока вдруг рядом со мной кто-то страшно не завопил. Возникла суматоха, от сильного толчка я отлетел в сторону и ударился о стену. Присел и содрал с себя мешок.

Соратник носился вокруг тольтеков по стенам, полу и потолку, словно замыкал их в черный обруч. Проскакивая между людьми, он ловко сбил с ног одного, куснул другого, но третий ловко увернулся от его клешней, выхватил широкий нож с кривым лезвием и метнулся в мою сторону. Я забился в небольшую нишу, а Катль приближался короткими шажками, выставив перед собой острие. Бежать некуда! «Убей, убей!» Мой беззвучный крик заставил соратника дернуться и взмыть на потолок. Оттуда метнулся он прямо на Катля, ухватил за край плаща злодея, но ткань лопнула, и в его клешне остался лишь длинный лоскут.

— Убей его! — просипел я.

«Убивать нельзя» — сразу же прозвучал в голове ответ.

«Все, отбегался Таркос!» Страх ударил по моим ногам и разжижил суставы, но в этот миг соратник отозвался снова.

«Убивать нельзя. Есть можно».

— Жри его с потрохами! — крикнул я так громко, что даже эхо отозвалось.

Соратник без лишних разговоров прыгнул и вцепился в шею тольтека. Носатый антиопец выронил нож, взмахнул руками, словно пытался скинуть со своих плеч черный мохнатый мешок, но было поздно. Соратник откусил его голову и отскочил в сторону вместе с ней. Тольтек сделал несколько шагов по коридору, а потом его безголовое тело осело на пол, заливая все вокруг кровью.

Крики стражей, бегущих с двух сторон, доносились, как в тумане. Сидя в нише, я прижал пальцы к вискам и стонал от острой боли. Она поразила меня в то мгновение, когда соратник расправился с тольтеком. Но это

была не моя боль! Словно какому-то могучему существу причинили неудобство, и вот существо начало ворочаться, придавливая мелких тварей вроде меня...

Да и соратник, как я смог разглядеть сквозь слепящие вспышки боли, выглядел прескверно. Его клешни волочились по полу, а мохнатые когтистые ноги ступали неуверенно, тело мотало из стороны в сторону: Он с трудом добрался до ближайшего отверстия и пропал во тьме.

Боль, раздражающая голову, тоже исчезла.

Высокородного Стамака будто и не запикивали грубо в пыльную дыру. Одежда его была безупречна, движения строги. Комната, куда меня отвели после дикого и необъяснимого похищения, выглядела побогаче и не напоминала узилище, а когда передо мной поставили кувшин с пивом, то у меня слабенько так затренькала надежда: что, если царственный советник не обманывал, говоря о двух выходах из палат!

— Беда с этими антиопскими грубиянами, — доверительно сказал Стамак, дождавшись ухода стражников. — Всего предпочитают добиваться силой! Видно, их покорность Высокому Дому лжива, мнима, исполнена злобы.

— Что им от меня было надо?

— От тебя — ничего. Может, решили вынудить нас к торгу, к уступкам.

— Или же спутали меня с другим. — Я впился в его лицо, забыв об учтивости.

Но высокородный даже бровью не повел.

— Все же забавно, — проговорил он, — как ты умеешь притягивать к себе свару и предательство! У человека мнительного возникнет подозрение, что само твое присутствие возмущает миропорядок.

Мне нечего было ему ответить, да я и не понял, что он хотел сказать. При чем тут ~~отвара~~ ^{отвара}, когда единственное, чего я хотел, — быть в своем доме, со своей семьей в мире и достатке, а что до миропорядка, так на то есть другие люди, облаченные властью и осененные мудростью.

Советник между тем принялся выпрашивать, не случалось ли мне встречаться с известными особами из Светлых Покоев или же с прислугой Высокого Дома, называл царственные имена, а сам при этом глядел в сторону. Уверен, он сразу бы узнал, лгу я или говорю правду. Но мне нечего было скрывать.

А потом в комнате появился Го в зеленой одежде ученого и, бросив на меня косой взгляд, склонился перед высокородным в поклоне.

— Пришло сообщение из Микен! — сказал Го. — Древо равновесия разваливается, прядильщики обезумели, авгур предвещает распад и гибель, а чего — неясно. Твое слово, твое решение!

Высокородный Стамак поднялся с места. В его глазах я увидел страх и ненависть. Сейчас он решит, как со мной быть.

— Значит, грядет нечто, суть которого скрыта от нас. — Он говорил медленно, с трудом выдавливая из себя слова. — Некое событие произойдет в далеком прошлом, некое произошло в далеком будущем — как может такое быть?! И от того, каким будет мое повеление, решится... решится... Что решится?

Он схватил Го за плечи и встряхнул его так, что у чинца клацнули зубы.

— Ученая братия кормится щедростью Дома тысячи лет. Что же сейчас приуныли, мудрецы квелые! Все

может исчезнуть в единый миг или стать иным, а где ваше наставление, где совет толковый! Где?.. где?..

Чинец не сопротивлялся. Голова его моталась из стороны в сторону, а глаза были закрыты.

Наконец высокородный успокоился или же взял себя в руки.

— Что говорит авгур? — резко спросил он.

— «Камень рассыпается в песок, песок распадается в пыль, пыль соединяется в камень», — не открывая глаз, тихо произнес Го.

— Что это означает?

Го приподнял веки, в глазах его сверкнули искры.

— Мы — ученые, наше дело — природа вещей, а не толкование знамений, — с достоинством ответил он.

— Так объясни мне, о ученый из ученых, — скрипел в неприятной улыбке Стамак, а его холеные пальцы скрючились в опасной близости от горла чинца. — Так объясни мне природу этих двойников!

— Это — необъяснимое явление природы.

— Вот ведь!.. — начал высокородный и долго не останавливался.

Заслушавшись, я даже забыл, где нахожусь и что со мной здесь могут сотворить. Царственный советник изъяснялся на шести или семи диалектах одновременно. Суровый наставник новобранцев Черной фаланги или пропитой завсегдатай портовых заведений изошли бы праведной завистью от немислимых сочетаний и пронизывающих сравнений, изрыгаемых высокородными устами. Эх, добрый гоплит вышел бы из него! Кто хорошо бранится, тот хорошо дерется, говаривал наставник Чобмал.

На крики советника в комнату вбежали стражники, но их тут же вынесло обратно. Стамак брызгал слюной

и топал ногами, Го опять закрыл глаза, а я ждал, чем все это кончится.

Кончилось ничем.

Высокородный внезапно смолк, склонил голову набок, словно прислушивался к чему-то, а потом вытер пот со лба и утомленно сказал чинцу:

— Ну вот, мудрейший, настало время обратиться к тому, кто знает ответы на вопросы. Спешно и незамедлительно! Он ждет.

Поднялся с места и вышел. В комнате же появились двое стражников и встали по обе стороны от меня. Го некоторое время смотрел вслед ушедшему Стамаку и что-то шептал по-чински. Потом обернулся ко мне и после его слов меня пробрал озноб.

— Идем, Таркос, идем... Нас призывает Ментор.

Путь вверх занял немало времени, хотя мы пользовались подъемником. Снова я оказался в клетке, правда, на сей раз большой и крепкой. Железные прутья под нашими ногами, поверх которых были наброшены циновки, подрагивали, трос скрипел, но где-то в глубинах палат машина паровая крутилась исправно, на шкивах блестело масло, клеть шла ровно. Сквозь редкую сетку колодца было видно, как мы одолеваем ярус за ярусом, но ничего, кроме пустых коридоров и стен, освещенных новыми светильниками, я не видел.

Потом мне открылись большие ярусы, полные жизни и движения. Я видел множество людей, носящихся по настилам, ряды писцов, нависших над уходящими далеко вглубь столами, огромные шкафы, набитые свитками, тележки, на которых развозили свитки, служителей в желтых тогах, читающих свитки с перьями в руках... Куда ни кинь взгляд — свитки, свитки!..

Заметив мое любопытство, Го пояснил, что в испачканных пальцах вот этих чернильных затворников и находится истинная власть и сила Высокого Дома, а не в холеных лапках расфуфыренных царедворцев. У сопровождающего нас стражника задергалась щека, но Го не обратил на него внимания.

— Здесь усердные исчислители миров корпят над цифрами, не зная дня и ночи, — продолжал Го. — Верные чины решают, какой данью обложить богатые миры, куда направить излишки товаров, откуда ждать купцов, где вмешаться для пресечения зла, а кому даровать послабления.

Он еще долго рассказывал мне о великом делопроизводстве, а я почему-то вспомнил, как в юные годы отец провел меня на фабрику звездных машин. Громко и звонко склепывались медные и стальные плиты, свистели волчки паровиков, шелестели над головами бесконечные ленты ременных передач, жужжали сверла и расточные круги, а на больших помостах люди, как муравьи, облепили остовы звездных машин, которые медленно и торжественно обрастали металлической плотью. Палаты исчислителей чем-то напомнили мне эту фабрику.

На ярком солнце я чуть не ослеп. Меня усадили в подвесную гондолу, приковали к скамье, Го сел за рычаги, и мы поплыли над Троадой.

Вот и увидел я наконец ее желтые башни, дома и сады на крышах домов, Колоннаду, бесконечные улицы, подобные каменным рекам, арочные мосты над стрелами каналов... Когда-то я мечтал приехать сюда с семьей, показать жене и детям великую Столицу Миров, прогуляться вдоль набережной, где барельефы тянутся на тысячи и тысячи шагов, а воплощенная история

от времен Первого Ментора и Проклятого Морехода до наших дней оживает в цветном мраморе...

Во имя чего жизнь моя обратилась в прах, кто ведет меня долиной страха? Наверно, Безумный проклял меня за то, что я видел его кончину. Но что ему люди...

— ...и что людям менторы! — со вздохом пробормотал я вслух последние слова.

Чинец остро глянул на меня, тихо сказал:

— Не надо бояться! Ты впервые предстанешь перед Ментором и страх твой уместен. Однако менторы великодушны к людям. Они жалеют нас, а когда-то даже именовали человека «вывернутым». Менторы восхищаются нами, потому что у нас скелет внутри, а не снаружи. Их умиляет способность беззащитного комочка мяса, наклепленного на кости, вершить невыполнимые дела, бок о бок с ними идти от мира к миру, покорять черную пустоту и не бояться опаляющего жара иных светил.

Насчет того, что я предстану впервые, это еще как посмотреть. Но знать чинцу об этом необязательно. Проглядел, недосмотрел за мной в лагере под Гизой, хитрован желтолицый!

— Так они нас держат при себе, как мы домашних животных для развлечения? — спросил я.

— Я слышу недоброе в твоём голосе, — сказал Го. — Порицать не буду, я сам трепещу от мысли, что соприкоснусь с величием мудрости. Люди — не игрушки для менторов! Помни, что они открыли нам врата к иным мирам. Не случись этого, сейчас мы роились бы, как мухи на падали. Новые поселения спасают все живое, иначе мы задохнулись бы в тесноте и нищете, поедая животных и друг друга. Так говорит Установление.

— А ты что скажешь, ученый гопплит: менторы-то что потеряли на звездах?

Гондола плыла вдоль береговой линии, чинец смотрел вниз, на россыпи домов, утопающих в зелени, и молчал.

— Этого никто не знает, — сказал он неохотно. — Менторы забыли, откуда они, что вело их от светила к светилу до того, как они встретили людей. Может, цель нашего великого единения в том, чтобы отыскать утерянный среди звезд Дом Менторов.

— Вот оно что...

— Они жалеют нас, но и менторы достойны жалости, — прошептал еле слышно Го. — Подумай, ведь, по сути, они были бездомными бродягами, а человек приютил этих огромных жуков. Мне довелось прикоснуться к краешку их мудрости, и знаешь, Таркос, их вводит в трепет сама идея дома — не норы, не места для кладки яиц, и даже не убежища, а дома! Может, они потеряли свой мир, свой дом и чувствуют свою ущербность? Менторы нужны нам, но и мы необходимы менторам. Смотри, как все великолепно устроено: новые поселения на новых мирах, затем строим все больше и больше звездных машин, расселяемся дальше, захватывая великие пространства, не довольствуясь малым уделом. Менторы усваивают все знание, что приносят аптериготы, зораптеры и прочие малые твари, делятся этим знанием с учеными, а ученые служат благу Высокого Дома. Внизу соратники, посередине люди, а на вершине менторы — словно огромная пирамида. И с каждым днем она становится все выше и больше.

— Ну и что?

— Тебе это ничего не напоминает? Ты же механик! Представь себе репер, только составленный из миров. Что случится, когда он будет построен и совмещен? Подумай об этом.

Странные интонации были в его голосе, какая-то фальшь в восхвалениях, но я не обратил на это внимания, потому что расхохотался. Неужели все ученые такие слабоумные!

— Ты хоть сам понял, какую глупость сказал? — Терять было нечего, можно и нагрубить. — Вас плохо учат геометрии. Не говоря уже об устройстве звездных машин.

Чинец выслушал меня спокойно, а затем сказал, что геометрия геометрии рознь, да и разговор этот он вел лишь для того, чтобы скрасить дорогу. А поскольку уже показались террасы академии Берозса, то и беседе конец.

Купола столичной академии были огромными, любой из них мог целиком накрыть всю академию в Микенах. Нас встретили на верхней площадке, меня расковали и быстро отвели вниз по крутой лестнице. В комнате, обшитой резными панелями, усадили на мягкое сиденье и велели ждать.

При мне остался лишь молодой ученый, зеленую хламиду которого не украшали никакие знаки достоинства. Он стоял у двери и с любопытством глядел на меня. А я ждал, когда же меня отведут к Ментору. Интересно, обратится ли он ко мне так же, как Безумный, или слова его будут звучать иначе?

При воспоминании о встрече с умирающим ментором в пещере под Гизой во мне опять запела тонкая струна. Неслышный звук, подобный слабому жужжанию или тихому звону далеких цимбал, всплыл и растаял, растекаясь по сознанию.

— Долго ждать еще? — спросил я ученого. — Ментор ваш, букашка страшная, небось меня заждался!

У юного мудреца глаза полезли на лоб, а мне уже было все равно — пройди передо мной сейчас парад-

ным гоплитским шагом тысяча менторов, благоговейного трепета им не дожидаться. Оттрепетал свое механик Таркос из Микен, ему сейчас что ментор, что блоха мелкая!

Ах, как я нравился себе в этот миг, как гордился своей лихостью!

Но тут юноша наконец заговорил, и слова его озадачили меня настолько, что я забыл даже о своей высокой дерзости.

— Почему ты спрашиваешь о Менторе, достойный, так неучтиво? — пролепетал он. — Нет здесь Великого Наставника, он в своей обители, что на том берегу пролива.

Сто сорок семь жеребцов и деревянная кобыла Проклятого! Что же опять затевается, неужели теперь ученые решили меня умыкнуть из-под носа Высокого Дома? Нет, в это я никогда не поверю. С менторами, как бы я ни тужился, шутки плохи. Хотя странные речи вел Го в дороге, да и раньше, кажется...

Я не успел обдумать внезапно мелькнувшее воспоминание, как в комнату вернулся Го в сопровождении трех седовласых ученых. Юноша с поклоном удалился, а старцы расселись по сиденьям и уставились на меня. Один из них, гиксос с выцветшими глазами, слегка двинул пальцем, словно приподнимал что-то.

Го подскочил ко мне и задрал хитон. Старцы переглянулись и многозначительно закачали головами. Злость во мне достигла высот невероятных.

— Что, мудрейшие, хотели у меня на животе увидеть? — спросил я с наивозможным ехидством. — Пупок, что ли?

На неприличное слово они не обратили внимания. Старец с кустистыми бровями буркнул что-то Го.

— Сейчас ты увидишь пупок, шутник! — сказал Го странным голосом и пошел к двери.

Оковы с меня сняли, а старцы казались немощными. Мысль о побеге была соблазнительной, я вскочил с места, но тут в комнату вернулся Го, а с ним еще пятеро или шестеро.

Они расступились и вытолкали вперед человека, кого-то мне напоминающего. Я уже догадался, с кем мне предстоит встретиться, и поэтому большого потрясения не испытал, увидев... себя.

Ну во всем был подобен этот человек, только странная потрепанная одежда из синей блестящей ткани напоминала восточное одеяние, наподобие чинского, которое у себя дома они натягивают на ноги и набрасывают на плечи.

Он посмотрел на меня и произнес непонятные слова, отвесив нижнюю губу. Бранится, значит, у меня тоже так...

Его усадили рядом со мной, а затем Го задрал ему верхнюю часть одежды и, судя по тому, как вздрогнули старцы, они увидели нечто, достойное внимания. Я знал, что их смутило, но не собирался лицезреть пупок своего двойника. Лишь слегка повернулся и негромко спросил его:

— Так это ты, значит, на летающем корабле между мирами перемещаешься. Что же у вас со звездными машинами не заладилось?

Услышав мой вопрос, Го чуть не подскочил на месте. Он впился в меня взглядом и, тяжело дыша, спросил:

— Откуда тебе известно о пустотных кораблях?

Я даже не посмотрел в его сторону. Двойник тем временем, морща лоб и подбирая слова, сказал мне:

— Плохо понимаю. Плохо говорю. Плохо объясняю. Плохо обманываю.

— Э-э, — махнул я рукой, — тут и без тебя обманщиков хватает!

Мне показалось, что Го с трудом подавил ухмылку. Потом чинец взял из рук одного из тех, кто пришел с ним, длинный узкий предмет, развернул ткань и достал слегка изогнутый стержень из беловатого металла, похожего на серебро.

— Что это? — спросил чинец, протягивая стержень моему двойнику.

Тот нехотя взял стержень и, положив себе на колени, схватился за голову. Тень чужой боли на неуловимое мгновение накрыла меня, комнату перекосило, лица все стали невероятно огромными, угрожающими, но в тот же миг наваждение исчезло.

— Лекарство, — громко сказал двойник и протянул руку ладонью вверх, а потом нетерпеливо повторил: — Лекарство!

Высокий сутулый мудрец протянул ему небольшую склянку с мутной жидкостью. Двойник одним глотком осушил склянку и закрыл глаза. Лицо его разгладилось, а когда он поднял веки, взор его был светел. Он взял стержень с колен и принялся ощупывать его, словно играл на многоголосой флейте.

Мне показалось, что вокруг стержня разливается слабое свечение, а голоса в комнате слились в неразборчивый тихий треск. А двойник вдруг положил стержень на мои колени.

— Это твой, — сказал он и, согнувшись, уткнул лицо в ладони.

Я растерянно взял стержень и удивился его легкости. Не знаю такого металла или сплава! Пальцы мои неожиданно свело, как будто я ухватился за медный провод, идущий из накопительного чана. Волосы мои встали дыбом, кожу покалывало.

Го внимательно следил за мной, а я заметил торжество в его глазах. Что же я все-таки забыл?..

И тут же вспомнил! А ведь Го заманил все же в ловушку там, в порту, когда меня похитили в первый раз. Его я видел на берегу Агапейи во второй раз, да и сейчас он должен был привезти меня к Ментору, а не сюда! Кто должен был прийти за мной, о ком говорил Варсак? Неужели он тоже из уцелевших последователей...

Вопросы застряли у меня в горле.

Черная нить, похожая на тонкий трос, возникла в воздухе, словно невидимый механик протянул управляющую тягу, а потом нить рассыпалась, и на ее месте появилась странная фигура. На сращенного он не был похож, хотя к обручу на голове сходились жгуты, похожие на щупальца, исчезающие где-то вверх. Одевание чем-то напоминало серебристую одежду моего двойника, только вся она была усеяна шипами, как у бойца.

Неужели прав был наставник Линь, когда говорил, что можно перемещаться без звездных машин, успел подумать я, прежде чем услышал прозвучавший прямо в голове голос незнакомца.

— Так-так, — сказал он, не шевеля губами. — Где тут у нас заблудшая овца?

Он уставился на меня, а потом отобрал стержень. Я хотел вскочить, но не мог пошевелиться. Краем глаза заметил, что все в комнате застыли как мошки, увязшие в меду, лишь у моего двойника еле заметно подрагивали ладони, прижатые к лицу, словно он смеялся или плакал.

Сияние вокруг стержня усилилось. Незнакомец огляделся по сторонам, посмотрел в окно.

— Что-то не припомню я такой архитектуры. — В голосе его появилось сомнение. — Впрочем, сегмент на месте, объект в захвате, пора домой!

Я хотел крикнуть, что все обман, и ему нужен не я, а тот, кто сидит рядом, но не успел. Исчезла комната, исчез Го с застывшей улыбкой, сгнули ученые, пропал мой двойник...

Серый купол окружал меня со всех сторон, за его пределами не было ничего. Напротив меня стояли двое — один в хитоне устаревшего покроя, другой — вообще без одежды, но его нагое тело было разрисовано цветной краской, да так густо, что я не смог разглядеть, есть у него пупок или нет.

Три обладателя серебристых одеяний, усеянных иглами, повторяя движения друг друга как части одного механизма, соединили три стержня в некое подобие пирамиды. В тот миг, когда сошлись ослепительно сияющие торцы стержней, я понял, что никогда больше не увижу величественные дворцы Трояды и могучую колоннаду вдоль дороги, прогуливаясь в теплой ночи под высоким небом, в котором яркими точками горят светильники бесконечно далеких миров, и навсегда хлопнутся звездные врата, но отворятся новые двери, и через ничтожную долю мгновения на этом же месте и в этом же времени возникнет вселенная, в которой есть место лишь для привычного до уныния вида из окна моей квартиры на кусок кирпичной стены и на грязный истоптанный снег излета московской осени...

Глава последняя

Дела навалились со всех сторон одновременно, а тут еще Валентина очередной раз хлопнула дверью, и кажется, окончательно. Более неудачного времени для развода придумать было нельзя. Две недели назад Сергиенко выбил первые деньги из спонсоров и теперь хлопотал насчет виз. Прослышав об этом, Валентина начала листать каталоги и прозрачно так намекать на изношенность гардероба, неприличность «девятки» и на давно обещанный отдых на Кипре.

Тут ей вышел частичный облом, потому что безналочка сразу ушла на фрахт судна, на оборудование и все такое, а вот отдых на Средиземном я ей гарантировал, если она готова работать в экспедиции поваром или посудомойкой.

Я ждал крика, но не дождался. Она долго рассматривала маникюр на своих длинных ногтях, а потом нежным таким голосочком сказала, что раз пошла такая жизнь, то лучше вообще никакой жизни. Иными словами, ее как раз один приличный человек с серьезными намерениями пригласил на Канары, и там ей не придется мыть грязную посуду нищим самопальным археологам.

Крик поднял я. Ну, побил ее немножко, а когда она заявила, что уходит к другому, выставил за дверь.

Потом я узнал, что «приличный человек» работал с ней в офисе и давно под нее клинья подбивал, а когда она перебралась к нему, то пообещал нанять адвоката и поставить меня на хорошие бабки.

Нервы у меня стали ни к черту. Днем я бегал и выяснял, где можно недорого взять хорошие лебедки, звонил в Одессу и тряс всех знакомых, чтобы заранее уладить дела с незалежной таможней, потом, напялив на себя пиджак в мелкую клеточку и повесив сотовик на пояс, ходил по спонсорам-инвесторам и втюхивал им голимую парашу о том, какая у нас крутая команда подводных археологов да как мы сделаем, в натуре, италияшек и греков, совал под нос этим квадратным уродам ленты с эхолота и обещал сказочные сокровища, если, конечно, немного повезет.

Байды на самом деле было немного. Эту странную подводную гору засек между Корсикой и Сардинией один наш сухогруз, промышляющий левым фрахтом. Дима Кнышев, чиф этого сухогруза, когда-то ходил со мной на «Тайфуне». Однажды мы встретились случайно на Тверской, ну, пиво там и все остальное, а после воспоминаний о службе он рассказал о своем радисте, который якобы обнаружил на дне Тирренского моря египетскую пирамиду. Радист у Димы молодой, увлекающийся, если раз в неделю летающую тарелку не засечет, жизнь ему не в кайф, а еще он сильно упертый насчет морского змея, все свободное время проводит у эхолота.

Что-то у меня внутри щелкнуло, напряглось, я посмеялся вместе с Димой, а потом начал его пытаться насчет радиста — что за парень, откуда... Слово за слово, вытянул адрес под каким-то предлогом, нашел Рафика, а он и показал мне на карте место.

Мы славно поговорили с ним, и он ушел с сухогруза. Полтора года, пока мы с Сергиенко искали гроши на экспедицию, он жил на свои сбережения в полуразваленной халупе под Новороссийском, сторожил ангар, в котором стоял «Нырок», корпел над картами и ждал. Наконец дождался. Теперь вся команда, кроме меня, в сборе, а я увяз в бракоразводном дерьме по самым кадык.

Впрочем, при любом раскладе я уже взял билет и через три дня отвалю из первопрестольной.

Семейный дефолт меня, ясен перец, достал крепко, да только не это меня напрягало. После моего разговора с Димой у меня словно крыша немного скособочилась, так, самую малость, но и этого хватило, чтобы Валька почуяла неладное. Тогда-то и начались первые ссоры, ее точно подменили...

У меня пошли какие-то глюки, хотя я никогда дрянью не баловался, даже в учебке. И насчет выпивки удар держу неплохо. А тут вдруг ни с того ни с сего накатит на меня, а потом отпустит. Вроде какая-то сука невидимая в глаза мне пальцем ткнет, все вокруг раздваивается, но тут же обратно сходится. Ходил к окулисту, глаза проверял, вроде все в пределах нормы, хотя какая там норма у бывшего подводника, списанного после аварии!

Лечила мне посоветовал сделать томографию, мозги проверить, а когда я узнал, во сколько условных это встанет, плюнул и водки выпил! Честно говоря, дело не в бабках было, наверно, боюсь услышать диагноз.

Самая подлость в том, что картинка не просто раздваивалась. Возникали две разные картинки, одна — ну, там дома, машины, люди, жена, наконец, а другая — гаси свет, сливай бензин!

Как на старой выцветшей фотографии, возникали и исчезали какие-то желтые башни, винтом уходящие в небо, огромные железные пирамиды, люди в театральных одеждах, неземные пейзажи, прямо как из фантастических сериалов, из-за которых и телевизор включать не хочется... И самое странное — до чертовой кучи насекомых! Что бы мне ни привиделось, рядом с людьми все время копошатся эти жуткие мохнатые твари! Да не просто копошатся и не хавают друг друга, а вместе дела делают. Надо же, какой бред!

Вот и приходится все время ждать подвоха: едешь по своей полосе, в зеркало заднего вида поглядываешь, а тут хрясь! — с одной стороны обочина, проходжие, ларьки, а с другой — глядишь и думаешь, мать твою, это что за место такое с двумя лунами, да откуда тварь зубастая на тебя лезет, а когда видение исчезает, все становится как прежде, и никто, кроме инспектора, на тебя не вылезет...

Хорошо хоть не каждый день такое случается. Полез я как-то в энциклопедию, думал, найду там этих насекомых, листал, листал, ничего похожего. Тут Валька, гадина, заметила, чем занят, и таким добреньким голоском прикалывается: «Что, Тарасов, в голове тараканчики завелись?»

Плохо, что после каждого глюка в голове несколько часов звенит, словно зуммер слабый. В это время мне бывает очень не по себе, неудобно как-то, словно вломился в чужой дом и нагадил прямо на супружеское ложе. Однажды я проснусь и не узнаю своего дома — вот будет потеха!

Несколько раз я видел сны, явно имеющие отношение к моим видениям. В этих снах я сражался бок о бок с сильными и верными помощниками, мы вместе громили каких-то смутных врагов, наши крепкие ноги

попирали звезды. Проснувшись, я вспоминал, что моими соратниками были не люди, а огромные жуки-пауки, и во сне это казалось вполне естественным, от всех невзгод я был защищен надежной броней, полнота жизни расцветала во мне... Чувство, которое долго не оставляет меня после такого сна, — неясное сожаление о великой потере и неизбывная скука оттого, что надвигается время невнятных утрат.

Дела я добил в срок, даже успел бельишко постирать и выгладить. Завтра утром в путь-дорогу.

Не знаю, что меня подвигло на авантюру с глубоко-водными погружениями. В чем я хорошо разбираюсь, так именно в этом. Время от времени подрабатываю, выполняя специальные заказы. Платят неплохо, но заказы бывают редко. А вот теперь я сам себе заказчик, сам себе подрядчик. Но на таких глубинах «Нырок» еще не работал. Да и хрен бы с ним, нырять не плавать!

Я хлебнул немного пивка и растянулся на диване. По ящику ничего стоящего — на Балканах бомбят, на Кавказе пальба, в столице взрывают, все воюют со всеми, словом, как всегда. Выключил. Рейс дневной, успею выспаться, сделать нужные звонки.

Засыпал тяжело. Мешал слабый звук, подобный жужжанию умирающей осенней мухи в одиночестве между пыльными стеклами, но тихий звон вскоре таял, исчезал, и опять передо мной вставали небесные сады, желтые шпили, уходящие в облака, арки величественных мостов, я прогуливался по гладким плитам широких проспектов, а надо мной ночь распахнула бархатный свод небес, и неодолимая тьма наполняет меня великим могуществом, а звезды так близки, что я могу поглотить их, опустошив вселенную людей и насекомых...

Март 1998 — март 1999

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕРИЯ "КООРДИНАТЫ ЧУДЕС"

Лучшие из лучших произведений мировой фантастики, признанные мастера, живые классики жанра и талантливые новые авторы последнего поколения фантастов, буквально ворвавшиеся в литературу...

Величайший фантастический шедевр нашего времени — трилогия Дэна Симонса "Гиперион", "Падение Гипериона" и "Эндимион", неподражаемо оригинальные романы Дугласа Адамса из цикла "Автостопом по Галактике" и остросюжетный, полный приключений сериал Лоис М. Буджолд о космическом герое Майлзе Форкосигане, великолепные Грег Бир, Конни Уиллис, Джонатан Летем, Джордж Мартин и многие другие...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу:
107140, Москва, а/я 140 АСТ — "Книги по почте".
Издательство высылает бесплатный каталог.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ ПРЕДЛАГАЕТ

ЛУЧШИЕ КНИЖНЫЕ СЕРИИ

СЕКРЕТНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

Это книги, написанные по мотивам самого знаменитого телесериала планеты, бесценный подарок для всех, кто верит, что мир паранормального ежесекундно сталкивается с миром нормального. Монстры и мутанты, вампиры и оборотни, компьютерный разум и пришельцы из космоса — вот с чем приходится иметь дело агентам ФБР Малдеру и Скалли, специалистам по расследованию преступлений, далеко выходящих за грань привычного...

Книги издательства АСТ можно заказать по адресу: 107140, Москва, а/я 140 АСТ — "Книги по почте".

Издательство высылает бесплатный каталог.

ЛУЧШИЕ КНИГИ

ДЛЯ ВСЕХ И ДЛЯ КАЖДОГО

◆ **Любителям крутого детектива** – романы Фридриха Незнанского, Эдуарда Тополя, Владимира Шитова, Виктора Пронина, суперсериалы Андрея Воронина "Комбат", "Слепой", "Му-му", "Атаман", а также классики детективного жанра – А.Кристи и Дж.Х.Чейз.

◆ **Сенсационные документально-художественные произведения** Виктора Суворова; приоткрывающие завесу тайн кремлевских обитателей книги Валентины Красковой и Ларисы Васильевой, а также уникальная серия "Всемирная история в лицах".

◆ **Для увлекающихся таинственным и необъяснимым** – серии "Линия судьбы", "Уроки колдовства", "Энциклопедия загадочного и неизвестного", "Энциклопедия тайн и сенсаций", "Великие пророки", "Необъяснимые явления".

◆ **Поклонникам любовного романа** – произведения "королев" жанра: Дж.Макнот, Д.Линдсей, Б.Смолл, Дж.Коллинз, С.Браун, Б.Карлтэнд, Дж.Остен, сестер Бронте, Д.Стил - в сериях "Шарм", "Очарование", "Страсть", "Интрига", "Обольщение", "Рандеву".

◆ **Полные собрания бестселлеров** Стивена Кинга и Сидни Шелдона.

◆ **Почитателям фантастики** – циклы романов Р.Асприна, Р.Джордана, А.Сапковского, Т.Гудкайда, Г.Кука, К.Сташефа, а также самое полное собрание произведений братьев Стругацких.

◆ **Любителям приключенческого жанра** – "Новая библиотека приключений и фантастики", где читатель встретится с героями произведений А.К.Дойла, А.Дюма, Г.Манна, Г.Сенкевича, Р.Желязны и Р.Шекли.

◆ **Популярнейшие многотомные детские энциклопедии:** "Всё обо всем", "Я познаю мир", "Всё обо всех".

◆ **Уникальные издания** "Современная энциклопедия для девочек", "Современная энциклопедия для мальчиков".

◆ **Лучшие серии для самых маленьких** – "Моя первая библиотека", "Русские народные сказки", "Фигурные куклы-игрушки", а также незаменимые "Азбука" и "Букварь".

◆ **Замечательные книги известных детских авторов:** Э.Успенского, А.Волкова, Н.Носова, Л.Толстого, С.Маршак, К.Чуковского, А.Барто, А.Линдгрен.

◆ **Школьникам и студентам** – книги и серии "Справочник школьника", "Школа классики", "Справочник абитуриента", "333 лучших школьных сочинения", "Все произведения школьной программы в кратком изложении".

◆ **Богатый выбор учебников, словарей, справочников по решению задач, пособий для подготовки к экзаменам.** А также разнообразная энциклопедическая и прикладная литература на любой вкус.

Все эти и многие другие издания вы можете приобрести по почте, заказав

БЕСПЛАТНЫЙ КАТАЛОГ

По адресу: 107140, Москва, д/я 140. "Книжки по почте".

Москвичей и гостей столицы приглашаем посетить московские фирменные магазины издательской группы "АСТ" по адресам:

Каретный ряд, д.5/10. Тел. 299-6584, 209-6601.

Арбат, д.12. Тел. 291-6101.

Звездный бульвар, д.21. Тел. 974-1805.

Татарская, д.14. Тел. 959-2095.

Б.Факельный пер., д.3. Тел. 911-2107.

Лутанская, д.7 Тел. 322-2822

2-я Владимирская, д.52. Тел. 306-1898.

Литературно-художественное издание

Геворкян Эдуард
Темная гора

Художественный редактор О.Н. Адаскина
Компьютерный дизайн: А.С. Сергеев
Технический редактор О.В. Панкрашина

Подписано в печать 23.09.99.
Формат 84×108¹/₃₂. Усл. печ. л. 23,52.
Тираж 13 000 экз. Заказ № 3728.

Налоговая льгота – общероссийский классификатор продукции
ОК-00-93, том 2; 953000 – книги, брошюры

Гигиенический сертификат
№ 77.ЦС.01.952.П.01659.Т.98 от 01.09.98 г.

ООО “Фирма “Издательство АСТ”
ЛР № 066236 от 22.12.98.

366720, РФ, Республика Ингушетия,
г.Назрань, ул.Московская, 13а

Наши электронные адреса:

WWW.AST.RU

E-mail: astpub@aha.ru

Отпечатано с готовых диапозитивов
на Книжной фабрике № 1 Госкомпечати России.
144003, г. Электросталь Московской обл., ул. Тевосяна, 25.

Новый роман Эдуарда Геворкяна!

ТОГДА... много тысяч лет назад величайший из героев Эллады повстречал в своих странствиях Темную Гору могущественной, таинственной расы — расы, которую могли бы назвать атлантами, но не назвала.

СЕЙЧАС... человечество обитает в симбиозе с пришельцами — Менторами. Сейчас покоряют Вселенную не звездолеты, но пирамиды, машины пространства. Сейчас — все по-другому, все не так.

Что-то странное случилось ТОГДА... что-то, что, случившись, изменило СЕЙЧАС. И все пошло не как ДОЛЖНО БЫЛО БЫТЬ, но как МОГЛО БЫ БЫТЬ...

ISBN 5-237-03558-2

9 785237 035582

Л А Б И Р И Н Т

З В Е З Д Н Ы Й